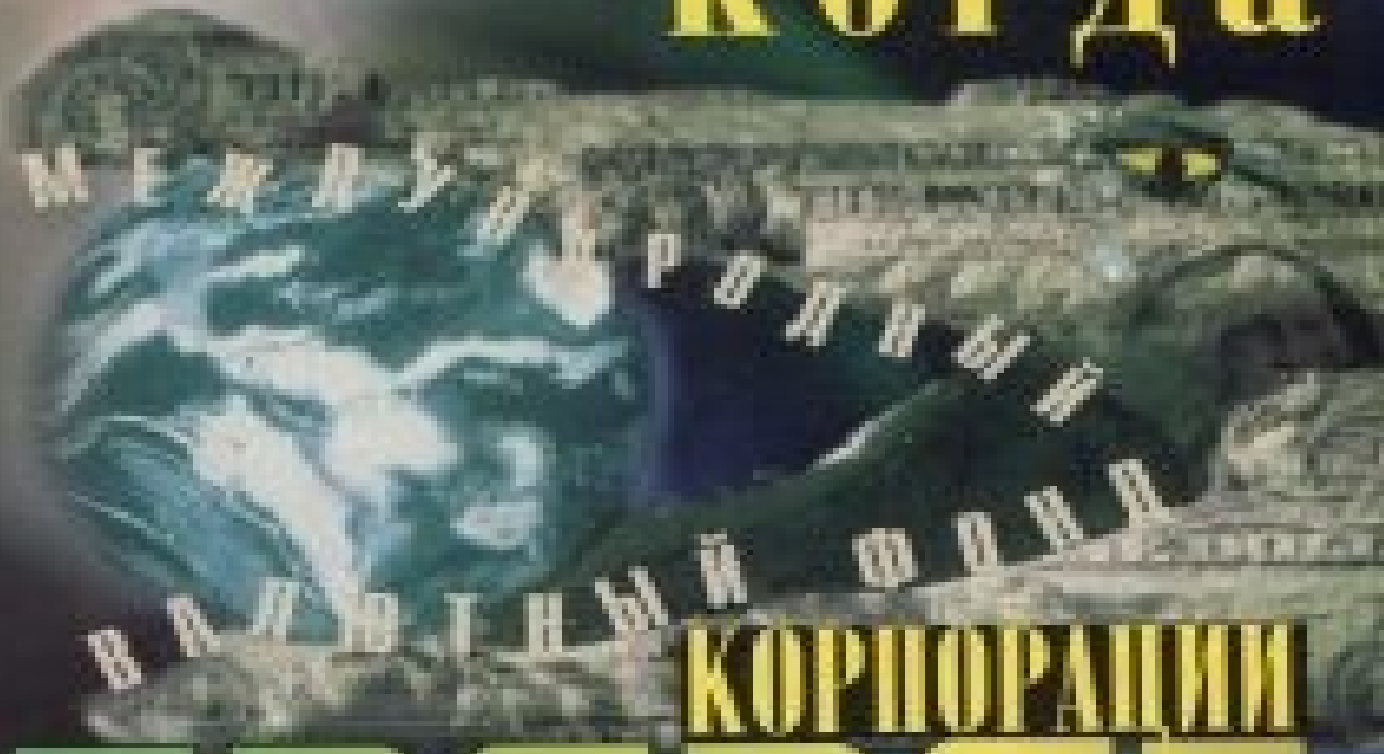
Дэвид Кортен

когда



КОРПОРАЦИИ ПРАВЯТ МИРОМ

Annotation

Глобальная экономическая система по своей природе склонна предпочитать крупное, конкурентное, ресурсоизвлекательное и краткосрочное. Наша задача заключается в том, чтобы создать глобальную систему, которая была бы благосклонна к малому, местному, кооперативному, ресурсосберегающему и долгосрочному - такую систему, которая придает людям веру в свою способность создать нормальную жизнь в гармонии с природой. Задача не в том, чтобы отделить стеной одну экономику от другой, а в том, чтобы создать зоны местной подотчетности и ответственности, в пределах которых люди могут вернуть по праву принадлежащую им власть, для того, чтобы управлять своей экономикой в общих интересах. Основополагающий парадокс нашего времени в том, что во имя рыночной конкуренции мы создали систему, которая объединила корпорации, но разделила людей и поставила их в конкурентные отношения друг с другом в интересах корпораций. Интересы человека лучше всего удовлетворяются системой, которая разделяет корпорации и вынуждает их конкурировать между собой на благо людей в духе истинной рыночной конкуренции. Пусть корпорации конкурируют друг с другом, чтобы получить свою прибыль. Пусть люди и местные общины сотрудничают, чтобы создать хорошую жизнь для всех. Дэвид Кортен. Когда корпорации правят миром. - СПб.: «Агентство «ВиТ-принт», 2002. - 328 с.

- Дэвид Кортен.
  - О монографии Д. Кортена «Когда корпорации правят миром»
  - Пролог: Личный путь
  - Часть I. Ковбои на космическом корабле
    - 1. От надежды к кризису
    - 2. Конец открытой границы.
    - 3. Иллюзия роста
  - Часть II. Борьба за суверенитет
    - 4. Рост корпоративной власти в Америке
    - 5. Наступление корпоративных либертарианцев
    - 6. Упадок демократического плюрализма
    - 7. Иллюзии заоблачных мечтателей
  - Часть III. Корпоративный колониализм

        - 8. Мечты о глобальных империях
        - 9. Создание консенсуса среди элиты
        - 10. Подкуп демократии
        - 11. Превращение мира в рынок
        - 12. Усмирение бедных
        - 13. Гарантирование прав корпораций
    - Часть IV. Жульническая финансовая система
        - 14. Игра в деньги
        - 15. Финансы-хищники
        - 16. Корпоративный каннибализм
        - 17. Управляемая конкуренция
    - Часть V. Безвыходное положение
        - 18. Бег к пропасти
        - 19. Закат эры дилетантства
        - 20. Лишние люди
    - Часть VI. Возвращение власти
        - 21. Экологическая революция
        - 22. Хорошая жизнь
        - 23. Пробудившееся гражданское общество
        - 24. Повестка дня для перемен
    - Эпилог: Выбор в пользу жизни
    - Декларация «Земля людей»: инициативная повестка дня на будущее
    - Об авторе

Дэвид Кортен.
Когда корпорации правят миром

О монографии Д. Кортена «Когда корпорации правят миром»

Поднимите мне веки...
Н. В. - Гоголь. Вий

Этот монументальный научный труд я читал безотрывно, как не читают и детективы. Дело в том, что Дэвид Кортен, доктор философии, специалист в области стратегии бизнеса в своей книге мастерски распутывает обширную, очень сложно сплетенную сеть удушения современного человечества. Его расследование позволяет увидеть и мотив этого глобального преступления (безоглядное, любой ценой стремление к наживе как к цели бытия у кучки владельцев транснациональных компаний), и переходные шестеренки осуществления заговора (насаждение потребительской морали по всей планете), и фигуры непосредственных исполнителей этого вселенского самоуничтожения (с потрохами купленные местные так называемые «элиты». На огромном статистическом материале автор демонстрирует, как конкретно действуют корпорации, нанося непоправимый ущерб экологии и уничтожая на своем пути к власти все экономико-политические преграды. Особенно впечатляюще выглядят те главы, где прослеживается деятельность Международного Валютного фонда, превратившего в своих должников большинство стран «третьего мира», и таких организаций как Всемирный банк, ВТО (Всемирная торговая организация), утвердившая Генеральное соглашение по тарифам и торговле, Европейский общий рынок, Азиатско-тихоокеанское экономическое сообщество и других. Выводы работы утверждают, что глобализация означает переход к всемирной системе управления, абсолютно неконтролируемой посредством демократических процедур. При этом потребление ограниченных ресурсов планеты намного превосходит по темпам роста их естественное воспроизводство. Д. Кортен показывает, что нет возможности остановить этот процесс, если правительства суверенных государств начинают играть роль марионеток, управляемых сверхмощными денежными корпорациями. Автор сравнивает этот процесс с разрастанием раковой опухоли.

Можно соглашаться или нет с рецептами Д. Кортена по выходу из

катастрофической ситуации, но невозможно не резонировать на множество убийственных фактов, проливающих ослепительный свет на развитие мировой истории новейшего времени.

Для каждого, кто дал себе труд вникнуть в логику действий ТНК, беспристрастно и беспощадно препарируемую в книге Д. Кортена, как при свете тысячи молний становится ясным тот качественный поворот, что свершился в истории человечества 11 сентября 2001 года. Интерполяция самодовлеющего, бесчеловечного развития ТНК плюс многочисленные данные, приводимые профессионалами от разведки и контрразведки в мировых СМИ, безоговорочно доказывают, что термин «террор» в данном случае надлежит заменить термином «диверсия», или еще более определенно сказать «новый, грандиозный поджог рейхстага».

Д. Кортен в книге «Когда корпорации правят миром» рисует получеловеческий, недочеловеческий уровень жизни тех стран, которые уже попали под «железную пяту» ТНК. Сейчас практически все человечество (и в первую очередь США), ослепив и оглушив чудовищным, грандиозным, ужасающим шоу, буквально за шиворот волокут в загон, где нет никакой демократии и нет иной силы и власти, чем воля ТНК, покоящаяся на триллионах долларов. Спасение этой дутой, виртуальной валюты, а вместе с нею превращение своей власти в безграничную, всемирную, глобальную — вот смысл происходящих событий, которые предсказаны Д. Кортеном. Хотим ли и мы с вами, читатель, оказаться в этом вселенском загоне для безумных и бездумных баранов?..

Когда-то при советской власти повсеместно обязательным для нас являлось изучение книги коммуниста В. И. Ленина «Империализм, как последняя стадия капитализма». Как я мечтаю, чтобы ныне в капиталистической России повсеместным и обязательным являлось бы изучение книги капиталиста Д. Кортена «Когда корпорации правят миром»!..

Ю. А. Андреев,
доктор философских наук,действительный член
Международной академии информации, связи, управления.

Пролог: Личный путь

По-моему, есть веские основания полагать, что
нынешняя эра закончилась. Сегодня многое указывает
на то, что мы находимся в переходном периоде, когда
что-то, как нам кажется, уходит в небытие,
а что-то другое в муках рождается. Как будто что-то
рассыпается в прах, рушится и исчерпывает себя,
а что-то другое, пока еще неясное, встает из этих руин.

Вацлав Гавел,
президент республики Чехия

На протяжении последних лет я встречал на своем жизненном пути самых разных людей в таких разных странах как Филиппины, Венгрия, Новая Зеландия, Бангладеш, Бразилия, Южная Африка, Таиланд и Соединенные Штаты. И где бы я ни оказывался, я видел, что простые люди почти повсюду испытывают одно и то же чувство — что общественные институты, от которых они зависят, больше им не служат. Многие все больше опасаются за свое будущее, которое, кажется, сулит все менее обнадеживающие перспективы для них и их детей. В Соединенных Штатах и в других странах этот страх порождает и усиливает неудовлетворенность проводимой политикой и отчуждение, что проявляется в сокращении числа участвующих в выборах в бунте налогоплательщиков, а также в неприятии всех действующих политиков. Однако подлинные проблемы гораздо глубже, чем простое недовольство большим правительством.

Хотя политики и пресса играют на недовольстве граждан правительственными ошибками, они, судя по всему, плохо понимают коренные причины растущей бедности и безработицы, неравенства, насилия и преступности, распада семей и ухудшения окружающей среды — всего того, что наводит людей на мрачные мысли о будущем. Наши лидеры, кажется, способны лишь обвинять своих политических

оппонентов и предлагать все те же не оправдавшие себя решения проблем — ускорение экономического роста посредством либерализации, снижения налогов, устранения торговых барьеров, дополнительного стимулирования и субсидирования промышленности, выталкивания на работу тех, кто живет на пособия, увеличения числа полицейских и строительства новых тюрем.

Зачастую именно люди, ведущие простую жизнь вдали от коридоров власти, яснее понимают то, что происходит на самом деле. Но они зачастую не хотят открыто говорить о том, в чем они глубоко убеждены. Это слишком страшно, это слишком сильно отличается от того, что говорят люди, занимающие более видное положение и обладающие доступом к средствам массовой информации. Невысказанные догадки, которые они держат в секрете, могут вызывать у человека ощущение одиночества и беспомощности. А вопросы продолжают мучить: «Неужели все так плохо, как мне кажется?», «Почему же другие этого не замечают?», «Я что, глуп?», «Или меня нарочно дурачат?», «Могу ли я что-нибудь сделать?», «Что вообще можно сделать?»

Я сам много лет задавал подобные вопросы, сначала с тем же ощущением одиночества, но постепенно с пониманием того, что миллионы людей вокруг меня задаются теми же вопросами. И все равно всякий раз, готовясь выступать перед аудиторией, я неизбежно волнуюсь: я опасаюсь, что мысли, которыми я собираюсь поделиться, будут с порога отвергнуты слушателями, потому что мы помешались на идее экономического роста, большого бизнеса и недостаточного финансирования. Однако я всякий раз встречаю сочувственный отклик со стороны людей, которые с облегчением и радостью убеждаются неожиданно для самих себя, что их собственные предположения получают поддержку в публичной дискуссии. Высказать открыто суровую, малоприятную правду, начиная общественную дискуссию, — это необходимый первый шаг к действию. Если страх перед неизвестным может парализовать нашу волю, то правда побуждает к действию.

ИСТОКИ ПОИСКА

Для меня каждая книга, которую я пишу, это новый шаг в непрерывном умственном искании, возможность вступить в беседу со многими читателями о проблемах, которые меня глубоко волнуют.

Отправляясь сейчас вместе со мной в путь, вы, может быть, захотите познакомиться с теми жизненными испытаниями, которые привели меня к моим нынешним взглядам, излагаемым на этих страницах. Этот исторический экскурс одновременно послужит обзором ключевых аргументов книги «Как корпорации правят миром».

Я родился в 1937 году в консервативной белой семье более чем среднего достатка и вырос в небольшом городке Лонгвью в штате Вашингтон с населением 25 000 человек, занятых преимущественно на лесозаготовках. Полагая, что когда-нибудь мне придется заняться семейным бизнесом в розничной торговле музыкальными инструментами, я не проявлял особого интереса к международным делам и не стремился выезжать за пределы Соединенных Штатов. Изучая в Стэндфордском университете психологию, я специализировался в области тестирования музыкальных способностей и психологических методов воздействия на покупательский спрос. В 1959 году, когда я учился на последнем курсе, случилось любопытное событие.

По причинам, которые я сейчас не могу припомнить, я стал посещать лекции по современному революционному движению, которые читал Роберт Норт, профессор политологии. Его курс поразил меня. Оказывается, бедность служила питательной средой революций во всем мире — главной угрозы американскому образу жизни которым я так дорожил. Этот курс стал для меня одним из тех редких событий в период учебы, которые могут изменить весь ход жизни человека, привести к кардинальным решениям. Я принял решение посвятить всю жизнь тому, чтобы противостоять этой угрозе, передавая знания по современному предпринимательству и управлению бизнесом людям, еще не испытавшим их преимуществ.

Я получил магистерскую степень по менеджменту (MBA) в международном бизнесе и степень доктора философии по теории организации в Стэндфордской школе бизнеса. Практический опыт приобрел в Эфиопии, где в течение трех лет занимался созданием школы бизнеса. Мне помогала моя молодая жена Фрэнсис Кортен, ставшая на всю жизнь верным спутником и помощником. Обязательную военную службу я проходил в должности капитана ВВС США во время вьетнамской войны, офицером штаба Специальной военно-воздушной школы, в штабе помощника командующего военно-воздушными силами и в штабе министра обороны. Затем я подписал контракт с Высшей школой бизнеса Гарвардского университета, — как оказалось, турне продолжительностью пять с половиной лет.

В течение трех лет из моего гарвардского периода я работал

консультантом от Гарвардской высшей школы бизнеса в Институте управления Центральной Америки (ИУЦА), расположенном в Никарагуа, высшей школе бизнеса для известных деловых семей стран Центральной Америки и района Анд. Посла возвращения в Бостон я еще два года преподавал в той же Школе бизнеса, а затем перешел в Гарвардский институт международного развития и Гарвардскую школу здравоохранения. Вначале 1978 года мы с Фрэн вошли в штат Фонд Форда на Филиппинах и прожили в Юго-Восточной Азии следующие 14 лет. Пока Фрэн продолжала работать в Фонде Форда, я перешел на должность старшего советника по управлению развитием в Агентство по международному развитию США и таким образом восемь лет участвовал в официальной американской программе помощи зарубежным странам.

Я пишу об этом так подробно для того, чтобы показать глубину моих консервативных корней. Однако более интересная часть рассказа связана с моим постепенным пробуждением и осознанием того, что существующая практика развития, проповедуемая большинством консерваторов и даже либералов, является основной причиной, а не решением все ускоряющегося кризиса глобальных масштабов, грозящего человечеству гибелью.

Первым шагом на пути к пробуждению стал для меня курс лекций о современных революциях, раскрывший мне глаза на тот факт, что преимущества развития, которыми я пользовался, были доступны очень немногим. Летом 1961 года в Индонезии я столкнулся с реалиями экономической отсталости и героической борьбы, величием духа и щедростью людей, живущих в крайней нищете. С этой стороны человеческой жизни я раньше почти не был знаком.

Работая в ИУЦА в начале 1970-х годов, я провел анализ нескольких примеров управления в духе Гарвардской школы бизнеса для курса управления нововведениями, который я преподавал. Я использовал опыт Латинской Америки, и многие из этих примеров отражали стремление правительства, деловых кругов и добровольных организаций улучшить жизненные условия городской и сельской бедноты. Многие из этих примеров подводили к тревожному выводу: «развитие», навязанное извне, серьезно нарушало человеческие взаимоотношения и жизнь местного населения, создавая немалые трудности для тех самых людей, кому оно якобы приносило блага. И наоборот, когда люди обретали свободу и уверенность в себе, чтобы развиваться, они проявляли невиданную способность улучшить свою жизнь. Я увлекся задачей преобразовать программы развития, поддержав такого рода процессы, начавшиеся на местах по инициативе рядовых людей. В период нашей работы в ИУЦА и

Гарварде мы с Фрэн приняли участие в работе по совершенствованию программы управления семейным планированием. В результате мы познакомились со многими местными инициативами, теми, где малоимущие стремились взять в собственные руки контроль над своей жизнью в условиях сокращения ресурсной базы.

Когда мыс Фрэн оставили Гарвард и поступили в штат сотрудников Фонда Форда в Маниле, Фрэн достался в наследство портфель фантов, в котором был и небольшой грант Филиппинской национальной администрации орошения (ФНАО). Он предназначался для укрепления способности ФНАО поддерживать небольшие оросительные системы, находящиеся в собственности и эксплуатации фермеров. Этот грант привел к многолетнему сотрудничеству между ФНАО и Фондом Форда, и в конечном счете преобразовал ФНАО из организации, занимающейся главным образом проектированием и строительством, которая диктовала фермерам свою политику, в организацию, которая сотрудничает с фермерскими объединениями и поддерживает местное самоуправление.

Мы имели возможность воочию убедиться, какую могучую энергию способны мобилизовать отдельные люди и местные жители в целом для достижения своих целей, если инициатива принадлежит им самим. Мы видели своими глазами, как проекты, финансируемые из-за рубежа, нередко подавляют подобные инициативы, даже проекты, которые предусматривают учет этих инициатив. Правда, мы узнали и то, как использовать зарубежные средства, чтобы успешно бороться с бюрократией крупных централизованных организаций и усиливать контроль местных жителей над своими местными ресурсами. АМ РСШ (Агентство по международному развитию Соединенных Штатов) пригласило меня помочь применить наш опыт в своих программах для Азии. Я посвятил этой задаче восемь лет жизни и в конце концов пришел к выводу, что АМ РСШ слишком большая и бюрократическая организация, чтобы успешно помочь другим подобным организациям сокращать чиновничий аппарат.

Этот опыт привел меня к глубокому убеждению, что подлинное развитие нельзя купить за иностранные деньги. Развитие зависит от способности людей добиваться контроля и эффективно использовать реальные ресурсы на местах — землю, воду, технологию, человеческую изобретательность и заинтересованность — для удовлетворения своих потребностей. Однако большинство привнесенных извне программ развития переносят контроль над местными ресурсами во все более крупные централизованные учреждения, неподконтрольные местным

жителям и безучастные к их нуждам. Чем больше денег проходит через эти централизованные учреждения, тем в большую зависимость от них попадают люди, тем меньше их способность управлять собственно жизнью и ресурсами, и тем быстрее растет пропасть между тем, кто держит своих руках центральную власть, и теми, кто хочет зарабатывать себе на жизнь в пределах своей местности.

Я научился видеть разницу между теми факторами, которые способствуют экономическому росту, и теми, которые способствуют улучшению жизни людей. Отсюда возник главный вопрос: как выглядело бы развитие, если вместо ориентации на рост, где люди служат средством достижения роста, оно бы ориентировалось на людей как на цель и основное средство? В 1984 году я редакатировал антологию «Развитие во имя человека», которую готовило к изданию «Кумариан пресс». В 1986 году я редактировал для этого издательства еще одну антологию «Местное самоуправление», где акцент делался на то, как важно передать контроль над ресурсами в руки людей.

Чем дольше я наблюдал, как люди, для пользы которых и предназначались программы развития, отчаянно пытаются сохранить свое достоинство и качество своей жизни вопреки всякому вторжению агентств по развитию и проектов, колонизирующих их ресурсы, тем больше я отдалялся от господствующей идеологии развития. В 1988 году я ушел из AMPCIJLI, но остался в Юго-Восточной Азии.

Разочаровавшись в официальных агентствах по развитию, я с головой ушел в деятельность неправительственных организаций (НПО) и быстро познакомился с коллегами по НПО, задававшими коренные вопросы о сущности процесса развития. Я стал собирать воедино и записывать коллективные догадки участников все более интенсивного диалога в среде НПО. Для меня это был период активного самообразования, результатом которого явилась моя следуюшая книга «Переход к 21-му веку: добровольное действие и глобальная повестка дня», опубликованной издательством «Кумариан пресс» в 1990 году. В этой книге рассматривается троякий кризис, переживаемый человечеством нищета, разрушение окружающей среды, социальный распад, а корни кризиса прослеживаются до моделей развития, которые ставят экономический рост целью, а людям отводится роль средства. В книге делается вывод, что поскольку доминирующие институты современного общества порождены концепцией развития, ориентированного на экономический рост, то изменить существующее положение можно лишь на основе добровольной деятельности граждан, берущих инициативы в свои руки.

Для того, чтобы привести свои действия в соответствие с убеждениями, я вместе с несколькими коллегами основал «Форум во имя человека» (ФорВИЧ) глобальную сеть общественных организаций, ставящих целью разрабатывать концепцию будущего во имя человека и переориентировать практическую деятельность в соответствии с этим видением. ФорВИЧ уделяет особое внимание изучению роли национальных и глобальных структур и институтов в том что люди на местах лишены возможности решать свои задачи на принципа)ответственности и внутренней устойчивости. Это объясняет кажущийся памрадокс: хотя я говорю о необходимости дать больше прав жителям на местах я, уделяю много внимания преобразованию глобальных институтов. Я отношусь к числу людей, которые стремятся преобразовать глобальный уровень в пользу прав на местах.

В ноябре 1992 года я поехал в Багио, курортный городок на Филиппинах, на встречу с руководителями нескольких азиатских НПО. В течение десяти дней мы обсуждали опыт развития Азии и его значение для стратегии НПО. У нас вызывало тревогу слишком поверхностное экономическое развитие Азии, ибо это чревато опасностями. Под тонким слоем динамичной и конкурентной экономики азиатских стран скрывается глубинная реальность обнищания и ускоренного разрушения социальной и экологической основ этого региона. В итоге дискуссии мы пришли к выводу о необходимости теории, которая могла бы объяснить глубинные причины кризиса и послужить руководством к действию. Без такой теории мы напоминали штурмана без компаса. Однажды поздно вечером в небольшом китайском ресторанчике наши дискуссии начали сосредоточиваться на двух ключевых моментах. Прежде всего, нам в качестве руководства нужна не альтернативная теория развития. Нам, скорее, нужна теория устойчивых сообществ, в равной степени применимая и для северных, и для южных стран. Во-вторых, эта теория должна выйти за рамки бесплодных экономических формулировок и объяснить, почему человечество настолько отчуждено от природных процессов.

В последующие дни в ходе продолжающихся дискуссий отдельные фрагменты начали настраиваться в цельную картину. Механическое представление западной науки о Вселенной привело к философскому или концептуальному отчуждению от нашей внутренней духовной сущности. Это отчуждение подкреплялось в повседневной жизни все большей приверженностью наших общественных институтов монетаристским ценностям рынка. Чем более доминирующую роль занимали деньги в

нашей жизни, тем меньше места оставалось ощущению духовной связи, лежащей в основе человеческой общности, и сбалансированных взаимоотношений с природой. Духовное совершенствование все более вытеснялось всепоглощающей и саморазрушительной манией погони за деньгами — полезной, но совершенно беспредметной и теряющей ценность человеческой субстанцией.

В результате нашего анализа нам казалось очевидным, что для восстановления устойчивых отношений с матерью-землей мы должны порвать с иллюзиями мира денег, вернуться к духовному смыслу нашей жизни и вернуть экономические институты на место, так чтобы они были неразрывно связаны с простыми людьми и жизнью. Мы, таким образом, пришли к выводу, что задачей развития в интересах людей в самом широком смысле должно быть создание общества, ориентированного на жизнь, в котором экономика является лишь одним из средств обеспечить хорошую жизнь, а не целью человеческого существования. Поскольку наши лидеры находятся в плену мифов и привилегий тех институтов, которые они возглавляют, то лидерство в этом творческом процессе реформирования институтов и воссоздания ценностей должно сходить изнутри гражданского общества.

Это был во многом банальный вывод. Мы всего лишь вторично открыли ту древнюю истину, что существует большая напряженность между нашей духовнной сущностью и экономической жизнью, и что здоровая общественная духовная жизнедеятельность зависит от поддержания равновесия между ними правильной перспективы. Не было также ничего нового и в признании важности гражданского общества, которое всегда составляло основу демократического управления. И все же мы чувствовали, что углубили свое собственное понимание практической значимости этих идей для того кризиса, в которой находятся современные общества. Мы посвятили остаток времени в Багио формулированию наших выводов в статье, озаглавленной «Экономика, экология и духовность: к теории и практике устойчивости».

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Летом 1992 года, незадолго до описанной встречи в Багио, мы с Фрэн уехали из Юго-Восточной Азии и вернулись в Соединенные Штаты. Мы объявили о своем решении друзьям и коллегам в нашем рождественском

письме, приведя следующее объяснение:

Нас привлекли эти далекие регионы в начале 1960-х годов, потому что мы считали их средоточием проблем развития, решению которых мы еще в студенческие годы решили посвятить свою карьеру. Мы началу эту карьеру, воспринимая ее как своеобразную миссию — поделиться уроками американского успеха со всем миром, чтобы «они" смогли стать более похожими на «нас.

Развитие, как мы его понимали 30 лет назад и как это до сих пор энергично пропагандирует Всемирный банк, ВМФ (Международный валютный фонд); администрация Буша и большинство влиятельных экономических институтов мира, не служит большей части человечества. И корни этой проблемы кроются не в бедном населении «слаборазвитого» мира. Их нужно искать в странах, которые задают глобальные стандарты расточительной роскоши и диктуют глобальную политику, ведущую мир к общественному и экологическому саморазрушению.

Теперь, когда мы стали на тридцать лет старше и, надеюсь, значительно мудрее, мы с Фрэн поняли, до какой степени американский «успех» является одной из ключевых проблем мира. В самом деле, окончательное подтверждение этого тезиса мы находим в самой Америке.

С нашей выгодной позиции в Азии мы с ужасом наблюдали, как та самая политика, которую Соединенные Штаты проводили во всем мире, создала третий мир в собственных границах, что проявилось в растущей пропасти между богатыми и бедными, зависимости от иностранного долга, ухудшении системы образования, росте детской смертности, экономической зависимости от экспорта первичных продуктов, включая остатки девственных лесов, беспорядочных свалках ядовитых отходов, в разрушении семейных и общественных связей.

Пока мы находились вдали от дома, власть имущие сосредоточили богатство нации в своих руках и устранились от ответственности за своих менее; удачливых соотечественников. Профсоюзы потеряли былую силу, поскольку американские рабочие, отчаянно пытающиеся сохранить свою работу, были вынуждены конкурировать с еще более отчаявшимися безработными Мексики, Бангладеш и других стран третьего мира, соглашаясь в переговорах на сокращение зарплаты с корпорациями, которые хотя и сохраняют американские названия, но уже не соблюдают верности своей нации.

Мы чувствуем, что наше собственное образование стало основным ребром тех лет, которые мы провели за границей, и что пришло время вернутся домой, чтобы выполнить наши обязательства и взглянуть на

проблему в месте ее географического происхождения. Нью-Йорк, крупный центр экономической власти, проявляющий все признаки современного города третьего мира — включая армию бездомных и безработных, существующих бок о бок с экстравагантной роскошью жизни богатых и знаменитых, неспособным правительством и разнузданным насилием — показался нам удачным выбором. Поэтому мы переселяемся в брюхо чудовища и берем с собой знания и опыт, приобретенные во время нашего тридцатилетнего изучения причин таких условий.

Мы отправились решать за других проблемы, которые, как мы полагали, заключены в них, пытаясь сделать их более похожими на нас. Теперь мы вернулись домой для того, чтобы помочь нашим соотечественникам лучше понять, каким образом мы — не исключая себя — содействуем тому, чтобы толкать мир на путь саморазрушения. Только когда мы будем готовы принять на себя ответственность и изменить себя, другие смогут полностью отвоевать то социальное и экологическое пространство, которое мы отобрали у них, и вновь обрести способность удовлетворять свои потребности в справедливом, демократичном и устойчивом мире, основанном на принципах равноправного партнерства.

ОТКРЫТОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

Поскольку проблемы, обсуждаемые на этих страницах, неразрывно связаны основополагающими вопросами о ценностях, я полагаю, что уместно раскрыть те политические и духовные ценности, из которых я исхожу. Если говорить о политических ценностях, то я остаюсь традиционным консерватором в том смысле, что сохраняю глубокое недоверие к большим учреждениям и сосредоточении в них бесконтрольной власти. Я также продолжаю верить в важность рынка и частной собственности. Однако, в отличие от многих современных консерваторов, я питаю не больше любви к большому бизнесу, чем к большому правительству. И я не считаю, что обладание богатством должно сопровождаться особыми политическими привилегиями.

Я разделяю сострадание либералов к лишенным политических прав, приверженность равенству и озабоченность состоянием природы и верю, что правительство должно играть существенную роль, а права частной собственности должны иметь ограничения. Однако я считаю, что большое правительство может стать таким же бесконтрольным и так же разрушать

общественные ценности, как и большой бизнес. Собственно говоря, я не доверяю ни одной организации, которая забирает в свои руки и концентрирует огромную власть, не поддающуюся контролю извне. Короче говоря, я причисляю себя к тем, кто ищет новый, скорее прагматичным, чем идеологический путь, и кто не легко поддается классификации в пределах консервативно-либерального спектра политических убеждений.

Я впервые столкнулся с экономикой в колледже, когда выбрал ее в качестве предмета специализации на младшем курсе. Очень скоро я обнаружил, что это сухая, скучная и оторванная от реальности наука, поэтому я переключилася на изучение человеческого поведения и вопросы организации. Теперь я понимаю, что экономические системы — это главные системы, организующие поведение в современных обществах, и их лучше всего изучать как поведенческие системы.

Хотя в этой книге подвергаются резкой критике институт корпорации и система, в которой функционирует бизнес, я никогда не выступал и не выступаю противником бизнеса. Эффективная система промышленности и торговли совершенно необходима для благосостояния человека. Изучая в университету вопросы государственного и делового управления, я полагал, что глобальные корпорации могут решить проблемы бедности и человеческих конфликтов. Но теперь я пришел к выводу, что те системные силы, которые создают питательную почву для роста и господства глобальных корпораций, лежат в основе стоящей перед человечеством необходимости выбора. Я считаю, что во избежание всеобщей катастрофы мы должны коренным образом преобразовал инфраструктуру бизнеса для того, чтобы вернуть силу малому и местному. Далее, я полагаю, что осуществление необходимого преобразования потребует, совместных усилий тех, кто работает внутри системы — включая и тех, кто возглавляет наши крупнейшие корпорации и финансовые институты — и фаданских организаций, работающих за ее пределами.

Что касается духовных ценностей, то я был воспитан в протестантской христианской вере, хотя нахожу мудрость в учениях всех великих религий. Я верю. что нам доступна внутренняя духовная мудрость, от которой мы оказались глубоко отчуждены институтами современной науки, рынка и даже религия и что наше спасение как биологического вида отчасти зависит от того, обратимся ли мы снова к этому источнику. Это повторное открытие может помочь нам установить творческое равновесие между рынком и человеческой общностью, наукой и религией, а также деньгами и духом, что существенно важно для создания и поддержания здорового человеческого общества.

Я надеюсь, что такое введение поможет вам подойти к этой книге, как если бы это была увлекательная беседа с близким другом. Читая ее, вы по сути дела ведете обмен мыслями со множеством друзей, которые сыграли важную роль в формировании представленного в ней анализа и предвидения. Если вы еще не включились в обсуждение этих тем на более продвинутом уровне, то я надеюсь, что эта книга подтолкнет вас к этому.

Если вы работаете в системе бизнеса, я убедительно прошу вас на время чтения книги «Когда корпорации правят миром» забыть о своей роли в бизнесе. Читайте ее с позиции гражданина и родителя, озабоченного будущим ваших детей. Это позволит легче и менее болезненно воспринять и оценить объективно содержащуюся в ней информацию и обдумать призыв присоединиться к движению по преобразованию системы.

Пожалуйста, читайте ее активно и критически. Сопоставляйте со своим личным опытом. Задавайте вопросы. Спорьте. Подумайте о последствиях для того образа жизни, который вы хотите вести. Обсуждайте ее с друзьями. Скажите им, с чем вы согласны и с чем не согласны, что нового вы узнали и какие видите в ней недостатки. Узнавайте, что они думают по этому поводу. Исследуйте новые возможности сообща. Выведите беседу на новый уровень. И действуйте. Хотя общее направление, в котором нам следует двигаться, становится яснее с каждым пройденным днем, никто еще не был там, куда мы должны прийти. Если мы будем искать хорошо проторенную дорогу, то наши поиски напрасны. Если заимствовать название книги диалогов между Майлсом Хортоном и Пауло Фрейре, двух великих общественных деятелей нашего времени, мы намечаем пункт назначения за далеким горизонтом, а потом «торим дорогу, идя по ней».

АРГУМЕНТАЦИЯ

Наша неспособность примириться с крахом системы общественных институтов отчасти объясняется тем, что телевидение сводит политические дискуссии к словесным препирательствам, а научные круги организуют интеллектуальные исследования по узко специализированным дисциплинам. Соответственно, мы привыкаем к фрагментарному восприятию сложных проблем. Однако мы живем в сложном мире, в котором почти каждый аспект нашей жизни так или иначе связан со всеми остальными. Когда мы ограничиваемся отрывочными подходами к

системным проблемам, не удивительно, что наши решения оказываются несостоятельными. Если мы хотим, чтобы человеческий род пережил трудности, которые он сам себе создал, мы должны выработать способность к целостному мышлению и действию.

Целостное системное мышление требует критического отношения к упрощенным решениям, готовности искать связи между проблемами и событиями, которые не замечаются традиционным общением, и мужества вдаваться в суть предмета, которая может лежать за пределами нашего прямого опыта изнания. Привнося перспективу целостных систем, эта книга охватывает обширную область с множеством элементов. Чтобы помочь вам удержать в сознании то, каким образом отдельные аргументы, разработанные и доказываемые на протяжении всей книги, соединяются в единое целое, основная аргументация суммирована здесь. Я не прошу вас принимать все это множество аргументов на веру. Я только прошу держать сознание открытым до тех пор, пока вы не получите возможность изучить рассуждения и доказательства, на которых эти доводы основываются. В то же самое время, я полагаю, вы вынесете ваше собственное независимое суждение и со временем создадите свой собственный синтез, который может совпасть или разойтись с моим. Всегда помните, что мы все участники созидательного действия, и никто из вас не может обладать монополией на истину в нашем индивидуальном и совместном поиске понимания этих сложных проблем.

Отправной точкой книги «Когда корпорации правят миром» служат свидетельства того, что почти во всех странах мы испытываем все ускорившееся социальное и экологическое разрушение, что проявляется в росте нищеты, безработице, неравенстве, тяжких преступлениях, распаде семей и градации среды обитания. Эти проблемы отчасти порождены пятикратным увеличением экономического роста за периоде 1950 года, повлекшим за сбой увеличение нагрузки на экосистемы за пределы ее устойчивости. Продолжающаяся погоня за экономическим ростом как организующим принципом общественной политики ускоряет разрушение восстановительной способности экосистемы и общественных связей, которые скрепляют воедино человеческое общество. В то же время этот рост усиливает конкуренцию за ресурсы между богатыми и бедными — конкуренцию, в которой бедные неизменно проигрывают.

Правительства, похоже, совершенно не способны на адекватный ответ, и общественное разочарование переходит в гневное недовольство. Однако это не просто крах правительственной бюрократии. Это кризис самого управления, порожденный слиянием идеологических, политических и

технологических сил, стоящих за процессом экономической глобализации, которая забирает власть у правительств, ответственных за общественное благосостояние, в пользу небольшой кучки корпоративных и финансовых институтов, движимых единственным императивом — поиском сиюминутной финансовой выгоды. В результате происходит концентрация огромной экономической и политической власти в руках немногих избранных, чья абсолютная доля продуктов в сокращающихся запасах природного богатства по-прежнему увеличивается со значительной скоростью, убеждая их таким образом, что система продолжает работать совершенно нормально.

Те же, кто расплачивается за расстройство этой системы, лишены права принимать решения и остаются в полном неведении относительно причин своих страданий из-за действий средств массовой информации, которые содержатся за счет корпораций и которые непрерывно обрушивают на рядовых граждан объяснения существующего кризиса с точки зрения власть предержащих. Активная пропагандистская машина, контролируемая крупнейшими корпорациями, постоянно убеждает нас, что потребительство — это путь к счастливой жизни, что причина наших бед в правительственном вмешательстве в дела рынка, а экономическая глобализация — это одновременно и историческая неизбежность, и благо для человеческого рода. На самом же деле это все мифы, насаждаемые для того, чтобы оправдать безграничную жадность и скрыть истинные масштабы глобальной трансформации общественных институтов в результате изощренного, щедро финансируемого и умышленного манипулирования малочисленной элиты, чьи деньги позволяют им жить в мире иллюзий, обособленно от остального человечества.

Эти силы переродили некогда полезные для общества корпорации и финансовые институты в инструменты рыночной тирании, которая опутала своими сетями весь мир, подобно метастазам раковой опухоли, колонизируя все больше жизненного пространства планеты, лишая людей средств к существованию, сгоняя их с обжитых мест, превращая демократические институты в пустую говорильню и высасывая жизненные соки общественного организма в ненасытной погоне за деньгами. Когда наша экономическая система сорвалась с орбиты и приобрела большее влияние над демократическими институтами, даже наиболее мощные корпорации стали заложниками сил глобальной финансовой системы, которая порвала связь между созданием денег и созданием реального богатства, и стала поощрять извлекательное финансирование в ущерб производительному. В крупном выигрыше оказались и те корпоративные

налетчики, которые обкладывали успешные компании, вынуждая их тратить основные средства в угоду краткосрочным прибылям, и спекулянты, которые извлекают выгоду из неустойчивости рынка и взимают частный налог с тех, кто занят производительной работой и инвестированием.

Под давлением необходимости приносить все больше краткосрочной прибыли, самые крупные корпорации мира сокращаются, увольняя рабочих и устраняя некоторые функции. Однако они не становятся от этого менее влиятельными. Ужесточая контроль над рынками и технологиями посредством слияний, скупок и стратегических альянсов, они ставят как субподрядчиков, так и местное население в условия вынужденной конкуренции друг с другом, с неизбежным понижением оплаты труда в борьбе зато, чтобы получить работу и выход на рынок, которые контролируются глобальными корпорациями. Связанные с ними рыночные силы увеличивают нашу зависимость от социально и экологически опасных технологий, которые приносят в жертву наше физическое, общественное, экологическое и душевное здоровье в угоду прибылям корпораций.

Проблема заключается не в бизнесе или в рынке как таковых, а в сильно коррумпированной глобальной экономической системе, которая вышла далеко за пределы человеческого контроля. Деятельность этой системы стала настолько мощной и извращенной, что менеджерам корпораций становится все труднее управлять ими, соблюдая интересы общества, даже если их моральные ценности и приверженность этим интересам чрезвычайно велики.

Побуждаемая императивом преумножения денег, эта система обращается с людьми как с источником неэффективности и быстро отделывается от них на всех уровнях системы. Точно так же, как промышленная революция уменьшила зависимость от мускульной силы, информационная революция уменьшает зависимость от ушей, глаз и мозгов. Первая промышленная революция решила проблему вызванной ею безработицы путем колонизации более слабых народов и высылки избытка населения в качестве эмигрантов в менее населенные земли. Население в колонизированных странах обратилось к традиционным общественным структурам, чтобы поддержать свое существование. С уменьшением свободных для колонизации земель и значительным ослаблением социальной экономики в результате вторжения рынка, таких «клапанов безопасности» остается все меньше. Следовательно, избыточная рабочая сила теперь оказывается жертвой голода и насилия, превращается в

бездомных попрошаек, получателей пособий или обитателей лагерей для беженцев. Продолжение этого курса почти с неизбежностью ведет к ускорению общественного и экологического распада.

Однако в наших силах вернуть ту власть, которую мы уступили институтам денег, и воссоздать общественные системы, которые питают культурное и биологическое разнообразие, открывая таким образом новые широкие возможности для общественного, интеллектуального и духовного прогресса, который мы не можем сейчас даже вообразить. Миллионы людей во всем мире уже взялись за дело по отвоевыванию этой власти, реорганизации своей жизни и залечиванию ран земли. Эти инициативы сливаются, образуя глобальные связи, которые закладывают основание мощному политическому движению, кренящемуся в глобальном сознании единства всей жизни.

В книге «Когда корпорации правят миром» говорится, что необходима сделать гражданам в поддержку этих усилий: добиться вытеснения корпораций из политической деятельности и создания местных экономик, которые укрепляют местные общины внутри системы глобальной корпорации. Достигнув предела материалистического видения научной и промышленной эры, начатой революцией Коперника, мы теперь находимся на пороге экологической эры, вызванной к жизни **Экологической революцией**, основанной на более целостном видении духовного и материального аспектов нашей природы. Эта революция призывает каждого из нас вернуть себе политическую власть, вернуться к своим духовным основам и создать общество, которое содействует нашей способности и желанию отдаться радостной и полнокровной жизни.

Часть I. Ковбои на космическом корабле

1. От надежды к кризису

Те, кто прославляет технологию, говорит, что она принесла нам повышение уровня жизни, имея в виду большую скорость, больший выбор, больше свободно времени и больше роскоши. Ни одно из этих, благ ничего не говорит об удовлетворенности человека, счастье, безопасности или способности сохранять жизнь на Земле.

Джерри Мандер

Вторая половина XX века была, возможно, самым удивительным период во всей истории человечества. Наука разгадала бесконечно много секретов материи, пространства и жизни. Мы практически заполонили всю планету собой, своей технологией и сложной организацией. Мы отправились за пределы нашего мира, на Луну, и долетели до звезд. Каких-нибудь пятьдесят лет назад,в течение жизни моего поколения, многое из того, что мы сегодня принимаем как само собой разумеющееся, как предметы, необходимые для хорошей, обеспеченной жизни, было недоступно или вовсе не существовало. Сюда входя реактивный самолет и трансконтинентальные воздушные путешествия, компьютеры, микроволновые печи, электрические пишущие машинки, фотокопировальные аппараты, телевидение, сушилки, кондиционирование воздуха, скоростные автомагистрали, огромные торговые центры, факсимильные аппараты, противозачаточные таблетки, искусственные органы, комфортабельны жилые микрорайоны в пригородах и химические пестициды — вот лишь небольшая часть списка. В течение этого же самого времени появились первые важные институты глобального управления: Организация Объединенных Наций. Международный валютный фонд, Всемирный банк и Генеральное соглашение о тарифах и торговле (ГАТТ). Западная Европа превратилась из континента, где сталкивались интересы враждующих между собой государств, в мирный и процветающий политический и экономический союз. Конфликт сверх держав, конфликт

между Востоком и Западом с его мрачным призраком ядерного апокалипсиса теперь кажется далекой историей, а на его место пришли деловые соглашения, финансовая помощь, а также научный и культурный обмен. Демократическое правление распространилось по всему миру и пришли страны с авторитарным управлением. Мы победили многие из ранее неизлечимых заболеваний, такие как оспа и полиомиелит, увеличили продолжительности жизни в развивающихся странах за последние тридцать лет более чем на греть сократили более чем наполовину смертность детей в возрасте до пяти лет.

Одной из самых серьезных задач второй половины нынешнего столетия был экономический рост и расширение торговли, и нам удалось достичь невероятного успеха в том и в другом. Объем производства в мире вырос с 3,8 трлн. долл в 1950 до 18,9 трлн. в 1992 году (в долларах 1987 года) — почти пятикратный рост. Это означает, что в среднем в течение каждого из четырех последних десятилетий мы добавляли к валовому выпуску больше, чем с момента, когда первый пещерный человек смастерил первый каменный топор, до середины нынешнего столетия. В течение того же периода мировой торговый оборот увеличился с 308 млрд долл. до 3,554 млрд. (в долларах 1990 года) — увеличение в 11,5 раза, или более чем в два раза быстрее, чем рост экономического производства. Более миллиарда людей ныне живут в условиях изобилия.

Это лишь немногие из удивительных достижений второй половины столетия. Мы подошли к такому периоду истории, когда кажется, что у нас действительно есть знание, технология и организационные возможности осуществить самые дерзкие цели, включая искоренение бедности, войн и болезней. Он должен стать временем надежд на новое тысячелетие, когда люди окончательно избавятся от забот о хлебе насущном и безопасности и устремятся к новым горизонтам в сфере общественной, научной и духовной жизни.

ТРИ АСПЕКТА КРИЗИСА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Лидеры и институты, сулившие нам золотой век, не сдерживают своих обещаний. Они забрасывают нас предсказаниями о новых удивительных технологических устройствах, таких как самолетные кресла с индивидуальными телевизорами, и о информационной супермагистрали, которая позволит нам отправлять сообщения по факсу, пока мы принимаем

солнечные ванны на пляже. Однако то, что нам нужно больше всего, — надежный источник существования, достойное место проживания, здоровая и ничем не зараженная пища, хорошее образование и медицина для наших детей, чистая и здоровая среда обитания, — кажется, становится все более недоступным для большинства людей.

Все меньше людей верят в то, что их экономическое будущее надежно обеспечено. Семейные связи и контакты с нашими ближайшими соседями, которые давали нам ощущение безопасности распадаются. Природная среда, благодаря которой мы удовлетворяем наши насущные потребности, испытываете возрастающее давление. У нас остается все меньше доверия к нашим основным институтам, а мыслящие люди во всем мире чувствует глубокое и все растущее подозрение, что с миром творится что-то очень неладное. И подобное положение дел складывается в каждом уголке мира, указывая на глобальный крах наших институтов.

Даже в самых богатых странах высокий уровень безработицы, сокращение штатов в корпорациях, снижение реальной заработной платы, большая зависимость от временных работ и работ по совместительству безо всяких льгот и ослабление профсоюзов создают растущее чувство экономической уязвимости и приводят к сокращению среднего класса. Те. кто сохраняет работу, работают больше рабочих часов, имея в го же время несколько работ по совместительству и реально получая за это меньше денег. У многих молодых людей, особенно среди национальных меньшинств, остается мало надежды когда-нибудь найти работу, которая может обеспечить их основные жизненные потребности, не говоря уже о финансовой обеспеченности. Высокие ученые степени и профессиональные навыки тех, кто потерял работу, — а вместе с ней источник дохода и уверенности будущем — отнюдь не служат подтверждением той мысли, что безработицу можно ликвидировать, улучшив систему образования и профессиональной подготовки. Как в богатых, так и в бедных странах по мере усиления конкурентной бор: за природные ресурсы, жизненное пространство и места для сбрасывания отходов, те кто жил за счет мелких фермерских хозяйств, рыбной ловли и других видов деятельности, основанных на ресурсах, теперь видят, как эти ресурсы в угоду меньшинству экспроприируют, а их самих бросают на произвол судьбы. Люди неимущие беспомощно наблюдают за тем, как место их проживания превращается в свалку или промышленную зону с дымным производством.

Мелкие собственники — фермеры и ремесленники, — некогда составлявшие основу небогатых, но устойчивых поселений, теперь

вынуждены сниматься с насиженных мест, превращаясь в безземельных бродячих батраков, оторванных от семьи и родного угла. Сотни тысяч маленьких детей, у многих и которых нет родителей, добывают себе пропитание попрошайничеством, воровством, копанием в помойных бачках, продажей своего тела и случайно мелкой работой на улицах больших городов Азии, Африки и Латинской Америки. Согласно подсчетам, только в Таиланде, Шри-Ланке и на Филиппинах 500 000 детей занимаются проституцией. Все чаще миллионы людей оставляют свои дома и семьи в поисках возможностей и средств к существованию. Вдобавок к 25—30 млн. людей, работающих за пределами своей страны как законные эмигранты, согласно оценкам, имеется еще 20-40 млн. незаконных рабочих-эмигрантов — беженцев, не имеющих законных прав, а фактически и элементарных бытовых условий. Некоторые из них, особенно женщины, содержатся под стражей и подвергаются чудовищным сексуальным, физическим надругательствам и психологическим издевательствам.

Мир все более разделяется на тех, кто купается в умопомрачительной роскоши, и тех, кто живет в унизительной нищете, рабстве, не имея уверенности в будущем. В то время как главные управляющие корпораций, инвестиционные банков, финансовые спекулянты, спортсмены и знаменитости получают многомиллионные доходы, приблизительно 1 млрд. жителей Земли отчаянно пытается выжить, имея на пропитание менее 1 доллара на день. Для того чтобы увидеть это, вовсе не нужно ездить в Африку. Я наблюдаю это каждый день в одной квартале от дома, где я живу, в центре Нью-Йорка. Длинные сияющие лимузины с вышколенными шоферами и встроенными барами и телевизорами высаживают пассажиров с элегантными прическами у модных, дорогих ресторанов, а рядом на обочине кутаются в тоненькие одеяла нищие, пытаясь согреться.

Доказательства социальной напряженности в результате такого положения дел видны повсеместно: в растущем уровне преступности, росте потребления наркотиков, увеличении числа разводов, самоубийств среди детей, в росте бандитизма; растущем числе политических, экономических и экологических беженцев; даже в изменяющейся природе организованных вооруженных конфликтов. Количество особо тяжких преступлений растете ужасающей скоростью во всем мире.

Почти недостижимая мечта миллионов юных американцев — просто жить в стабильной семье и дожить до взрослого возраста. Более половины всех детей в Соединенных Штатах вырастают в неполных семьях . В

среднем каждый день 100 000 американских школьников приносят в школу огнестрельное оружие, и 40 школьников получают огнестрельные ранения или погибают. Редко в каком городе или даже небольшом городке люди не опасаются за себя за свое имущество. Личные телохранители и системы безопасности — один из крупных и быстро растущих бизнесов во всем мире.

Согласно исследованиям, более трети замужних женщин в развивающих странах подвергаются побоям. Одна из каждых 2000 женщин в мире становится жертвой изнасилования. Каждый год до 9000 женщин в Индии погибают в результате конфликтов, связанных с приданым невесты .

В эпоху «мира», начавшуюся в 1945 году после окончания Второй мировой войны, более 20 млн. людей погибли в вооруженных конфликтах. Только три из восьмидесяти двух вооруженных конфликтов в период с 1989 по 1992 год были между странами. В остальных конфликтах воюющие убивали своих соотечественников. Девяносто процентов жертв войны в начале нынешнего столетия были военные. В конце этого же столетия 90% жертв составляло гражданское население .

Увеличение числа внутренних конфликтов является основной причиной вызывающего тревогу количества беженцев в мире. В 1960 году, по данным ООН, в мире насчитывалось 1,4 млн. беженцев. К 1992 году эта цифра выросла до 18,2 млн. Вдобавок, согласно оценкам, еще 24 млн. перемешенных лиц находятся в пределах своих стран .

Что касается окружающей среды, то, хотя в отдельных местах были достигнуты значительные успехи в уменьшении загрязнения воздуха и очистке рек от загрязнений, общий экологический кризис расширяется. Постоянно висящую над нами угрозу ядерной войны заменило постоянно возрастающее воздействие потенциально опасного ультрафиолетового излучения, по мере того как защитный озоновый слой становится все тоньше. Молодое поколение растет, не ведая о том, ждет ли их или нет участь экологических беженцев в результате изменения климата, которое угрожает растопить шапки полярного льда, затопить обширные прибрежные зоны и превратить плодородные сельскохозяйственные угодья в пустыни.

Даже при нынешней численности населения почти миллиард жителей планеты каждый вечер ложатся спать голодными. И в то же время почвы, от которых зависит само наше существование, истощаются быстрее, чем природа может восстановить их плодородие, а некогда обильные рыбные районы оскудевают в результате интенсивного лова. Во многих местах стала ощущаться нехватка воды, и не только в результате временных засух,

но также по причине падения уровня грунтовых вод и водозабора из рек в размерах, превышающих их способность к восполнению воды. Мы слышим о населенных районах, погибающих из-за истощения лесных и рыбных запасов, и о людях, таких как мы сами, которые узнают, что они и их дети постоянно получают отравление из-за химического и радиоактивного заражения пищу, которую едят, воды, которую пьют, и земли, по которой они ходят.

Пока мы ждем, что какое-нибудь новое технологическое чудо расширит эти очевидные пределы продолжающейся экономической экспансии, каждый год население планеты увеличивается на 88 млн. жителей. Каждый новый житель Земли претендует на гарантированную и справедливую долю уменьшающегося богатства планеты. В 1950 году, когда я переходил в старший класс, население мира составляло 2,5 млрд. человек. С тех пор оно более чем удвоилось, достигнув 5,5 млрд. и, согласно оценкам ООН, должно снова удвоиться за следующие 35 лет. Следует помнить, что демографы делают расчеты предполагаемого роста населения на основе математических моделей, исходя лишь изданных роста рождаемости. Он не принимают в расчет несущей способности планеты. Принимая во внимания экологическую и социальную напряженность, обусловленную нынешней численностью населения, вполне возможно, что если только мы не сократим добровольно нашу численность, за нас это сделают голод, болезни и социальные потрясения задолго до следующего удвоения.

Вместе взятые, эти проявления слабости общественных человеческих институтов составляют трехсторонний человеческий кризис углубляющейся нищеты социального распада и разрушения природной среды. Большинство составляющих этого кризиса имеют одну важную общую черту: для их решения требуются действия на местах — от дома к дому и от населенного пункта к населенному пункту. А эти действия возможны лишь в том случае, когда местные ресурсы находятся в руках местных жителей. Наиболее насущные и нерешенные проблемы жителей Земли — это обеспеченность продовольствием, нормальные жилищные условия, одежда, здравоохранение и образование, отсутствие которых означает истинные лишения. За редким исключением основные ресурсы и возможность удовлетворить эти потребности уже найдены почти во всех странах — если бы только люди, управляющие ресурсами, захотели считать удовлетворение этих основные потребностей своей главной задачей. Для местных жителей совершенно естественно ставить эти потребности во главу угла. Однако, если ресурсами управляют издалека, то,

как правило,верх берут совсем другие приоритеты.

К сожалению, в современном мире последнее слово редко принадлежит местным жителям. Решения чаще принимают или чиновники центральной правительства, или корпорации из своих дальних офисов — и те и другие не имеют ни возможности, ни желания решать местные проблемы. Это создает кризис доверия к нашим основным институтам.

ПОТЕРЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЗАКОННОСТИ

Опросы общественного мнения показывают растущее чувство личной неуверенности и потерю во всем мире доверия к основным институтам. Это отношение общества особенно показательно в Соединенных Штатах, стране, которая для многих людей во всем мире является эталоном процветания, демократии и потребления товаров высокой технологии. Здесь опросы говорят о том, что подавляющее большинство американцев мечтает не о быстрых спортивных машинах модной одежде, деликатесах, телевизорах с огромным экраном и загородных виллах, как хотят нас убедить средства массовой информации. Они мечтают скорее о достойной и спокойной жизни , которую американские институты не обеспечивают. В наше время американцы больше всего боятся потерять работу. Сегодня лишь 51% работающих не в сфере управления заявили, что чувствуют уверенность в сохранении работы, а не 75%, как десять лет назад. Подобное снижения чувства уверенности в сохранении работы мы наблюдаем и у работников управленческого аппарата . Пятьдесят пять процентов взрослого населения США больше не верят в возможность добиться лучшей жизни для себя и своей семьи усердной работой и игрой по правилам .

Согласно ежегодному опросу общественного мнения социологической организации Луиса Харриса, индекс доверия к руководителям двенадцати главных институтов США упал со 100 в 1966 году до 39 в 1994-м. В самом низу списка оказались Конгресс США (8% анкетируемых выразили большое доверие), исполнительная ветвь правительства (12%), пресса (13%) и крупнейшие компании (19%). Вместе с тем «индекс отчужденности» — который свидетельствует о чувстве экономического неравенства, презрении к власть имущим и бессилии - вырос с низкого уровня в 29% в 1969 году до 65% в 1993 году. Отчет Института Кеттеринга уловил настроение американских избирателей: «Американцы... считают,

что нынешняя политическая система совсем не прислушивается к голосу общественности. что ей управляет класс профессиональных политиков, ее контролируют не голоса избирателей, а деньги». Международные опросы, проводимые в других промышленно развитых странах, показывают сходные результаты .

Доверие к нашим главным институтам и их лидерам упалотак низко, что ставит под сомнение само их право представлять общественные интересы — и вполне обоснованно. На пороге обещанного ими золотого векаэтц институты работают лишь для небольшой кучки счастливчиков. Что касается остальных, они катастрофически неспособны выполнить обещания, которые не когда казались нам вполне реальны.

2. Конец открытой границы.

Если нынешние прогнозы о росте населения окажутся
точными, а способы деятельности человека на планета
не изменятся, возможно, что наука и технологи,
окажутся не в состоянии предотвратить необратимую
деградацию природной среды и распространение обнищания
в большей части мира.

Лондонское Королевское общество
и Национальная академия наук США

Всемирная экономика не может решить проблемы
бедности и разрушения природной среды за счет роста...
По мере роста экономической подсистемы она
вбирает в себя все большую часть экосистемы и должна
достичь предела при 100%, если не раньше.

Герман Дейли

В чем дело? Почему мечта, которая должна быть в пределах досягаемости превращается в кошмар? Фундаментальную природу нашей проблемы ярко выразил в 1968 году Кеннет Болдинг в классическом эссе «Экономика грядущего космического корабля по имени "Земля"» . Он высказал предположение, что наша проблема объясняется тем, что мы ведем себя подобно ковбоям на пространствах с открытой границей, тогда как на самом деле мы обитаем на живом космическом корабле с тонко сбалансированной системой жизнеобеспечения.

КОВБОИ И АСТРОНАВТЫ

В чем отличие жизни ковбоя от жизни астронавта? Ковбои ранних пограничных общин, например, на американском западе, жили на обширных, малонаселенных территориях, чрезвычайно богатых материальными ресурсами, которые казались неисчерпаемыми. Если не считать местных жителей, полагавших, что права на эту землю принадлежат им, все было ничьим, — бери, что хочешь, пользуйся, выбрасывай за ненадобностью, и пусть дальше заботятся обо всем земля и ветер. Возможности для тех, кто хотел работать, казались безграничными, и всякий, кто считал, что приобретения для одного означают потери для другого, справедливо воспринимался как недалекий, лишенный воображения человек. Пусть каждый человек конкурирует с остальными в поисках своей удачи, ожидая при этом, что достижения каждого в конце концов будут достижениями общества в целом.

Астронавты живут на космических кораблях, мчащихся в космическом пространстве с людскими экипажами и с бесценным и ограниченным запасом ресурсов. Все должно поддерживаться в равновесии, вторично перерабатываться, и ничего нельзя выбрасывать. Показатель благосостояния не в том, насколько быстро экипаж может употребить свои ограниченные запасы, а в том, насколько эффективно его члены поддерживают свое физическое и умственное здоровье, общие запасы ресурсов и систему жизнеобеспечения, от которой они все зависят. Все, что выброшено, то потеряно навсегда. Все, что накапливается без вторичной переработки, отравляет жизненное пространство. Члены экипажа действуют как одна команда в интересах всех. Никому и в голову не приходит заняться излишним потреблением, если не удовлетворены насущные потребности всех и если нет достаточного запаса на будущее.

Аналогия Болдинга выражает основную истину. Современные общества занимаются ковбойской экономикой в мире, который стал космическим кораблем. Мы по-прежнему пользуемся дарами природы и ее услугами по утилизации отходов как бесплатными и бесконечными; мы прославляем сильных и приравниваем прогресс к бесконечному увеличению уровня нашего потребления. Так же, как мы полагаем, что древние египтяне оценивали себя, отчасти исходя из размеров пирамид, будущая цивилизация, возможно, будет считать, что мы измеряли свой

прогресс величиной мусорных свалок. Жизнь на космическом корабле с привычками ковбоев имеет трагические последствия:

• она создает чрезмерные нагрузки на системы жизнеобеспечения, приводя к их отказу, и понижает уровень человеческой деятельности, который они в конечном итоге могут поддерживать;

• она порождает интенсивную конкуренцию между более сильными и слабыми членами экипажа за убывающие резервы, системы жизнеобеспечения.

Некоторые члены экипажа лишены даже элементарных средств к существованию, нарастает общественная напряженность и подрывается законность управления правящих структур, что приводит к серьезной возможности социального распада и к насилию.

Для того чтобы разрешить этот кризис, мы должны признать основную реальность: мы уже пересекли исторический рубеж, отделяющий общество с открытой границей от мира как космического корабля.*Наша жизнь зависит от систем жизнеобеспечения природной среды, и эта среда уже заполнена*. Мы должны приспособиться к принципам космической экономики, где основным показателем является качество жизни . На нашем нынешнем пути мы одновременно грабим нашу планету и разрываем нити нерыночных общественных отношений, образующих основу человеческой цивилизации. Это прямое следствие неправильного понимания связи человека с природными системами.

ОТ ОТКРЫТЫХ ГРАНИЦ К ЗАПОЛНЕННОМУ МИРУ

На протяжении большей части человеческой истории общая нагрузка, оказываемая на планетарную экосистему экономической деятельностью человека, была незначительна в сравнении с огромной восстановительной способностью таких систем, и мы не принимали всерьез проблему ограниченности ресурса. Когда индустриализация приводила страны к превышению их природных ресурсных пределов, они решали эту проблему и получали то, что им нужно, простым выходом за пределы собственных границ, в основном колонизируя ресурсы неиндустриальных стран. И хотя последствия этого дополнительного воздействия иногда были трагичными для колонизированных народов, общего воздействия на планетарную экосистему колонизаторы почти не замечали.

Таким образом, промышленность Европы была построена за счет ее

колоний в Африке, Азии и Латинской Америке. Для Соединенных Штатов та же самая потребность удовлетворялась в основном путем колонизации ее западных территорий за счет населявших эти земли коренных жителей, а также путем расширения своего экономического влияния на Центральную Америки Карибский регион. Япония, ставшая страной-колонизатором относительно недавно, пользовалась изощренным методом, сочетая помощь, инвестиции в торговлю для колонизации ресурсов своих соседей в Восточной и Юго-Западной Азии. Новые промышленные страны Азии, такие как Южная Корея, Тайвань, а также Таиланд и Малайзия, поступают подобным же образом.

Пока лишь незначительная часть мира была индустриализована, природные просторы были доступны для эксплуатации посредством заселения, торговли и традиционной колонизации. Точно так же приграничные земли служили социальным клапаном безопасности, вбирая в себя избыточное население промышленных стран. Между 1850 и 1914 годом экономические условия в Великобритании привели к эмиграции более 9 миллионов человек из стараны с населением 32 миллиона — преимущественно в Соединенные Штаты .

Эра колонизации открытых границ теперь завершается. Самые доступные пограничные территории уже освоены, и конкуренция за немногие оставшиеся неосвоенными земли в таких отдаленных местах, как Ириан Джайя, Индокитай, Папуа-Новая Гвинея, Сибирь и Бразильская Амазонка, усиливается.

Здесь уместно отметить, что эмиграция из Великобритании в конце XIX в. начале XX века показывает, что распространенное представление о том, будто колониализм выгоден для колонизирующего народа, это скорее миф. Ситуация была далеко не однозначной и имеет много общего с новым корпоративным колониализмом экономической глобализации. От нее выиграл по большей части класс богачей, а не рядовые граждане. В недавнем исследовании двумя американскими историками британского колониального опыта было показано, что, хотя богатыеинвесторы и получали выгоды от инвестировании в колониях, средний класс получал лишь счета на оплату налогов для содержания огромной военной машины, необходимой для поддержания этой и империи. Авторы пришли к заключению, что «империализм можно рассматривать как механизм перекачки денег от среднего класса к высшим» . Экономическая глобализация — это, по существу, современная форма явления и империализма и ведет примерно к тем же последствиям.

Итоговый счет для человеческого рода состоит в том, что в результате

роста населения и пятикратного роста экономики с 1950 года, экологические запросы нашей экономической системы теперь заполняют все доступное природное пространство планеты. Это подвело нас к исторической переходной точке в эволюционном развитии нашего вида от жизни в мире с открытыми границами к жизни в заполненном мире — всего лишь за одно историческое мгновение (см. рис. 2.1). Теперь нам необходимо выбрать путь действий: приспособиться к этой новой реальности или разрушить нашу экологическую нишу и испытать все вытекающие последствия.

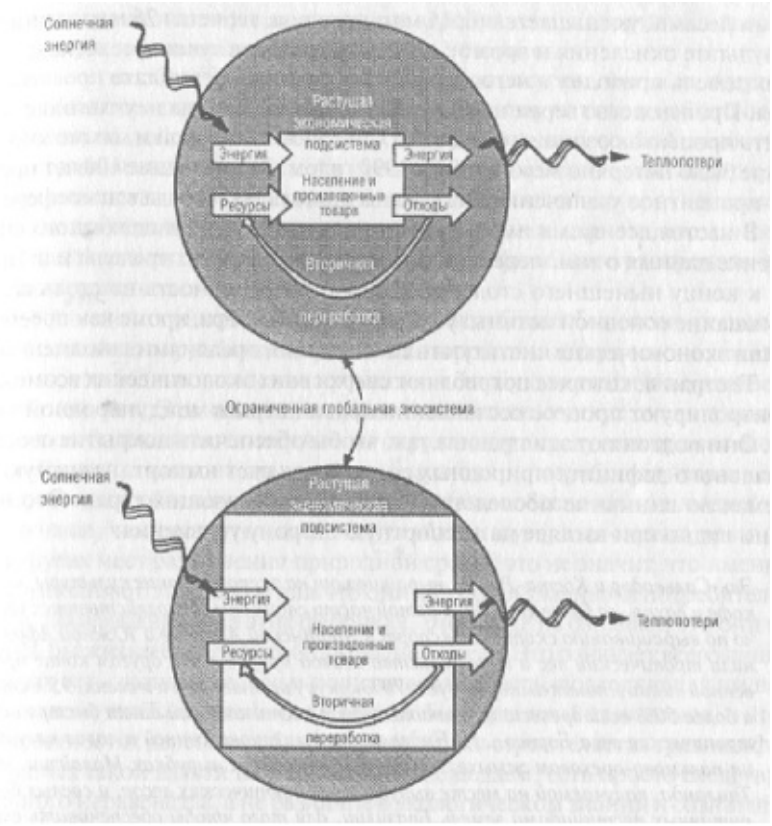


Рис. 2.1. Переход к заполненному миру. Источник: Robert Goodlund, Herman E. Daly, Salah El Serafy «Население, технология и образ жизни: переход к устойчивости» — Washington, D. C.: Island Press, 1992, p. 5.

Самые первые ограничения, с которыми мы столкнулись и, возможно, превысили, это не пределы невозобновляемых ресурсов, таких как нефть или медь, как ожидали многие, а скорее пределы возобновляемых ресурсов и способность природной среды поглощать наши отходы — то, что экологи называют «функциями поглощения». Доказательства столкновения с этими пределами видны повсеместно. Только в одной Западной Европе

кислотный дождь повредил 31 млн. гектаров леса. На глобальном уровне каждый год пустыни поглощают 6 млн. гектаров некогда плодородной земли, территория, покрытая тропическими лесами, уменьшается на 11 млн. гектаров, теряется 26 млрд. тонн почвы в результате окисления и эрозии, и 1,5 млн. гектаров лучших сельскохозяйственных земель приходит в негодность от засоления в результате проектов орошения. Производство зерна надушу населения с 1984 года неуклонно снижается. Пять процентов озонового слоя над Северной Америкой и, возможно, во всем мире было потеряно между 1980 и 1990 годом. За последние 100 лет произошли 25-процентное увеличение количества двуокиси углерода в атмосфере.

В настоящее время имеется обширная литература и идет много споров по оценке данных о том, перешли ли мы уже конкретные пределы или превысим их к концу нынешнего столетия. Однако такая точность не столь важна, как признание основной истины: у нас нет иного выбора, кроме как преобразовать наши экономические институты в соответствии с реалиями заполненного мира.

Те страны, которые потребляют сверх своих экологических возможностей, контролируют процесс составления правил игры в международной экономике. Они подгоняют эти правила так, чтобы обеспечить покрытие своего национального дефицита природных ресурсов за счет импорта, зачастую не принимая во внимание последствий для экспортирующих стран. Это наиболее ясно видно при взгляде на экспортную сторону уравнения.

Эль-Сальвадор и Коста-Рика... выращивают на экспорт такие культуры, как бананы, кофе и сахар, на более чем одной пятой части своих сельскохозяйственных угодий. Ранчо по выращиванию скота на экспорт в Латинской Америке и Южной Африке вытеснили тропический лес и пространство живой природы. На другом конце производственной линии Япония импортирует 70% кукурузы, пшеницы и ячменя, 95% соевых бобовых и более 50% всей древесины, значительную часть которой дают быстро исчезающим тропические леса Борнео... /В Нидерландах/ миллионы свиней и коров нагуливают вес на пальмово-ореховом жмыхе, полученном на лесных вырубках Малайзии, маниоке из Таиланда, получаемой на месте вырубленных тропических лесов, и соевых бобах с пропитанных пестицидами земель Бразилии, для того чтобы обеспечивать европейская потребителей мясомолочной продукцией высокой жирности .

Земли, используемые южными странами для производства продовольствия на экспорт, абсолютно недоступны беднякам этих стран для выращивания основных продуктов питания, чтобы они могли

удовлетворить свои самые насущные потребности. Люди, вытесненные со своих мест для того, чтобы там выращивались сельхозкультуры на экспорт, перемещаются в города, вызывая их перенаселение, или на менее продуктивные земли, которые в скором времени истощаются. Зерновые, которые многие южные страны импортируют с севера в обмен на экспорт своего продовольствия, используются преимущественно в виде кормов, чтобы производить мясо для городских потребителей с более высокими доходами. Бедняки же теряют в обоих случаях.

Эта динамика не видна северным потребителям, которые, если и задают вопросы, тут же получают убедительный ответ, что это разделение труда обеспечивает необходимой работой и доходом бедное население юга, позволяя им удовлетворить свою потребность в пище за более низкую цену, чем если бы они выращивали основные виды зерновых сами. Эта теория выглядит правдоподобно, однако на деле единственный, кто остается в выигрыше от этого смещения продовольственной экономики в сторону зависимости от торговли - это транснациональные корпорации агробизнеса, которые контролировали глобальную торговлю потребительскими товарами.

Точно так же, как богатые страны импортируют ресурсы, когда их потребности превышают имеющиеся пределы, они экспортируют свои избыточные отходы - и в самом деле, практика захоронения отходов с особой ясностью показывает связь между властью и распределением экологических издержек. Грязные производства и места захоронения отходов настолько прочно привязывают к местам проживания бедноты и национальных меньшинств, что их можно использовать как сигнальные показатели географического распределения политической власти.

Помимо нанесения ущерба, богатые еще и оскорбляют бедняков, указывая на плохое состояние окружающей среды, в которой они живут, как на доказательство того, что бедное население проявляет меньшую экологическую ответственность, чем они. Эти обвинения уводят внимание от двух очень важных реалий. Первое: большая часть нагрузки на окружающую среду есть прямое следствие потребления, а состоятельные слои, безусловно, потребляют несравненно больше, чем малообеспеченные. Второе: хотя малообеспеченные люди действительно чаще, чем состоятельные, живут вблизи мусорных свалок, грязных фабрик и других мест разрушения природной среды, это не значит, что именно их отходы заполняют эти свалки или что они являются главными потребителями товаров, производимых на этих фабриках. Это также не означает, что они не согласились бы жить в более чистой природной среде.

Это означает всего лишь, что у богатых есть экономическая и политическая власть, позволяющая им по заботиться о том, чтобы загрязнения и отходы были удалены от их домов, и чтобы в их окрестностях деревья не были повалены для строительства грязных фабрик. У бедных такой власти нет. То, что мы наблюдаем, есть просто следствие материального неравенства, а не различие в экологическом знании и сознательности. И исправить это можно лишь перераспределением власти.

Экономическая глобализация значительно расширила для богатых возможности перекладывать свои экологические проблемы на бедных, экспортируя как отходы, так и загрязняющие производства. Это стало особенно распространенной практикой среди японских компаний, и близлежащие страны Юго-Восточной Азии стали основными их получателями. Цифры поражают. Япония сократила производство алюминия с 1,2 млн. тонн до 140 000 тонн и теперь импортирует 90% необходимого ей алюминия. Что это значит для людей, становится ясно на примере Филиппинской ассоциированной литейно-обогатительной корпорации ПАСАР. ПАСАР управляет финансируемым и построенным японцами медеплавильным заводом в филиппинской провинции Лейте, производящим высокоочищенные медные катоды для отправки в Японию. Этот завод занимает площадь 400 акров земли, скупленной филиппинским правительством у местных жителей по низким ценам. Выбросы газа и водные стоки с завода содержат высокую концентрацию бора, мышьяка, тяжелых металлов и соединений серы, которые привели к заражению местных источников водоснабжения, уменьшили урожаи риса и уловы рыбы, нанесли ущерб лесу и вызвали увеличение респираторных заболеваний среди местного населения. Местные жители, чьи дома и здоровье были принесены в жертву этой корпорации, теперь в значительной степени зависят от случайных временных и контрактных работ, которые им предлагают выполнять на заводе, самых опасных и грязных видов работ.

Компания процветает. Местная экономика развивается. У японцев появился источник снабжения медью при нулевых экологических затрат. Местная беднота — те, кто, как говорят, облагодетельствован, — потеря средства к существованию и подорвали здоровье. Филиппинское правительство выплачивает проценты по международному кредиту Японии, которая финансировала строительство завода с необходимой инфраструктурой, японцы гордятся чистой природой у себя в стране и своей щедрой помощью филиппинской бедноте.

В этом сценарии нет ничего особенного, если не считать того, что он

задокументирован. Тысячи подобных случаев могут служить иллюстрацией реалий корпоративного колониализма, который насаждается экономической глобализацией по всему миру . Журнал «Экономист», ярый сторонник глобализации, доказывает, что те, кто критикует подобную практику экспорта загрязнения, лишают бедняков необходимых им экономических возможностей.

Хотя иногда утверждают, что открытая торговая система необходима для покрытия дефицита природных ресурсов тем, у кого их не хватает, гораздо чаще получается как раз наоборот — она увеличивает экологический дефицит у малоимущих для умножения богатств тех, у кого уже имеется значительный избыток. Более того, открытая торговая система позволяет богатым держать последствия такого «обмена» подальше от глаз. И чем дальше от глаз находятся эти последствия, тем легче власть имущим игнорировать их или логично объяснять.

Возможно, самый главный ограничивающий ресурс — это доступная на солнечная энергия, единственный по-настоящему возобновляемый и чисты источник энергии. Значение этого ограничения становится ясно при сравнении растительного и животного мира. Растения обладают способностью улавливать и накапливать солнечную энергию посредством фотосинтеза. Животные, включая человека, не обладают этой способностью. Таким образом, животные, даже хищные, своим выживанием в конечном счете обязаны этой отличительной способности растений.

Количество энергии, которое потенциально обеспечивается фотосинтезом для поддержания животных видов, после вычитания того, что потребляют сами растения для процесса дыхания, известно как "чистая первичная продукция" (ЧПП). В одном исследовании, проведенном в 1986 году, показано, что люди уже используют прямо, косвенно или путем вытеснения около 40% потенциальной годовой ЧПП поверхности Земли. Это оставляет менее 60% для других растительных и животных видов, для улучшения жизни max 80% человечества, которым остается лишь 20% богатства, и для удовлетворения нужд растущего населения Земли. Если сохранятся существующие темпы потребления, то удвоение человеческого населения земли, которое ожидается в ближайшие 35 лет, потребует 80% ЧПП только для того, чтобы сохранить нынешний уровень жизни при существующем уровне неравенства. И лишь 20% ЧПП останется на долю всех остальных нерастительных форм жизни.

ПОТРЕБЛЕНИЕ, ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ И РАВЕНСТВО

Уже прошло слишком много дискуссий, на которых участники из богатых стран сводили всю проблему к росту населения в бедных странах и отказывались обсуждать проблему избыточного потребления и неравенства, а представители бедных стран обвиняли их в чрезмерном потреблении и неравенстве и отказывались обсуждать рост населения. В заполненном мире уровень потребления, численность населения и равенство неразрывно связаны, и мы должны подходить к ним с позиции единого целого. Одна из причин, по которым нам это не удается, состоит в том, что нам не удалось разработать системы учета для устойчивого использования ресурсов. Я нашел три особенно полезных исследования, показывающих, что такие системы могут отслеживать и что они могут нам сказать.

Первое из них — исследование Уильяма Риса, специалиста по вопросам городского планирования из университета Британской Колумбии. По оценкам Риса, для поддержания потребления среднестатистического жителя в странах с высоким уровнем доходов требуется от четырех до шести гектаров земли, включая землю, необходимую для поддержания нынешнего уровня энергопотребления за счет возобновляемых источников. В то же время в 1990 году общая площадь доступной экологически продуктивной земли (способной производить значительное количество биомассы) в мире составляла приблизительно 1,7 гектара на человека. В промышленных странах дефицит частично покрывается за счет использования собственных природных ресурсов, а частично — посредством торговли, позволяющей им присваивать ресурсы стран с более низкими доходами.

Среди промышленных стран потребление ресурсов на душу населения в целом самое высокое в Соединенных Штатах и Канаде. Однако, поскольку плотность населения в Европе и Японии выше, можно утверждать, что они еще больше выходят за пределы своих экологических возможностей. По оценкам Риса, например, население Нидерландов потребляет в четырнадцать раз больше продукции, чем продуктивность ее территории. Этот дефицит покрывается за счет международной торговли.

Исследование, проведенное «Друзьями земли» Нидерландов, сделало еще один шаг вперед, задав вопрос: «Каковы будут допустимые ежегодные уровни потребления природных ресурсов и поглощения отходов для среднего голландца в 2010 году, если:

а) уровни потребления ресурсов всеми жителями земли будут одинаковы и

б) если глобальный уровень потребления ресурсов будет устойчивым? Результаты оказались отрезвляющими. Исследователи пришли к выводу, что почти в каждой области потребления средний житель страны потребляет существенно больше, чем имеется своих собственных средств, и таким образом лишает жителей менее обеспеченных стран возможности удовлетворить свои самые насущные потребности.

«Друзья земли» США применили голландскую методику к Соединенным Штатам и пришли к сходным заключениям. Например, нынешние ежегодные выбросы углекислого газа составляют 19,5 тонны на человека в США и 12 тонн в Нидерландах. Для того, чтобы выполнить рекомендации по уменьшению глобального потепления, ежегодный уровень выбросов углекислого газа от использования ископаемых видов топлива должен быть снижен к 2012 году до 4 тонн на одного человека. Если разделить бремя этой задачи поровну, то каждый человек в 2010 году должен потреблять не более одного литра углеродсодержащего топлива в день. «Голландцу будет предоставлен выбор проехать 24 км на машине, 50 км на автобусе, 65 км на поезде или 10 км на самолете в день. Слетать из Амстердама в Рио-де-Жанейро, возможно, придется лишь один раз в двадцать лет!».

Тем, у кого есть одно транспортное средство — ноги, такие стандарты могут показаться роскошью. Они, однако, весьма отрезвляюши для тех из них кто привык проводить большую часть жизни в машинах, самолетах, автобусах и поездах. Они окажутся еще более отрезвляющими, если принять во внимание, что в этот один литр в день входят не только наши личные поездки, но также топливо, необходимое для производства, перевозки и сбыта вещей, которые мы потребляем, — нагрузка, которую мы оказываем на окружающую среду, но никогда не замечаем и склонны ею пренебрегать.

Допустимое количество используемой древесины, если исходить из предположения, что вырубка девственных лесов больше проводиться не будет коммерческие леса будут использоваться на базе устойчивого воспроизведения, составит 0,4 кубических метра на человека в год, включая использование бумаги. Для того чтобы привести потребление в соответствие со справедливым и устойчивым использованием, Нидерланды должны сократить потре ление древесины на 60%, а Соединенные Штаты на 79%.

Исследования «Друзей земли» проводились на основе простой

посекторной оценки наличия природных ресурсов, и рост населения принимался за постоянную величину. В третьем исследовании, представленном в докладе на ежегодном заседании Американской ассоциации содействия науке профессором Корнельского университета Дэвидом Пиментелем и его коллегами, задавались сходные вопросы, но рассматривалось и взаимодействие между секторами, а население принималось за переменную величину. Например, они принимали в расчет, что, хотя мы можем распахать больше земли, для этого потребуется использовать больше воды. Мы можем получить больше энергии от солнца, но только если займем под это больше земли. Каждый гектар сельскохозяйственной земли может дать более высокие урожаи, но только если будет использовано больше энергии.

Исследователи Корнельского университета также приняли во внимание, что хотя мы продолжаем вводить в оборот новые сельскохозяйственные земли, 10 миллионов гектаров плодородной пашни остается заброшенной каждый год в результате ее деградации. Эти брошенные земли необходимо восполнять просто для того, чтобы поддерживать существующий уровень потребления продуктов питания. Дополнительно требуется вводить 5 миллионов гектаров новой земли для того, чтобы прокормить ту часть населения, которая составляет чистый ежегодный прирост, — и все это прежде, чем мы предпримем меры хотя бы частично решить существующую проблему недоедания. Новые сельскохозяйственные земли по большей части появляются за счет вырубки лесов.

В закпючение ученые поставили ключевой вопрос: «Хочет ли человечество иметь численность населения в 10—15 млрд. человек, живущих в нищете и голоде, или 1-2 млрд., которые, по их вычислениям могут себе позволить уровень потребления, приблизительно равный ныне существующим стандартам на одного европейца. Они отмечают, что «решительное демографическое регулирование с целью сокращения населения одного-двух миллиардов человек вызовет серьезные социальные, экономические - и политические проблемы, но продолжение роста населения до 12 млрд. и более приведет к еще более серьезным социальным, экономическим и политическим конфликтам наряду с катастрофическим ухудшением здоровья населения и усугублением экологических проблем». Они при этом даже не упоминают, что в мире, населенном 10 - 15 млрд. людей, совсем не останется места для других форм животной и растительной жизни, не имеющих непосредственного отношения к выживанию человечества.

Подобные расчеты являются в лучшем случае лишь приблизительными прикидками, основанными на противоречивых допущениях и использовании отрывочных и зачастую непроверенных данных. Однако это примеры анализа, абсолютно необходимого при любой реалистической дискуссии об устойчивости, и они ставят на свои места то, что мы в противном случае склонны игнорировать — неразрывную взаимосвязь в заполненном мире между потреблением, численностью населения и справедливостью. Они, по сути, вынуждают нас посмотреть на эти фундаментальные проблемы с точки зрения системы в целом. При этом становится предельно ясно, что, если устойчивую природную производительность земли использовать поровну среди ныне живущего населения планеты, потребности всех могут быть удовлетворены. Но становится так же ясно, что физически невозможно, даже при наиболее оптимистических допущениях относительно потенциала новых технологий, чтобы весь мир потреблял на уровне, хотя бы сопоставимом с уровнем Северной Америки, Европы или Японии. Более того, всякий раз, когда население Земли удваивается, допустимая доля потребления на человека сокращается вдвое.

Если мы серьезно отнесемся к выводам, подобным только что изложенным, у нас не останется никакого реального выбора, кроме как в самом срочном порядке предпринять одновременные усилия по сокращению избыточного потребления, роста численности населения, и неравенства. Они неразрывно связаны, и никто — ни богатые, ни бедные — не хотят последствий, которые мы испытаем, если не достигнем всех этих целей в самом ближайшем будущем. Вопросом чрезвычайной важности является разработка адекватных систем учета использования ресурсов, основанных на концепциях из вышеприведенных исследований, для того чтобы обеспечить себя адекватными инструментами для отслеживания того, как нам удается приводить нашу жизнь в равновесие с землей — дом за домом, район за районом и страна за страной. Очень важно также покончить с мифом, что экономический рост есть основа человеческого прогресса.

3. Иллюзия роста

Для решении проблемы бедности экономический рост -
не одна из возможностей, это императив.

Махбуб уль Хак
бывший вице-президент всемирного банка

Экономический рост создает условия, в которых
защита окружающей среды может быть обеспечена
лучше всего.

Международная коммерческая палата

Возможно, ни одна идея так глубоко не укоренилась в современной политической культуре, как вера в то, что экономический рост есть ключи решению наиболее насущных задач человечества, включая искоренение бедности и защиту окружающей среды. Всякий, кто решается говорить об экологических пределах роста, рискует сразу же получить ярлык мрачного пророй и недруга бедняков. Поэтому экологи призывают просто к «иному пути развития», хотя редко бывает ясно, что это за развитие.

Экономист и лауреат Нобелевской премии Ян Тинберген и его выдающийся коллега Руфи Хютинг указывают на то, что по ныне существующим системам расчета есть два основных вида экономического роста. Первый означает увеличение числа занятых работников. Второй связан с повышением производительности труда — стоимости произведенного продукта на одного работника — тех, кто уже работает. Как показывает история, повышение производительности труда всегда было важнейшим источником роста. Около 70% роста производительности труда приходилось на 30% экономической деятельности, которые обеспечивают нефтяная, нефтехимическая и металлургическая отрасли промышленности, агробизнес, активно использующий химические соединения, предприятия коммунального обслуживания, строительство дорог, транспорт и добыча

ископаемых — то есть те отрасли, которые быстрее всех используют природный капитал, производят основную массу наших самых токсичных отходов и потребляют значительную часть невозобновляемых запасов энергии.

Кроме того, больше ущерба окружающей среде наносят как раз те средства удовлетворения наших потребностей, которые дают наибольший вклад в валовой национальный продукт (ВНП). Например, одна миля езды на автомобиле дает больше для ВНП, чем миля езды на велосипеде. Включение воздушного кондиционера дает больше, чем открывание окна. Потребление консервированной пищи дает больше, чем употребление натуральной пищи приобретенной вразвес в многоразовых коробках. Другими словами, ВНП, являющиеся техническим показателем скорости обращения в экономике, можно было бы также назвать показателем скорости превращения ресурсы в отходы.

Мы могли бы потратить много усилий на достижение возможно нереалистичной цели бесконечно увеличивать ВНП, не увеличивая при этом колиство отходов. Однако не лучше ли вместо этого сосредоточить усилия на том, чтобы покончить с бедностью, улучшить качество жизни и достичь большей гармонии с природой? Эти цели вполне достижимы, если только мы сможем освободиться от иллюзии, что рост — это единственный путь к лучшей жизни.

РАЗОЧАРОВАННЫЙ ЭКОНОМИСТ

В 1954 году Р. А. Батлер, тогдашний министр финансов Великобритании, произнес речь на конференции консервативной партии, в которой он указывал, что 3-процентный ежегодный рост экономики приведет к удвоению национального дохода на душу населения к 1980 году и сделает каждого мужчину и каждую женщину вдвое богаче, чем были их родители в том же возрасте. Эта речь оказалась поворотной в судьбе англичан. Прежде национальные цели формулировались в виде конкретных задач, например строительство 300 000 домов в год или создание общенациональной системы здравоохранения. Отныне главной целью становился экономический рост. Идеологический спор между левыми и правыми в отношении того, как разделить пирог определенного размера, был в большой степени отодвинут на задний план. Внимание сосредоточилось на том, как увеличить размеры пирога.

В 1989 году ирландский экономист Ричард Дутвейт задался целью объективно оценить преимущества этого удвоения дохода Британии на душу населения. По его словам:

Проблемы возникли лишь тогда, когда я попытался определить, в чем состоят эти преимущества, поскольку сразу же стало ясно, что все социальные показатели ухудшились за ту треть века, когда проходил этот экономический эксперимент. Число хронических заболеваний возросло, уровень преступности вырос в восемь раз, безработица выросла непомерно и намного больше браков заканчивалось разводом. Я чуть ли не в панике стал искать, какие же преимущества можно противопоставить этим потерям, поскольку они в основном, как я чувствовал, связаны с экономическим ростом.

...В конце концов... я сдался. Доказательства были неопровержимы: не подвергавшееся сомнению стремление к росту обернулось несомненной социальной и экологической катастрофой. Почти все дополнительные ресурсы, полученные в результате этого процесса, ушли на то, чтобы поддерживать функционирование все менее эффективной системы. Новое богатство было растрачено на производство поддонов и гофрированного картона, одноразовых бутылок и аллюминиевых банок для напитков. Оно ушло на строительство аэропортов, супертанкеров и тяжелых грузовиков, шоссейных дорог, развязок и многоэтажных стоянок для автомашин. За 33 года оно привело к увеличению числа сотрудников банков, страховых агентств, бирж, налоговых служб и бухгалтерского сектора с 493 000 до 2475 000. Оно финансировало набор в более чем трехмиллионную «резервную армию безработных». После того как все эти сферы забрали свою долю, для более позитивной деятельности уже почти ничего не осталось.

Мы можем подвергнуть подобному анализу пятикратное увеличение мировое выпуска продукции с 1950 года. Сторонники роста постоянно утверждают, что экономический рост решит проблему борьбы с нищетой, задачу стабилизации численности населения, защиты окружающей среды и достижения социальной гармонии. Однако в течение того же самого периода количество людей, живущих в абсолютной бедности, росло вместе с ростом численности населения: то и другое удвоилось. Отношение доли мирового дохода, которая была получена 20% самых богатых, к доле, полученной 20% самых малообеспеченных, удвоилось. А показатели социального и экологического распада резко возрос почти повсеместно. И хотя экономический рост не обязательно является причиной этих проблем, он, безусловно, не содействовал их решению.

ПРЕДЕЛЫ РОСТА

Очень немногие будут оспаривать, что за последние несколько веков человечество достигло значительных и закономерных успехов, и что достижения в области техники и, как следствие, повышение производительности труда привели к реальному повышению благосостояния человека. В то же самое время, как показано в этой главе, нет особых оснований полагать, что экономический рост, как в наши дни определяем и измеряем его, автоматически способствует благоденствию человека. Как указывает британский экономист Пол Икинс, можно сделать вывод, что в отдельных случаях рост был полезен, только если он:

• показал, что этот рост произошел благодаря производству товаров и услуг, которые по своей природе ценны и полезны;

• наглядно продемонстрировал, что эти товары и услуги нашли широкий доступ к разным слоям общества;

• доказал, что эти выгоды перевешивают любые отрицательные последствия процесса роста для других частей общества.

Наш показатель ВНП не дает таких различий. В самом деле, значительная часть того, что ВНП показывает как рост, является результатом:

• перемещения деятельности с неденежной, социальной экономики семьи и общины к денежной экономике — с последующей эрозией социального капитала;

• истощения природных ресурсов, таких как леса, рыбные угодья, а также запасы нефти и минералов, со скоростью, существенно превышающей их восполнение;

• учета в качестве дохода затрат, связанных с защитой нас самих от последствий роста, например затрат на захоронение отходов, очистку токсичных отходов и разливов нефти, оказание медицинской помощи жертвам экологических катастроф, восстановление разрушений после наводнений, являющихся следствием человеческой деятельности, например вырубки леса, а также финансирования оборудования по контролю за загрязнениями.

Традиционная система бухгалтерского учета вычитает из дохода затраты на амортизацию основных средств. Экономические системы учета, с помощью которых измеряют экономический рост, не вносят

соответствующих поправок на истощение социального и природного капитала. В самом деле, система экономического учета учитывает многие виды затрат на экономический рост как экономическую прибыль, хотя они не улучшают наше благосостояние, а явно уменьшают его. Результаты бывают просто смехотворны. Например стоимость ликвидации последствий аварии танкера «Экссон Вальдес», приведшей к разливу нефти на побережье Аляски, а также стоимость устранения повреждений от взрыва во Всемирном торгового центре, произведенного Террористами в Нью-Йорке (1993 г. — прим. перев.), были учтены как чистый вклад в экономический рост. По этой же ущербной логике природные бедствия имеющие трагические последствия для людей и природы, часто учитывают как благоприятные для экономики.

В своей книге «На общее благо» Герман Дейли и Джон Кобб-младший пересчитали национальный доход Соединенных Штатов с 1960 по 1986 год, учитывая лишь такое увеличение выпуска продукции, которое связано с улучшением благосостояния, и внося поправку на истощение человеческих и природных ресурсов. В результате они получили не валовой национальный продукт, а индекс экономического благосостояния. Этот индекс показывает, что в среднем благосостояние в Соединенных Штатах достигло пика в 1969 году, затем держалось на достигнутом уровне и снизилось в начале и середине 1980-х годов. Однако с 1969 по 1986 год ВНП надушу населения вырос на 35%, а потребление природного топлива увеличилось на 17%. Основным результатом этого роста стало то, что большинство из нас теперь работает больше, для того чтобы поддерживать ухудшающееся качество жизни.

Зачастую распределение экономического пирога гораздо важнее для нашего благосостояния, чем его абсолютная величина. Исследования, проведенные Программой развития Организации Объединенных Наций (ПР ООН), показали, что вовсе не обязательно иметь особенно высокий уровень экономического развития для того, чтобы страна могла удовлетворить насущные потребности своих граждан. Некоторые страны с относительно низким уровнем экономического развития, по сути дела, лучше справляются с этим, чем страны с гораздо более высоким уровнем ВНП. Уровень грамотности в Саудовской Аравии ниже, чем в Шри-Ланке, несмотря на тот факт, что уровень доходов в пятнадцать раз выше. Уровень детской смертности в Бразилии в четыре раза выше, чем на Ямайке, хотя доход на человека в два раза выше.

Безусловно, некоторый минимальный уровень экономического развития абсолютно необходим для удовлетворения насущных

потребностей, и этот необходимый уровень, возможно, существенно выше, чем тот, который может обеспечить нынешнее развитие беднейших стран мира. Однако для большинства жителей Земли вопрос, удовлетворяются ли их основные потребности, зависит не столько от абсолютного уровня доходов на человека, сколько от того, как этот доход распределяется. Если приоритетом при его распределении является обеспечение людей нормальным питанием, жилищем, одеждой, чистой водой, здравоохранением, необходимым транспортом, образованием и всем тем, что характерно для хорошей жизни, тогда большинство стран вполне могут этого достичь и облегчить человеческие страдания при существующих уровнях развития экономики. Во многих случаях потребуется всего лишь перераспределить ресурсы, которые сейчас идут на содержание армии.

Чистая вода и надлежащее санитарное состояние, пожалуй, важнее всего для хорошего здоровья и долголетия. Пример штата Керала в Индии доказывает, что такие потребности можно удовлетворить при довольно умеренный уровнях доходов. В отличие от них, в странах с высоким уровнем доходов наблюдается увеличение числа больных раком, респираторными заболеваниями, случаев стресса, сердечно-сосудистых нарушений, врожденных дефектов и уменьшение количества спермы у мужчин. Все больше данных свидетельствует о том, что все эти явления есть побочный продукт экономического роста — загрязнения воздуха и воды, химических добавок и остаточных количество пестицидов в пище, высоких уровней шума и увеличения воздействия элекромагнитного излучения.

Расползание городов, растущая зависимость от автомобиля как средств передвижения, более широкое использование телевизора как средства развлечения также связаны с экономическим ростом. Все это привело к сокращению нормальных человеческих контактов и взаимодействия, которые раньше были обычной частью деревенской и городской жизни, когда жители встречались на тропинках и тротуарах, устраивали развлечения вместе с друзьям и соседями и общались в местных магазинчиках и кафе.

В странах с низкими доходами быстрый экономический рост делает доступными современные аэропорты, телевидение, скоростные автомагистрали и торговые центры с воздушным кондиционированием, высокотехнологичным оборудованием и фирменными товарами лишь немногим счастливчикам. И он редко улучшает жизненные условия для большинства. Такой вид роста требует ориентации экономики на экспорте целью зарабатывания твердой валюты для закупки вещей, о которых

мечтают богатые. Таким образом земли малоимущих присваиваются для выращивания сельхозкультур на экспорт. Прежние земледельцы перебираются в города, где живут в трущобах на мизерную зарплату, производя продукцию на экспорт. Семьи распадаются нити общественных связей натягиваются до степени разрыва, и насилие за хлестывает общество. И тогда тем, кто извлек выгоды из экономического роста, требуется еще больше твердой валюты, теперь уже для импорта оружия чтобы защититься от гнева обездоленных.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ И БЕДНОСТЬ

Любой разговор о необходимости покончить с экономическим ростом вызывает возражение, что это, мол, обрекает бедных на вечные лишения. Интересно что довод, будто благосостояние бедных зависит от экономического роста, исходит в основном от специалистов по развитию, экономистов, финансистов глав корпораций и прочих людей, для которых поставить еду на стол — не проблема. Когда бедные говорят в свою защиту, они чаще называют гарантии на землю и воду, на которых они живут и где они добывают пропитание. Они хотят иметь приличную работу, которая обеспечивает их прожиточный минимум, они хотят медицинского обеспечения и образования для своих детей. В мире, где все достается тем, у кого есть деньги, они вполне могли бы заявить: «Нам нужны деньги». И они почти никогда нескажуг: «Нам нужен экономический рост».

У них есть на это основания, потому что слишком часто лишения бедных возрастают в периоды быстрой экономической экспансии и уменьшаются во время экономических спадов. Причина проста: в результате политики, благоприятствующей экономической экспансии, обычно происходит перераспределение дохода и ресурсов в пользу тех, кто владеет собственностью, в ущерб тем, чье благосостояние зависит от наличия работы. Хотя сам по себе экономический рост не обязательно становится причиной бедности, ее часто порождает политика, проводимая во имя этого развития. Задумайтесь, например, о таких последствиях политики, связанной с экономическим ростом.

• Увеличение скорости истощения природных ресурсов дает финансовые выгоды тем, кто становится экономически силен, за счет тех, чья экономическая база жизнеобеспечения подрывается.

• Перемещение деятельности из социальной (неденежной) экономики

в денежную экономику увеличивает зависимость трудящихся классов от денег и, следовательно, от тех, кто владеет активами, предоставляет профессиональные услуги и контролирует доступ к рабочим местам.

• Перемещение контроля за сельскохозяйственными землями, лесными и рыбными угодьями от тех, кто добывает на них себе пропитание, к владельцам собственности, занятым инвестированием ради получения прибыли, увеличивает измеряемый экономический выпуск, перераспределяет владение этими активами в пользу классов, владеющих капиталом, увеличивает резерв дешевой рабочей силы и понижает уровень зарплаты.

На протяжении многих веков местное племя игоротов («горных людей») в провинции Бенгуэт на Филиппинах занималось небольшим «подножным шахтерством» — разработкой богатых золотоносных жил, находящихся на земле их предков. Мужчины рыли небольшие круглые пещеры в горе. Женщины и дети разбивали молотками куски породы с вкраплениями золота и отделяли самородки величиной с кукурузное зерно. Теперь их земля испещрена огромными шахтами открытого типа корпорации «Бенгуэт», добывающей золото на экспорт и принадлежащей приблизительно в равных долях богатым филиппинцам, филиппинскому правительству и американским инвесторам. Десятки бульдозеров, кранов и грузовиков оставляют на теле гор глубокие шрамы, сметают деревья, срывают плодородную почву и сбрасывают на дно реки огромные кучи скального щебня. Местные жители рассказывают посетителям, как теперь, когда уничтожены их водные источники, они больше не могут выращивать рис и бананы и вынуждены ходить на другую сторону горы за «одой для питья и умывания. Даже их собственные шахты находятся под угрозой, и их права не принимаются во внимание.

Вместо использования воды для отделения золота от горной породы, как это делают игороты, горнодобывающая компания использует ядовитые химические вещества, включая соединения цианида, и смывает их прямо в реку, отравляя воду и убивая скот, который пьет эту воду. Внизу по течению фермеры провинции Пангасинан, занимающиеся выращиванием риса, ежегодно Несут убытки на 250 млн песо, поскольку шлейф отравленной воды накрывает их орошаемые поля и приводит к резкому падению урожая и, как следствие, к весовому оттоку населения. Еще дальше по течению рыбаки в заливе сообщают о значительном сокращении улова рыбы, так как это шлейф губит коралловые рифы. Деятельность компании очень хороша для экономического роста. И «Бенгуэт», и другие крупные горнодобывающие компании приносят прибыль, равную 1,1 млрд. песо в

год — перемещение громадных ресурсов бедных к богатым. Мы можем услышать подобные истории везде, где действуют горнодобывающие компании.

Бедняки страдают от тех же последствий, когда лесозаготовительные компании приходят и начисто вырубают их леса, обычно не принимая во внимание права местных жителей. Как объяснила посетителям одна молодая крестьянка из отдаленной деревни Сан-Фернандо в южной провинции Букиднон на Филиппинах, «Без деревьев нет пищи, а без пищи нет жизни». Один старик объяснил, что до того, как грузовики появились в их деревне «эти места был богаты рыбой, было много кукурузы и риса». Жители добавляли к своим рассказам, как русла их рек меняли очертания, реки становились все более грязными и мелкими. Теперь в муссонный сезон река выходит из берегов и смывает плодородную почву в тех местах, где раньше никогда не было наводнении. Ручьи, которые некогда подпитывали поля в сухой сезон, пересохли; в сезон дождей оползни стали обычным явлением. Крысы, которые ранее находили себе пищу в лесах и чья численность регулировалась другими лесными хищниками, теперь расплодились и ночью совершают набеги на фермерские поля. В некогда процветающей деревне четверо из пяти детей в той или иной степени страдают от недоедания.

Во имя экономического роста такое опустошение зачастую усиленно поддерживается общественными субсидиями. На каждую тонну производимых отходов горных пород вышеупомянутые филиппинские горнодобывающие компании зарабатывают 96,73 песо и платят 0,5 песо налогов. В Соединенных Штатах правительство отдает права на добычу ископаемых в федеральных землях за 12 долл. с гектара и меньше. Что еще более возмутительно горнодобывающие компании получают налоговые льготы от 5 до 22% от своей общей прибыли в качестве «амортизации за истощение ресурсов», чтобы компенсировать урон, который они нанесли этим федеральным землям, причем после вычета стоимости геологоразведочных и горнодобывающих работ. В Японии правительство предлагает кредиты, субсидии и налоговые льготы для местных геологоразведочных работ и разработок. Инфраструктурные затраты, связанные с добычей ископаемых и лесозаготовками, осуществляемыми японскими компаниями в южных странах, как правило, финансируются из займов, выделяемых по программам зарубежной помощи.

По мере того как в странах с высокими доходами возможности для трудоустройства сокращаются, экономисты начинают обращаться к сфере услуг с цель выправить положение. И почти не учитывается тот факт, что

расширение экономики сферы обслуживания происходит в значительной мере в результате колонизации социальной экономики семей и районов. Эта социальная экономика некогда продуктивно занимала более половины рабочего времени взрослого населения, преимущественно женщин, позволяла удовлетворять многие важнейшие потребности семей и выполняла несчетное количество функций, абсолютно необходимых для поддержания здоровой в социальном отношении среды на уровне местной общины — жилого микрорайона или поселка. В самом деле, было, когда в социальной экономике были заняты как женщины, так и мужчины, и они осуществляли большую часть деятельности по производству и воспроизводству, и посредством этого люди удовлетворяли свои самые насущные потребности в еде, жилище, одежде, уходе за детьми, охране здоровья, заботе о престарелых, домашнем хозяйстве, образовании, личной безопасности и развлечениях. Социальная экономика по своей природе является местной, беззарплатной, не денежной и не рыночной. Ею движет любовь, а не деньги.

По мере того как продуктивная и репродуктивная функции, такие как воспитание детей, охрана здоровья, приготовление пищи, развлечения и обеспечение физической безопасности, переходят из социальной экономики в рыночную, они выступают как нечто дополнительное к выпускаемой продукции и, таким образом, вносят вклад в экономический рост, хотя они уж никак не улучшают качества получаемых нами услуг. Этот переход также увеличивает потребность в функциях экономики, которые учитываются как составляющие в выпуске продукции, хотя на самом деле они представляют собой огромный источник экономической неэффективности. Учтите, что когда семья и соседи работали друг с другом и друг для друга напрямую, то не было налоговых инспекторов, менеджеров, правительственных контролеров, бухгалтеров, юристов, биржевых брокеров, банкиров, посредников, рекламных агентов, специалистов по маркетингу, брокеров по инвестициям и грузоперевозчиков, забирающих часть выпущенной продукции утех, кто сделал саму производительную работу. Вся стоимость произведенных товаров и услуг потреблялась и обменивалась в пределах семьи и данного района теми, кто фактически создавал эти ценности. В результате имело место чрезвычайно высокоэффективное использование ресурсов для удовлетворения реальных потребностей.

Многие люди приходят к заключению, что накладные расходы рыночной экономики настолько выросли, что даже при двух зарплатах и большем количестве рабочих часов они не в состоянии полностью

удовлетворить те потребности, с которыми они некогда вполне справлялись самостоятельно. У родителей, а чаще всего у малоимущих матерей-одиночек, остается мало времени, сил и стимулов, чтобы делать еще что-то в дополнение к основным функциям: зарабатывать деньги и охранять сон. Современный городской дом стал просто местом, где спят и смотрят телевизор. Все меньше людей находят время участвовать в самой разнообразной общественной работе и оказании услуг, благодаря которым дом в прежние времена был не просто местом проживания. Прочные нити человеческих отношений, основанных на длительном совместном проживании и взаимопомощи, которые когда-то существовали при социальной экономике, теперь рвутся. Среди более очевидных последствий этого — как в богатых, так и в бедных странах — высокий уровень нищеты, депрессии, разводов, детской беременности, насилия, алкоголизма, наркомании, преступности и самоубийств.

Поскольку эти изменения принесли женщинам новые возможности, то их приветствуют как победу женщин в борьбе за равенство. Однако, вместо того чтобы создать новые отношения, которые более тесно вовлекают мужчину в жизнь семьи и близкого окружения, по мере того, как женщины занимаются все более ответственной работой на службе или на производстве, эти изменения чаще всего вызывают лишь увеличение нагрузки на женщин. Это приводит к напряженности в семейных отношениях, а в городских микрорайонах и сельских поселках жителям приходится нанимать профессиональных служащих для выполнения тех услуг, которые раньше оказывали друг другу соседи. Многие дети воспитываются в частных детских садах или остаются одни без присмотра взрослых дома или на улице. Многие женщины, начавшие работать для того, чтобы реализовать свои способности, вынуждены, как теперь становится ясно, заниматься малооплачиваемой и малоинтересной работой, потому что эти деньги нужны для поддержки семьи.

Экономисты приветствуют экономический рост, являющийся результатов создания новых высокооплачиваемых профессиональных классов и новый возможностей для отраслей здравоохранения, социальных услуг и служб безопасности. А во что это обходится странам, особенно бедным, для которых денежная экономика создает неравные возможности, никого не интересует.

Вытеснение бедных с их земель, на которых они проживали и с которых они добывали себе пропитание, практикуется еще с давних времен. И всякий раз этот процесс означает экономический рост сильных и угнетение слабых. По оценкам экономистов, между 1750 и 1850 годом,

доход на среднего жителя Великобритании приблизительно удвоился, но при этом качество жизни для большинства людей ухудшилось. До 1750 года путешественники, приезжавшие в британскую деревню, не видели там особых лишений. У сельских жителей по большей части были приличная еда, жилье и одежда, а сельская местность выглядела процветающей. Большинство фермеров выращивали скот на открытых полях, и семьи имели право использовать для сельскохозяйственных нужд небольшие разбросанные участки земли. Даже те, у кого не было таких прав, могли обеспечивать себя с общественных земель, которые служили пастбищем для их скота, поставляли им кроликов в пищу и топливо для обогрева жилища. Некоторым предприимчивым людям удавалось приобрести много земли посредством обмена, взятия в аренду и покупки и отгородите эти земли забором или стеной — процесс, который часто называли огораживанием общинных земель, — но процесс этот был медленным и трудным.

Затем владельцы земли решили ускорить его, приняв закон, который делал такое огораживание обязательным. В ходе этого процесса бедняки все больше лишались земли, которая приносила им средства к существованию. Не имея другого источника существования, они вынуждены были работать батрака на более крупных фермеров. Увеличившийся приток рабочей силы привел к падению заработков и увеличению прибылей богатых помещиков. Введение налогов на землю вынудило многих мелких фермеров продать свои наделы. В результате произошла значительная концентрация земель и еще больший отток рабочей силы из сельской местности в города для обеспечения фабрик времен промышленной революции рабочими (среди них было много женщин и детей), готовых работать на фабриках, которые «были отвратительнее тюрем». Условия работы на них были столь ужасающими, что рабочим британских фабрик в начале XIX века, возможно, жилось хуже, чем рабам на американских плантациях.

В отличие от того, что было в течение этого раннего периода «экономической экспансии», условия жизни для простых людей в Великобритании улучшались начиная с 1914 года, когда началась Первая мировая война, и до конца Второй мировой войны, включая годы между этими войнами, когда общего роста национального дохода в Великобритании не наблюдалось. Как объяснил Дутуайт, войны привели к политической необходимости поставить под контроль силы капитализма. Правительство ввело большие налоги на самые большие доходы и сдерживало рост зарплаты. Хотя оно удерживало его на уровне ниже

уровня инфляции, большее число людей имели работу, и работа эта была стабильна. В результате этого реальная покупательная способность большинства семей, живущих на зарплату, увеличилась. Более того, когда правительство санкционировало увеличение зарплат, оно часто вводило одинаковое увеличение для всех. Таким образом, повышение зарплаты для неквалифицированных работников было пропорционально больше, чем для квалифицированных. Общим результатом этого было огромное перераспределение дохода от богатых к бедным.

После Первой мировой войны сокращение рабочей недели с 54 часов до 46-48 часов для поглощения притока военных, возвращавшихся с фронта, позволило удерживать безработицу на низком уровне, а зарплату на высоком. Те, кто остался без работы, были защищены общенациональной программой страхования, введенной в 1911 году. Деньги, поступающие от значительных налогов на высокие доходы, благодаря этой программе систематически перераспределялись от более богатых налогоплательщиков к малоимущим.

Вторая мировая война имела в значительной степени те же последствия для бедных. Улучшение не было обусловлено увеличением выпуска продукции, связанным с требованием военного времени, а явилось следствием сочетания высокого спроса на труд, стирания различий в оплате труда, правительственного контроля над доходами, а также введения структуры высоких прогрессивных налогов. Резко усилилось выравнивание доходов, а вынужденные сбережения, явившиеся результатом карточной системы, создали огромный неудовлетворенный спрос в послевоенные годы, облегчив переход к мирной экономике.

Сходные явления наблюдались и в Соединенных Штатах. Императивы депрессии 1930-х годов и Второй мировой войны оживили политическую деятельность, которая привела к значительному перераспределению доходов и создала сильный средний класс, считавшийся отличительной чертой американской экономической мощи и процветания. Сложившаяся в результате этого структура относительного равенства и общего экономического процветания оставалась более или менее без изменений до 1970-х годов, когда экономическая конкуренция с Восточной Азией, рабочие волнения, инфляция и молодежные движения протеста привели к тому, что консерваторы мобилизовали свои силы для отпора. Массированное политическое наступление на профсоюзы, на систему социального обеспечения, на регулирование рынка и на торговые барьеры изменило соотношение сил американского общества в пользу интересов большого бизнеса. В 1970 — 1980-х годах процент работающих

американцев, чья зарплата оказалась ниже черты бедности, резко вырос, а общество стало все более поляризироваться на имущих и неимущих в отношении возможностей работы и заработков.

Те, кто призывает к увеличению размеров экономического пирога для решения проблемы бедности, не видят одной важной реалии. Есть или нет у человека доступа к ресурсам, необходимым для выживания, в большей степени зависит от относительного дохода, чем от абсолютного. В свободной рыночной экономике каждый человек находится в конкуренции с другими за доступ к ограниченному природному пространству, и те, у кого больше денег неизменно оказываются в выигрыше.

Как мы видели выше, экономический рост часто увеличивает доходы богатых быстрее, чем доходы бедных. Даже если бы все доходы возрастали в одинаковой степени, последствия были бы во многом те же самые — абсолютная разница между богатыми и бедными все равно бы увеличилась. Это простая арифметика. Возьмите общее 3-процентное увеличение доходов на душу населения в мире, которое предложила Комиссия Брундтланд по окружающей среде и развитию для решения глобальных проблем бедности и окружающей среды. Оно выразилось бы в первый год в увеличении годового дохода на душу населения (в долларах США) «на 633 долл. для Соединенных Штатов; 3,60 долл. для Эфиопии; 5,40 долл. для Бангладеш; 7,50 долл. для Нигерии; 10,80 долл. для Китая и 10,50 долл. для Индии. К концу десятилетия этот рост увеличил бы годовой доход эфиопа на 41 долл. — едва ли достаточно для успешной борьбы с бедностью, в то время как в Соединенных Штатах это выразилось бы в увеличении на 7257 долл.». Таким образом, покупательная способность для Соединенных Штатов была бы в 177 раз выше, чем для Эфиопии.

Без одновременного перераспределения увеличение размера пирога приносит больше выгод тем, кто уже богат, а не бедным, увеличивает пропасти между богатыми и бедными, и дает первым еще больше власти над последними. Это преимущество становится вопросом жизни и смерти в мире с ограниченными ресурсами, в котором богатые и бедные сцепились в смертельно» поединке за убывающую ресурсную базу.

Если пророки иллюзии, рекламирующие рост как средство решения проблемы бедности, и в самом деле озабочены бедственным положением людей, то пусть они отстаивают меры, которые непосредственно увеличивают способность бедных удовлетворять свои насущные нужды, а не налоговые льготы для богатых.

РОСТ ВО ИМЯ РАЗВИТИЯ

Многие экономисты, выступающие за развитие, считают, что для вступления страны на путь индустриализации требуется вынужденное переселение рабочей силы из деревни в город, для того, чтобы модернизировать сельское хозяйство и создать промышленный рынок рабочей силы. Параллели с процессом огораживания общественных земель в Великобритании поразительны. Особенно вопиющий пример подобного рода в наше время являет собой Коста-Рика.

Прежде, чем Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирный банк перестроили экономическую политику Коста-Рики, для того чтобы облегчить ее проблемы, связанные с международной задолженностью, Коста-Рика был широко известна как страна с большим равноправием, чем ее соседи. В ней было сильно развито мелкое фермерство и имелось небольшое количество крупных поместий, характерных для других латиноамериканских стран. Политика, навязанная МВФ и Всемирным банком, поменяла экономические рычаги в ущерб мелким фермерам, производившим продукты, необходимые для питания костариканцев, зато в интересах крупных земельных владений, производящих продукцию на экспорт. В результате этого тысячи мелких фермеров лишились земли, их земли были объединены в крупные ранчо и сельскохозяйственные плантации, производящие на экспорт, и разница в доходах населения Коста-Рики стала увеличиваться, приблизившись к остальным странам Латинской Америки. Рост преступности и насилия потребовал резкого увеличения расходов на полицию и общественную безопасность. Для удовлетворения основных потребностей в продовольствии страна вынуждена теперь полагаться на импорт, и внешний долг, который должна была погасить эта структурная перестройка, удвоился. При всей возмутительности последствий их политики МВФ и Всемирный банк указывают на Коста-Рику как на пример успешной структурной перестройки, потому что увеличился экономический рост и страна теперь способна регулярно выплачивать свои долги .

В Бразилии перевод сельского хозяйства с мелкоземельного, производившего пишу для внутреннего потребления, на капиталоемкое производство для экспорта между 1960 и 1980 годом вытеснил со своей земли 28,4 млн жителей — больше, чем все население Аргентины . В Индии за сорок лет крупномасштабные проекты развития лишили места проживания 20 млн. человек. В 1989 году текущие проекты Всемирного

банка привели к выселению 1,5 млн человек, и еще 1,5 млн. грозила та же участь в результате проектов, находящихся в стадии разработки. Сотрудники Банка не смогли указать ни на один профинансированный их банком проект, по которому выселенные люди были бы обустроены и восстановили тот уровень жизни, который у них был до переселения . Конференция по азиатскому развитию, спонсированная неправительственными организациями, работающими на уровне самоорганизации над проблемами окружающей среды и бедности, показала одну сторону опыта азиатского развития, которую велеречивые отчеты Всемирного банка и деловые периодические издания даже не упоминают.

В Таиланде десять миллионов сельских жителей находятся на грани выселения с земли, на которой они живут. Эта территория отводится под плантации для коммерческого выращивания древесины. Подземные водоносные горизонты истощаются, и мангровые заросли постоянно разрушаются фермами по выращиванию креветок на экспорт. Местные племена борются за признание прав на земли своих предков в лесах Восточной Малайзии и Индонезии. На Филиппинах программа правительственной земельной реформы постоянно подрывается тем, что лучшие сельскохозяйственные земли передаются под промышленное использование и другие несельскохозяйственные нужды несмотря на то, что страна вынуждена использовать скудные запасы валюты для импорта риса. Сельскохозяйственные химикаты и ядовитые промышленные отходы, включая те, которые были завезены в этот район зарубежными корпорациями и агентствами под видом международной помощи, продолжают отравлять нас. Дамбы и геотермалные проекты вытесняют людей с насиженных мест и разрушают сельскохозяйственные и лесные угодья с целью удовлетворить потребность в энергии для промышленности, ориентированной на экспорт. Обитателей трущоб выселяют, с тем чтобы расчистить мести для промышленности и торговых центров, которые приносят выгоду кому то другому. Разрушительные методы лова рыбы, обычно в интересах корпораций, обслуживающих зарубежные рынки, лишают местных рыбаков дохода и ставят под угрозу репродуктивную способность океанов.

Планы городского развития Бангкока в Таиланде предусматривают выселение 300 000 жителей для строительства скоростного шоссе и других проектов развития города. Если семьи с низкими доходами сопротивляются выселению им прекращают подачу воды и электроэнергии. При дальнейшем сопротивлении устраивается поджог или дома просто сносят

бульдозерами. Миллион мексиканских семей будут выселены со своих ферм в результате Северо американского соглашения о свободной торговле. Машина экономического роста оказалась гораздо более эффективной в создании «беженцев развития», чем в выполнении своего обещания покончить с человеческими лишениями в странах с низким доходом.

Если нашей заботой является устойчивое благополучие всех людей, то мы должны развеять экономические мифы, внедренные в нашу культуру пророками иллюзии, освободиться от навязчивой идеи роста и решительно перестроить экономические отношения, нацелив их на два приоритета:

1) уравновесить использование природной среды с восстановительными способностями экосистемы;

2) распределять имеющиеся природные ресурсы таким образом, чтобы обеспечить всем людям возможность удовлетворить в достаточной степени свои физические потребности и полноценно развивать свои общественные культурные, умственные и духовные способности.

Среди препятствий таким преобразованиям можно назвать мощную коалицию политических интересов, кроющихся за фасадом общественных институтов, которая ведет нас совсем в другом направлении. Это корпоративные интересы, которые оказываются в выигрыше, когда страны выбирают экономический рост в качестве организующего принципа своей политики.

Часть II. Борьба за суверенитет

4. Рост корпоративной власти в Америке

Уставные привилегии — это бремя, под игом,
которого жители Британии и других, европейских стран
влачат жалкое существование.

Томас Эрл, памфлетист, 1823 год

Сегодняшняя деловая корпорация — это искусственное
образование, прикрывающее владельцев и менеджеров и
одновременно сохраняющее корпоративные привилегии
и существование. Однако искусственные они или нет,
корпорации добились для себя по закону больше прав,
чем их имеют люди, — прав, которые правительство
защищает всей мощью вооруженных сил.

Ричард Л. Гроссман. Франк Т. Адамс

Тот факт, что интересы корпораций и богатых людей тесно переплетены, несколько затмевает значение корпорации как самостоятельного института. Устав корпорации — это социальное изобретение, созданное с целью объединить финансовые ресурсы, находящиеся в частном владении, на благо общества. Он также позволяет одному или нескольким людям управлять огромными экономическими и политическими ресурсами для целенаправленного достижения частных интересов и защищать себя от ответственности перед законом за общественные последствия.

Гораздо меньше осознается тенденция корпораций по мере их роста и усиления создавать свои собственные корпоративные цели — наряду с

требованиями, присущими им по самой их природе и структуре,— которые не полностью находятся под контролем даже тех людей, которые ими владеют и управляют. Эти цели направлены на увеличение их собственных прибылей и защиты самих себя от случайностей рынка. Они вызваны к жизни сочетанием рыночной конкуренции, требований финансовых рынков и усилий людей, входящих в корпорации, строить свою карьеру и повышать свои доходы. Кроме того, члены корпоративного сектора склонны вырабатывать совместные политические и экономические задачи. Например, в США корпорации уже на протяжении 150 лет занимаются перестройкой законов и форм власти для удовлетворения собственных интересов. Некоторым читателям может не понравиться такое очеловечивание корпораций, но я делаю это сознательно.

Корпорации выросли в доминирующие институты управления на нашей планете, причем самые крупные из них распространили свое влияние практически на все страны мира и превосходят по размеру и власти многие правительства. Все в большей степени именно корпоративные интересы, а не человеческие, определяют политическую повестку дня государств и международных организаций, хотя эта реальность и ее последствия остаются в основном незамеченными и нерешенными.

В этой главе мы исследуем долгую и непрерывную борьбу за независимость между людьми и корпорациями в Америке, с тем чтобы показать в исторической перспективе, чем мы рискуем и почему это важно. Хотя подобная борьба идет и в других западных демократических странах, опыт США имеет особое значение из-за той доминирующей роли, которую приобрели Соединенные Штаты в формировании институтов мировой экономики после окончания Первой мировой войны. Соединенные Штаты начали все более сознательно и настойчиво играть эту глобальную роль после Второй мировой войны, когда они стали самой сильной страной мира. Даже сегодня, когда экономическая власть Соединенных Штатов, по сравнению с Японией и Европой, убывает, они сохраняют лидерство в создании международных институтов, таких, как новая Всемирная торговая организация, которая создается под эгидой Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), Международного валютного фонда, Всемирного банка и Организации Объединенных Наций. Как мы увидим в последующих главах, корпоративные интересы ярко проявились в том, как Соединенные Штаты сформулировали свой национальный интерес к этим и другим глобальным институтам. Таким образом, история корпоративной власти в Соединенных Штатах имеет не только узконациональную

значимость.

Устав корпорации — это грамота на привилегии, дарованная государством группе вкладчиков для использования ее на благо общества. История их возникновения относится по крайней мере к XIV веку. В то время долги частного лица наследовались его или ее потомками и могли привести к тюремному заключению потомков за дела, которых они не совершали. Те, кто занимался морской торговлей специями между Англией и Ист-Индией, подвергались не только неизбежным опасностям рискованного морского путешествия, но и опасности разорения своей семьи и даже потомков, если их груз погибнет из-за шторма или будет похищен пиратами. Корпорация явилась новым важным институтом, призванным устранить это препятствие в международной торговле. Как и другие важные изобретения, устав корпорации открыл неисчерпаемые возможности содействовать интересам человеческого общества — при условии, что гражданское общество будет пресекать возможные злоупотребления, которыми чревата концентрация власти.

Конкретно устав корпорации представлял собой привилегию от короля, которая ограничивала ответственность инвестора за потери корпорации размерами личного вклада инвестора — право, которое не давалось частным гражданам. Каждый устав содержал перечень конкретных прав и обязанностей, полученных каждой корпорацией, включая долю доходов, которые отходили короне взамен данной особой привилегии. Такие уставы выдавались по воле короля и могли быть отозваны в любое время. Не удивительно, что история отношений между корпорациями и правительством с того времени была историей постоянного давления со стороны корпораций, стремившихся расширить свои права и ограничить свои обязательства.

СДЕРЖИВАНИЕ КОРПОРАЦИЙ

Америка родилась в результате революции против унизительной для человека власти британских королей. Корпоративный устав был орудием этой власти. Корпорации, получившие устав, использовались Англией для осуществления контроля над экономикой колоний. Вдобавок к таким широко известным корпорациям как «Ист-Индская компания» и «Компания Гудзонова залива», многие американские колонии сами имели устав, подобный корпоративному. Корпорации тех дней получали устав от короля

и действовали как продолжение власти короны. В целом, этим корпорациям были дарованы монопольные права на территории и отрасли, которые считались стратегически важными для английского государства .

Английский парламент, который в XVII и XVIII веках состоял из богатых землевладельцев, торговцев и промышленников, издавал множество законов, направленных на защиту и расширение этих монопольных интересов. Один из таких законов, например, требовал, чтобы все товары, импортировавшиеся колониями из Европы или Азии, сначала проходили через Англию. Подобным же образом, определенные товары, экспортировавшиеся из колоний, также должны были сначала направляться в Англию. Законы о навигации требовали, чтобы все товары, ввозившиеся в колонии или вывозившиеся из них, использовали только английские или колониальные корабли, которыми управляли только английские или колониальные команды. Более того, хотя у колонистов было все необходимое сырье, им запрещалось производить свои собственные шапки, шляпы, изделия из шерсти и железа. Сырье ввозилось из колоний в Англию для производства, а готовые товары возвращались обратно в колонии.

Адам Смит сурово критиковал такую практику в своей книге «Богатство народов». Он видел в корпорациях, равно как и в правительствах, орудия подавления конкурентных сил рынка, и его критика этих сил была бескомпромиссной. Он двенадцать раз делает особые замечания по поводу корпораций в своем классическом труде и ни разу не наделяет их какими бы то ни было положительными качествами. Вот одно из его типичных замечаний: «Именное целью предотвратить это понижение цены и, следовательно, заработков и прибыли, путем ограничения той свободной конкуренции, которая бы с неизбежностью привела к такому результату. и были созданы все корпорации и большая часть законов о корпорациях».

Любопытно отметить, что и издание книги «Богатство народов», и подписание «Декларации независимости США» относятся к 1776 году. Каждое из этих событий было по-своему революционным манифестом, бросавшим вызов полному злоупотреблений альянсу государственной и корпоративной власти с целью установить монопольный контроль над рынками и таким образом присвоить незаработанную прибыль и сдержать рост местных предприятий. И Смит, и американские колонисты в равной степени с подозрением относились как к государственной, так и к корпоративной власти. В «Декларации нет упоминания о корпорациях, что наводит на мысль о том, что писавшие ее не предполагали или не

намеревались наделять корпорации никакой сущесвенной ролью в делах новой нации.

В молодой Американской республике отнюдь не считали, что корпорации неизбежны или всегда необходимы. Семейные фермы и предприятия были основой экономики, весьма в духе идеала Адама Смита, хотя были распространены также мелкие магазинчики, кооперативы и предприятия, которыми владели рабочие. Это соответствовало господствовавшей тогда вере в важность того, чтобы инвестиции и решения принимались на местном уровне и демократическим путем.

Корпорации, которые получали уставы, находились под неусыпным контролем граждан и правительства. Право выдавать корпоративные хартии принадлежало отдельным штатам и не входило в ведение федерального правительства. Основной целью было держать эту власть под самым бдительным контролем граждан. В корпоративные уставы и связанные с ними законы было включено множество условий, которые ограничивали возможность использования корпоративной формы организации для получения чрезмерной личной власти. Самые первые хартии ограничивали срок существования корпорации несколькими годами и включали условие о ее самороспуске в случае, если устав не продлевался. В общем виде корпоративный устав накладывал ограничения на право корпораций получать кредиты, владеть землей и в некоторых случаях даже прибылями. Члены корпорации отвечали личным имуществом за все долги корпорации, сделанные в течение срока их нахождения в корпорации. И крупные, и мелкие вкладчики имели равные права при голосовании, а перекрестное директорство запрещалось законом. Более того, корпорациям разрешалось заниматься лишь теми видами деятельности, которые оговаривались в уставе. В уставах часто содержались пункты об их досрочном закрытии. Законодатели штатов обладали неотъемлемым правом лишать устава любую корпорацию, которая, по их мнению, не соответствовала интересам общества, и они пристально следили за деятельностью корпораций. К 1800 году штаты выдали лишь 200 корпоративных хартий.

XIX век стал временем активной и открытой борьбы между корпорациями и гражданским обществом за право граждан через правительства своих штатов отзывать или вносить изменения в корпоративные хартии. Случаи, когда законодатели штатов вносили поправки, отзывали или просто отказывались продлевать корпоративные хартии, были достаточно часты в первой половине XIX века. Однако в 1819 году Верховный суд США признал незаконной со стороны

законодательного органа штата Нью-Хэмпшир попытку отзыва хартии, данной Дартмутскому колледжу королем Георгом III еще до независимости США. Верховный суд признал незаконной эту отмену на том основании, что в хартии не содержалось пунктов о прекращении ее действия или отзыве.

Возмущенные граждане усмотрели в этом решении ущемление независимости штата и потребовали, чтобы было проведено разграничение между правами собственности корпораций и частных граждан. Они доказывали, что корпорации не даны нам от рождения, а созданы по воле государственных законодателей с целью служить общественному благу. Таким образом, корпорации являются общественными, а не частными субъектами, и выборные законодатели штата имеют абсолютное законное право вносить изменения или отзывать уставы по своему желанию. Этот взрыв общественного возмущения привел к значительному усилению законодательной власти штатов по контролю над делами корпораций.

Еще в 1855 годе в судебном процессе «Додж против Вулси» Верховный суд подтвердил, что Конституция не наделяет корпорации неотъемлемыми правами, и постановил, что граждане штатов.

не отказываются от своей власти над искусственными юридическими лицами, которые порождены законодательной деятельностью их представителей... Сочетания классов в обществе... объединенных корпоративными связями... безусловно, желают ограничения суверенности граждан... Но создатели Конституции отнюдь не были проникнуты желанием вызвать к жизни такие сочетания.

ЗАВОЕВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Гражданская война США (1861-1865 гг.) ознаменовала поворотный момент для прав корпораций. Бурные волнения, связанные с протестами против призыва в армию, прокатились по многим городам и привнесли беспорядок в политическую систему. Имея огромные прибыли, щедрым потоком льющиеся благодаря контрактам на военные заказы, промышленники сумели извлечь выгоду из образовавшегося беспорядка и безудержной политической коррупции и фактически купить такое законодательство, которое безвозмездно давало им огромные суммы денег и земли для расширения системы железных дорог на запад. Чем выше были их прибыли, тем крепче нарождающийся класс промышленников мог

держать за горло правительство для получения новых привилегий. Наблюдая за происходящим, президент Авраам Линкольн сделал незадолго до своей смерти следующее замечание:

Корпорации взошли на трон... За сим последует эра коррупции в высших эшелонах власти и власть денег будет стремиться продлить свое существование, играя на людских предрассудках... пока власть не сосредоточится в руках немногих... и Республика погибнет.

Нация была расколота в этой войне против самой себя; правительство было ослаблено убийством Линкольна и последовавшим избранием в Президенты героя войны и алкоголика Улисса С. Гранта. В стране царил хаос. Миллионы американцев лишились работы в последовавшей за войной депрессии, и позорные президентские выборы 1876 года были проведены с помощью тайных переговоров. Широко распространились коррупция и сделки с привлечением конфиденциальной информации. Президент Резерфорд Б. Хейс, в конечном счете одержавший победу на переговорах, где доминировали корпорации, впоследствии жаловался: «Это уже больше не правительство, избранное народом, из народа и в интересах народа. Это правительство, созданное корпорациями и действующее в интересах корпораций». В своей классической книге «Грабители-магнаты» Мэтью Джозефсон писал, что в течение 1880—1890-х годов «залы законодательства были преобразованы в рынок, где шел торг за голоса, а законы, сделанные по заказам, покупались и продавались».

Это было время, принадлежавшее людям типа Джона Д. Рокфеллера, Джея Пирпойнта Моргана, Эндрю Карнеги, Джеймса Меллона, Корнелиуса Вандербильта, Филипа Армора и Джея Гульда. Богатство порождало новое богатство, по мере того, как корпорации, воспользовавшись беспорядком, покупали законодательство по вопросам о тарифах, банковском деле, железных дорогах, общественных землях и труде, которое сулило им обогащение и впоследствии. Гражданские группы, ставившие целью держать корпорации под контролем, продолжали борьбу с их злоупотреблениями на уровне штатов, и корпоративные уставы отзывались как судами, так и законодателями штатов.

Однако постепенно корпорации приобрели достаточный контроль над законодательными структурами, чтобы фактически заново написать законы, регулирующие их собственное создание. Законодатели штатов Нью-Джерси и Делавэр первыми свели к минимуму право граждан вмешиваться вдела корпораций. Они ограничили ответственность владельцев и управляющих корпораций по суду, а также приняли закон о выдаче хартий на неограниченное время. Вскоре корпорации получили право действовать

любым образом, если только это явно не запрещалось законом.

Консервативная судебная система, которая неизменно чутко откликалась на апелляции и доводы корпоративных юристов, последовательно отменяла ограничения, которые встревоженные граждане старательно накладывали на корпоративную власть. Шаг за шагом судебная система создавала новые прецеденты, которые делали защиту корпораций и корпоративной собственности краеугольным камнем конституционного закона. Эти прецеденты отменяли участие присяжных заседателей при определении вины и оценки нанесенного ущерба в судебных делах, связанных с ущербом, нанесенным корпорациями, а также отменяли право штатов контролировать норму прибыли и цены, установленные корпорацией. Судьи, верные интересам корпораций,постановили, что рабочие несут ответственность за несчастные случаи на работе, ограничили ответственность корпораций за ущерб, который они могут причинить, и провозгласили законы о зарплате и рабочем времени неконституционными. Они толковали общее благо как максимальную производительность, безотносительно к тому, что производилось или кому это наносило вред. Все это очень заботило промышленный сектор, в котором с 1888 по 1908 год в результате несчастных случаев погибли 700 000 американских рабочих, т. е. приблизительно 100 человек в день.

В 1886 году в деле «Округ Санта Кларав против Южно-Тихоокеанской железной дороги», закончившемся сокрушительной победой сторонников корпоративного суверенитета, Верховный суд постановил, что частная корпорация является по Конституции США физическим лицом, — хотя, как уже упоминалось выше, в Конституции нет упоминания о корпорациях — и таким образом подлежит охране согласно Биллю о правах, включая право свободы слова и других конституционных прав защиты, распространяющихся на частных лиц.

Таким образом корпорации в конце концов востребовали все права, которыми пользовались частные граждане, в то же время оставаясь освобожденными от многих видов ответственности, включая судебную, которую несли граждане. Более того, получив гарантии на такое же право слова, как и частные граждане, они добились, по словам Пола Хокена, «как раз того, что Билль о правах должен был предотвратить: доминирования над общественной мыслью и словом». Последовавшее за этим требование корпораций, что у них есть такое же право, как и у любого гражданина, оказывать влияние на правительство в их личных интересах, поставило частных граждан в неравные условия с корпорациями с их огромными финансовыми и коммуникативными ресурсами и свело на нет цель

Конституции, чтобы у всех граждан были равный голоса в политических дебатах по вопросам большой важности.

Это было время насилия и социальной нестабильности, порожденное крайностями капитализма, которое так ярко описал Карл Маркс, оказав своими работами большое политическое воздействие. Условия труда были ужасающие, а заработки едва позволяли сводить концы с концами. Детский труд применялся повсеместно. По одной из оценок, 11 из 12,5 млн. семей в Америке и 1890 году в среднем существовали на 380 долл. в год и были вынуждены держать в доме жильцов, чтобы прокормить семью. Как организованные, так и спонтанные забастовки вспыхивали постоянно, как и промышленный саботаж. Работодатели применяли все средства, имеющиеся в их распоряжений включая частные силы безопасности, а также федеральные войска и силы штата, чтобы прекращать забастовки. Насилие порождало насилие, и много людей погибли в эту эру промышленных войн.

Эти условия дали толчок рабочему движению. Между 1897 и 1904 годов членство в профсоюзах выросло с 447 000 до 2 073 000 человек. Профсоюзы создавали благоприятную почву для расцвета социалистического движения, которое пускало корни в Америке и призывало к социализации и демократическому контролю над средствами производства, природными ресурсами и патентами. Это было время открытой классовой борьбы, когда все больше новых активных участников вступали в ряды бесправных, готовые бороться и жертвовать собой во имя идеи. Социалисты, которые стремились организовать рабочих по классовой принадлежности, соперничали за главенство более традиционными профсоюзными активистами, которые предпочитал организовываться по профессиональным или отраслевым признакам.

Эти движения объединили этнические группы. Появление у негров гордости за себя и свою культуру привело их к сплочению. Зародилось движем женщин, причем женщины образовывали свои профсоюзы, возглавляли забастовки и брали на себя активную роль в общенародном и социалистическом движениях. В 1920 году специальной поправкой к конституции женщинам было гарантировано право участвовать в голосовании.

В конечном счете условия хаоса и насилия, которые были характерны для этого периода внезапной промышленной экспансии в условиях свободного рынка, и были выгодны ни промышленникам, ни рабочим. Конкурентные битвы между наиболее мощными промышленниками сокращали их прибыль. Среди промышленников усиливался страх перед

растущей политической силой социалистов и других общественных движений, которые грозили привести к коренным изменениям, и которые могли ликвидировать их привилегированное положение.

Эти условия создали предпосылки для консолидации и компромисса, что привело к преобразованию общественных отношений. Промышленники ели-ли свои частные империи в более крупные объединения, которые укрепили их власть и ограничили конкуренцию между ними. Некогда непримиримые конкуренты, Дж. П. Морган и Джон Д. Рокфеллер объединили свои усилия в 1901 году по слиянию 112 корпоративных дирекций, что привело к образованию 22,2 миллиардного состояния под крышей «Северной корпорации ценных бумаг Нью-Джерси». По тем временам это была огромная сумма, в два раза превышающая общую стоимость всей оцененной для налогообложения собственности в тринадцати южных штатах США. В результате этого:

ядро американской экономики было подведено под одну крышу, от банков и сталелитейной промышленности до железных дорог, городского транспорта, связи, торгового флота, страхования, компаний по электроснабжению, производству резины, бумаги, очистке сахара, выплавке меди и различных других ключевых отраслей промышленной инфраструктуры.

В конечном счете крупнейшие промышленники поняли, что, платя более высокую зарплату, предоставляя различные льготы и улучшая условия труда, они могут уменьшить притягательную силу социализма и в то же время увеличить лояльность рабочих и их мотивацию. Параллельно с этим существовал интерес к упорядочению слабо связанных между собой производственных процессов, основанных по цеховому принципу, для того чтобы использовать преимущества методов промышленного машиностроения и массового производства. Это означало организацию труда на основе более высоко структурированных и строго регламентированных производственных процессов, которые требовали стабильности и дисциплины работников.

Большой бизнес увидел преимущества сотрудничества с крупными умеренными (несоциалистическими) профсоюзами, которые добивались единообразия в оплате труда и уровне жизни во всей промышленности и следили за трудовой дисциплиной в соответствии с договорными правилами. Такие договоренности увеличивали стабильность и предсказуемость внутри системы, в конечном счете, не ставя под сомнение власть промышленников или рыночной системы.

Эти реформы протекали на фоне продолжавшейся борьбы. Стоявшая

на стороне бизнеса судебная система, которая неизменно обеспечивала судебные постановления, направленные против интересов рабочих, способствовала политизации рабочего движения, которое в результате пришло к выработке законодательных предложений и союзу с Демократической партией. Реформа законодательства на местном уровне, на уровне штата и общенациональном, начала устанавливать новые социальные стандарты и изменять контекст рабочих отношений. Особенно важным для рабочих был Антитрестовский закон Клейтона, который запрещал судам выносить решения против бастующих рабочих.

Тем не менее во время «бурных двадцатых годов», корпоративным монополиям было позволено процветать в слабо регулировавшейся экономике страны. Фондовая биржа, подпитываемая взятыми в долг деньгами, казалась вечным двигателем создания богатства. Вера в свободный рынок и власть большого бизнеса достигла своего пика, и полный энтузиазма президент Герберт Гувер провозгласил: «Скоро с Божьей помощью мы увидим тот день, когда страна забудет, что такое бедность». Ирвинг Фишер, возможно, самый видный экономист того времени, заявил, что проблема делового цикла решена, и что страна вступила в пору бесконечного процветания.

Было очевидно, что средняя американская семья стала лучше питаться, лучше одеваться и имела больше жизненных удобств, чем любая другая средняя семья за всю человеческую историю. Эта реалия скрывала огромное неравенство в стране, где лишь 1 % семей контролировал 59% всего национального богатства. В октябре 1929 года, всего лишь через несколько месяцев после того, как Фишер объявил о конце цикличности производства, сильна манипулируемая финансовая система рухнула. Финансовые состояния испарились едва ли не в одночасье. Потребовалась Вторая мировая война, чтобы дать толчок новому социальному договору между правительством, бизнесом и рабочими, основанному на кейнсовских экономических принципах, которые вернули мировую экономическую систему на дорогу процветания.

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ПЛЮРАЛИЗМА

К тому времени, когда в 1933 году Франклин Д. Рузвельтстал президентом, эксцессы бизнеса 20-х годов, депрессия и вытекающие из нее тяготы для фермеров, рабочих, стариков, негров, женщин и граждан

породили волну политического и культурного радикализма на всей территории Соединенных Штатов. Рузвельт опасался, что без решительных действий этот радикализм может взять веру над всей структурой правительства. Он поставил задачу спасти систему посредством проведения эпохальных социальных и законодательных реформ. Принятие Конгрессом «Закона о восстановлении национального производства (ЗВНП) явилось ключевым шагом, так как оно дало правительству мандат на исполнение более активной роли в достижении экономического возрождения, которое рыночные силы, по-видимому, были не в силах осуществить.

27 мая 1935 года Верховный суд признал этот Закон недействительным и постановил, что штаты не могут устанавливать минимальную гарантированную зарплату. Это решение продолжило вековую практику защиты Верховным Судом интересов бизнеса и корпораций в ущерб правам гражданина человека. Некоторые наблюдатели полагают, что вынесение такого решения Верховным Судом по ЗВНП и минимальной заработной плате вывело Рузвельта из себя, радикализировало и укрепило его решимость провести всестороннюю реформу американских институтов власти. Он поставил перед собой задачу разделить бизнес-тресты, усилить регулирование деловых и финансовых рынков и провести через Конгресс законодательство, дающее надежные гарантии прав рабочих. Началось проведение в жизнь программ общественного трудоустройства. Была создана система социальной безопасности.

Рузвельт обрушился с местью на Верховный суд и попытался расширить его состав за счет введения новых членов по своему выбору. Его попытка «пополнить своими» этот суд потерпела неудачу, но его обвинения оказали безусловное влияние на самих судей, и большинство из них стали более активно поддерживать его прогрессивные инициативы. В конце концов длительное пребывание Рузвельта на своем посту позволило ему назначить семь из девяти судей и вывести Верховный суд на более либеральный курс, который продолжала вплоть до 1970-х годов, когда республиканский президент Ричард Никсон начал воссоздавать прежний облик Верховного суда в интересах бизнеса.

С началом Второй мировой войны правительство еще более упрочило свою центральную, и политически признанную, роль в управлении делами экономики. Оно ввело ограничения на потребление, координировало выпуск прмышленной продукции и решало, как следует распределять национальные ресурсы для поддержки военных действий. Сочетание высокопрогрессивной налоговой системы, введенной для финансирования

военных действий, полной трудоустроенности при хорошей зарплате и прочная система социальной обеспечения привела к массовому перераспределению богатства в сторону большего равенства. В 1929 году в Соединенных Штатах было 20 000 миллионеров и два миллиардера. К 1944 году осталось лишь 13 000 миллионеров и ни одного миллиардера. Доля всего богатства, которой владели 0,5% американских семей, уменьшилась с 32,4% в 1929 году до 19,3% в 1949 году. Это была большая победа для увеличившегося среднего класса и для тех представителей трудящихся, кто дорос до их уровня.

Расцвет плюрализма продолжался и в 60-е годы, период культурной революции в Соединенных Штатах. Новое поколение, поколение детей цветов, во всеуслышание поставило под сомнение основополагающие взгляды на образ жизни, на военно-промышленный комплекс, военное вмешательство вдела других стран, эксплуатацию окружающей среды, права и роль женщины, гражданские права, равенство и бедность. Американский корпоративный истеблишмент был потрясен этой очевидной угрозой ее ценностям и интересам. Возможно, самая большая угроза заключалась в том, что молодежь бросала вызов потребительской культуре. Это поколение протестовало не столько против бедности и лишений эксплуатации, сколько против избыточного потребления. Такое отрицание материализма новым поколением американцев в каком-то смысле представляло более грозную опасность существующей системе, чем предшествующее поколение разгневанных рабочих, боровшихся за приличную оплату и безопасные условия труда.

Имена активистов борьбы с избыточным потреблением Ральфа Нейдера и эколога Рейчел Карсон были известны каждому. Либеральные демократы прочно завладели Конгрессом и издавали важные законы, которые расширяли рамки правительственного контроля в области защиты окружающей среды, а также безопасности товаров и рабочих мест. Правительство энергично продвигало антитрестовские законы, которые ослабляли монополии и поддерживали конкурентность на рынках.

За рубежом корпорации США подвергались удару с двух сторон: Япония и страны, ставшие на путь промышленного развития (ППР), — Тайвань, Южная Корея, Сингапур и Гонконг — очень успешно проникали на американские рынки. В то же время американским корпорациям не давали в полной мере проникнуть в экономику стран Юга, включая страны ППР, вследствие проводимой правительствами южных стран политики активной поддержки своей собственной промышленности, протекционизма и ограничения иностранных инвестиций. Такая политика правительств

южных стран была направлена против «выравнивания игрового поля» для американских корпораций. Учитывая высокие налоги на корпорации и доходы инвесторов и жесткий контроль за соблюдением природоохранного законодательства и законов о труде в США, американские корпорации ощущали двойной прессинг в глобальной конкуренции.

Это был критический момент в их истории, и корпоративный истеблишмент сплотился для зашиты собственных интересов, как будет более подробно показано в третьей части книги. Избранием Рональда Рейгана президентом в 1980 году была предпринята согласованная и весьма успешная попытка повернуть вспять социальные и экономические реформы, обеспечившие широкую базу процветания, которое сделало Америку предметом зависти для всего мира, и создать глобальную экономику, которая лучше соответствовала бы интересам американских корпораций.

В своей проницательной книге «Темная победа» филиппинский экономист Уолден Белло описывает эту политику Рейгана с точки зрения южной страны:

В высшей степени идеологизированное правление республиканцев в Вашингтоне... отказались от великолепной стратегии «сдержанного либерализма» за рубежом и компромисса Нового курса (проводимого Ф. Рузвельтом — прим. перев.)усебядома. Помимо разгрома коммунизма, рейганизм на практике имел еще три других стратегических задачи. Первой из них было новое закабаление стран юга посредством глобальной экономики с доминирующей американской ролью. Второй задачей было остановить экономическое наступление на экономические интересы США предпринимаемое странами ППР, и Японии. Третья задача состояла в том, чтобы разделаться с «социальным договором». Нового курса между большим KanumajioM, большими профсоюзами и большим правительством, в котором как Вашингтон, так и Уолл-стрит усматривали основное ограничение для способности корпоративной Америки конкурировать как со странами ППР, так и с Японией.

Долговой кризис 1982 года дал возможность противодействия угрозе со стороны новых перспективных стран ППР. Всемирный банк и Международный валютный фонд, находящиеся под влиянием США, начали перестройку экономики обремененных долгами южных стран, для того чтобы открыть их вторжению зарубежных корпораций. Та «структурная корректировка», которая была навязана этими двумя организациями, уменьшила участие правительства в экономической жизни по оказанию помощи местным предпринимателям, устранила протекционистские

барьеры для импорта из стран Севера, отменила ограничения на иностранные инвестиции и более тесно привязал экономику южных стран к мировой экономике, в которой доминировал и страны Севера. Торговая политика была избрана в качестве орудия для насаждения подобных же «реформ» в странах ППР.

Все политические ресурсы корпоративной Америки были мобилизованы для того, чтобы вновь взять под контроль политический курс и судебную систем. На первое место во внутренней политике выдвигались задачи реформы, направленные на улучшение глобальной конкурентоспособности Соединенных Штатов путем сбрасывания правительства «с хребта» бизнеса. Налоги на богаты были значительно уменьшены. Ограничения на слияние корпораций и их приобретение были сняты. А обеспечение выполнения природоохранного и трудового законодательства было ослаблено. Правительство встало на сторону крупных корпораций, которые стремились повысить свою глобальную конкурентоспособность за счет ослабления силы профсоюзов, снижения зарплаты и льгот, сокращения численности рабочих в корпорации и перенесения производств за рубеж, в страны с более дешевой рабочей силой и слабыми законами.

Как только эти меры были введены в Соединенных Штатах, безработица превратилась в хроническую проблему, а профсоюзы потеряли большое число своих членов и политическое влияние. Заработки начали сокращаться, равно как и доход беднейших семей. Немногие счастливчики чрезмерно обогатились. Заработки крупных инвесторов, главных менеджеров, артистов эстрады, ведущих спортсменов и финансовых брокеров взлетели до небес. Количество миллиардеров в Соединенных Штатах выросло с одного в 1978 году до 120 в 1994 году. Злоупотребление с займами в освобожденной от правительственного регулирования отрасли сбережений и займов оставило для оплаты американским налогоплательщикам счет на 500 миллиардов. Это было тяжелое время для рядовых граждан. Алчность правила бал.

По мере того как рейгановские инициативы за рубежом набирали обороты, поддержанные сходным возрождением консерватизма в других западных странах, имело место одновременное ухудшение положения в большинстве этих западных стран, а также в задолжавших странах Юга.Неравенство увеличилось внутри стран и между странами. Безработица выросла до угрожающих размеров, и многие социальные показатели, которые постоянно улучшались на протяжении трех предшествующих десятилетий, замедлили рост, а в некоторых случаях

даже пошли на убыль. Многие из южных стран-должников увязли в еще большем международном долге. Число миллиардеров в мире выросло с 145 в 1987 году до 358 в 1994 году.

Рейгановская администрация обещала остановить спад в экономике США. Однако она допустила ряд грубых стратегических просчетов в политике, которые на короткое время усилили американскую военную мощь и ускорили экономический рост, но серьезно ослабили позиции США в глобальной экономике в долгосрочном плане. Во-первых, громадные дефицитные расходы на военную машину содействовали тому, что Соединенные Штаты превратились в крупнейшую страну должника в мире. Основным держателем этого долга является Япония, основной конкурент США. Во-вторых, отрицая роль правительства в экономическом планировании и расстановке приоритетов, администрация Рейгана оставила экономическое будущее Соединенных Штатов полностью в руках корпораций, которые находятся под давлением рынков капитала с ориентацией лишь на краткосрочные доходы. В-третьих, позволяя корпорациям проводить свою антирабочую стратегию, Соединенные Штаты промотали свой основной ресурс на конкурентном глобальном рынке — человеческий капитал. Общим результатом этого явилось значительное ослабление экономической силы США в сравнении с Японией и Западной Европой. Последствия этого были, очевидно, пагубными для рядовых американских граждан. В конечном итоге они, возможно, оказались вредными и для американских корпораций.

Это не было результатом заговора. Крупные изменения в национальной политике не являются следствием встречи корпоративной и политической элиты в конференц-зале для выработки стратегии навязывания глобальной корректировки. Они слишком независимы и представляют слишком широкий спектр противоречивых интересов. Как замечает Белло:

На самом деле происходит гораздо более сложный социальный процесс, в котором идеология опосредует интересы и политику. Идеология — это система воззрений — сочетание теорий, верований и мифов с некоторой внутренней связью, — которая стремится к распространению интересов одного социального сектора на все общество. Например, в рыночной идеологии утверждается, что освобождение рыночных сил от ограничений со стороны правительства соответствует интересам не только бизнеса, но и всего общества.

Распространяемая посредством социальных институтов, таких как университеты корпорации, церкви или партии, идеология усваивается

большим числом людей, но и особенности членами тех социальных групп, интересы которых она в основном выражает. Таким образом, идеология воодушевляет действия многих людей и групп, но он становится значительной силой лишь тогда, когда совпадают определенные обстоятельства... Рыночная идеология стала доминирующей силой только тогда, когда политическая элита, которая ее проповедовала, добилась государственной власти на основе социальной базы все более консервативного среднего класса в то самое время, когда корпоративный истеблишмент отходил от консенсуса на базе либеральной теории Кейнса в пользу идеологии рынка, в результате изменения обстоятельств международной экономической конкуренции.

ВОПРОС ВЛАСТИ

В политическую дискуссию о свободных рынках и свободной торговле вплетается постоянный посыл: расширение свободных рынков есть расширении демократии. Защитники свободного рынка хотят заставить нас поверить в то что свободные рынки есть более эффективный и чуткий механизм волеизъявления, чем даже голосование, потому что бизнес более эффективен и болей чуток к потребностям человека, чем неэффективные и безразличные политики и бюрократы. Логика проста: на свободном рынке люди выражают свою независимость напрямую тем, как они голосуют своими потребительскими долларами. То, что они хотят приобрести на свои собственные деньги, в конечном счете есть лучший показатель того, что для них важно, по сравнению с голосовательным бюллетенем, и поэтому рынок есть наиболее эффективны и демократический способ определения общественного интереса.

Принимая во внимание растущее недоверие к правительству, это неотразимый аргумент, и в нем заключена одна важная истина: и рынки, и политика имеют отношение к управлению, к власти и к распределению ресурсов общества. И в то же время это аргумент, вводящий в заблуждение, ибо он скрывает одну важную политическую реалию. В политической демократии у каждого человека есть один голос. На рынке один доллар есть один голос, и у вас столько голосов, сколько долларов. Нет долларов — нет голоса. Рынкам свойственно пристрастие в пользу богатых. Что еще более важно в современном мире, что гораздо реже признается, это то, что рынки очень пристрастны в пользу крупных корпораций, финансовые

ресурсы которых существенно превышают богатство даже наиболее богатых частных лиц. По мере того, как рынки становятся все более свободными и все более глобальными, управляют власть все в большей степени переходит от национальных правительств к глобальным корпорациям, а интересы этих корпораций еще в большей степени расходятся с интересами человека — утверждения, которые детально обосновываются в частях III и IV.

Люди, даже наиболее жадные и наиболее безжалостные, все-таки остаются живыми людьми с потребностями и ценностями, не сводящимися к денежным. Нам нужен воздух, чтобы дышать, вода, чтобы пить, и пища, чтобы ее У большинства из нас есть семьи. Все, кроме глубоко умалишенных, находят вдохновение в красоте, включая природный ландшафт или новорожденного ребенка. Наше тело сделано из плоти, и в жилах течет настоящая кровь.

За тщательно сфабрикованным внешним фасадом образа, созданного для связей с общественностью, и при множестве замечательных и этичных людей, работающих в корпорации, ее тело — это корпоративный устав, юридический документ, а ее кровь — это деньги. По своей сути это чужеродное образование, у которого есть лишь единственная цель: умножать деньги для собственной подпитки и самовоспроизведения. Люди в ней заменимы. Она сохраняет верность лишь одному: финансовым рынкам, которые в еще большей степени представляют собой денежные образования, чем даже сами корпорации.

Эта проблема коренится глубоко в структуре и правилах, по которым корпорации обязаны действовать. Самое удивительное в корпорации как в социальном изобретении то, что она может собирать в единое целое тысячи людей и заставлять их слаженно работать для достижения цели, которая вовсе не обязательно совпадает с их собственной. Те, кто сопротивляется или проявляет неуступчивость, отторгаются и заменяются другими, более сговорчивыми. Как пишет вашингтонский журналист Вильям Гредер в своей статье «Кто же расскажет людям?»:

Огромные финансовые ресурсы... корпораций, разнообразие их интересов, уйма талантливых специалистов — все эти средства и кое-что еще теперь безжалостно направлены на политику управления.

Эта новая организационная реальность является ключевой причиной развала демократии. Корпорации существуют для извлечения максимальной прибыли, а не для достижения коллективных стремлений общества. Ими командует иерархия менеджеров, а не коллективные устремления общества.

Человеческое общество уже с давних времен стоит перед вопросом: кому принадлежит право управления — богатым или бедным? Мы теперь стоим перед другим и гораздо более зловещим вопросом, который, если правильно и в полной степени понять его последствия, должен объединить единой целью и богатых, и бедных. Останется ли управленческая власть у людей, независимо от их финансовых обстоятельств, или перейдет к искусственному образованию под названием корпорация?

В этот ответственный исторический момент, когда одна из самых глубоких и важных проблем, перед которыми стоит человечество, состоит в том, чтобы по-новому взглянуть на цель и единство жизни, мы должны решить, будет ли право управлять находиться в руках живых людей или в руках корпоративных образований , направляемых совсем другими ценностями. Для того чтобы вернуть себе контроль над собственным будущим и привести человечество в равновесие с природой, мы должны вернуть себе ту власть, которую мы уступили корпорации. Первым важным шагом на этом пути будет собственное освобождение от иллюзий той идеологии, которая узаконивает политику, освобождающую корпорацию как общественный институт от ответственности перед человеком.

5. Наступление корпоративных либертарианцев

Если бы существовало Кредо экономиста, то оно, безусловно, включало бы следующие утверждение: «Я верую в Принцип сравнительного преимущества» и «Я верую в свободную торговлю».

Пол Крюгман, экономист МТИ

Разница между системой, в которой господствуют «Дженерал моторс» и «Экссон», и системой, которая держится на частном мелком фермере и мелком предпринимателе ранних дней американской истории, вполне возможно, больше — по обыденному жизненному опыту среднего человека — чем разница между системой, основанной на крупной частной бюрократии Соединенных Штатов и общественной бюрократии социалистических стран.

Гар Альперовиц

В поисках экономического роста весь мир принял идеологию свободного рынка с рвением религиозных фанатиков. Согласно этой идеологии - деньги — единственная мера ценности, и ее практическое применение содействует распространению политики, которая повсеместно углубляет социальное и экологическое разрушение. Экономисты — это духовенство данной религии. Они защищают ценности, которые принижают человеческий дух, они принимают существование иллюзорного мира, оторванного от реальности, и они перестраивают наши институты

управления таким образов, что еще больше затрудняют решение наших наиболее важных проблем. Однако ставить эту доктрину под сомнение стало считаться настоящей ересью, ведущей к риску заслужить порицание коллег по профессии и нанести ущерба своей карьере в большинстве институтов бизнеса, правительства и академических кругах. По словам австралийского социолога Майкла Пьюзи она низвела экономику до положения «идеологического щита против умственного самоанализа и гражданской ответственности» и пропитала занятия экономикой в большинстве университетов духом идеологической накачки.

ОСВЯЩЕНИЕ ЖАДНОСТИ

Постулаты, проповедуемые идеологами свободного рынка, знакомы всякому, кто сведущ в языке современных экономистов.

• Непрерывный экономический рост, измеряемый валовым национальный продуктом, есть путь к прогрессу человечества.

• Свободные рынки, не контролируемые правительством, в целом ведут к наиболее эффективному и оптимальному для общества распределению ресурсов.

• Экономическая глобализация, достигнутая устранением препятствий свободному потоку товаров и денег по всему миру, подстегивает конкуренцию, увеличивает экономическую эффективность, создает новые рабочие места, понижает цены на потребительские товары, расширяет потребительский выбор, увеличивает экономический рост и в общем приносит выгоду почти всем.

• Приватизация, которая передает функции и активы от правительства в частный сектор, повышает эффективность.

• Основная обязанность правительства состоит в обеспечении той инфраструктуры, которая необходима для развития торговли и проведения в жизнь законов, охраняющих права собственности и контракты.

Эти постулаты основаны на некоторых предположениях, прочно вошедших в теории неоклассических экономистов:

• Людьми движет личный интерес, который выражается преимущественно в поиске финансовых выгод.

• Действие, которое приносит максимальную финансовую прибыль частному лицу или компании, одновременно приносит наибольшую пользу

и обществу.

• Конкурентное поведение более рационально для индивидуума и для фирмы, чем отношения взаимопомощи; следовательно, общество должно быть основано на принципе конкуренции.

• Лучшей мерой прогресса человечества является увеличение суммы, затрачиваемой членами общества на потребление, и постоянное увеличение уровня потребительских расходов способствует благосостоянию общества, стимулируя экономический рост.

Если выразить это более резко, то эти идеологические доктрины исходят из того, что:

• людьми, в силу их природы, движет преимущественно жадность;

• стремление к приобретениям есть наивысшее выражение человеческой сущности;

• неослабевающая жажда наживы и приобретений ведет к оптимальному результату для общества;

• в интересах общества почитать и вознаграждать эти ценности.

Таким образом, несколько здравых мыслей и прозрений оказались извращены и превращены в экстремистскую идеологию, которая возводит низшие стороны человеческой природы в самооправдательный идеал. Хотя эта идеология очерняет самые основные человеческие ценности и идеалы, она настолько глубоко укоренилась в систему наших ценностей и общественных институтов, а также ежедневную культуру, что мы принимаем ее почти без сомнений. Она существует рядом с нами и играет решающую роль в формировании почти всех сторон общественной политики. Она играет на ухудшении экономического состояния и на вполне обоснованном общественном недоверии большому правительству, для того чтобы заручиться широкой политическое поддержкой со стороны электората целей, направленных на достижение результатов отнюдь не в интересах простого человека.

Напоминая нам марксистских идеологов, теперь уже сошедших со сцены поборники этой экстремистской идеологии стремятся прекратить всякое обсуждение, провозглашая неизбежность исторических сил, продвигающих дело, которое они отстаивают. Они говорят, что глобальный свободный рынок, в котором решения о размещении ресурсов находятся в руках гигантских корпораций, — это неизбежность, и лучше всего заняться изучением того, как можно приспособиться к новым правилам игры. Они предупреждают, что то кто устранится и не успеет на борт корабля, будут

сметены с дороги и лишены преимуществ, которые достанутся лишь тем, кто проявит уступчивость.

Экстремистский характер их позиции проявляется в жестком выборе, который они предлагают между «свободным» рынком, не обремененным правительственным вмешательством, и центрально планируемой и контролируемое со стороны государства экономикой, основанной на бывшей советской модели. Точно так же подразумевается, что единственная альтернатива настежь открытых границ для беспрепятственного потока товаров и денег состоит в том, чтобы воздвигнуть неприступные стены, которые отрежут нас от всего мира и лишат преимуществ, которые дает международная торговля. Как они настойчиво твердят, если вы не за свободную торговлю, значит, вы протекционист. Середины нет.

Вопреки истории и логике они не видят в общественной дискуссии места для тех, кто отвергает свободные рынки в пользу рынков, действующих в рамках отчетности перед обществом. Они также не допускают возможности, чтобы страны обменивались между собой деньгами и товарами честным и сбалансированным образом, который работает на общее благо всех граждан.

В своих многочисленных обличьях эта идеология известна под разными именами — неоклассическая, неолиберальная или либертарианская экономика, неолибертарианизм, рыночный капитализм или рыночный либертарианизм. В Австралии и Новой Зеландии книга Майкла Пьюзи «Экономический рационализм в Канберре» сделала популярным термин «экономический рационализм» и ввела его в широкое обращение . Латиноамериканцы, как правило, употребляют термин неолиберализм. Однако в большинстве стран, включая Соединенные Штаты, у этой идеологии нет общепризнанного названия. Не имея имени, она не подвержена обсуждению, а постулаты, лежащие в ее основе, остаются неисследованными.

СОЮЗ КОРПОРАТИВНЫХ ЛИБЕРТАРИАНЦЕВ

По меньшей мере три крупных группы — экономические рационалисты, рыночные либералы и представители корпоративного класса — образовали влиятельный политический альянс, ставящий целью распространение общего идеологического учения с догматическим

рвением, которое обычно ассоциируется с религиозными крестовыми походами.

Экономические рационалисты. Экономические рационалисты — это преимущественно профессиональные экономисты неоклассической школы экономики. Рационализм, определяемый в словаре как «доктрина, утверждающая, что знание происходит исключительно от чистого разума, без участия органов чувств» , является философской основой большей части современной экономики, апологеты которой присягают на веру в рациональные структуры анализа, выведенные дедуктивно из основополагающих принципов. Эта приверженность рационализму дает опору утверждению, что экономика — это единственная по-настоящему объективная, свободная от оценок общественная наука. Первый принцип логической структуры неоклассической экономики гласит, что основной движущей силой человеческой деятельности является личная выгода и, при наличии максимальной свободы от всяких ограничений, личные решения, продиктованные этой личной выгодой, ведут к общественно полезным результатам. Экономический рационализм придает идеологии свободного рынка интеллектуальную законность, а коалиция, сформированная вокруг этой идеологии, дает экономистам влиятельную политическую основу.

Рыночные либералы. Рыночные либералы привносят в эту коалицию моральную философию, основанную на индивидуальных правах, которая сильно импонирует тем, кто питает естественное недоверие к большому правительству. По словам Роджера Пайлона из Института Като в Вашингтоне, мозгового центра, занимающегося распространением рыночного либерализма, позиция рыночного либерала исходит из «предпосылки морального равенства, определяемого правами, а не ценностями». Рыночные либералы полагают, что люди имеют право отстаивать любые взгляды, если они при этом уважают то же право для окружающих. Это «подразумевает, что мы только сами отвечаем за себя, за то, как много или как мало мы получаем от этой жизни». Рыночные либералы верят в то, что «права и собственность неразрывно связаны. ... В широком смысле... собственность — это основа всех наших естественных прав. Пользуясь этими правами, при условии уважения прав других, мы можем добиваться счастья любым угодным нам способом». Сюда входит организация добровольных ассоциаций посредством механизма контракта. Единственные обязанности, обусловленные этими правами, заключаются в уважении таких же прав других людей, законопослушании и соблюдении контрактных договоров. Рыночный либерализм привносит в господствующую идеологию оттенок моральной законности. Взамен этого

ведущие сторонники рыночного либерализма, такие как Институт Като, получают значительную финансовую помощь и политическую поддержку от крупных корпораций, чьи интересы они отстаивают.

Представители корпоративного класса. Этот класс состоит из таких людей, как менеджеры корпораций, юристы, консультанты, специалисты в области общественных отношений, финансовые брокеры и состоятельные инвесторы, которые получают выгоды от расширения прав и свобод корпоративного лица. Некоторых из них связываете корпоративным либерализмом личный интерес, других — моральные убеждения, а многих — простоте обстоятельство, что это их работа. Они, как правило, яростно защищают как рыночную свободу, так и права собственности, которыми наделена корпорация как юридическое лицо. И хотя они не обязательно пытаются понять в деталях академические теории или моральную философию, они естественным образом связаны с интеллектуальной традицией, которая обосновывает стремление освободить рыночные институты от ограничивающей руки правительства, а также с философией, которая освобождает корпорацию от моральной ответственности за многие социальные и экологические последствия ее действий. Они распоряжаются огромными ресурсами корпорации, которые можно использовать для поддержки тех, кто служит корпоративным интересам.

Эти три группы образуют влиятельный политический союз, сочетающие интеллектуальную традицию и моральную философию с политическим интересом. Однако, как это часто случается с политическими союзами, их связь выглядит странно. Более того, вопреки внешней видимости, участие в союзе мало помогает даже самим его участникам. Если говорить об экономических рационалистах, то этот союз серьезно подорвал целостность и социальное единство экономики, сведя ее к системе идеологической индоктринации, которая попирает свое собственное теоретическое обоснование и далеко расходится с реальностью. Он также вовлек в отстаивание дела моральных философов, защищающих свободу личности в деле, которое усиливает способность корпорации поглощать права собственности людей и подавлять личную свободу всех членов общества, кроме наиболее состоятельных. Невероятный политический успех этого союза в перестройке экономических институтов в соответствии с корпоративными интересами создает чудовище, которого не в состоянии держать под контролем даже представители корпоративного класса. Он порождает мир, который они вряд ли хотели бы завещать своим детям.

Во имя личной свободы этот союз проталкивает идеологическую

доктрину, наиболее точно определяемую как корпоративный либертарианизм, поскольку следствием ее является помещение прав и свобод корпораций выше прав и свобод граждан. Хотя его и представляют как экономический вопрос, на самом деле это вопрос управления. Кому достанется управленческая власть и для какой цели?

Современная корпорация все больше превращается в независимую сущность, независимую даже от людей, составляющих ее. Каждый член корпорации, каким бы влиятельным ни было его положение в ней, стал заменим, как это начинает понимать все большее число высших руководителей. По мере того как корпорации приобретают все больше независимой организационной власти и все больше отдаляются от людей и от конкретного местоположения интересы человека и интересы корпорации расходятся все дальше. Это выглядит так, как-будто к нам вторглись инопланетяне, поставившие целью превратить нашу планету в колонию, превратить нас в крепостных и затем отстранить от дела как можно больше людей.

Я не делаю столь сильных заявлений легкомысленно. Их документальному подтверждению посвящены конец данной и все последующие главы книги.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО АДАМА СМИТА И ДАВИДА РИКАРДО

Сторонники корпоративного либертарианизма часто воздают должное Адаму Смиту как своему интеллектуальному покровителю. Его работы остаются интеллектуальной основой, на которой построена вся структура дедуктивных рассуждений и обоснований экономических рационалистов. Трагическая ирония состоит в том, что, хотя экономически рационалисты сейчас обращаются к этой структуре, чтобы придать идеологии корпоративного либертарианства интеллектуальную законность, классическая работа Смита «Богатство народов», впервые опубликованная в 1776 году, на самом деле представляла собой решительное осуждение монопольного бизнеса, поддерживаемого и защищаемого государством. Идеалом Адама Смита был рынок, состоящий исключительно из мелких покупателей и продавцов. Он показал, как работа такого рынка приводит к образованию цены, обеспечивающей справедливое вознаграждение земле, работникам и капиталу, как получается результат, удовлетворяющий и покупателя, и продавца, и как этим достигается оптимальный результат для

общества в плане размещения его ресурсов. Он дал ясно понять, что к этому результату можно прийти лишь тогда, когда ни покупатель, ни продавец не вырастают до таких размеров, чтобы влиять на рыночные цены. На таком рынке подразумевается значительная степень равенства в распределении экономической власти.

Смит был решительным противником любой монопольной власти, которую он определял как право и возможность для продавца поддерживать цену выше естественной цены неопределенно долгое время. В самом деле, он утверждал, что торговые секреты дают монополии преимущество и противоречат принципам свободного рынка. Он бы, несомненно, решительно возражал против нынешних попыток рыночных либертарианцев усилить контроль корпоративной монополии над правами интеллектуальной собственности через Генеральное соглашение о тарифах и торговле (ГАТТ). Мысль о том, что крупная корпорация может иметь исключительный контроль над лекарством или оборудованием, спасающим жизнь, и, следовательно, брать за них любую сумму, которую позволяет рынок, была бы для него абсолютно чудовищной.

Более того, Смит никогда не проповедовал моральной философии, защищающей безудержную алчность. Он писал о мелких фермерах и ремесленниках, стремящихся получить наилучшую цену за свои товары, для того чтобы обеспечить себя и свою семью. Это личный интерес, а не алчность. Алчность — это когда высокооплачиваемый менеджер корпорации увольняет 10 000 работников и затем вознаграждает себя премией в несколько миллионов долларов за то, что он сэкономил компании столько денег. Алчность — это то, что экономическая система, создаваемая корпоративными либертарианцами, поощряет и вознаграждает.

Смит очень не любил как правительства, так и корпорации. Он видел в них прежде всего инструмент для взимания налогов с целью субсидировать элиты и вмешиваться вдела рынка, чтобы защитить монополию. Он утверждал: «Гражданское правительство в той мере, в какой оно создано для защиты собственности, на самом деле создано для защиты богатых против бедных, или тех, у кого есть какая-либо собственность, против тех, у кого ее нет совсем». Смит нигде не упоминал о правительственном вмешательстве с целью обеспечить минимальные стандарты в области социального обеспечения, здравоохранения, охраны труда и экологии в интересах всех — защитить бедных и природу от богатых. Мы можем себе представить, принимая во внимание реалии тех дней, что подобная возможность даже не приходила ему в голову.

Теория рыночной экономики, в отличие от идеологии свободного рынка, определяет ряд основных условий, необходимых для того, чтобы рынок эффективно устанавливал цены в интересах общества. Чем больше нарушаются эти условия, тем менее эффективна рыночная система. Самое основное условие рынка — конкуренция. Я вспоминаю одного профессора, читавшего нам курс основ экономики, который приводил в пример рынок, состоящий из мелких фермеров, которые продают пшеницу мелким владельцам, для того, чтобы проиллюстрировать мысль о совершенной рыночной конкуренции. Сегодня четыре компании — «Конагра», «АДМ-миллинг», «Каргилл» и «Пилл-сбери» — мелют почти 60% всей муки, производимой в США, и две из них — «Конагра» и «Каргилл» — контролируют 50% экспорта зерна.

В реальном мире нерегулируемых рынков преуспевшие игроки становятся все крупнее и во многих случаях используют появившуюся у них экономическую власть для того, чтобы вытеснить или скупить более слабых игроков и взять контроль над еще большей долей рынка. В других случаях «конкуренты» тайно вступают в сговор и образуют картели или стратегические альянсы для увеличения прибылей путем установления рыночных цен выше уровня оптимальной эффективности. Чем крупнее рыночные «игроки», чем более актив но действует сговор, тем труднее новичкам и мелким независимым фирмам выжить, тем более монопольным и менее конкурентным становится рынок и тем большей политической властью могут пользоваться крупные фирмы для того, чтобы требовать уступок от правительства, которое позволяет им перекладывать еще большую часть стоимости на общество.

При таких условиях можно было бы ожидать, что экономические рационалисты будут рьяно защищать необходимость ограничивать слияние и приобретение компаний и дробить фирмы монополисты, чтобы восстанавливать условия конкурентного рынка. Однако они чаще отстаивают противоположную точку зрения: для того чтобы конкурировать на нынешних глобальных рынках, фирмы должны сливаться в более крупные объединения. Иными словами, они отстаивают теорию, которая предполагает наличие мелких фирм, но при этом активно поддерживают политику, направленную на усиление монополий.

Еще одно существенное условие эффективного рыночного распределения состоит в том, что все издержки производства должны лежать на производителе и включаться в отпускную цену производителя. Экономисты называют это интернализацией стоимости. Это условие настолько существенно для рыночной теории, что его редко оспаривают

даже наиболее доктринерские идеологи свободного рынка. Если некоторая часть стоимости произведенного товара перекладывается на третью сторону, которая никоим образом не участвует в сделке и не получает от нее выгоды, тогда экономисты говорят, что стоимость была экстернализована и, соответственно, цена товара была искажена. Иными словами, любая экстернализованная стоимость включает присвоение прибыли и перекладывание связанных с ней затрат на общество.

Экстернализованная стоимость никуда не исчезает, ее просто не принимают в расчет те, кто получает выгоду от принятия решений, дающих возможность переложить затраты на других. Например, когда корпорация, торгующая лесом, за бросовую цену приобретает права на сплошную вырубку общественного леса и оставляет после себя опустошенную среду обитания, то компания получает немедленную прибыль, а общество несет бремя долгосрочных затрат. Когда лесозаготовительные компании получают контракт от корпорации «Мицубиси» на заготовку леса, принадлежащего племени пенан в Сараваке, то эта корпорация не несет никаких расходов, связанных с разрушением местной культуры и образа жизни.

Точно так же какая-нибудь гигантская химическая корпорация экстернализует стоимость производства, когда она захоранивает производственные отходы без надлежащей обработки, перекладывая таким образом стоимость загрязнения воздуха, воды и почвы на общество в виде дополнительных расходов на лечение, неудобств, потери рабочего времени, необходимости покупать воду в бутылках и стоимости очистки того, что было заражено. Крупный розничный торговец экстернализует стоимость, когда он покупает товар у китайских подрядчиков, которые платят своим рабочим слишком маленькую зарплату, чтобы те могли поддерживать свое физическое и психическое здоровье хотя бы на минимальном уровне, или которые не поддерживают на должном уровне стандарты безопасности производства, а затем увольняют без компенсации рабочих, получивших увечья.

Когда продавец получает выгоду от экстернализации издержек, это представляет собой незаработанную прибыль, являющуюся крупным источником рыночной неэффективности, потому что он поощряет действия по экстернализации затрат. Передача выгоды покупателю в виде более низкой цены создает другой вид неэффективности, так как поощряет формы потребительства, которые используютограниченные ресурсы неэффективно. Например, чем больше экстернализуются экологические и социальные издержки производства и эксплуатации автомобиля, тем

больше автомобилей люди покупают и тем больше пользуются ими. Усиливается расползание городов, все больше продуктивной земли покрывается асфальтом, выбрасывается все больше загрязнителей, запасы нефти истощаются все быстрее, а избиратели предпочитают общественному транспорту, пешеходным и велосипедным дорожкам строительство новых шоссейных дорог.

И все же, вместо того чтобы требовать, чтобы издержки полностью интернализовались, корпоративные либертарианцы активно выступают за устранение государственного регулирования, указывая на потенциальную возможность экономии для потребителей и оставляя без внимания социальные и экологические последствия. Точно так же они советуют жителям местностей, где ощущается острая нехватка рабочих мест, добиваться большей конкурентоспособности на международном рынке и привлекать инвесторов, предлагая им более благоприятные условия, то есть больше возможностей для экстернализапии издержек корпораций с помощью различных субсидий, низкооплачиваемой рабочей силы, слабого природоохранного законодательства и налоговых льгот. Рыночные силы оказывают значительное давление на бизнес, побуждая его сокращать издержки и увеличивать доходы путем повышения эффективности. Корпоративные рационалисты при этом не упоминают, что один из путей увеличения «эффективности» — это экстернализапия большей доли своих издержек. Чем крупнее фирма, тем больше у нее возможности идти по этому пути. Как замечает экономист-эколог Нива Гудвин, «в основном все это перекладывание издержек на чужие плечи связано с властью. Зачем вообще иметь власть, если вы не можете использовать ее для экстернализации своих издержек, для того, чтобы переложить их на кого-нибудь другого?». Когда корпоративные либертарианцы поощряют деятельность, которая позволяет корпорациям и богатым инвесторам социализировать свои издержки и приватизировать свои доходы, то они проявляют верность политическим интересам, а не экономическим принципам.

Третье существенное условие теории рынка Адама Смита и теории торговли Давида Рикардо, редко отмечаемое корпоративными либертарианцами, состоит в том, что капитал должен быть прикреплен к конкретному месту и стране, и его владельцы должны непосредственно участвовать в управлении им. Адам Смит в труде «Богатство народов» совершенно ясно писал, что капитал должен использоваться в том же месте, где живет его владелец, и что это условие является решающим для того, чтобы невидимая рука рынка превратила стремление к личной выгоде

в оптимальное общественное благо.

Предпочитая поддерживать местную, а не иностранную промышленность, он [предприниматель] стремится лишь к своей собственной безопасности, управляя отраслью таким способом, чтобы можно было получить максимальную стоимость, он ищет лишь своей собственной выгоды, и в этом, как и в других случаях, им управляет невидимая рука, ведущая к цели, не входившей в его намерения.

Обстоятельства, которые, как полагал Адам Смит, побуждают человека инвестировать в местную промышленность, — это неспособность осуществлять контроль за своим капиталом в случае его размещения вдали от дома. В нынешний век мгновенной связи по телефону, факсу и компьютеру и возможности долететь до любой точки земного шара меньше чем за 24 часа это условие более не применимо. И в то же время местное владение производительными инвестициями по-прежнему остается предпочтительным с точки зрения данного района и общества в целом. Местные инвестиции обеспечивают местное трудоустройство, и их легче приводить в соответствие с местными стандартами.

Смит также предельно ясно заявлял, что оптимальная рыночная эффективность зависит от непосредственного участия собственника капитала в его управлении, потому что он считал, что собственники проявляют больше усердия в обеспечении наиболее эффективного использования имеющихся ресурсов, чем управляющие, которые не имеют такой заинтересованности.

Однако мы не можем ожидать от директоров таких компаний, которые управляют деньгами чужих людей, а не своими кровными, такого же бдительного внимания, с каким частные совместные партнеры следят за своими собственными... Следовательно, в управлении такой компании вы скорее найдете проявления халатности и расточительства.

Таким образом, он считал, что эффективный рынок должен состоять из мелких местных предприятий, управляемых самими владельцами, проживающими в той же местности. Такие владельцы обычно разделяют те же ценности, что и местные жители, и лично заинтересованы в процветании данного района. У такого рынка мало общего с глобализованной экономикой, в которой властвуют крупные корпорации, не имеющие ни малейшего чувства преданности данной местности или стране и управляемые профессионалами, отделенными от настоящих владельцев многими уровнями инвестиционных институтов и холдинговых компаний.

Теория сравнительного преимущества, на которую обычно ссылаются сторонники свободной торговли в доказательство того, что свободный

рынок содействует общественному благу, впервые была высказана Давидом Рикардо в 1817 году. Теория Рикардо прекрасно показывает, что при определенных условиях свободная торговля между двумя странами работает на пользу жителей обеих стран. Для этого необходимы три существенных условия: капитал не должен пересекать границу из страны с высоким уровнем заработков в страну с низким уровнем, торговля между странами-участницами должна быть сбалансирована, и в каждой стране должна быть полная занятость.

Во времена Рикардо торговля большей частью состояла в обмене завершенными национальными товарами, произведенными на национальных предприятиях. В наше время изделия обычно собирают из деталей, произведенных в большом числе стран силами рабочих разных стран. Чаще всего этот процесс координируют глобальные корпорации, и в результате этого приблизительно одну треть от международного торгового оборота в 3,3 трлн долл. в 1990 году составляли сделки внутри одной фирмы. Все большая часть международной торговли происходит внутри одной и той же отрасли, то есть разные страны обмениваются одними и теми же товарами — например, когда Соединенные Штаты и Япония продают друг другу автомобили, — так что довольно трудно говорить о естественном сравнительном преимуществе, что делает теорию торговли неприменимой при оценке соответствующих издержек и выгод.

Большинство корпоративных либертарианцев идет гораздо дальше простого пренебрежения предпосылками, заложенными в теории Рикардо; они активно протаскивают (через ГАТТ и прочие торговые соглашения) снятие ограничений на движение капитала между странами, нарушая таким образом одно из самых существенных условий торговой теории. На самом деле «торговые соглашения», за которые ратуют корпоративные либертарианцы, вовсе не связаны с торговлей: они связаны с экономической интеграцией. Если теория сравнительного преимущества применима к сбалансированной торговле между национальными экономиками, во всем остальном независимыми, то совсем другая теория — теория выравнивания на более низком уровне — применима, когда национальные экономики объединяются.

Когда капитал ограничен пределами национальных границ торговых партнеров, то он должен перетекать в те отрасли, в которых страна происхождения имеет сравнительное преимущество. Когда же экономики сливаются, то капитал может перетекать в любое место, где есть больше возможности экстернализовать издержки. Главное следствие этого — перемещение доходов от рабочих к инвестору и перекладывание издержек

с инвестора на общество.

Экономист Нива Гудвин, которая возглавляет Институт глобального развития и окружающей среды в Тафтском университете, полагает, что само разделение границ между различными дисциплинами неоклассической экономики порождает искажение и неправильное применение экономической теории. Как она указывает, неоклассическую школу экономики можно в целом охарактеризовать как политическую экономию Адама Смита минус политический анализ Карла Маркса:

Классическая политическая экономия Адама Смита была гораздо более широкой и приближенной к человеку дисциплиной, чем та экономика, которая сегодня преподается в университетах... На протяжении как минимум одного столетия был практически наложен запрет на тему экономической власти в капиталистическом контексте; это была коммунистическая (марксистская) идея. Само понятие класса точно так же не подлежало обсуждению.

Адам Смит так же остро понимал проблему власти и классов, как и динамику конкуренции на рынках. Однако неоклассические и неомарксистские экономисты растащили на части его целостное восприятие политической экономии; причем одни взяли те части его анализа, которые были выгодны владельцам собственности, а другие взяли те, что были благоприятны поставщикам труда. Таким образом, неоклассические экономисты выхолостили из учения Смита его соображения относительно разрушительной роли власти и классов, а неомарксисты — положительные функции рынка. И те и другие проводили социальные эксперименты, воплощавшие лишь частичное видение общества с разрушительными последствиями огромного размаха.

ЭКОНОМИКА И ДЕМАГОГИЯ

Вечером 1 декабря 1994 года сессия Сената США незадолго до ее перевыборов проголосовала за ГАТТ с перевесом 76 против 24. Широкая коалиция сенаторов-республиканцев и демократов поддержала эти меры перед лицом растущей оппозиции со стороны тех американцев, которые знакомы с соглашением и той угрозой, которую оно представляет для рабочих мест, окружающей среды и демократии. Единая и недвусмысленная поддержка соглашения президентом Биллом Клинтоном и вице-президентом Альбертом Горомеще больше увеличила разрыв между

ними и значительной частью их избирателей среди рабочих и экологов.

Си-спэн — кабельный телеканал, передающий новости, — сразу после голосования организовал телефонную конференцию. В телестудию был приглашен Даг Харбрехт, редактор раздела торговли журнала «Бизнес уик». Когда множество телезрителей один за другим звонили и выражали свое возмущение политиками, которые про голосование за соглашение в интересах большого бизнеса при полном пренебрежении волей народа, Харбрехт прокомментировал, что их позиция, благоприятствующая ГАТТ, безукоризненна с экономической точки зрения, но ошибочна с политической. Как и многие из его коллег, Харбрехт не проводил различия между хорошей экономикой и политически уместной идеологией свободного рынка. Глобальная экономическая интеграция, осуществляемая посредством ГАТТ, содействует условиям, которые противоречат самим основам рыночной экономики и заменяют ее на экономическую систему, которая запрограммирована на саморазрушение с чудовищными последствиями для человечества. Поэтому едва ли его можно считать хорошим экономическим решением.

Можно выразить удивление по поводу того, как могут экономические реалисты выступать за экономическую интеграцию, если она способствует условиям, противоречащим успешному осуществлению функций рынка. В большой степени ответ заключается в их хорошо известной способности отгораживаться от реальности с помощью предположений. Эта их способность была увековечена в апокрифическом анекдоте о трех ученых — физике, химике и экономисте, — оказавшихся на необитаемом острове. Они извлекли из обломков своего корабля банку консервированных бобов, но, к сожалению, не нашли ничего, чем можно было бы ее открыть. Они не сомневались, что при таком высоком умственном потенциале, как у них, они без всякого труда справятся с этой простой задачей. Физик указывает на близлежащее дерево и предлагает залезть на него, чтобы сбросить банку под определенным углом на скалу, находящуюся невдалеке от пальмы, чтобы она открылась от удара. Химик замечает, что при ударе бобы разлетятся во все стороны, и предлагает прибегнуть к соленой воде, которая создаст химическую реакцию окисления, и ржавчина выест крышку. Тогда экономист говорит: «Вы оба слишком усложняете эту простую задачу. Прежде всего, давайте предположим наличие консервоот-крывателя». Как тот экономист в анекдоте, когда реальный мир расходится с условиями, необходимыми для поддержки предпочитаемого ими политического выбора, экономические рационалисты проявляют склонность решать это противоречие, предполагая условия, которые

поддерживают их рекомендации.

Возьмем, к примеру, тот очевидный факт, что человеческая экономика существует в рамках естественной природной среды и зависит от нее. Еще в 1798 году Томас Роберт Мальтус высказал предположение, что природные ограничения могут сделать рост населения проблемой для будущего человечества. Неоклассические экономисты отделались от этого неудобства, приняв модель анализа, которая предполагает, что экономика состоит из изолированных, полностью самодостаточных круговых потоков обмена ценностями (трудом, капиталом и товарами) между фирмам и и семьями без учета окружающей среды. Иными словами, их модель предполагает, что окружающей среды как бы не существует. Затем, вопреки логике, они используют эту модельдля доказательства того, что окружающая среда не имеет большого значения для функционирования экономики. На тех, кто ставит под сомнение возможность безграничного роста на ограниченной планете, навешивают едкий ярлык «неомальтузианца». Вера в возможность безграничного роста есть самая суть идеологической доктрины корпоративного либертарианства, потому что принятие реальности физических границ означает признание необходимости ограничения алчности истяжательства во имя экономической справедливости и разумной достаточности. Рост должен уступить место перераспределению богатств и природных ресурсов как главной цели экономической политики. Склонность экономических рационалистов к выбору своих предположений, так чтобы они подходили к желаемым выводам, проявляется особенно ярко в компьютерных моделях, которые они используют для демонстрации экономических выгод от устранения торговых барьеров. Во время общественных дебатов на тему Североамериканского соглашения о свободе торговли (НАФТА) сторонники этого соглашения активно ссылались на результаты многих компьютерных моделей, известных как модели общего равновесия, в качестве доказательства, что НАФТА создаст большое число новых рабочих мест для каждой из стран-участниц этого соглашения — Канады, Соединенных Штатов и Мексики. Экономист Джеймс Санфорд проанализировал модели, использованные для получения таких выводов, и составил перечень предположений, лежащих в их основе. Он пришел к выводу, что в каждой из моделей использовались предположения, взятые из классической торговой теории, которые находились в вопиющем противоречии с экономической реальностью стран-участниц НАФТА. Для иллюстрации этих противоречий он написал некий гипотетический диалог между работницей автомобильного предприятия на Среднем Западе

Соединенных Штатов и одним из экономистов, поддерживающих соглашение НАФТА. Работница говорила составителю модели о своих опасениях:

Если соглашение НАФТА будет утверждено, компания «Форд» конечно же, переведет завод по производству автомашин марки «Торос» в Мексику, где она сможет нанять рабочих за одну десятую часть моей зарплаты и где нет независимых профсоюзов, а затем экспортировать машины в Соединенные Штаты. При существующем упадке рынка труда в этой части страны я не вижу каких-либо перспектив найти работу за такую же зарплату.

Экономист, составивший модели, страшно удивленный, уверяет ее, что он является экспертом по вопросам торговли и что ее опасения совершенно беспочвенны:

Вам не о чем беспокоиться. Я составил компьютерную модель, которая показывает, что на самом деле вы получите преимущества от этого торгового соглашения, потому что НАФТА создаст новые рабочие места в Америке. Вот как работает модель. В ней я предполагаю, что капитал не меняет своего местоположения. Следовательно, фирма «Форд» не может перевести свой завод в Мексику. Она также и не захочет это сделать, потому что я предполагаю, что оплата труда за производство одной детали одинакова в обеих странах и в моей модели американцы отдают явное предпочтение товарам, произведенным в Америке, даже если они более дорогие.

Моя модель также предполагает наличие полной занятости и оговаривает, что любой импорт в США из Мексики должен быть сбалансирован американским экспортом, так что новые производства товаров на экспорт обязательно будут открыты здесь, чтобы заменить любые производства, которые могут быть замещены мексиканским импортом. Поскольку на заводе «Форда» вы получаете зарплату выше средней, то очевидно, что вы обладаете ценной рабочей квалификацией. При полном трудоустройсва ее вы, безусловно, вскоре найдете другую работу на одном из этих новых экспортных производств, возможно даже более высоко оплачиваемую, чем ваша нынешняя. Поэтому НАФТА будет для вас чрезвычайно полезно.

Легко можно себе представить, что рабочий, столкнувшийся с таким объяснением, может заключить, что создатель экономической модели только что прилетел с какой-нибудь далекой планеты и очень плохо знаком с земной жизнью. Хотя эта дискуссия вымышленная, однако предположения, высказывание экономистом (выделенные курсивом), вовсе

не вымысел. Каждое из них встроено в одну или несколько экономических моделей, которые использовали торговые эксперты для доказательства того, что Соединенные Штаты в результате принятия НАФТА получат выгоды в создании рабочих мест. Сравнивая модели и их результаты, Санфорд обнаружил прямую связь между нереалистичными предположениями и благоприятными прогнозами по количеству рабочих мест — чем менее реалистичны предположения, тем более оптимистичны прогнозы. Более реалистичные модели предсказывали либо отрицательные, либо незначительные последствия, по крайней мере для одного из партнеров.

Те, кто использует эти модели для проталкивания своих интересов, нигде не упоминают о предположениях, заложенных в их основу. Искажения получаются настолько грубые и постоянные, что невольно закрадывается сомнение: а не преднамеренный ли это обман общественности? Например, во время обсуждений по вопросам НАФТА газета «Нью-Йорк тайме», неприкрытый сторонник свободной торговли, пошла на необычный шаг и поместила на первой странице букварь экономики торговли. В этом букваре приводилось объяснение теории относительного преимущества для обоснования поддержки редакцией законодательства по НАФТА. Однако нигде ни слова не было сказано о предположениях, положенных в основу этой теории, не говоря уже о том, насколько эти предположения далеки от реальности. Письма с указаниями этих упущений, посланные в редакцию «Нью-Йорк тайме» мной и другими, не были опубликованы.

Те, кто допускает подобное искажение, поддерживают как благоприятную для общего блага ту политику, которая глубоко укореняет экономические правила, дающие преимущества самым алчным из нас и невыгоды всем остальным.

МОРАЛЬНОЕ ОПРАВДАНИЕ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ

Моральные философы рыночного либерализма увековечивают подобные искажения, пренебрегая разницей между правами денег и правами человека. В самом деле, они уравнивают свободы и права граждан со свободой рынка и правами частной собственности. Свобода рынка — это свобода денег, и когда действуют права собственности, а не права личности,то права есть лишь у тех, у кого есть эта собственность. Более того, утверждая, что единственным обязательством личности является

соблюдение контрактов и уважение прав собственности окружающих, «моральная» философия рыночного либерализма. Успешно освобождает тех, у кого есть собственность, от обязательств перед теми, у кого ее нет. Она оставляет без внимания то, что в реальном мире контракты между слабыми и влиятельными редко бывают равными и что сам институт контракта, как и институт собственности, поддерживает и даже усиливает неравенство в обществе неравенства. Она узаконивает и усиливает системы, которые порождают бедность, утверждая при этом, что бедность есть следствие праздности и врожденных дефектов характера бедняков.

Основной предпосылкой демократии является то, что у каждого человека есть одинаковые права перед законом и равный голос в делах политики:один человек — один голос. Мы можем справедливо смотреть на рынок как на демократического арбитра прав и предпочтений — как утверждают рыночные либералы — лишь при условии, если права собственности распределены равномерно. И хотя рынок может эффективно размещать средства и при отсутствии полного равенства, однако когда 358 миллиардеров владеют богатством в 760 млрд. долл. — т.е. имеют столько же, сколько 2,5 млрд. самых бедных людей мира, — то нельзя предположить, что рынок будет функционировать справедливо или эффективно, а сама законность института рынка; может быть поставлена под сомнение .

Такие издания, как «Форчун», «Бизнес уик», «Форбс», «Уолл-стрит джорнал» и «Экономист» — все как один ярые сторонники корпоративного либертарианства, — редко хвалят экономику за ее прогресс в устранении бедности, которая вынуждает более миллиарда людей прозябать в абсолютной нищете, или за шаги в направлении большего равенства, или не хвалят вообще. Вместо этого они регулярно оценивают состояние экономики по количеству миллионеров и миллиардеров, которое она создает, а компетентность менеджеров — по тому; холодному равнодушию, с которым они выставляют за ворота тысячи работников; успех частных лиц — потому, сколько миллионов долларов в год они добавили к своему состоянию, а успех компаний — по глобальному распространению их власти и их способности доминировать на глобальных рынках.

Возьмем, к примеру, статью, иллюстрация к которой вынесена на обложку журнала «Форбс» за 5 июля 1993 года, трубящую необычайных достижениях свободного рынка, под заголовком «Познакомьтесь с самыми последними миллиардерами»:

По мере того как растет разочарование в социализме и других формах государственной экономики, частная, яичная инициатива

начинает высвобождаться в поисках своей судьбы. Богатство, естественно, не заставляет себя долго ждать. Двумя самым крупными открытиями для свободного рынка в нынешнем десятилетии стали Латинская Америка и Дальний Восток. И неудивительно, что наибольшее скопление миллиордеров в нашем списке появилось из закваски этих двух регионов. Одиннадцать новых мексиканских миллиардеров за два года и семь этнических китайцев.

Становясь на несколько более популистскую точку зрения, журнал «Бизнес уик» опубликовал специальное сообщение, озаглавленное «По миллионеру в минуту», в выпуске от 29 ноября 1993 года. В него входит этот бравурный отчет о том, чего достиг свободный рынок в Азии:

Богатство. Для большинства азиатов лишь одно поколение назад это означало переселение в США или продажу природных ресурсов в Японию. Но теперь Восточная Азия создает свое собственное богатство со скоростью и в масштабах, которые, возможно, не имеют прецедента в человеческой истории. Ожидается, что к 1996 году количество азиатских мультимиллионеров, — не японцев, удвоится до 800 000... Восточная Азия превзойдет Японию по покупательной способности в течение одного десятилетия. И при сбережениях, возрастающих на 550 млрд. долл. в год, она уже становится самым крупным в мире источником ликвидного капитала. «В Азии, — говорит Оларн Чайправат, генеральный директор «Сиамского коммерческого банка», — деньги валяются под ногами»... Новые рынки есть для всего: от машин «Мерседес-бенц» до сотовых телефонов фирмы «Моторола» и совместных фондов «Фиделити»... Чтобы найти в истории нечто подобное, вам нужно вернуться на сто лет назад в историю США, к тем дням, когда еще не появились сильные профсоюзы, сторожевые псы ценных бумаг, и антитрестовские законы.

Подобные истории не просто прославляют погоню за наживой, они извращенно возводят их на уровень религиозной миссии. Несмотря на то что кучка азиатов сколотила огромные состояния, а небольшое число азиатов поднялось до уровня сверхпотребителей, страдания 675 млн. азиатов, которые живут в условиях абсолютной нищеты, по-прежнему продолжаются. В специальном выпуске за 1994 год, озаглавленном «Капитализм XXI века», журнал «Бизнес уик» подтвердил, что рыночная экономика есть классовый предмет и что корпоративные либертарианцы не оставляют сомнений, интересы какого класса они представляют.

Смертельная агония коммунизма, безусловно, дала рождение новой эре, оставляя большинству стран лишь один выбор — вступить... в рыночную экономику... Почти 150 лет спустя после опубликования

Коммунистического манифеста и более чем полвека спустя после появления тоталитаризма буржуазия победила.

Самопровозглашенная «объективность, свободная от оценок» экономического рационализма, легко смыкается с элитарной моральной философией рыночного либерализма. Редко где это было более откровенно выражено, чем в широко разрекламированной памятке для персонала, написанной Лоуренсом Саммерсом в бытность его главным экономистом Всемирного банка. Саммерс доказывает, что для богатых стран наиболее эффективно захоранивать свои токсичные отходы в бедных странах, потому что у бедняков продолжительность жизни и возможность получения доходов меньше, чем у богатых. В последующем комментарии к памятке Саммерса журнал «Экономист» убеждает, что моральная обязанность богатых стран экспортировать свои загрязнения в бедные страны, потому что это дает беднякам экономические возможности, которых они в противном случае были бы лишены.

Используя еще один самооправдательный поворот моральной логики экономические рационалисты обычно утверждают, что богатые страны лучше всего помогают бедным странам, увеличивая потребление у себя на родине, с тем чтобы увеличить спрос на экспортные товары из бедных стран, стимулируя таким образом их экономический рост и вытаскивая их из бедности . Отрицая или оставляя без внимания существование экологических пределов, они утверждают, что нет морального или практического основания для уменьшения потребления среди богатых, для того чтобы облегчить страдания бедных. Наоборот, они говорят, что моральным долгом богатых является потреблять больше, чтобы создавать больший рост и обеспечивать больше возможностей для бедных. — удобное оправдание для налоговых льгот инвесторам и для колонизации еще больших объемов мировых ресурсов с целью поддержки неуемного потребления тех, кто может себе это позволить. Едва ли следует удивляться, что экономический рационализм и рыночный либерализм очень импонируют людям состоятельным.

Если бы экономические рационалисты и рыночные либералы были серьезно привержены рыночным принципам и правам человека, то они бы требовали проводить политику, направленную на достижение условий, в которых рынки действуют демократическим образом в интересах общества. Они призывали бы к принятию мер по прекращению субсидий и льгот для крупных корпораций, содействовали бы более равномерному распределению правособственности, интернализации социальных и природоохранных издержек, прикреплению капитала к конкретному месту,

гарантии прав рабочих на справедливое распределение плодов их труда и ограничению возможности получения чрезмерных доходов, существенно превышающих вклад в производство.

Корпоративное либертарианство вовсе не ставит задачей создание рыночных условий, при которых произойдет оптимизация общественных интересов. Оно вообще не заботится об этих интересах. Оно защищает и укореняет право экономически могущественных делать все то, что наилучшим образом служит их непосредственным интересам, без всякой ответственности перед, обществом за последствия. Оно отводит власть институтам, которые слепы к проблемам равенства и экологического равновесия.

Миллионы вдумчивых, умных людей, которые с полным основанием проявляют недоверие к большому правительству, верят в честный, упорный труд имеют глубокие религиозные ценности и верны семье и обществу, подвергаются обману при помощи ложной информации и искаженной интеллектуальной и моральной логики, постоянно повторяемых через средства массовой информации, находящихся под контролем корпораций. Их обманным путем» вынудили принять ту политику, которая идет вразрез как с их собственными ценностями, так и с их собственными интересами. Те, кто работает внутри наших крупных корпоративных, академических, политических, правительственных и других институтов, находят, что системы культуры и вознаграждения настолько тесно связаны с корпоративной либертарианской идеологией, что они не осмеливаются возражать против нее из страха потерять работу и разрушить свою карьеру. Мы должны вырваться из пут иллюзий и искажений, которые держат нас в саморазрушительном культурном трансе, и наладить работу по воссозданию нашей экономической системы, поставив ее на службу человеку и живой земле.

6. Упадок демократического плюрализма

Какое это поразительное ощущение — наблюдать, как цивилизация разрушает себя, потому что она неспособна переоценить ценности в совершенно новых условиях экономической идеологии.

Сэр Джеймс Голдсмит

Поборники корпоративного либертарианизма с ликованием приветствовали распад Советской империи в 1989 году как победу свободного рынка и мандат на дальнейшее продвижение к своей цели. Франсис Фукуяма провозгласил, что долгий путь человеческой эволюции близок к своему логическому завершению — универсальному, глобальному обществу потребления. Он назвал это концом истории .

Правительства и корпорации Запада тут же пустились убеждать Восточную Европу и страны бывшего Советского Союза воспользоваться уроками западного успеха, открыть свои границы и освободить свою экономику. Целые армии западных экспертов были брошены на помощь этим и другим «переходным странам», с тем чтобы написать законы, которые проложили бы путь для вторжения западных корпораций в их страны.

Одновременное этим промышленный Запад активизировал свои усилия по созданию унифицированной глобальной экономики посредством Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), учреждения влиятельной Всемирной торговой организации (ВТО) и создания региональных рынков с помощью таких инструментов, как Североамериканское соглашение о свободе торговли (НАФТА), Маастрихтский договор (Европейский Общий рынок) и Азиатско Тихоокеанское экономическое сообщество (АТЭС). Желая услужить могущественным корпоративным интересам и не имея других практичных идей, Президент США Билл Клинтон принял экономическую глобализацию и как свою программу по созданию рабочих мест, и как свою внешнюю политику.

Марксистский социализм и в самом деле умер бесславной смертью.

Однако было бы так же неверно приписывать экономический и политический триумф Запада безудержному рынку, как и списывать неудачу СССР на счет активистского государства. Вопреки хвастливым притязаниям корпоративных либертарианцев, Запад добился расцвета в период после Второй мировой войны не потому, что он отверг государство в пользу рынка. Он добился расцвета скорее потому, что отверг экстремистские идеологии, как левых, так и правых в пользу демократического плюрализма — системы управления, основанной на прагматическом равновесии сил институтов правительства, рынка и гражданского общества.

Побуждаемая императивами депрессии и войны, Америка сумела выйти из Второй мировой войны в таком состоянии, когда правительство, рынок и общество работают сообща в более здоровом, более динамичном и более творческом равновесии, чем в любое другое время, начиная с времени, предшествующего Гражданской войне. Относительно равномерное распределение дохода создало обширный массовый рынок, который, в свою очередь, привел к бурному развитию промышленности. Америка, конечно же, была очень далека от социализма, но при этом не была и полностью капиталистической. Ее можно было бы точнее охарактеризовать как плюралистическую. Это та Америка, которая твердо выстояла против угрозы, исходившей от Советской империи, и вышла; победительницей из «холодной» войны. Коммунизм победила Америка демократического плюрализма и равенства, а не Америка «свободного» рынка.

Сходные модели развития, хотя и с некоторой спецификой, преобладали в большинстве других западных промышленных демократий. Некоторые из них продвинулись дальше других в сторону общественной собственности и управления национализированными отраслями промышленности, но все это происходило в рамках плюрализма, в которых и рынок, и правительство играли равные роли.

В отличие от них советская система избрала путь идеологического экстремизма с такой преобладающей ролью государства, что рынок и частное владение собственностью были фактически устранены. Та же самая идеология привела к устранению гражданского общества из управления, оставив государство полным и бесконтрольным хозяином. При отсутствии плюралистического равновесия и отчетности перед гражданами, столь необходимых для здорового общества, советская экономика оставалась глуха к нуждам общества и одновременно неэффективна в использовании ресурсов. Последовавшие отсюда

страдания советского народа не были следствием активистского государства. Они были следствием экстремистской идеологии, которая исключала все, кроме государства.

Запад сейчас сползает на сходный путь экстремистской идеологии; разница состоит лишь в том, что нас загоняют в зависимость от независимых от нас и неподотчетных нам корпораций, а не независимомого от нас государства.

По иронии судьбы, чем в большей степени корпоративные либертарианцы приближают нас к своему идеологическому идеалу свободного рыночного капитализма, тем больше неудач терпят рыночные режимы — примерно по тем же причинам, по которым потерпели поражение и марксистские режимы.

• И марксистский, и рыночный режим ведет к концентрации экономической власти в бесконтрольных централизованных институтах — в государстве в случае марксизма и в транснациональных корпорациях в случае капитализма.

• И тот и другой создает экономическую систему, разрушающую живые системы Земли именем экономического прогресса.

• И тот и другой порождает безвольную зависимость от гигантских институтов, разрушающую социальный капитал, который определяет эффективное функционирование рынков, правительств и общества.

• И тот и другой берет в основу узкоэкономистический взгляд на потребности человека, подрывающий ощущение духовной связи с землей и единства жизни на ней, абсолютно необходимой для поддержания нравственной основы общества.

Экономическая система может оставаться жизнеспособной лишь до тех пор, пока у общества есть механизм противодействия злоупотреблениям государственных или рыночных сил и той эрозии природного, социального и морального капитала, которую эти злоупотребления обычно обостряют. Демократический плюрализм вовсе не является идеальным ответом на проблему управления, но, похоже, это наилучший механизм, который мы пока создали в этом несовершенном мире.

СОХРАНЕНИЕ КОНКУРЕНТНОСТИ РЫНКОВ

Хотя представители бизнеса часто жалуются, будто правительство

понапрасну вмешивается в их дела, тем не менее, большинство призывов к освобождению рынка игнорирует главную реальность: эффективная работа рыночных экономик возможна при наличии сильного правительств. Эта зависимость хорошо известна в современной экономической теории рынка и была продемонстрирована на практике. В своей исчерпывающей критике корпоративного либертарианизма, озаглавленной «Ради общего блага», Герман Е. Дейли и Джон Кобб-младший выдвигают ряд условий, от которых зависит успешное функционирование рынка, и которые рынок сам по себе не в состоянии обеспечить .

Честная конкуренция. По своей природе конкуренция создает победителей и побежденных. Победители приобретают все больше власти по мере своего роста. Проигравшие исчезают. Чем большего размера достигают победители, тем труднее новым игрокам пробиться на рынок и тем более монополистичным становится этот рынок. Даже дети, играющие в семейную настольную игру под названием «монополия», это знают. По мере развития игры, игроки в «монополию» приобретают собственность, за которую взимают друге друга аренду. Те, кто купил собственность в начале игры, в конце концов, доводят до разорения менее удачливых. Игра заканчивается тогда, когда все игроки, кроме одного, разоряются. Опытные игроки знают, что всякий, кто приходит позже и присоединяется к игре после того, как остальные игроки уже успели приобрести первоначальную собственность, не имеют никаких шансов на выигрыш. Большинство игроков выбывают из игры после того, как один из них приобретает существенное преимущество, так как даже для умного и удачливого игрока не существует возможности обойти его и одержать неожиданную победу.

Монополия реального мира очень похожа на эту игру, разве что у более крупных игроков есть дополнительное преимущество — возможность использовать свою финансовую власть для оказания влияния на законодателей, чтобы те изменяли правила игры, и тем самым получать еще больше преимуществ. В результате возникает неизбежная тенденция к монополизации, сдержать которую может лишь твердая рука правительства. Однако политики редко желают напрягать эту твердую руку, если нет кризиса и требований со стороны активного и хорошо организованного гражданского общества.

Моральный капитал. Хотя рыночная теория предполагает, что люди, движимые личным интересом, и реальные рынки часто поощряют жадность, нечестность, в целом аморальное поведение, успешная повседневная деятельность рынка основывается на доверии. Рынок, на котором участниками движут исключительно жадность и желание

получить немедленное преимущество в конкурентной борьбе любым путем, — рынок без доверия, сотрудничества, сострадания и личной честности, — был бы не только неприятным местом для занятия бизнесом но также и чрезвычайно неэффективным, требующим непомерных затрат на юристов, охранников и другие защитные мероприятия. Ни общество, ни рыночная экономика не могут успешно функционировать без морального фундамента.

Общественное благо. Многие капиталовложения и услуги, которые абсолютно необходимы для общего блага, — такие как вложения в научные исследования, общественную безопасность и правосудие, народное образование, дороги и национальную обороноспособность, — не предоставляются рынком, потому что, как только они произведены, они открыты для свободного пользования любого человека. Даже большинство корпоративных либертарианцев признают роль правительства в предоставлении таких общих благ, особенно тех общих благ и услуг, которые необходимы для прибыльной деятельности чистого бизнеса. Сама работа может быть сделана и частными подрядчиками, но счета должны быть оплачены правительством из налоговых поступлений.

Полное отражение издержек в цене. Рынок лишь тогда оптимально распределяет ресурсы, когда продавцы и покупатели несут полные издержки производства продуктов, которые они производят, приобретают и потребляют. И крайне редко полная стоимость издержек интернализуется на нерегулируемом рынке, если это вообще происходит, потому что давление конкуренции требует экстернализации издержек при малейшей возможности. Производитель, который успешно экстернализовал социальные и экологические издержки, получит более высокую прибыль и привлечет больше инвесторов, а также сможет предложить более низкую цену и захватить большую часть рынка. По мере возрастания его экономической власти увеличивается и его политическое влияние, которое обычно преобразуется в дальнейшие субсидии. Прекрасно, если какая-нибудь компания открывает для себя существование внутренних резервов в том, чтобы уменьшать количество отходов и выплачивать рабочим справедливую зарплату, однако опыт показывает, что в деятельности рынка нет внутренних резервов, которые бы поощряли такое поведение без активного вмешательства со стороны правительства.

Справедливое распределение. В рыночной системе наблюдается сильная тенденция, особенно в периоды экономической экспансии, к тому, чтобы увеличивались богатство и доходы владельцев капитала, а доходы тех, кто продает свою рабочую силу, отставали и снижались. Однако рынок,

в котором экономическая власть распределена несправедливо, неизбежно будет размещать ресурсы несправедливо и социально неэффективно. Рыночная эффективность и законность институтов зависят от правительственного вмешательства с целью постоянного восстановления равноправия, которое рыночные силы неизменно разрушают.

Экологическая устойчивость. По мере того как человеческая экономика растет и заполняет собой экологическое пространство, для выживания видов становится необходимым ограничение размеров экономической подсистемы для поддержания оптимального баланса с природой. Выбросы углекислого газа не должны превышать уровня его поглощения. Уловы рыб не должны превышать возможностей воспроизводства рыбных угодий. К сожалению, свободный рынок слеп к бесконечному числу таких ограничений. Правительство должно установить эти пределы и позаботиться о том, чтобы рынку были посланы необходимые сигналы. Даже предложенное «рыночное решение» экологических проблем, такое как разрешение на определенную величину загрязнения, предполагает вмешательство правительства, которое должно устанавливать допустимые пределы загрязнения, выдавать разрешения и отслеживать соблюдение их выполнения.

Рынок дает оптимальный общественный результат только тогда, когда правительство и гражданское общество имеют власть для поддержания этих шести условий рыночной эффективности. Рынок, освобожденный от правительственного ограничения, по своей природе неустойчив, потому что он разрушает свое собственное основание.

РАЗРУШИТЕЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Рыночные механизмы необходимы для современного общества. Мы должны научиться пользоваться ими таким образом, чтобы признавать личный интерес в качестве важной и долгосрочной человеческой мотивации и заставить его работать с максимальной пользой. Для этого как минимум требуется, чтобы бизнес признал и принял необходимость эффективного действия со стороны органов, внешних по отношению крынку, — как правило, правительства — для придания рынку контекста, который поддерживает эти и другие условия, определяющие эффективность рынка. И бизнес, и общественность должны также признать, что, когда правительство вмешивается с этой целью, оно может

уменьшить прибыль корпораций, ограничить свободу их действий и поднять цены на некоторые потребительские товары. В число потенциальных выгод входят хорошие рабочие места, обеспечивающие приличную зарплату, защиту здоровья и безопасность рабочих и всех граждан, чистая природная среда, экономическая стабильность, гарантия сохранения работы, а также прочная и надежная семья и безопасные места общего проживания.

Будут иметь место и случаи неэффективной работы правительства, точно так же, как это случается с корпорациями. Совершенно правильным шагом будет уменьшить стоимость такой неэффективности как для налогоплательщиков, так и для бизнеса. Правильным шагом будет и гарантирование того, чтобы увеличение цен на потребительские товары не затруднило людям с низкими доходами удовлетворение их основных нужд. Однако нам не следует проявлять озабоченности, когда правительство в интересах общества поднимает цены на потребительские товары, по сути не очень нам нужные, уменьшает чрезмерные прибыли корпораций и дает корпорациям меньше свобод, чем людям.

Для того чтобы выполнять эту существенную роль по отношению к рынку, правительство должно иметь юридический контроль над экономикой в пределах своей территории. Оно должно иметь возможность устанавливать правила для своей национальной экономики без необходимости доказывать иностранным государствам и корпорациям, что эти правила не являются барьерами для международной торговли и инвестиций. Правительство должно иметь возможность оценивать налоги и регулировать деятельность корпораций, осуществляющих бизнес в пределах его юрисдикции, не подвергаясь при этом корпоративным угрозам изъять важные технологии или переместить производства на иностранные предприятия. Для того чтобы осуществлять такую юрисдикцию, экономические границы должны совпадать с политическими границами. Если этого не происходит, то правительство теряет власть, а демократия превращается в ширму. Когда экономика глобальна, а правительства национальны, тогда глобальные корпорации и финансовые институты функционируют в основном за пределами досягаемости общественного контроля правительства становятся более уязвимыми для неправомерного корпоративного влияния, а права граждан сводятся к осуществлению выбора среди потребительских товаров, которые корпорации считают выгодным предложить.

Внутренняя экономика, которая благоприятствует местным предпринимателям, служащим общественным интересам так, как не могут

этого делать зарубежные производители и вольные инвесторы, не нуждается в исключении импортных товаров и внешних инвесторов. Там, где международная торговля и инвестиции приносят выгоду, их следует приветствовать. Но народ и его правительств имеют и право, и необходимость контролировать свою собственную экономическую жизнь. И граждане страны, безусловно, имеют моральное право создавала собственных границах препятствия, обеспечивающие преимущества для местных инвестиций. Такая стратегия принесла успех западным странам в период экономического бума после Второй мировой войны и обеспечила значительные экономические выгоды широким слоям населения. Это гораздо более прочная конструкция, чем то, что предлагает корпоративный либертарианизм.

Очень поучительно подумать о том, что могло бы произойти, если бы мы вышли из Второй мировой войны как общество корпоративного либертарианизма (капиталистического свободного рынка), а не демократического плюрализма. Вместо того, чтобы создать широкий стабилизирующий средний класс, куда входила и все возрастающая доля трудящихся классов, мы только углубили бы разделение на сверхбогатых владельцев капитала и угнетенный рабочий класс — разделение, похожее на то, которое породило ранние социадиетические движения в США и других западных странах.

К счастью, западные страны не отступили перед напором идеологического экстремизма, как социалистического, так и капиталистического толка, по крайней мере до 1980-х годов, и, вследствие этого, процветали.

ПРИМЕР ШВЕЦИИ

Швеция известна среди западных промышленных стран своими успехами в достижении изобилия и равенства путем соединения элементов как капиталистической, так и социалистической моделей внутри сильной структуры демократического плюрализма. Опыт Швеции дает поучительный пример динамики плюрализма и последствий глобализации.

Очень немногие осознают, что индустриализация пришла в Швецию на 100 лет позже, чем в Англию, и вплоть до начала периода, последовавшего за Второй мировой войной, Швеция оставалась крайне бедной страной. В сельской местности люди жили по преимуществу на

небольших фермах, которые, принимая по внимание бедную почву и суровый климат, едва давали им средства к существованию. Одни умирали от голода, другие эмигрировали. Многие другие даже в нынешнем веке жили подобно крепостным в больших поместьях. Неграмотность была повсеместной. В конце 40-х годов было вполне обычным явлением, чтобы семья жила в однокомнатной квартире с кухней (туалет один на несколько семей). Даже шведская королевская семья была относительно бедной по сравнению с их европейскими родственниками .

Успех современной Швеции принесла Шведская социал-демократическая партия, добившаяся продолжительного национального согласия, которое позволило ей оставаться у власти в течение 44 лет: с 1932-го по 1976-й . Социал-демократы создали сложную систему социального обеспечения. Их политика в области заработной платы перевела многих рабочих в средний класс и установила значительную степень равенства в сфере заработной платы и большее равенство в оплате труда женщин и мужчин, чем в любой другой капиталистической стране . Социал-демократы уделяли большое внимание поддержанию полной трудовой занятости. Для того чтобы побудить шведские транснациональные фирмы — такие как «Вольво», «Электролюкс», «Сааб» и «Эрикссон», — сосредоточить свою деятельность в Швеции, соответствующая действительно эффективная ставка налога была гораздо ниже для прибылей, полученных в Швеции, чем для прибылей, полученных за рубежом .

Альянс между крупными шведскими корпорациями и рабочими организациями служил политической базой партии и поддерживал централизованные и мирные переговоры по вопросам зарплаты и условий труда между национальными профсоюзами и организациями работодателей. Это содружество дало значительные выгоды как большим профсоюзам, так и большому капиталу. Однако у этой системы были серьезные структурные изъяны, которые в конечном итоге расшатали ее. Одним из них была налоговая система, субсидировавшая более крупные фирмы, которые расширялись и инвестировали за счет небольших и семейных фирм. Это привело к усилению концентрации и монополизации собственности в шведской экономике. Хотя политика в сфере оплаты труда имела целью равенство внутри рабочего класса, разрыв между рабочим классом и теми, кто контролировал капитал, значительно вырос. В то время это считалось платой за поддержание заинтересованности промышленников в коалиции. Но, в конечном итоге, он привел к разрушению коалиции .

Когда произошло первое шоковое повышение цен на нефть в 1973-1974 годах, вызванный им экономический спад привел к финансовому кризису и спровоцировал общее сопротивление повышению налогов. В течение того же периода Швеция открывала свои экономические границы и становилась более активным игроком в международной экономике. Это привело к ослаблению связей, объединяющих капитал и местную рабочую силу, и ослабило национальное рабочее движение.

На ранних этапах глобализации внешнее расширение шведских фирм создавало новые рабочие места в стране, и цели обеих сторон альянса не обнаруживали серьезных противоречий. Однако, как только шведские транснациональные корпорации стали определять свои собственные интересы как глобальные, а не национальные, альянс между производственными рабочими и владельцами капитала начал распадаться. К этому времени численность высокообразованных «белых воротничков» превысила численность «синих воротничков», а молодое поколение воспринимало «государство всеобщего благоденствия» как данность, что еще более сокращало политическую базу шведских социал-демократов .

Растущее противоречие между правительственной поддержкой глобальной экспансии шведских транснациональных корпораций и необходимостью создания рабочих мест и повышения реальной заработной платы в стране было невозможно далее сдерживать. В 1976 году социал-демократы проиграли на выборах коалиционному правительству правоцентристской ориентации. Когда социал-демократы вернулись к власти в 1982 году, они уже были умеренной партией, нацеленной на проведение политики, которая позволила бы шведским промышленникам получать значительную долю прибылей от внутренних инвестиций для того, чтобы они продолжали «верить в Швецию», выражение, введенное в оборот П. Г. Гилленхаммаром, председателем концерн; «Вольво». Поддержание веры в Швецию означало увеличение доли национального продукта, идущей в прибыль, по сравнению с зарплатой, чтобы шведские промышленники считали для себя прибыльным вкладывать деньги в свою страну. Это принималось как плата за поддержание полной трудовой занятости, и такое время когда уровень безработицы в Европе составлял 8—9% и выше .

Такая политика подняла прибыли корпораций на ранее немыслимый уровень. При таком избытке денег, который не мог быть вложен в производство шведские инвесторы занялись спекуляциями, взвинчивая цены на недвижимость, предметы искусства, почтовые марки и другие спекулятивные товары. Для того чтобы остановить этот рост цен,

правительство ослабило валютный контроль, так чтобы избыток средств смог выплеснуться в Европу. Деньги потекли из страны в таком объеме, что цены на недвижимость в Лондоне и Брюсселе взметнулись до небывалого уровня. Пока этот спекулятивный пузырь подпитывался сам собой, возможность получения быстрой прибыли, предлагаемой спекуляцией, отвлекала средства от продуктивного вложения внутри Швеции. Когда этот пузырь в сфере шведской недвижимости наконец лопнула шведская финансовая система потеряла 18 млрд долл. Счет был принят к оплате правительством и переложен на шведских налогоплательщиков .

В течение этого периода крупные шведские промышленники играли активную роль в разрушении «шведской модели», которая была создана социал-демократическим альянсом. Федерация шведских работодателей отвергла централизованную договорную систему оплаты, которая была краеугольным камнем этой модели, и вошла в союз с консервативной партией. Она также финансировала мозговые центры, которые проповедовали экономическую идеологию корпоративного либертарианизма, и проводила большую работу с населением по восхвалению индивидуализма и свободного рынка, одновременно критикуя социал-демократическое правительство как авторитарное и некомпетентное . Это привело к ослаблению политического аппарата государства и его способности к выработке долгосрочной политики.

В 1983 году председатель концерна «Вольво» П. Г. Гилленхаммар заполнил образовавшийся вакуум и создал Круглый стол европейских промышленников, состоявший из глав ведущих европейских транснациональных корпорацiй, включая «Фиат», «Нестле», «Филипс», «Оливетти», «Рено» и «Симменс». Его целью было выработать долгосрочную политику государства и выполнять роль международного лобби, следящего за ее осуществлением . К концу 1992 года 2% самых состоятельных семей Швеции владели 62% стоимости всех акций, которые обменивались на Стокгольмской фондовой бирже, и 23% всего богатства страны. В то время как средняя шведская семья с 1978 по 1988 год становилась все беднее, 450 самых богатых семей удвоили свое состояние . Когда социал-демократы впервые потерпели поражение на выборах, уровень безработицы был ниже 3% . Он поднялся до 5% в 1992 году и, по прогнозам, должен был вырасти до 7%, хотя еще 7% рабочих уже были заняты в программах переподготовки и проектах общественной занятости.

С самого начала «шведская модель» содержала в себе зачатки собственного разрушения. Она породила могущественную финансовую элиту, чьи интересы были далеки от интересов большинства среднего

класса. Она породила в шведах безмятежное довольство системой общественного благоденствия. Ей не удалось воспитать в молодом поколении понимания того, что демократия должна постоянно воссоздаваться посредством неусыпной бдительности граждан и политической активности. А ее процветание было построено на неустойчивом использовании природных ресурсов Швеции — древесины, железной руды и гидроэлектроэнергии.

По мере того как элита добивалась все большей финансовой власти, она получила возможность требовать все больших ресурсов без соответствующего вклада в производство. Поскольку экономические границы были открыты, то рабочие места людей, которые зарабатывали на жизнь производительным трудом, оказались в полной зависимости от воли тех, кто контролировал капитал. Чем больше правительство в своих отчаянных попытках сохранить рабочие места в стране уступало требованиям финансовой элиты, тем больше денег перетекало в руки этой элиты, тем больше прав она получала, чтобы диктовать общественную политику в своих собственных интересах, и тем большее давление испытывала структурная основа общества. Сходство с подобным опытом США, исследуемое в третьей части книги, поразительно.

НЕОБХОДИМОСТЬ ТВОРЧЕСКОГО РАВНОВЕСИЯ

В нашем сложном современном мире общество, управляемое каким-либо одним его сектором, неизбежно приходит к нарушениям в своем функционировании. У каждого из институтов — гражданского, правительственного и рыночного секторов — есть своя, присущая им роль в удовлетворении потребностей нормально функционирующего общества.

Гражданский сектор. Гражданский сектор состоит из широкого спектра общественных объединений, члены которых активно добиваются своих прав и стремятся осуществить свои гражданские обязанности. В число таких объединений, в частности, входят многие представительные организации, которые служат интересам отдельных групп населения, например профсоюзы, представляющие рабочих, медицинские ассоциации, представляющие врачей, или группы, подобные НААСП, которые представляют интересы американцев африканского происхождения. Они также включают бесчисленное множество добровольных организаций, которых объединяет общность взглядов, которые ставят целью содействие

общественным интересам.

В своей политической роли гражданские организации дополняют политические партии как разнообразные и гибкие механизмы, посредством которых граждане вырабатывают и выражают широкий спектр интересов, удовлетворяют местные потребности и высказывают требования в адрес правительства своей образовательной роли они обеспечивают обучение демократическому гражданству, развивают политические навыки у своих членов, находят и воспитывают новых политических лидеров, стимулируют участие в политике и просвещают широкие слои людей по самым разнообразным вопросам, представляющим общественный интерес. В своей роли общественных стражей они служат, наряду со СМИ, фактором сдерживания того, что Ларри Даймон назвал «неумолимой тенденцией государства к централизации власти и уклонению от ответственности перед гражданами и контроля с их стороны» . Гражданский сектор является основой демократического общества. Гражданские организации и широкое сотрудничество между ними и отдельными гражданами начинают в значительной степени заменять собой прессу, все более подпадающую под контроль корпораций, в функции стража общественных интересов.

Хотя именно гражданское общество дает мегаинститутам правительствам рынка их власть, сами институты гражданского сектора более ограничены в своей способности концентрировать политическую и экономическую власть. В отличие от институтов правительства и рынка, основой власти которых сложат сами их размеры и финансовые ресурсы, сила гражданского сектора включается в количестве и разнообразии его организаций, а также в скорости гибкости, с которой они образуют сложные и изменяющиеся альянсы вокруг общих ценностей и интересов. Через эти альянсы гражданские организации могут достигать огромного масштаба деятельности и влияния.

Разноголосица идей и мнений в активном гражданском обществе может быть оглушительной. Однако способность гражданских организаций создавать союзы вокруг четко определенных проблем, представляющих общественный интерес, дает им своеобразную роль катализатора социальных нововведений, основанных на ценностях, — определять, выражать, отстаивать и объединять сторонников вокруг идей, которая может со временем войти в современную политическую практику.

Правительственный сектор. Правительство — это единственный сектор, которому общество дает власть использовать принудительную силу в общественных интересах. Общество уступает правительству право

конфисковывать имущество, а также лишать человека личной свободы и даже жизни. В демократическом обществе эти полномочия по доброй воле, хотя и без особого восторга, даются гражданами, которые обладают правом взять ее обратно по своему усмотрению. Именно применение принудительной власти в рамках закона дав правительству возможность выполнять насущные задачи поддержания общественного порядка и национальной безопасности, сбора налогов и перераспределения средств для удовлетворения общественных потребностей, таких как необходимость существования достаточного равенства, чтобы поддерживать законность и жизнеспособность институтов общества.

У правительства также есть ряд важных ограничений. В силу своих возможен распоряжаться средствами оно изолировано от рыночных сил и того порядка, который навязывают эти силы. Таким образом, правительство в целом менее эффективно в производстве товаров и услуг, чем организации, само существование которых зависит от способности выдерживать конкуренцию в условиях рынка. Компетенция правительства заключается в перераспределении богатств — в этом его важная социальная функция, — а не в их создании.

Правительства — это политические организации, и они реагируют на поэтическую власть. Даже демократические правительства служат общественном интересам лишь тогда, когда политическая власть широко распределена среди сильного и политически активного гражданского общества.

Рыночный сектор. Рыночный сектор правомерно специализируется на функциях, включающих экономический обмен, — производстве товаров и услуг для продажи в соответствии с потребностями рынка. У рынка есть отличительная способность создавать новое богатство посредством деятельности, связанной с добавленной стоимостью, и он является основным источником жизненно важного экономического предпринимательства и технологических нововведений.

Однако рынки не требуют от людей, имеющих значительные доходы, чтобы они потребляли только ту долю ресурсов экосистемы, которая им по справедливости причитается. Они не запрещают розничным торговцам продавать оружие детям. Они не говорят производителям, что отходы их производства должны быть вторично переработаны. В использовании ограниченных ресурсов они не отдают приоритет удовлетворению насущных нужд тех, у кого почти нет денег, чтобы потом заняться обеспечением предметами роскоши тех, кто имеет огромное состояние. В самом деле, во всех этих случаях они делают прямо противоположное.

Рынки реагируют на деньги и финансовые ценности. Они не делают различия между прибылью, полученной в результате эффективного производства товаров, и незаработанной прибылью, полученной с помощью монопольной власти, перекладывания социальных и экологических издержек на общество, приватизации общественных ресурсов или создания искусственного спроса на ненужные и даже вредные товары путем маркетинга. Иными словами, рынки глухи ко многим потребностям здорового человеческого общества и зачастую поощряют поведение, прямо противоположное самым основным человеческим интересам и даже потребностям самого рынка. Более того, когда рыночная власть сосредоточивается в очень крупных корпорациях, то они получают совершенно особую форму принудительной власти, которой гражданское общество вовсе не намеревалось их наделять, — право лишать людей средств к существованию. Эта власть представляет собой некую дисфункцию, которую может исправить лишь демократически подконтрольное правительство.

В сложном современном обществе нет замены рынку как эффективному механизму регулирования большей части цен, создания мотивации для производственной деятельности и осуществления обычных экономических сделок. Однако, хотя рынки являются полезными институтами для осуществления общественных приоритетов, они не пригодны для того, чтобы эти приориитеты устанавливать.

Демократический плюрализм соединяет силы рынка, правительства и гражданского общества для поддержания динамического равновесия между общественными потребностями, зачастую противоречивыми, в обеспечении необходимого порядка и равенства, эффективного производства товаров и услуг я подотчетности власти, охраны личных свобод и продолжения институционным нововведений. Это равновесие находит свое выражение в регулируемом, а не на свободном рынке и в торговой политике, связывающей национальные экономики друг с другом в рамках правил, поддерживающих внутреннюю конкуренцию, и отдающих предпочтение местным предприятиям, которые нанимают местных рабочих, соответствуют местным стандартам, платят местные налоги и действуют в рамках здоровой системы демократического управления.

Градация рангов среди этих трех основных секторов существенно важна для нормального и сбалансированного функционирования всего общества. Гражданский сектор без правительства и организованного рынка — это анархия. Вот почему гражданские общества создают правительство и организованный рынок. Однако первенство принадлежит гражданскому

сектору. Власть и законность всех остальных человеческих институтов исходят из него. Поскольку правительство является тем инструментом, посредством которого граждане устанавливают и поддерживают правила, по которым рынок будет действовать в интересах человека, то правительство правомерно рассматривается второй сектор. Институты рынка справедливо действуют как третий сектор.

Глобализация национальных экономик и предоставление полной свободы действий корпорациям изменяет этот порядок на противоположный. Рынок становится первым сектором, правительство подчиняется корпоративным интересам, и способность гражданского общества держать правительство под контролем общественных интересов существенно ослабевает. Когда правит рынок, то на троне восседает корпорация.

ИГРА ПО ДРУГИМ ПРАВИЛАМ

Одно из самых основных правил рыночной экономики заключается в том, что участники рыночных сделок должны нести всю полноту издержек, связанных с принятыми ими решениями, в дополнение к получаемым выгодам. Однако на практике рыночные игроки делают все возможное, чтобы захватить себе выгоды успеха и передать издержки другим. Это создает напряженность между тем, что требуют эффективные рынки, и тем, что склонны делать участники рынка, движимые личным интересом.

Игроков рынка корпорация привлекает как форма организации бизнеса именно потому, что юридическая природа и структура корпорации обычно позволяют и самой корпорации, и тем, кто принимает решения от ее имени, уклоняться от ответственности за множество издержек, связанных с ее деятельностью. Фактические держатели акций, ее реальные владельцы, редко имеют голос в делах корпораций и не несут никакой личной ответственности сверх стоимости своих вложений. Директора и сотрудники аппарата управления защищены от финансовой ответственности за халатность или совершенный проступок страховыми полисами, приобретаемыми корпорациями. Щедрые вознаграждений равным менеджерам очень слабо связаны с их вкладом в производство, и на их редко подают в суд за незаконные действия корпорации. Действия, которые привели бы частных лиц к длительным тюремным срокам или даже смертным приговорам, для корпораций — в самом худшем случае —

заканчиваются небольшими штрафами, которые, как правило, несопоставимы с их активами . Самую большую угрозу для корпоративного беззакония представляют, пожалуй, гражданские суды, но даже в этих случаях корпорации имеют возможность привлечь на свою защиту мощные юридические ресурсы, и вдобавок они агрессивно проводят новые законы, которые еще более ограничивают их ответственность; если же они терпят неудачу, расходы могут взять на себя страховые компании. Уильям М. Даггер имеет очень веские основания для того, чтобы характеризовать корпорацию как «организованную безответственность» .

В отличие от реальных людей, которые все со временем уравниваются могилой и чьи состояния подвергаются конфискации налогом на наследование, корпорации могут расти и воспроизводить себя безгранично, «живя» и умножая свою власть бесконечно. Со временем эта власть перерастает возможность контроля со стороны любого отдельно взятого человека, и корпорация становится самостоятельной сущностью; она пользуется своей властью, чтобы «создать собственную культуру, использует карьеру как линзу, фокусирующую корпоративную культуру на прибыль, рост и власть» . Те, кто служит корпоративным интересам, получают щедрое вознаграждение и пользуются значительной личной властью благодаря своему положению. Но в конечном счете их власть дается корпорацией, и они служат интересам корпорации по усмотрению корпорации.

Ни один реальный человек не может сравниться с корпорацией по тем политическим ресурсам, которые она в состоянии привлечь в своих интересах. Правда, у корпорации нет избирательного права, но это небольшое неудобство, принимая во внимание ее способность мобилизовывать сотни тысяч голосов среди своих рабочих, поставщиков, дилеров, клиентов и общественности.

Корпоративная хартия по-прежнему остается полезным социальным нововведением, позволяющим нам удовлетворить потребности, которые невозможно удовлетворить другими формами организации. Однако, подобно большинству технологий, она подвержена злоупотреблениям и имеет тенденцию к собственной жизни, отличной от интересов человека. Предоставленные сами себе, корпорации колонизируют рынки и уничтожают те самые механизмы, которые, как говорит нам теория, позволяют рынкам работать в интересах человека. Мы могли бы считать корпорации антирыночными институтами. Таким образом, совершенно справедливо, что граждане смотрят на корпорации с таким же недоверием,

как и ранние американские поселенцы, выдавая корпоративные хартии с большой осмотрительностью, устанавливая ясные правила для их деятельности и не снимая с них ответственности за свои действия. Но самое главное — мы должны отделить корпорации от политики.

Владельцы и менеджеры корпораций, как и все остальные граждане, имеют все гражданские права, включая право на участие в выработке общественных целей и политики. Однако сами корпорации, будучи неодушевленными Юридическими лицами, созданными для того, чтобы служить интересам общества, не имеют права использовать свои ресурсы для воздействия на процессы, посредством которых граждане определяют эти интересы и устанавливаают правила поведения для корпораций. Корпорации — не люди. Они представляют собой чужеродное социальное явление; они слепы к сложным нематериальным потребностям человеческого общества. Их следует полностью лучить от любых форм участия в политике — тезис, который подробно рассматривается в шестой части книги.

Корпоративная хартия является привилегией, а не правом, и она дает обмен на принятие соответствующих обязательств. Это право людей, чинов гражданского общества, а не фиктивной фигуры корпорации — определять эти привилегии и обязанности. Мы на горьком опыте учимся тому, выживание демократии зависит оттого, насколько твердо мы будем придерживаться этого принципа.

Глубоко парадоксально, что экстремистские идеологии становятся наиболее привлекательными в смутные времена, когда быстрые перемены делают старые решения непригодными. В такие времена у людей возникает понятная тяга к безопасно простым, самооправдывающим рецептам идеологических демагогов. Однако это также время, когда общество меньше всего может позволить себе такую жесткость, такое самооправдывающее объяснение неудач, подавление дискуссии и экспериментирования, которые характерны для идеологического экстремизма.

Демократический плюрализм сталкивается с аналогичным парадоксом. Именно в периоды таких перемен общество особенно нуждается во всей полноте творческого потенциала своих граждан, который может высвободить лишь демократический плюрализм. Однако именно в такое напряженное время психологически он кажется наименее пригодным и наиболее уязвимым по сравнению с несомненностью, предлагаемой в упрощенных призывах идеологических демагогов. Вместо того чтобы сформулировать какое-то определенное направление,

демократический плюрализм призывает людей найти свое собственное направление в рамках общего блага для всех. Вместо определенности он ставит во главу угла разнообразие вплоть до очевидного хаоса. В этом его слабость, но и его сила. Демократический плюрализм создает условия, в которых каждый гражданин вносит свой вклад в решение в контексте семьи, общества и страны — бесчисленного множества быть сменяющих друг друга проблем, с которыми сталкивается сложное и динамичное человеческое общество. Постепенно из разрозненного и хаотичный процесса общественного научения уроки бесчисленных нововведений кристаллизуются в изменения в местных, национальных и, в конце концов, бальных институтах и политике.

Демократический плюрализм обеспечивает инфраструктуру институтов рамках которой люди могут высвободить весь свой творческий потенциал направить его на поиск нестандартных решений общих проблем и в процесс этого поиска создать общество, чутко реагирующее на проблемы грядущий экологического века. Нам сейчас, как никогда, нужна эта творческая сила.

7. Иллюзии заоблачных мечтателей

Эта несчастная планета отличается самыми
кричащими контрастами. Люди, получающие вознаграждение,
— это совсем не те люди, которые несут основные тяготы.
Мудрым руководством такое положение
назвать нельзя.

Спок «Заоблачные мечтатели»,
Звездный Путь

При имеющихся ныне информационных технологиях
я могу сидеть на пляже у моего дома во Флориде
с портативным компьютером и сотовым телефоном
и проверять видеоизображения различных производственных
участков моей компании в штате Огайо, чтобы
удостовериться, что мои люди находятся на рабочих
местах и выполняют работу как следует.

Интервью с владельцем компании
по Национальному радио,
31 августа 1994 года

Действие семьдесят четвертой серии популярного научно-фантастического телесериала «Звездный путь», озаглавленной «Заоблачные мечтатели», происходит на планете Ардана, Впервые показанная 28 февраля 1969 года, эта серия изображает планету, правители которой посвятили свою жизнь искусствам в прекрасном и мирном городе Стратос, висящем высоко над безжизненной поверхностью планеты. Далеко внизу обитатели поверхности планеты, троглиты, работают в шахтах в условиях

насилия, испытывая тяжкие страдания, чтобы заработать межпланетарные обменные кредитные карточки, используемые для импорта с других планет предметов роскоши, которыми услаждают себя правители на Стратосе. В этой современной аллегории целая планета подчинена господству правителей, которые успешно отстранились и изолировались от людей и их поселений на поверхности планеты, — людей, чьим трудом создается их роскошная жизнь.

Образы этой серии «Звездного пути» живо сохранились в моей памяти. Как это похоже на наш мир, где истинно богатые и влиятельные работают в прекрасно обставленных офисах в высотных офисных башнях, едут на совещания «лимузинах или летят на вертолетах, совершают межконтинентальные перелеты в реактивных лайнерах высоко над облаками, ублажаемые роскошными в винами, которые разливают заботливые стюардессы, и живут в охраняемых особняках в богатых пригородах или в фешенебельных квартирах с садиком на крыше, окруженные произведениями искусства, красотой, в благополучных районах. Они также отгорожены от жизни обычных людей нашей планеты, как жители Стратоса были изолированы от жизни троглитов. Они тоже живут в иллюзорном мире, живут за счет разграбления мировых ресурсов и настолько далеко от реальности, что не ведают, что творят и как можно жить иначе.

ВОЛШЕБНЫЙ РЫНОК

Степень изолированности богатых и влиятельных видна на примере ежегодной встречи директоров Всемирного банка и Международного валютного фонда (МВФ). Вот описание одной из таких встреч, сделанное журналистом Грэмом Хэнкоком:

Я приехал [в Вашингтон, округ Колумбия] лишь для того, чтобы присутствовать на ежегодной совместной встрече Советов директоров Всемирного банка и Международного валютного фонда — двух институтов, которые играют ключевую роль в мобилизациии распределении средств для крайне бедных развивающихся стран... Общая стоимость 700 общественных мероприятий, предлагавшихся делегатам в течение одной этой недели, оцениваются в 10 млн. долл. Один лишь официальный ужин, который обслуживала фирма «Риджуэллс», обходился в 200 долл. на человека. Гостям для начала предлагались крабовые палочки,

икра и крем-фреш, копченый лосось и мини-бифштекс Веллингтон. Рыбное блюдо состояло из омара с кукурузными шариками, а за ним лимонный шербет. Основное блюдо состояло из утки в лаймовом соусе с гарниром из артишока, наполненного миниатюрными морковочками. Подавался также салат из сердцевинок пальм, а к нему суфле из щалфейного сыра в соусе из портвейна. На десерт принесли немецкий шоколадный турнепс с малиновой подливкой, конфеты из мороженого и кофе-рояль с пламенем. Вашингтонские компании, владеющие лимузинами, делали большой бизнес .

На той же самой встрече, в ходе которой делегатам были предложены изысканные блюда и культурные мероприятия на 10 млн долл., бывший член Конгресса США, недавно назначенный президентом Всемирного банка Барбер Конэбл сделал следующее заявление 10 000 собравшихся мужчин и женщин:

Наше учреждение богато ресурсами и опытом, но его работа не будет стоить и ломаного гроша, если мы не сможем взглянуть на наш мир глазами самых обездоленных, если мы не сможем разделить их надежды и опасения. Мы собрались здесь, чтобы служить их нуждам, чтобы помочь им осознать свою силу, свой потенцией, свои чаяния... Совместные действия против нищеты — вот та общая цель, которая привела нас всех сюда сегодня. Так давайте отдадим свои силы достижению этой великой цели .

Если бы эти делегаты и в самом деле попытались посмотреть на свой мир глазами наиболее обездоленных, у них скорее всего пропал бы аппетит. Возьмем, к примеру, простое интервью с сыном фермера-арендатора, живущего недалеко от города Сельма в штате Алабама, взятое Реймондом Уилером из телекомпании Си-би-эс:

— Ты завтракаешь, перед тем как идти в школу?

— Иногда, сэр. Иногда я ем горох.

— А в школе ты обедаешь?

— Нет, сэр.

— А там вообще есть еда ?

— Да, сэр.

— Так почему же ты не ешь?

— У меня нет 15 центов.

— А что ты делаешь, когда остальные дети обедают?

— Я просто сижу в сторонке (его голос обрывается).

— А что ты чувствуешь, когда видишь, что другие дети едят?

— Мне стыдно (плачет) .

Организаторы встреч Всемирного банка — МВФ не только не поощряют дебатов увидеть мир глазами бедных, но делают все возможное для того, чтобы отгородить себя от призрака бедности.

Всемирный банк и МВФ являются ведущими сторонниками экономического рационализма, свободного рынка и стратегии роста, основанного на экспорте. Они в течение многих лет превозносят Южную Корею, Тайвань, Сингапур и Гонконг как образцы успеха. Таким образом, когда эти директора встретились в Бангкоке, в Таиланде, в октябре 1991 года, то вполне естественно, что эта встреча стала празднованием недавних «успехов» свободного рыночного роста в Таиланде, основанного на экспорте.

Таиландское правительство не поскупилось на расходы и хлопоты, чтобы выразить делегатов вступлением Таиланда в полноправные члены элитного клуба новых индустриальных стран (НИС). Для того чтобы наверняка произвести желаемое впечатление, в центре Бангкока для проведения конференции был спешно построен сверкающий конгресс-комплекс. Двести семей были выселены из своих домов для того, чтобы расширить дороги к месту проведения встречи и от него . Находившийся неподалеку поселок городской бедноты был сровнен с землей, чтобы делегатов не раздражало неприятное зрелище банковской нищеты. Школы и правительственные учреждения были закрыты, чтобы уменьшить число пробок и очистить воздух от выхлопных газов, так чтобы делегаты смогли мчаться по улицам с минимальными неудобствами, не испытывая респираторного дистресса в своих машинах с воздушным кондиционированием, в промежутке между элегантными коктейлями и официальными обедами по избранным маршрутам, отгороженных там, где это необходимо, от неприятных видов бангкокских трущоб. Говорящие по-английски инженеры, врачи и юристы должны были выполнять работу шоферов для делегатов. Медсестры и врачи исполняли роль официантов в ресторанах, где проходила конференция, для того чтобы все инструкции были хорошо поняты и ни одно из пожеланий высочайших особ не осталось неудовлетворенным.

Такие косметические меры могли лишь отчасти скрыть ту реальность, что Бангкок, некогда прекрасный город, был разорен последствиями своего «успешного» развития. Среди сияющих торговых центров, офисных небоскребов и роскошных отелей, царят грязь и нищета. Каждый год триста тысяч автомобилей добавляется в фантастические пробки, замедляя среднюю скорость уличного движения до 10 километров в час. Более двухсот дней в году загрязнение воздуха в Бангкоке превышает

максимально допустимые безопасные уровни установленные ВОЗ. И каждый год выбросы увеличиваются на 14% .

Эта встреча Всемирного банка — МВФ в Таиланде была вполне подходящей метафорой той иллюзии, в которой живут власть предержащие всего мира. Эта иллюзия поддерживается отчасти созданием роскошной жизни в изолированных анклавах, а отчасти созданием самооправдывающих систем верований, таких как корпоративное либертарианство, а также восхвалением богатства и богатых деловой прессой и целой армией экономических исследователей и консультантов. Но более всего она поддерживается дисфункциями экономической системы, которая щедро осыпает богатством власти предержащие за решения, которые накладывают непосильное бремя на остальное человечество.

ОГРОМНАЯ ПРОПАСТЬ

Пропасть, которая разделяет богачей и бедняков всего мира, как внутри стран, так и между ними, непостижимо велика и постоянно увеличивается. В 1992 году Программа ООН по развитию драматизировала это неравенство графиком в форме бокала шампанского .

Как показано на рисунке 7.1, 20% жителей Земли, проживающих в самых богатых странах мира, получают 82,7% мирового дохода, и лишь 1,4% мирового дохода приходится на долю 20%, живущих в бедных странах. В 1950 году, приблизительно в то время, когда было принято решение глобализировать процесс развития, средний уровень доходов 20% людей, проживающих в самых богатых странах, превышал уровень доходов 20% жителей самых бедных стран в 30 раз. К 1989 году это соотношение удвоилось и составило 60:1.

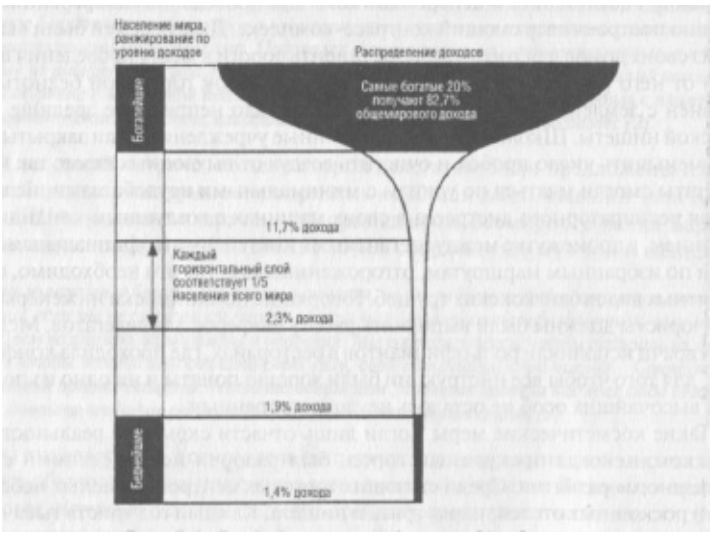


Рис. 7.1. Глобальное распределение доходов Беднейшая пятая часть населения получает 1,4% общемирового дохода. Источник: ПРООН «Доклад о развитии человечества за 1992 год» (Нью-Йорк, Оксфорд юниверсити пресс, 1992г.)

Эти цифры, основанные на средненациональных величинах, говорят о различиях между странами и существенно недооценивают неравенство между людьми. Например, все американцы помещены в самую верхнюю категорию по уровню дохода, включая бездомных, сельскую бедноту и обитателей городских трущоб. Когда ПРООН произвел оценку, основанную на личных доходах, а не на среднестатистических данных по разным странам, то средний уровень доходов верхних 20% оказался в 150 раз выше, чем средний уровень нижних 20%.

Но даже эта цифра скрывает крайнее неравенство, которое обнаруживается, когда доходы верхних 20% дополнительно дифференцируются. Хотя глобальные данные отсутствуют, данные по Соединенным Штатам весьма показательны. В 1989 году среднегодовой доход 20% самых богатых семей составлял 109 424 долл. в год . Однако 80-90% этих семей получали относительно скромные 65 900 долл. в год. Доход верхнего 1 % составлял в среднем 559 795 долл. в год — вся эта группа получала больше, чем нижние 40% всех американцев .

Но даже эти огромные доходы выглядят карманной мелочью для брокеров Уолл-стрит, таких как Майкл Милкен, который за один год торговли на Уолл-Стрит фальшивыми облигациями заработал по меньшей мере полмиллиарда долларов, или для исполнительных директоров крупнейших корпораций Америки и самых высокооплачиваемых

знаменитостей. В 1992 году Томас Ф. Фрист, исполнительный директор «Хоспитал корпорейшн оф Америка», возглавлял список шайки переоплачиваемых исполнительных директоров Америки с годовым доходом в 127 млн. долл., почти в 780 000 раз больше, чем средние 163 долл. на человека в год, приходящиеся на беднейшие 20% жителей мира! В 1992 году среднегодовой доход исполнительных директоров 1000 крупнейших корпораций, по данным журнала «Бизнес уик», составлял 3,8 млн. долл. — на 42% больше, чем за предыдущий год. Более того, разница в оплате верхнего звена руководителей и тех, кто на них работает, стремительно растет . В 1960 году средний руководитель крупной компании получал в 40 раз больше среднеоплачиваемого рабочего. В 1992 году он (поскольку из 1000 руководителей в обзоре «Бизнес уик» было лишь 2 женщины) получал в 157 раз больше .

Однако эти высокооплачиваемые исполнители выглядят лишь соискателями на богатство в сравнении с богатством тех, кто живет за счет своих вкладов. Согласно журналу «Форбс», «четыреста богатейших людей Америки» увеличили свое суммарное состояние с 92 млрд. долл. в 1982 году до 328 млрд. долл. в 1993 году . Это больше, чем суммарный валовой национальный доход за 1991 год миллиарда людей, проживающих в Индии, Бангладеш, Шри-Ланке и Непале .

Желая уверить своих состоятельных читателей, что их состояние нажито не за счет других, журнал «Форбс» предварил свой список богатейших американцев следующим заявлением:

Ага! Тогда перераспределители правы. Богатые стали богаче. И да, и нет. Истинно богатые, возможно, и стали богаче, но нет основании утверждать, что выросла и относительная доля их богатства. Цена вступления в «Клуб четырехсот» «Форбса» увеличилась в той же степени, что и оборот биржи, измеряемый индексом Доу Джонса.

Невероятный рост биржевого рынка, который так щедро одарил сверхбогатых, также облагодетельствовал каждого пенсионера и акционера Америки... Не плачьте о богатых. Но и не забивайте себе голову мыслями ч том, что они разбогатели за наш счет .

Конечно же, среди тех, кто заработал на биржевом росте, есть и вдовы, и низкооплачиваемые пенсионеры. Однако опровержение журнала «Форбс» (издания обитателей планеты Стратос для обитателей Стратоса) утверждающего, что в увеличении роста богатства была выдержана соразмерность, есть лишь проявление изолированности жителей Стратоса и их убеждения, что их мир и есть весь мир. Возможно, что 400 богатейших американцев и не увеличили своей доли богагств общей сумме

акций биржи, но помимо акций, принадлежащих пенсионным фондам, 83,1% богатств биржи, принадлежащих американским семьям, владею богатейшие 10%. Более того, 37,4% акций принадлежат 0,5% самых богатых .

С 1977 по 1989 год средний реальный доход 1% богатейших американских семей увеличился на 78%, тогда как реальный доход беднейших 20% уменьшился на 10,4% . Таким образом, беднейшие из нас стали не только относительно, но и абсолютно беднее. О чем эти цифры умалчивают, так это о том, что абсолютное уменьшение реального дохода произошло несмотря на то, что имевшие работу в 1989 году работали больше рабочих часов, чем в 1977 году, и в гораздо большем числе семей двое членов семей работали полный рабочий день, так как больше женщин стало работать. Для многих американских семей из 60% располагающихся на нижнем уровне обеспеченности даже большее количество рабочих часов и появление еще одного работника в семье оказалось недостаточно, чтобы скомпенсировать уменьшение доходов.

Простая правда, которую замалчивают издатели журнала «Форбс» и другие обитатели Стратоса, состоит в том, что всякий раз, когда крупная корпорация объявляет об очередном сокращении тысяч рабочих мест, семьи жителей Стратоса становятся богаче, а доходы тысяч рабочих, чьи рабочие места были сокращены, уменьшаются. Это часть постоянного процесса перекачки богатства и экономической власти от тех, кто занят в производстве реальных ценностей, к тем, кто уже скопил огромное количество денег и полагает, что наделен правом увеличивать это количество безгранично, безотносительно к их собственным потребностям или вкладу в создание ценностей.

Могут ли те, кто пьет из полного бокала шампанского, по-настоящему оценить участь огромной части человечества, которой остаются жалкие капли, едва просачивающиеся в тонкую ножку бокала? Если бы они вынуждены были признать, что их собственное изобилие является причиной безвыходного положения тех, кто обездолен, смогли бы кто-нибудь из них вынести это страшное моральное бремя? Есть все основания избегать прямого взгляда на такие моральные противоречия, поддерживая успокоительные культурные иллюзии Стратоса.

ДРУГОЙ МИР

Журнал «Форбс» предварил список 400 богатейших людей Америки за 1993 год статьей о том, как трудно очень богатым свести концы с концами в условиях современной экономики. Лишь за один год стоимость килограмма малосольной икры белуги выросла на 28% и достигла 1408 долл. Стоимость вертолета С и корского S-780 со всеми дополнительными функциями выросла на 8% и достиг 8 млн. долл. А стоимость одной ночи в приличном отеле в Нью-Йорке вырос на 15% и составила 750 долл. . Они живут в другом мире.

Когда Генри Киссинджер, который долгое время был одним из наиболее влиятельных фигур в американских внешнеполитических кругах, берет свою собаку Амелию на утреннюю прогулку, за ним следует телохранитель, который подбирает за собакой помет. Когда Генри Киссинджер отправляется в отпуск, то Амелию на лимузине отвозят в собачий приют миссис Пиперс в сельской местности штата Мэриленд, где она гостит в специально ей отведенной комнате . Многие американцы умилялись, когда пресса застала Джорджа Буша с удивлением рассматривающего штрих-кодовый сканнер и осознала, что он один из последних американцев, которые еще не видели это обыденное кассовое приспособление.

Когда Александр Тротман принял пост председателя, президента и исполнительного директора «Форд моторе компани» в 1993 году, он отвечал за производство более 3 млн автомобилей в год. Однако у него не было собственной машины, и он никогда не покупал ее ни у одного дилера. Фирма «Форд», как это принято в автомобильной промышленности, обеспечивает всех своих руководителей верхнего звена новыми автомобилями, гарантируя, что в их распоряжении всегда будет машина в прекрасном рабочем состоянии и не будет надобности договариваться с дилером и возиться с регистрацией, страховкой, ремонтом и обслуживанием .

В 1989 году фирма «Лоун стар индастриз» потерпела убытки на сумму 271 млн. долл. Ее исполнительный директор, Джеймс И. Стюарт, приказал сократить штат работников, продал часть активов корпорации на сумму 400 млн. долл., отменил выплату дивидендов держателям акций и распорядился, чтобы менеджеры летали только экономическим классом. И в то же время он сохранил 2,9-миллионный расходный счет для себя и продолжал летать на работу в корпоративном реактивном самолете между своим домом во Флориде и штаб-квартирой компании в Стэмфорде, штат Коннектикут. В свою бытность генеральным директором РДР «Набиско» Ф. Росс Джонсон построил роскошный ангар в Атланте для размещения

десяти корпоративных самолетов и двадцати шести корпоративных пилотов. Рядом с ним он выстроил трехэтажное помещение для отдыха особо важных гостей со стенами, отделанными красным деревом, наборным полом из итальянского мрамора и атриумом с японским садиком . Известно, что глобальный финансист Иван Боески любил выбирать из меню восемь основных блюд в привилегированном «Кафе художников», пробовал каждое и затем решал, что он будет заказывать .

В июне 1991 года я побывал на ежегодной конференции «Американского форума по глобальному образованию» в Хартфорде, штат Коннектикут. Эд Пратт, председатель и исполнительный директор фирмы «Пфайзер, инк.», производящей лекарства и другие медицинские товары, с годовым оборотом 7 млрд. долл., открывал эту конференцию. Он получил премию за вклад в глобальное образование и делился своими взглядами на потребность в образовании с несколькими сотнями американских преподавателей, объясняя, что образование молодых американцев должно ставить целью дать им максимальные преимущества в конкурентной борьбе в новой глобальной экономике. По его мнению, времени для всяких излишеств, таких как изучение иностранных языков, нет. Он сообщил, что во время своих путешествий по всем отделениям фирмы «Пфайзер» в мире он обнаружил, что все, с кем ему нужно было общаться, уже говорили по-английски. Поэтому он внес предложение, чтобы тоже количество часов, которое ученики в других странах посвящают изучению английского, было отведено обучению американских студентов научным дисциплинам и экономике.

Компания «Найк», крупный производитель обуви, называет себя «сетевой фирмой». Это значит, что 8000 ее сотрудников занимаются управлением, проектированием, продажей и внедрением, а производство представлено 75 000 рабочих, нанятых независимыми подрядчиками. Большая часть производства, основанного на внешних сырьевых источниках, находится в Индонезии, где пара кроссовок «Найки», продаваемая в Соединенных Штатах или Европе за 73—135 долл., изготавливается приблизительно за 5,60 долл. девочками или молодыми женщинами, которым платят лишь 15 центов в час. Рабочие живут в бараках, принадлежащих компании, профсоюзов не существует, сверхурочная работа принудительна, и в случае забастовки могут быть вызваны войска для ее подавления. Те 20 млн. долл., которые, как говорят, были заплачены в 1992 году баскетбольной звезде Майклу Джордану за рекламу кроссовок, превосходят всю ежегодную зарплату, выплачиваемую всем рабочим индонезийских заводов, производящих эти кроссовки.

Когда генерального директора фирмы «Найк» в Индонезии Джона Вудмена спросили об условиях труда на заводах, где изготавливаются кроссовки, он дал классический ответ обитателя Стратоса. Хотя он и знал, что на шести индонезийских заводах, выпускающих кроссовки «Найк», есть какие-то проблемы, он не имел ни малейшего представления, что это были за проблемы. Более того, он ответил:

Я не уверен, что мне нужно об этом знать. Разбирательство не входит в круг наших обязанностей .

Пример с фирмой «Найк» — разительная иллюстрация искажений экономической системы, которая забирает вознаграждение утех, кто производит реальные ценности, и передает его тем, чьей главной функцией является создавать рыночные иллюзии, убеждающие потребителей покупать товары, которые им не нужны, по вздутым ценам. Нет ничего удивительного в том, что многие менеджеры, подобно тому менеджеру «Найки», который уклонялся от контактов с индонезийскими рабочими, предпочитают избегать разговоров с большим количеством людей за пределами узкого круга избранных.

Кажется вполне уместным, что в 1993 году победителем ежегодного компенсационного вознаграждения среди руководителей компаний был мастер иллюзий Майкл Айснер, председатель «Уолт Дисней компани» — корпорации, которая занимается созданием вымышленных миров. Компенсационное вознаграждение Айснера составило 203,1 млн. долл., что равнялось 68% всей прибыли компании в 299,8 млн долл. за тот год — безусловно, более чем достаточно, чтобы создать немножечко иллюзий и для себя любимого .

Таков заоблачный мир, в котором живут архитекторы глобального экономического порядка. Для них самих и их корпораций местные рынки стали слишком тесными. Любого богатства и власти им всегда мало. Им нужно постоянно отодвигать границы, создавать новые империи, колонизовать новые рынки. Есть все основания полагать, что люди, столь удаленные от ежедневной реальности тех, кем они управляют, весьма плохо подготовлены к выражению общественных интересов.

ПЕРЕСМОТР ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СЕВЕР - ЮГ

Огромное богатство и безоговорочное принятие мира иллюзий не ограничены лишь «богатыми» странами. В перечне самых состоятельных

людей мира за 1993 год, приведенном журналом «Форбс», числится 88 миллиардеров из стран с низким и средним доходом по сравнению с 62 миллиардерами лишь за год до этого. Мексика возглавляла этот список, имея 24 миллиардера в 1993 году, по сравнению с 13 в 1992 году .

Возьмем Филиппины — слабую в экономическом плане страну по сравнению с Восточной и Юго Восточной Азией. Ее ВНП на душу населения составляет 730 долл., и приблизительно у 60% населения не хватает средств, чтобы обеспечить минимальный рацион, достаточный для поддержания собственного здоровья и здоровья своих семей. В списке журнала «Форбс» вы найдете двух миллиардеров за 1992 год и пятерых за 1993-й.

С 1988 по 1992 год я работал в офисе, расположенном на одиннадцатом этаже пятиэтажного здания в Макати, торговом и финансовом центре Манилы, столицы Филиппин. Из своего окна я мог видеть три пятизвездочных гостиницы и несколько высотных банковских зданий. Почти в любое время дня я мог видеть, как один или несколько частных вертолетов доставляли манильскую деловую элиту на крыши этих небоскребов и увозили с них, высоко паря над машинами, зажатыми в широко известных манильских автомобильных пробках, и очередями безмашинных людей, ждущих общественного транспорта в густых клубах дизельного дыма. На другом конце Манилы тысячи менее удачливых филиппинцев построили из подручных материалов свои хижины на вершине Смоуки маунтин, мусорной свалки, над которой всегда висит пелена испарений, и добывают средства к существованию, роясь в вонючих горах отбросов в поисках бутылок, обрывков пластика и других вещей, за которые можно хоть что-то получить.

Сотни тысяч филиппинцев каждый год отправляются за границу в отчаянных поисках работы, для того чтобы прокормиться самим и прокормить свои семьи. Многие женщины прибывают в Японию работать «развлекательницами» или же едут на Ближний Восток работать домашней прислугой. Они зачастую оказываются в условиях фактического рабства и становятся объектами сексуальной эксплуатации. Филиппинское правительство считает своих заморских рабочих важной статьей поступления твердой валюты, позволяющей оплачивать, среди всего прочего, импортные товары для роскошных супермаркетов с воздушным кондиционированием, где продается самая новая бытовая электроника и модельная одежда, а также обслуживать 32-миллиардный иностранный долг страны.

В былые времена, когда экономика очерчивалась национальными

границами и даже границами района, богатые и бедные, проживавшие в границах страны или города, обычно в равной степени разделяли чувство общности национальных или городских интересов. Независимо от размера конфликтов между ними, их судьбы переплетались. Промышленники были заинтересованы в системе образования, которая готовила для них кадры, а также в материальной инфраструктуре транспорта и других общественных служб, от которой зависели их производственные предприятия. Пусть и с большой неохотой, они принимали на себя обязанность по выплате налогов для поддержки необходимой общественной и материальной инфраструктуры.

В последние годы одной из демографических реалий Соединенных Штатов стало все увеличивающееся географическое разделение по уровню доходов. Те, кто относится к более обеспеченному слою, поселяются в богатых пригородах, организованных как независимые в политическом смысле юрисдикции, где они пользуются средствами обслуживания, общими лишь для членов их собственного привилегированного класса. Таким образом, они могут финансировать хорошие школы и другие общественные службы без необходимости платить дополнительные налоги, чтобы вносить вклад в обеспечение подобных заведений для семей с низким доходом. Семьи с низким доходом, подобным же образом, селятся в административных районах, гораздо более нуждающихся в социальных службах, чем богатые районы, однако не обладающих достаточной налоговой базой для их финансирования .

Последствия этого разделения по политической юрисдикции еще более ухудшились в Соединенных Штатах в 1980-е годы, когда федеральное правительств во стало все больше перекладывать ответственность за финансирование социальных услуг на местные административные районы. В 1978 году, когда федеральные отчисления местным правительствам были максимальными, почти 27% финансирования штатов и муниципалитетов поступало из федеральных фантов. К 1988 году федеральное финансирование сократилось до 17%. Все это было частью более крупной программы администрации Рейгана по разрушению механизмов перераспределения доходов, которые создали предшествующие администрации Америки в годы демократического плюрализма. Роберт Рейх называет этот процесс отделением привилегированных классов от остальной части Америки. В результате этого расширилась пропасть в качестве образования и других общественных услуг, которыми пользуются богатые и бедные; произоийти до углубление классового расслоения, обычно усугубляющегося по

расовому признаку, и усилилась изоляция богатых в своем мире иллюзий.

Из всех стран, которые мне довелось посетить, Пакистан наиболее ярко демонстрирует пример того, как элита проживает в анклавах, оторванных от местных корней. Три современных города страны — Карачи, Лахор и Ислам бад — являют собой анклавы пятизвездочных гостиниц, современных торговых центров и модных жилых зон, окруженных феодальной сельской местностью, управляемой местными главарями, которые содержат целые частные армии на доходы от процветающего бизнеса — торговли наркотиками и оружием — и готовы убить любого чиновника центрального правительства, который рискнет ступить на их территорию. Показатели здравоохранения и образования в сельской местности Пакистана сравнимы с самыми бедными африканскими странами.Во время двух своих поездок в Пакистан я был гостем некоторых из наиболее процветающих бизнесменов страны. Посетив много стран и закончив самые лучшие университеты Великобритании и Америки, они ходят и говорят с уверенностью, манерами и чувством гостеприимства, характерными для космополитических аристократов, чувствующих себя совершенно непринужденно имея такие деньги и такое положение. Мои хозяева регулярно путешествовали по миру, для того чтобы контролировать свои широкие деловые интересы, вращаясь в кругах глобальной деловой элиты и так же свободно чувствуя себя как дома в Нью Йорке или Лондоне, в Карачи, Лахоре или Исламабаде.

Самым поразительным, однако, было то, насколько мало, в противоположность их знанию и интересу к остальному миру, они знали и интересовались тем, что происходит в их собственной стране за границами их анклавных городов. Как будто остальной Пакистан был малозначимым иностранным государством, недостойным внимания и упоминания. У них почти напрочь отсутствовало чувство национального интереса. В тот момент я даже не понимал, что это явление не есть какое-то нарушение, связанное с недостаточным экономическим развитием, а, скорее, сверхновая глобальная общественная и политическая тенденция — слияние мировых финансовых элит в некое безродное сообщество в облаках, удаленное от мира, в котором проживает абсолютное большинство обыкновенных смертных.

Мы долгое время считали, что мир разделен на богатые и бедные страны. По мере развития процесса экономической глобализации мы обнаруживаем растущие островки огромного богатства в бедных странах и растущие океаны бедности в богатых странах. Разделение на Север и Юг

сейчас более оправдано как обозначение реальности того, что мир разделен не столько по географическому, сколько по классовому признаку.

САМОРАЗРУШИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА

Глобальная экономическая система вознаграждает корпорации и их управляющий аппарат щедрыми доходами и привилегиями за то, что они организуют потогонные системы производства с нищенской зарплатой, за сплошную вырубку девственных лесов, за внедрение технологий, позволяющих экономить рабочую силу и увольнять сотни тысяч рабочих, за свалки токсичных отходов, а также за проталкивание корпоративных интересов в ущерб интересам человека. Система защищает тех, кто принимает подобные решения, освобождая их от платы за издержки, вызванные их решениями, перекладывая эти расходы на более слабых членов системы — на уволенных рабочих, на тех, кто пришел им на смену и зарабатывает гроши, на которые невозможно прокормить семью, налесных жителей, У которых разрушена среда обитания, на бедняков, ютящихся вблизи свалок ядовитых отходов, на разобщенных налогоплательщиков, которые оплачивают все эти расходы. Последствия разъединения доходов и издержек заключаются в том, что система сигнализирует наиболее влиятельным лицам, ответственным за принятие решений, о том. что их решения приводят к созданию нового богатства, в го время как на самом деле они лишь перераспределяют большую часть имеющегося на земле богатства в свою пользу за счет остальных людей и всей планеты.

Системные теоретики, которые задумываются над пониманием динамику сложных, саморегулирующихся систем, сказали бы. что экономическая система дает этим ответственным за принятие решений лицам положительную обратную связь, вознаграждая их за решения, которые нарушают динамическое равновесие системы и вызывают ее бесконтрольное расшатывание, угрожая со временем разрушить ее окончательно. Стабильные системы опираются на сигналы отрицательной обратной связи, которые поощряют исправление ошибочного поведения и возвращают систему в состояние равновесия.

Гениальность рыночной концепции Адама Смита состоит в том, что, хотя он никогда не использовал кибернетической терминологии системных теоретиков, он одним из первых выявил основные принципы сложных

саморегулирующихся систем. Он без колебаний применил эти принципы к созданию идеальной модели саморегулирующейся экономической системы, которая эффективно размещает ресурсы общества для производства вещей, наиболее необходимых большинству людей, без вмешательства влиятельной центральной власти. Это было блистательное достижение интеллекта, имевшее невероятную притягательную силу для интеллектуалов, увлекающихся элегантными теориями, для народников с их глубоким недоверием к сильной власти — и для состоятельных элит, которые нашли в ней моральное оправдание жадности!

К сожалению, экономические рационалисты, которые являются интеллектуальными последователями Смита, приняли более узкий и механистический взгляд на экономические системы и восприняли рыночную свободу как идеологию — без оговорок, сделанных Смитом в отношении условий, необходимых для поддержания саморегулирующегося равновесия рынка. Из идеологов выходят плохие создатели систем, поскольку они ориентированы на упрощенные рецепты, а не на создание равновесных, саморегулирующихся систем.

По мере того как в результате этих изменений нарастает социальная напряженность и неполадки системы становятся все более очевидными, растет напряженность и между членами сложившихся политических союзов. Играя на растущем чувстве общественной неуверенности и страха, политические демагоги и оппортунисты чувствуют, что пришел их звездный час. В Соединенных Штатах они выступают с нападками на большое правительство и на экологов, призывая в то же время к сокращению налогов, уменьшению правительственного аппарата, восстановлению семейных ценностей и личной ответственности, снятию ограничений на эксплуатацию природных ресурсов увеличению расходов на оборону, усилению борьбы с преступностью, устранению контроля над рынком и к свободной торговле. Представляя себя консерваторами, которые заботятся о защите простых людей от злоупотреблений большого правительства, они в то же время ставят на тех, кто надеется только на себя и не доверяет правительству, на тех, кто находится под экономическим бременем и ищет облегчения от бремени налогов, на рабочих в добывающих отраслях промышленности, которые боятся экологических ограничений, и на корпоративные интересы, которые стремятся к еще большей свободе увеличивать прибыли за счет экстернализации издержек. Предложения, выдвинутые с целью привлечь эту разношерстную аудиторию, пестрят противоречиями. Очень немногие из этих предложений будут содействовать восстановлению семейных ценностей, общества и

самодостаточности. Как раз наоборот, они дают крупнейшим корпорациям мира свободу колонизировать еще больше мировых рынков и ресурсов на благо тех, кто уже богат, еще в большей степени перекладывать налоговое бремя с тех, кто в состоянии платить, на тех, кто в наименьшей степени платежеспособности, и усилят полицейскую власть государства для сдерживания возникающих социальных волнений.

Оппортунисты и демагоги от корпоративного либертарианства связали корпоративные деньги и власть с популистскими интересами для проталкивания идей, которые приводят к преобладанию корпоративных интересов над общечеловеческими. Это противоречие остается неразоблаченным, пока корпоративным либертарианцам дозволено определять эти проблемы как борьбу между либералам и большого правительства, неспособными ни на что другое, кроме как собирать налоги и тратить их, и ориентированными на семейные ценности консерваторами, борющимися за личную свободу и ответственность.

Под этим прикрытием они достигли немалого успеха в критике социальных программ для бедных, выколачивании налоговых льгот для богатых и предоставлении еще больших свобод корпорациям. Последствием является перекачка еще большей власти и богатства к крупному и централизованному корпоративному миру заоблачных мечтателей за счет всего малого и местного. По иронии судьбы, цель, которой, как они сами считают, служат консервативные избиратели, состоит в восстановлении власти малых и местных.

Условия политического диалога должны быть заново определены, с тем чтобы четко сосредоточиться на реальной проблеме: борьбе за власть между всем крупным и централизованным, с одной стороны, и малым и местным, с другой — между корпорациями и обычными людьми. Настало время пересмотра политических союзников, но оно, вероятно, станет полностью оптимальным тогда, когда истинные народники осознают, что их настоящий враг не только огромное централизованное правительство, но и гигантские корпорации, у которых нет верности ни месту, ни людям, ни общечеловеческим интересам.

Экономическая глобализация является тем основанием, на котором строятся империи нового корпоративного колониализма. Корпоративные либертарианцы убеждают нас, что процесс экономической глобализации наступает благодаря действию неизбежных исторических сил и что у нас нет иного выбора, кроме как адаптироваться и научиться конкурировать с нашими соседями. Это неискреннее утверждение, ибо за ним скрываются хорошо организованные, щедро финансируемые и целенаправленные

усилия заоблачных мечтателей по разрушению национальных экономик и построению институтов глобального рынка. В третьей части книги мы подробно рассматриваем их представление о будущем и то, каким образом они приступили к его осуществлению на практике.

Часть III. Корпоративный колониализм

8. Мечты о глобальных империях

Мировая экономика стала более интегрированной.
Но путешествовать — это вовсе не то же самое, что
куда-то прибывать. Полная интеграция будет
достигнута лишь тогда, когда будет свободное передвижение
товаров, услуг, капитала и рабочей силы и когда,
правительства будут обращаться с фирмами одинаково,
независимо от их национальной принадлежности.

Журнал «Экономист»

Люди, которые руководят глобальными корпорациями —
это первые в истории люди, у которых есть организация,
технология, деньги и идеология для предприятия
уверенной попытки управлять миром как единым
экономическим целым... Требуют же они, по сути делая
права выходить за пределы национальных государств
и в ходе этого процесса преобразовывать их.

Ричард Дж. Барнет и Рональд И. Мюллер

За предшествующие два десятилетия наблюдалось самое быстрое и всеобъемлющее преобразование общественных институтов в истории человечества. Это было сознательное и преднамеренное преобразование с целью установить новый мировой экономический порядок, в котором у бизнеса нет национальности и национальных границ. Оно подпитывается глобальными мечтами об обширных корпоративных империях, послушных правительствах глобализованной потребительской монокультуре, и

господстве универсальной идеологии в виде корпоративного либертарианства. Для того чтобы противостоять этому экономическому, социальному и экологическому опустошению происходящему почти повсеместно в результате реализации этого корпоративного колониального идеала, мы должны научиться распознавать его смысли методы его распространения.

ВИДЕНИЕ

Одним из наиболее уважаемых и красноречивых провидцев нового экономического порядка является Акио Морита — основатель и председатель корпорации «Сони». В июне 1993 года в журнале «Атлангик мансли» было опубликован открытое письмо Мориты главам государств, которые в то время занимались подготовкой к встрече «большой семерки» в Токио. Он призвал их найти:

средства к устранению всех экономических барьеров между Северной Америкой, Европой и Японией — торговых, инвестиционных, законодательных и так далее — для того чтобы начать создавать ядро нового экономического порядка, который включал бы упорядоченную всемирную деловую систему с общепринятыми правилами и процедурами, выходящими за рамки национальных границ .

Морита далее пояснял, что, по его мнению, настало время, когда все местные интересы, включая местные культуры и другие символы местного своеобразия, должны уступить место более масштабным ценностям, которые создаются свободной рыночной системой. В его идеальном мире :

японские фермеры-производители риса не смогут держать взаперти свой рынок, японским кейреиу также не будет позволено исключать иностранных поставщиков из своей производственной системы или импортные товары с прилавков розничных магазинов. Но американцы также не смогут продолжать свою, считающуюся несправедливой, практику односторонних тарифов. И европейцы не смогут принимать односторонних решений по поводу того, является ли данная машина «европейской» или нет. В дальнейшем мы должны стремиться к созданию таких условий, в которых движение товаров, услуг, капитала, технологий и людей по всей Северной Америке, Европе и Японии будет поистине свободным и беспрепятственным .

При таком мировом порядке жалобы об ограничениях иностранного

доступа на рынки будут быстро расследоваться и разрешаться наднациональными арбитражными комитетами, которые будут «предлагать конкретные средства, облегчающие иностранное проникновение в области, где наблюдалось несправедливое неравенство или не было достаточной открытости» . Правительственные усилия по поддержанию конкуренции посредством антитрестовского законодательства будут сдерживаться признанием потребностей компаний, которые «занимаются совместными исследованиями и разработками, совместным производством или формируют различные виды взаимовыгодных партнерств и объединений». Правительства будут координировать валютные курсы с целью уменьшения случайного риска от их колебаний — риска, которому подвержены глобальные корпорации в процессе свободного движения товаров и капитала по всему миру вместа возможного получения максимальной прибыли .

Основная мысль видна достаточно ясно. Местные жители, действующие через свои правительства, более не должны иметь права управлять собственной экономикой в своих, местных интересах. Вместо этого, правительства должны реагировать на потребности глобальных корпораций. Слова Мориты перекликаются со словами Джорджа Болла, заместителя госсекретаря Америки по экономике, который еще в 1967 году заявил Британскому национальному комитету Международной торгово-промышленной палаты:

Политические границы национальных государств слишком узки, чтобы определять масштаб и конкретную деятельность современного бизнеса.... В основном те компании, которые достигли глобального видения в своих операциях, обычно предпочитают такой мировой порядок, в котором не только товары, но также все факторы производства могут перемещаться с максимальной свободой .

В своем официальном информационном бюллетене от 15 июля 1991 года Международный валютный фонд ссылается на исследование, проведенное ДеАнне Юлиус, главным экономистом «Шелл интернешнл петролеум компани», чтобы подчеркнуть важность торговых соглашений, которые давали бы капиталу такую же свободу перемещения, как и товарам. В упомянутой работе выдвигалось три принципа.

• У иностранных компаний должна быть полная свобода выбора в том, как им участвовать в местном рынке, путем импорта или открытия местного производства.

• Иностранные фирмы должны управляться по тем же законам и иметь такие же права, как и местные фирмы данной страны.

• Иностранным фирмам должна быть разрешена любая деятельность, которая в данной стране официально разрешена местным фирмам.

Карла Хиллз, торговый представитель США в администрации президента Буша, выразила свою поддержку данной цели:

Мы хотим, чтобы корпорации могли делать инвестиции за рубежом без необходимости иметь местного партнера или экспортировать определенный процент своей продукции, использовать местные компоненты или удовлетворять еще десятку других ограничений .

Этот взгляд широко разделяется в корпоративных кругах. Международный опрос исполнительных директоров, проведенны йжурналом «Гарвард бизнес ревью» в 1990 году, показал, что 12 000 опрошенных из 25 стран в основном согласны с тем, что должна быть свободная торговля между странами и минимальная защита для местных предприятий. С той же степенью достоверности они отвергали мысль о том, что бизнес должен служить своей стране или наталкиваться на барьеры при перемещении своих производств в другую часть мира .

Строители корпоративной империи быстро воплощают свою мечту в реальность. С 1965 по 1992 год доля мирового выпуска, реализуемая в торговом, обмене между странами, выросла с несколько менее 9% до почти 19% . В целом, торговля расширялась темпами приблизительно в два раза превышающими рост мирового выпуска. С 1983 по 1990 год иностранные инвестиции по всему миру росли в четыре раза быстрее, чем мировой выпуск, и в три раза быстрее, чем мировая торговля, и это привело журнал «Экономист» к заключению, что зарубежные инвестиции — это область, «где были достигнуты самые значительные успехи с 1980 года» . Принимая во внимание, что 70% всемирной торговли контролируется лишь 500 корпорациями и всего лишь 1% всех транснациональных корпораций владеет половиной общего объема прямых зарубежных инвестиций , создается впечатление, что «Экономист» измеряет прогресс скоростью, с которой небольшое число транснациональных корпораций упрочивает свой захват глобальной экономики.

КОРПОРАЦИИ ВНЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ

Для корпоративных директоров стало предметом гордости и принципа во всеуслышанье заявлять, что их фирмы переросли границы национальных интересов Нот типичное заявление, принадлежащее Чарльзу

Эксли. генеральному директору фирмы «Нэшнл кэш реджистер», который гордо заявил газете «Нью Йорк гаймс», что «Нэшнл кэш реджистер» вовсе не американская корпорация. Это всемирная корпорация, штаб-квартира которой случайно оказалась расположенной в Соединенных Штатах . По словам С. Майкла Армстронга, старшего вице президента, руководящего «Ай-Би-Эм уорлдтрейд корпорейшн», «Ай-Би-Эм», по крайней мере частично, с успехом утратила американскую принадлежность» .

Такие заявления представляют собой не просто позу. На «Ай -Би-Эм» Японии работает 18 000 японских рабочих, и она является одним из самых крупных экспортеров компьютеров, в том числе и в Соединенные Штаты . В 1993 году «Дженерал моторе корпорейшн» Соединенных Штатов объявила о соглашении с «Тойота мотор корпорейшн» Японии, по которому «Дженерал моторе» будет производить до 20 000 машин в год в Соединенных Штатах для продажи в Японии под именем «Тойота» .

По правде сказать, вопрос национального происхождения товара стал настолько сложен, что почти невозможно определить его с достоверностью. Не очевидно даже, что сами компании производители знают или особенно озабочены долей национальной принадлежности своих товаров. В 1990 году в главной статье номера журнал «Бизнес уик» отметил:

Хотя лишь немногие компании полностью отделились от страны своего происхождения, тенденция к образованию «лишенных страны» корпораций прослеживается безошибочно. Европейские, американские и японские гиганты, устремившиеся в этом направлении, учатся тому, как жонглировать многочисленными принадлежностями и многочисленными приверженностями... Эти всемирные корпорации вырабатывают способность хамелеона, чтобы уподобиться местным компаниям вне зависимости от места их деятельности. В то же самое время они перемещают фабрики и лаборатории «по всему миру без особенной оглядки на национальные границы», заявил председатель корпорации «Юнисис» В. Майкл Блюменталь .

Иными словами, в своих ежедневных операциях крупнейшие корпорации мира хранят верность лишь своей графе «общая прибыль». Однако в целях сокращения налогов, поиска субсидий на исследования и вовлечения представителей правительства в переговоры, затрагивающие их глобальные рыночные и инвестиционные интересы, они заворачиваются в национальные флаги и призывают к поддержке «своего» национального правительства во имя повышения глобальной конкурентоспособности «нации».

Существует длительная напряженность между *многонациональным и*

транснациональным взглядами на глобальную корпорацию. Многонациональная корпорация принимает множество национальных обличий, содержа относительно независимые производственные и торговые предприятия в каждой конкретной стране пребывания, укореняясь в местную среду и представляя себя в каждом конкретном месте как хороший гражданин данной местности. Их глобальные операции связаны друге другом, но глубоко внедрены в местную экономику, в которой они действуют, и в какой то степени они действительно ведут себя как местные граждане.

Однако наблюдается тенденция к транснационализму, который включает интеграцию глобальных операций фирмы вокруг вертикально интегрированных сетей снабжения. Например, когда фирма «Отис элевейтор» решила создать новую, усовершенствованную систему лифтов, она заказала проект приводов двигателей в Японии, дверную систему во Франции, электронику в Германии, а мелкие детали в Испании. Сборка системы осуществлялась в Соединенных Штатах . Хотя транснациональная корпорация может выбрать гражданство какой-либо страны для своей деятельности, когда такая позиция, целесообразна, однако приверженность данному месту лишь временна, и корпорация активно стремится устранить соображения национальности в своих усилиях добиться максимальной экономии, которую делает возможной централизованное глобальное снабжение .

Журнал «Экономист» высказал предположение, что правильной стратегией для тех, кто владеет правами на товары или процессы в полностью глобализованной экономике, является полное отсутствие производства. Вместо этого они должны просто продавать лицензии на производство товаров и на процессы за такую сумму, которая сопоставима с прибылью, которую они получили бы в случае производства и продажи товара либо на месте, либо на экспорт . Другими словами, те, кто обладает монопольным контролем; над патентованными технологиями, вовсе не должны что-либо производить — они просто должны собирать прибыль. Это вопиюще далеко от идеала конкурентной рыночной экономики Адама Смита, в которой прибыль идет мелким производителям.

Чем более защищены индивидуальные рынки, тем более глобальная фирма вынуждена действовать в многонациональном режиме — производить на, местном уровне в каждом случае для того, чтобы выйти на конкретный рынок и интегрироваться в местную экономику. По мере того как местная экономика открывается глобальной экономике, для фирмы становится возможным и чрезвычайно прибыльным извлекать

преимущества из различий между различными регионами в отношении зарплаты, рыночного потенциала, стандартов трудоустройства, налогов, природоохранных законов, местных условий и трудовых резервов. Это означает устраивать свои глобальные операции так, чтобы производить товары там, где себестоимость наименьшая, продавать их там, где рынки позволяют получать максимальную прибыль, и перемещать эту; прибыль туда, где налоги минимальные. Способность переносить производство из одной страны в другую ослабляет возможность представителей конкретных мест вести равноправные переговоры и смещает баланс власти с местных человеческих интересов к глобальным корпоративным интересам.

Чем с большей легкостью фирма способна свободно перемещать капитал товары, технологию и рабочую силу между различными местами в поисках такого преимущества, тем большее конкурентное давление оказывается на конкретные регионы, что вынуждает их субсидировать инвесторов, брать на себя их социальные, экологические и прочие производственные издержки. Чем рынки крупнее и доступнее, тем больше возможности для извлечения прибылей они дают фирмам, достаточно крупным и подвижным для того, чтобы извлекать выгоду из этих различий, — и тем больше их конкурентные преимущества над более мелкими местными фирмами, которые вросли корнями в конкретную местность и играют по ее правилам.

В недавнем исследовании многонациональных предприятий (МНП), проведенном Офисом по оценке технологий Конгресса США, отмечалось:

Поскольку многие МНИ выходят за пределы национальных границ, они озабочены не столько достижением национальных целей, сколько выполнением внутренних целей фирмы — в основном в отношении роста, прибылей, патентованной технологии, стратегических альянсов, доходности вложений и власти над рынком... Экономика США (или любая другая на ее месте) не может оставаться конкурентоспособной, если МНП, которые осуществляют продажу и совершают бизнес в Америке, не вкладывают средства в исследования и технологическую базу, оплату рабочей силы, производственные мощности и капитальные ресурсы...

Интересы всех стран должны быть предельно просты — качественные рабочие места, подъем жизненного уровня, технологическое и промышленное развитие, гарантированные права рабочих и потребителей и высокое качество окружающей среды у себя дома и в мире... По сравнению с интересами стран интересы МНП гораздо больше зависят от конкретных обстоятельств и привязаны к возникающим благоприятным возможностям .

В целом японские фирмы были гораздо более ориентированы на японские национальные интересы, чем американские фирмы, которые первыми отказались от национальных интересов в угоду более узко определенным корпоративным интересам. Европейские фирмы занимают промежуточное положение в этом отношении. Однако при этом прослеживается явная тенденция к корпоративному транснационализму.

ПРАВИТЕЛЬСТВА НА СЛУЖБЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСТВА

Кеничи Омае, исполнительный директор компании «МакКинси энд компани» Японии — еще один широко признанный гуру нового экономического порядка. В своей известной книге «Мир без границ» Омае говорит национальным правительствам, что бесполезно цепляться за свои традиционные роли экономических менеджеров национальных экономик, потому что национальных экономик больше нет. Например, когда правительства пытаются использовать традиционную процентную ставку и инструменты денежного предложения для стимулирования несуществующей национальной экономики, то рабочие места, которые в результате этого появляются, вполне могут быть созданы в других странах, где в результате этого повышается спрос на экспорт. Если правительство повысит процентную ставку для того, чтобы взять под контроль инфляцию, то иностранные денежные средства ринутся в эту страну и сделают эту политику бессмысленной .

Глобализация также привела к устареванию многих других политических ролей правительства. Компании с глобальными операциями постоянно и без малейших усилий обходят правительственные ограничения, основанные на устаревших предположениях о национальной экономике и внешней политике. Например, фирма «Хонда» обходит ограничения на импорт японских машин на Тайвань, в Южную Корею и Израиль, отправляя машины «Хонда» в эти страны со своего американского завода в штате Огайо. Когда Япония объявила тендер на строительство новых телекоммуникационных средств для американских производителей, то канадская компания «Норзерн телеком лтд.» перевела многие свои производственные мощности в Соединенные Штаты, чтобы получить возможность выиграть этот тендер как американская компания. Когда президент США Рональд Рейган объявил экономические санкции против Ливии в январе 1986 года, то хьюстонский машиностроительный концерн

«Браун и Рут, инк.» Я просто переместил 100-миллионный контракт на работу над проектом по созданию «Великой рукотворной реки» в свой британский филиал .

По мнению Омае, надлежащей реакцией со стороны бюрократов должно быть смирение перед неизбежным: принятие той реальности, что правительство устарело, что оно должно уйти с дороги и открыть свободный путь потоку товаров и денег в соответствии с действием рыночных сил:

Многонациональные компании являются истинными слугами требовательных потрет бителей во всем мире... Когда правительства туго понимают, что их роль изменилась и вместо защиты своих граждан и своих природных ресурсов от внешних экономических угроз они должны заботиться об обеспечении широчайшего доступа своих граждан к наилучшим и самым дешевым товарам и услугам со всего мира — то есть когда правительства все еще думают и действуют подобно бряцающему оружием средневековому защитнику системы меркантилизма, — тогда они отпугивают инвесторов и обкрадывают своих граждан. Хуже того, они обрекают своих людей на изоляцию от нарождающейся всемирной экономики, что, в свою очередь, заведомо обрекает их на скатывание вниз по спирали обманутых надежд и промышленного загнивания... Как показали недавние события в Восточной Европе, люди в своей роли потребителей и граждан больше не желают терпеть этой устаревшей роли правительства .

Омае советует правительствам активно присоединяться к глобальным корпорациям в том, чтобы убеждать потребителей не забивать свои мысли вопросами о том, где был произведен тот или иной товар. Он подкрепляет свои аргументы, указывая на то, что себестоимость продукции составляет лишь около 25% от конечной цены реализации; основной вклад в конечную цену товара все более приходится на долю маркетинга и функции поддержки.

Такие функции, как сбыт, складирование, финансирование, розничный маркетинг, системная интеграция и обслуживание являются законными составляющими системы бизнеса и могут создать столько же, а зачастую и больше рабочих мест, чем просто производственные операции .

По сути, Омае утверждает, что страна может удовлетворить свои потребности в создании рабочих мест, сосредоточившись на маркетинге и потреблении товаров, которые были произведены где-то в другом месте.

Соединенные Штаты уже в большой степени приняли видение Омае как организующий принципи своей экономики. Иностранные

производители теперь поставляют 30% товаров, за исключением нефти, продаваемых на внутреннем рынке США, на 15% больше, чем в начале 1980-х . Между тем Соединенные Штаты превратились в страну с самой крупной внешней задолженностью, где наблюдается рост безработицы и падение заработной платы.

Если бы люди представляли собой лишь потребителей, то аргументы Омая были бы убедительны. Однако у людей есть и другие роли и ценности, которые порождают реальные и законные опасения в отношении таких вещей, как место производства данного товара и то, какие законы будут регулировать местную экономику. Интересы людей и интересы корпораций не совпадают.

ИНТЕРЕСЫ МЕСТНЫХ ЖИТЕЛЕЙ ПРОТИВ ИНТЕРЕСОВ КОРПОРАЦИЙ

Глобальная экономика создала динамику, в которой конкуренция между различными населенными районами стала такой же реальной, как и конкуренция между фирмами. Округ Мур в Южной Каролине выиграл в тендере конкурентоспособности в 1960-х и 1970-х годах, когда он привлек большое число крупных производителей из промышленных районов северо-востока Соединенных Штатов, где процветали профсоюзы, пообещав этим производителям налоговые льготы, слабое природоохранное законодательство и послушную рабочую силу. «Проктор Сайлекс» была одной из привлеченных компаний. Позже, когда компания «Проктор Сайлекс» произвела расширение своих местных производств, округ Мур выпустил муниципальные облигации на сумму 5,5 млн долл. для финансирования необходимой канализации и водопроводных соединений — хотя проживающие совсем рядом местные жители не имели водопровода и прочих элементарных коммунальных услуг. Затем в 1990 году эта компания решила, что Мексика предлагает более выгодные условия, и она снова переехала. Она оставила после себя 800 безработных в округе Мур, захороненные баки с токсичными отходами и общественный долг округа в результате финансирования им коммунальных сооружений от имени компании, которые та не оплатила .

Американцам не нужно идти дальше мексиканской границы, чтобы составить представление о том, что нужно для того, чтобы быть конкурентоспособным на глобальном уровне. «Макиладоры» — это

сборочные заводы в зоне свободной торговли на мексиканской стороне границы с Соединенными Штатами. Эта зона стала мощным магнитом, привлекающим многие американские компании, включая «Дженерал электрик», «Форд», «Дженерал моторе», «ГТЕ Сильвания», «РКА», «Вестингауз» и «Ханивелл», ищущие места с низкими производственными издержками, в которых можно производить товары для американского рынка . Рост был взрывной — с 620 заводов макиладоров, на которых работали 119 550 мексиканских рабочих в 1980 году до 2200 заводов, на которых работали 500 000 мексиканских рабочих в 1992 году. На многих из них установлено самое современное, высокотехнологичное оборудование и технологии. Хотя производительность мексиканских рабочих, занятых на современных заводах, сравнима с производительностью американских рабочих, средняя почасовая оплата на фабриках-макиладорах составляет лишь 1,64 долл. посравнению с 16,17 долл. в Соединенных Штатах.

Для того чтобы соблюдать условия, предпочитаемые транснациональными корпорациями, мексиканское правительство лишило рабочих права образовывать независимые профсоюзы и удерживает рост зарплаты на гораздо более низком уровне, чем рост производительности труда. Летом 1992 года более 14 000 мексиканских рабочих на заводе «Фольксваген» отвергли контракт, который заключили официальные профсоюзы, находящиеся под влиянием правительства. Компания уволила всех до одного, и мексиканский суд поддержал такие действия компании. В 1987 году, в самый разгар двухмесячной забастовки в Мексике, Форд мотор компании» разорвала свой контракт с профсоюзами, уволила 3400 рабочих и урезала зарплату на 45%. Когда рабочие сплотились вокруг протестующих рабочих вожаков, то наемники, нанятые официальными проправительственными профсоюзами, стреляли в толпу наугад прямо на фабрике.

Еще одна притягательная сторона — слабое природоохранное законодательство. Исследовательская группа из Главного счетного управления США доложила Конгрессу, что все шесть недавно открытых американских заводов, которые она инспектировала в Мексике, работают без необходимых экологических паспортов. В других исследованиях были найдены доказательства выброса огромных количеств токсичных отходов в зоне макиладоров, которые загрязнили реки, подземные водные горизонты и почвы, вызвали серьезные заболевания среди рабочих и деформации у младенцев, родившихся у молодых женщин, работавших в этой зоне.

Поскольку инвесторы освобождены от уплаты имущественных налогов на свои фабрики, то общественная инфраструктура — дороги,

вода, жилые здания и сточная канализация — совершенно непригодна. Рабочие живут в трущобах, которые протянулись на многие километры. Эти жилища построены из отходов и не имеют канализации; в большинстве из них нет проточной воды. Семьи рабочих обычно запасают воду в выброшенных бочках, на которых обозначено, что в них раньше хранились токсичные реактивы.

По словам Вальдес-Виллальвы, профессора из колледжа Коллегио де ла Фронтера Норте в Хуаресе:

Мы стали чаще встречать на заводах четырнадцатилетних подростков. В результате изнурительного труда происходит истощение физических и духовных сил. После трех-четырех лет труда рабочие теряют эффективность. У них начинаются проблемы со зрением. У них возникают аллергии и проблемы с почками. У них снижается производительность .

Мексиканские рабочие, включая детей, по мнению корпоративных либертарианцев, — это герои нового экономического порядка, приносящие свое здоровье, жизнь и будущее на алтарь глобальной конкуренции.

Но все глобальные корпорации располагаются в Мексике. В 1993 году штат Южная Каролина опять провозгласили в деловых изданиях за его энергичные усилия в привлечении международных инвесторов. Его крупным удачным ходом был выигрыш тендера на строительство нового завода «БМВ». «БМВ» потратила три года на оценку предложений из 250 мест в десяти странах, прежде чем приняла решение разместить свой завод стоимостью 400 млн. долл. в Южной Каролине. Согласно журналу «Бизнес уик», представителей компании привлек мягкий климат, круглогодичная игра в гольф, а также наличие особняков по доступным ценам. Им также понравилась недорогая рабочая сила в регионе, низкий уровень налогов и умеренная активность профсоюзов. Когда фирма «БМВ» объявила, что она облюбовала полосу земли площадью в 1000 акров, на которой находилось большое число домов, принадлежащих среднему классу, правительство штата потратило 36,6 млн. долл., для того чтобы выкупить 140 участков и сдать эту территорию компании за 1 доллар арендной платы в год. Штат также взял на себстоимость найма, отбора и обучения рабочих для этого нового завода и собрал дополнительно 2,8 млн. долл. из частных источников для отправки вновь нанятых инженеров на стажировку в Германию. Общая стоимость для налогоплателышнков Южной Каролины этих и других субсидий для привлечения всвой штат «БМВ» составит 130 млн. долл. в течение тридцати лет .

Это достаточно типичный пример того, как налогоплательщики

субсидируют себестоимость производства крупных глобальных компаний. В 1957 году корпорации Соединенных Штатов обеспечили 45% поступлений в местный налог на недвижимость. К 1987 году их доля снизилась до 16% . Исследование, проведенное в 1994 году Институтом прогрессивной политики при Конференции по демократическому руководству, показало, что, с их точки зрения, необоснованные субсидии и налоговые льготы, предоставленные корпорациям в Соединенных Штатах, составили за пять лет сумму 111 млрд. долл. . Тенденция очевидна. Самые крупные корпорации платят меньше налогов и получают больше субсидий.

Вот что представляет собой глобальный конкурентный рынок в действии, вынуждающий местное руководство и жителей принимать на себя чьи-то частные издержки, чтобы увеличить чью-то частную прибыль. Игра в глобальную конкуренцию замешана на плутовстве. Она сталкивает компании с людьми в поединке, который люди почти всегда проигрывают.

Серьезное прочтение финансовых публикаций и трактатов, принадлежащих архитекторам глобализации, наводит на мысль, что идеальный мир глобальных мечтателей может быть охарактеризован следующим образом:

• все деньги, технологии и рынки планеты контролируются и управляются гигантскими глобальными корпорациями;

• общая потребительская культура объединяет всех людей в совместном поиске удовлетворения материальных потребностей;

• существует идеальная глобальная конкуренция среди рабочих и местных правительств по предложению своих услуг инвесторам на наиболее выгодных (для корпораций. — Прим. перев.) условиях;

• корпорации пользуются свободой действовать исключительно на основе прибыльности, без оглядки на последствия своей деятельности для страны и конкретной местности;

• отношения, как индивидуальные, так и корпоративные, определяются исключительно рынком; и

• не существует никаких обязательств по отношению к месту действия и местным жителям.

Украшенное обещаниями безграничного и легкого богатства, это видение глобальной экономики имеет завораживающую привлекательность. Однако под обманчивой оболочкой обнаруживается современная форма завлечения, песнь сирены, сочиненная искусными имиджмейкерами с Мэдисон авеню, призывающая народы ослабить общественные связи ради освобождения рынка, подорвать материальную основу жизни ради создания богатства и разрушить жизнь для повышения

ненужного и зачастую не приносящего удовлетворения потребления. Вопреки тому, во что хотят заставить нас поверить корпоративные либертарианцы, эти соблазнительные, манящие нас мелодии производятся неумолимыми историческими силами, находящимися за пределами человеческого влияния. Их издают хорошо поставленными человеческими голосами обитатели Стратоса, взывающие к нам из своего заоблачного города через огромную пропасть, которую человечеству не преодолеть никогда.

9. Создание консенсуса среди элиты

Внешняя политика национальных государств, особенно
экономическая и денежная, всегда была высокоэлитарным
занятием. Политические варианты предлагаются,
рассматриваются и исполняются в рамках широкого
двустороннего консенсуса, который чрезвычайно скрупулезно
управляется небольшим кругом государственных
и частных элит... Там, где это необходимо, конструируется
консенсус по вопросам, которые должны получить
одобрение конгресса/парламента, но везде, где только
возможно, используются межправительственные
соглашения на уровне исполнительной власти, чтобы
полностью избежать демократического процесса.

Питер Томпсон

Потребуется мощный рост в более бедных частях
мира, чтобы поддержать достаточный рост на Западе,
для того чтобы обеспечить адекватный уровень
занятости и позволить западным правительствам
решить насущные социальные проблемы.

Феликс Рохатын

Полезно понять, как была подготовлена экономическая глобализация и как она осуществлялась в виде политической программы, почти не подвергаясь обсуждению широкими кругами общественности. Речь не идет

о том, что какая-то небольшая элитарная группа тайно собиралась для разработки генерального плана захвата всего мира. Все гораздо больше похоже на любую сеть сотрудничества или процесс построения совместной культуры, на базе которой возникают различные альянсы между отдельными людьми и группами. Заговора никакого нет, однако, если говорить языком практических результатов, последствия такие, как будто заговор все же был.

В этой главе мы кратко рассмотрим каждый из трех основных форумов, которые служили процессу построения консенсуса в пользу экономической глобализации: Совет по международным отношениям, Бильдерберг и Трехсторонняя комиссия. Это не единственные организации, сыгравшие важную роль в данном процессе, но они выделяются тем, как эффективно они обьединяют ключевых лиц из правительства, бизнеса, средств массовой информации и научных кругов для создания консенсуса, который направляет наиболее влиятельные институты на осуществление экономической глобализации.

МЕЧТЫ ОБ АМЕРИКАНСКОЙ ГЕГЕМОНИИ

Нынешнее движение в сторону экономической глобализации порождено той травмой от депрессии, которая имела место перед Второй мировой войной. Американская политическая элита была глубоко озабочена тем, чтобы избежать повторения чего-либо подобного в будущем. В то время преобладали две идеи о том, как этого можно достигнуть. Одна потребовала бы крупных реформ в американской экономике, включая сильное правительственное вмешательство в рынок. Другая основывалась на гарантировании внутренней американской экономике достаточного доступа к внешним рынкам сырья, с тем чтобы поддерживать непрерывную экспансию, необходимую,от того, чтобы обеспечивать полную занятость без рыночных реформ. Вторая идея была гораздо более популярной альтернативой среди власть предержащих, включая небольшую элитную группу разработчиков международной политики, связанную с Советом по международным отношениям.

Совет по международным отношениям — место встречи влиятельных членов американских корпоративного и внешнеполитического истеблишмента — представляет себя как форум, где можно высказывать противоположные взгляды, — своего рода инкубатор лидеров и идей. Его

деятельность протекает в форме встреч за ужином и учебных программ для членов Совета — на которые часто приглашаются влиятельные в мире фигуры или эксперты и философы в области внешней политики — в условиях, благоприятных для открытой беседы без журналистов. Подобным же образом он представляет свой влиятельный журнал «Форин афферс» как форум для открытой полемики по важным проблемам международной политики .

Та часть истории Совета, которая представляет особый интерес для нашего исследования, началась 12 сентября 1939 года, спустя меньше двух недель после начала Второй мировой войны. В этот день Уолтер Мэлори, исполнительный директор Совета, и Гамильтон Армстронг, издатель журнала «Форин афферс», встретились в Вашингтоне с Джорджем Мессершмитом, помощником госсекретаря и членом Совета. Они наметили долгосрочный плановый проект, который предстояло осуществить Совету в тесном сотрудничестве с государственным департаментом, на тему долгосрочных проблем войны и планов на мирное время. Несколько исследовательских групп по вопросам войны и мира, состоявших из экспертов по вопросам внешней политики, должны были разработать конфиденциальные экспертные рекомендации для президента Франклина Д.Рузвельта , который в свою бытность губернатором штата Нью-Йорк жил по соседству со штаб-квартирой Совета. Отношения между Рузвельтом и Советом продолжали оставаться близким. В этот момент истории у Государственного департамента не было средств и персонала для того, чтобы предпринять такое исследование, поэтому его руководство приняло предложение Совета. К концу войны это партнерство произвело на свет 682 конфиденциальных меморандума для правительства при частичном финансировании Фондом Рокфеллера .

Разработчики предвидели, что разгром Германии и Японии и опустошение Европы в результате боевых действий приведет Соединенные Штаты к непререкаемо доминирующему положению в послевоенной экономике они полагали, что чем более открытой будет экономика для торговли и международного инвестирования, тем более доминирующую роль в ней будут играть Соединенные Штаты. Основываясь на такой логике, планирующие группы, Госдепартамента и Совета делали в своих планах упор на создание сети институтов, которые построят открытую глобальную экономику .

В апреле 1941 года конфиденциальный меморандум, подготовленный для правительства экономической и финансовой группой Совета, содержал следующее предложение по поводу того, как представить общественности

задачи США в пропагандистских целях с учетом военного времени:

Если объявить, что цели войны касаются лишь англо-американского империализм, они будут мало что значить для людей в остальных частях мира и будут уязвимы противоположных предложений нацистов. Такие цели, кроме того, могут привести усилению наиболее реакционных элементов в Соединенных Штатах и в Британской империи. Следует делать акцент на интересах других людей, и не только жителя Европы, но также и Азии, Африки, Латинской Америки. Это может произвести лучший пропагандистский эффект .

Меморандум E-B34, выпущенный Советом для Президента и Госдепартамента 24 июля 1941 года, излагает концепцию «Большой территории». Это была та территория мира, над которой Соединенным Штатам будет необходимо доминировать в экономическом и военном отношении для того, чтобы гарантированно обеспечить сырье для промышленности «с наименьшим возможным стрессом» . Минимально необходимая «Большая территория» должна была состоять из большей части не немецкого мира. Было предпочтительно, чтобы в нее входили Западное полушарие, Соединенное королевство, остальная часть Британского содружества и империи, голландская Ист-Индия, Китай и Япония. Концепция предложенная в меморандуме, включала работу по экономической интеграции в пределах максимально возможной стержневой территории, а затем расширение и включение остальных территорий по мере возникновения условий.

В том же самом меморандуме содержался призыв к созданию всемирных финансовых институтов для стабилизации валют и осуществления программ; инвестирования капитала в развитие отсталых и слаборазвитых регионов . Эта рекомендация соответствовала сходным предложениям, выдвинутым Гарри Уайтом в министерстве финансов США, приведшим к организации Международного валютного фонда (МВФ), который должен был отвечать за поддержку стабильности и ликвидности валют для содействия торговле, а также Международного банка реконструкции и развития (МБРР), широко известного под названием Всемирный банк, для содействия капитальным вложениям в «отставные и слаборазвитые» регионы и для открытия их процессу развития .

Последующая инициатива США в пользу экономической глобализации исходила из двух основных предпосылок. Первое: для того чтобы поддерживать сушествующую капиталистическую экономическую систему, Соединенные Штаты должны иметь доступ к ресурсам и рынкам большей части мира, чтобы они могли создавать достаточную экспортную прибыль

для поддержания полной занятости у себя в стране. Второе: распространяя американскую экономическую модель в рамках глобализованной экономики, мир должен стать единым, мирным и процветающим. По видимому, никто не обратил почти никакого внимания на то явное противоречие, что если для поддержания процветающей экономики американского типа требуется доступ к большинству мировых ресурсов и рынков, то другие страны не будут иметь возможности повторить опыт США. Не видно также, чтобы достаточно внимания было уделено противоречию между финансированием промышленного экспорта в страны с низким уровнем доходов и международными займами на развитие, которые могут быть выплачены этими странами лишь в том случае, если их торговый баланс с теми странами, которые первоначально выдали займы, будет положительным.

Если такие вопросы и поднимались, их быстро отодвигали на задний план, учитывая срочность мер военного времени и интересы тех влиятельных сил, которым это видение служило. Кроме того, почти в полном соответствии с ожиданиями американских инженеров международной политики Соединенные Штаты действительно оказались «на водительском сиденье» сразу после окончания Второй мировой войны. Американская внешнеполитическая элита была охвачена чувством, что Америка обрела новые силы и ответственность в мире. Некоторая доля высокомерия, пожалуй, была неизбежна.

СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКИЙ АЛЬЯНС

Возрождение Европы из руин, решение создать европейский политический и экономический союз и конфронтация Запада с коммунистической империей Советского Союза потребовали расширить прежнее гегемонистское видение США, включив в этот перспективный план идею создать Североатлантическое сообщество, которое обеспечило бы лидерство в глобальной системе, над которой доминировал Запад. Это создало очевидную необходимость в механизмах координации политики североатлантических стран. Формальные механизмы, такие как Североатлантический договор (НАТО), созданный в 1949 году, и Организация по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР), учрежденная в 1961 году, хорошо известны всем.

Менее известна влиятельная, хотя и неофициальная группа, не

имеющая формального членства и известная просто как Бильдерберг, по названию гостиницы «Бильдерберг» в городе Остербек в Голландии, в котором группа североамериканских и европейских руководителей встретилась в первый раз в мае 1954 года. Последующие бильдербергские встречи и отношения, которые они устанавливали, играли важную роль в формировании консенсуса среди руководителей атлантических стран . В число их участников входили главы государств, другие ведущие политики, главные промышленники и финансисты, широкий круг интеллигенции, профсоюзные деятели, дипломаты и влиятельные представители прессы, известные своей приверженностью взглядам истеблишмента. Один из участников этих встреч отметил, что «на сегодняшний день лишь немногие члены правительств по обеим сторонам Атлантического океана не приняли участия хотя бы в одной из этих встреч» .

Президент США Эйзенхауэр регулярно посылал своего руководителя министерства внутренних дел в Белом Доме и казначея Совета по международным отношениям Габриэля Хога в качестве своего личного представителя на бильдербергские встречи. Президент Кеннеди назначил участников бильдербергских встреч фактически на все ключевые посты своего госдепартамента госсекретаря Дина Раска, помощников госсекретаря Джорджа В. Болла, Джор, джа Макги, Уолтера Ростоу, МакДжорджа Банди и Артура Дина .

Йозеф Ретинер, основатель и постоянный секретарь Бильдерберга вплоть до своей смерти в 1960 году, основной сторонник объединения Европы, объяснял, что бильдербергские встречи дали возможность свободно обсуждать сложные проблемы, которую не могли предоставить более официальные форумы:

Даже если участник является членом правительства, лидером политической партии официальным деятелем какой-нибудь международной организации или коммерческого концерна, он не накладывает обязательств на свое правительство, свою партию, свою организацию, высказывая свои суждения... Бильдерберг не делает политику. Его задача — уменьшить различия во мнениях и примирить конфликтующие тенденции, содействовать взаимопониманию, если не согласию, тем, что там слушают, рассматривают различные точки зрения и пытаются найти общий подход к главным проблемам. Таким образом, о конкретных действиях речь никогда не ведется, ибо цель заключается в том, чтобы привлечь внимание людей, занимающих ответственные посты, идеям, высказанным в Бильдерберге .

«ТРОЙСТВЕННЫЙ СОЮЗ»

Последующее восхождение Японии как третьей экономической силы в орбите Запада привело к идее создания трехстороннего альянса, который бы соединил экономические интересы трех региональных партнеров: Северную Америку (Соединенные Штаты и Канаду), Западную Европу и Японию. Эта идея стала частой темой обсуждения на бильдербергских встречах. Было решено создать новый форум, в который вошла бы Япония и который имел бы более формальную структуру, чем Бильдерберг.

В 1973 году Трехсторонняя комиссия была учреждена Дэвидом Рокфеллером, председателем «Чейз Манхэттен бэнк», и Збигневом Бжезинским, который служил директором и координатором Комиссии вплоть до 1977 года, когда получил назначение на пост советника по вопросам национальной безопасности США при президенте Джимми Картере . Трехсторонняя комиссия описывает себя следующим образом:

Членами Комиссии являются 325 выдающихся граждан из этих трех регионов, имеющих, различные руководящие обязанности. Когда в 1973 году начался первый трехлетний срот Трехсторонней комиссии, самой насущной целью было собрать вместе — причем в период значительных трений между правительствами — неофициальную группу самого высокого возможного уровня, которая взглянула бы на общие проблемы, стоящие перед нашими тремя регионами. Подспудно ощущалось, что США более не занимают того исключительного ведущего положения, как в первые послевоенные годы, и что потребуется большая коллективная форма руководства, включающая прежде всего Европу и Японию, для того чтобы международная система могла успешно справляться с крупными проблемами в предстоящие годы. Эти цели по-прежнему составляют сущность работы Комиссии .

В отличие от Бильдерберга, который славился своей скрытностью, Трехстороняя комиссия — это более прозрачная организация, которая охотно дает список своих членов и публикаций любому, кто позвонит по их телефону, указанному в телефонном справочнике, и ее печатные издания широкодоступны через торговую сеть. Если Бильдерберг включает в себя многих глав государств, других высокопоставленных государственных чиновников и членов королевских семей, то члены Трехсторонней комиссии, получив высокие административные посты в правительстве, уходят из нее на период пребывания на этих постах .

Коллективная власть членов Комиссии впечатляет. Среди них есть

главы четырех из пяти крупнейших небанковских транснациональных корпораций («ИТО-ЧУ», «Сумитомо», «Мицубиси» и «Мицуи и Ко»), высшее руководство пяти из шести крупнейших международных банков мира («Сумитомо банк», «Фудзи банк», Сакура банк», «Сануа банк» и «Мицубиси банк») и главы крупных организаций средств массовой информации («Джапан тайме, лтд.», «Ле пойт», «Тайме миррор Ко», «Вашингтон пост Ко», «Кейбл ньюс нетуорк» (CNN), и «Тайм Уорнер»).

Президенты США Джимми Картер, Джордж Буш, Билл Клинтон все были членами Трехсторонней комиссии, также как и Томас Фоули, бывший спикер Палаты представителей США. Многие ключевые фигуры администрации Картера входили и в Бильдербергскую группу и в Трехстороннюю комиссию, в частности вице-президент Мондэйл, госсекретарь Вэнс, советник по вопросам национальной безопасности Бжезински и министр финансов Блюменталь . Среди бывших членов Трехсторонней комиссии, занимавших позднее ключевые посты и администрации Клинтона, были Уоррен Кристофер, госсекретарь; Брюс Бэббит, министр внутренних дел; Генри Сиснерос, министр по делам жилищного строительства и городского развития; Алан Гринспэн, председатель Федеральной резервной системы США; Джозеф Най младший, председатель Совета по национальной разведке Центрального разведывательного агентства; Донна Э. Шалала, министр здравоохранения; Клифтон Уортон младший, заместитель госсекретаря, и Питер Тарнофф, помощник госсекретаря по политическим вопросам .

Хотя Комиссия издает свои собственные газеты, отражающие ее позицию, ее взгляды проводятся в большом числе не связанных с ней изданий. Примером может служить «трехстороннее» видение председателя корпорации «Сони» Акио Морита, опубликованное в журнале «Атлантик мансли» и рассмотренное в предыдущей главе. В момент опубликования статьи Морита был японским председателем Трехсторонней комиссии.

Важно отметить, что Совет по международным отношениям, Бильдерберг и Трехсторонняя комиссия собирают вместе глав конкурирующих корпораций и глав конкурирующих национальных политических партий для дискуссий за закрытыми дверями и процесса построения консенсуса, скрытого от взгляда общественности. Хотя участникам может казаться, что они представляют широкий спектр межсекторальных и даже международных взглядов, на самом деле это закрытый процесс для избранных, состав которых ограничен элитарными обитателями Стратоса. Участниками являются в основном мужчины, состоятельные, из промышленных стран Севера и, за исключением

японских представителей в Трехсторонней комиссии, все белые. Остальные голоса не учитываются.

Проистекающая отсюда узость взглядов четко проявляется в публикациях трехсторонней комиссии. Они написаны умудренными и вдумчивыми профессионалами и представляют разнообразные взгляды. Однако они все принимают без всяких сомнений и колебаний идеологические установки корпоративного либертарианства. Преимущества экономической интеграции и согласование налоговой, регулирующей и всякой другой политики стран-участниц трехстороннего союза — а, в конечном итоге, всех стран — беспрекословно принимаются на веру. Дискуссия идет о том, как надо делать, а не о том, надо ли.

При этом вовсе не замечается тот факт, что согласование стандартов, — а это неизбежно означает установление стандартов — может быть достигнуто лишь в процессе международных переговоров, которые всилу своей природы должны проводиться тайно административными ветвями власти. Таким образом, в отсутствие избранного международного парламента призыв к согласованию стандартов есть призыв забрать решение вопросов, касающихся стандартов, которыми бизнес будет оперировать, у демократически избранных национальных законодательных институтов и передать их в руки неизбираемых бюрократов, которые представляют правительство на международных переговорах. Такое положение особенно хорошо вписывается в сделки за закрытыми дверями, особенно если эти бюрократы являются выходцами из тех же самых элитных кругов, что и члены Трехсторонней комиссии. Например, Карла Хиллз, которая в бытность торговым представителем США при президенте Джордже Буше играла ключевую роль на переговорах о Генеральном соглашении о тарифах и торговле (ГАТТ), учредившем новую Всемирную торговую организацию, была членом Трехсторонней комиссии.

Тот факт, что Джордж Буш и Билл Клинтон оба были членами Трехсторонней комиссии, позволяет легко понять, почему была такой гладкой преемственность от республиканской администрации Буша к демократической администрации Клинтона при утверждении Североамериканского соглашения о свободе торговли (НАФТА) и ГАТТ. Руководящая роль Клинтона заслужила высокую оценку его коллег по Трехсторонней комиссии при проведении, как многие считают, программы Буша по вопросу об этих соглашениях, но она вызвала неодобрение значительной части его избирателей, которые ожидали от него менее корпоративного взгляда на вопросы торговли. По этому наиболее фундаментальному вопросу избирательная система оставила рядовым

гражданам лишь иллюзию выбора.

Политические действия, к которым побуждает элитарный консенсус, представляют собой все более активное наступление на демократические институты, сама суть которых заключается в том, чтобы воспрепятствовать захвату инструментов власти небольшой внутренней элитой. Их преобладание в политической дискуссии в значительной степени препятствует появлению альтернатив господствующим ныне взглядам.

Глобализация экономики — не в интересах человека, и она совсем не является чем-то неизбежным. То, что политика обслуживает интересы экономики это прописная истина. Чем крупнее экономическое образование, тем крупнее его основные игроки и тем больше политической власти сосредоточивается в руках крупнейших корпораций. Чем больше политическая власть корпораций и тех, кто им служит, тем меньше политической власти остается у народа и тем менее значимой становится демократия. Но есть альтернатива: локализовать экономику, рассредоточить экономическую власть и приблизить демократию к людям. Однако не следует ожидать, что сети сотрудничества и альянсы, созданые специально для обитателей Стратоса, выдвинут эти альтернативы и будут стремиться к их достижению. Совсем наоборот, как мы увидим в следующей главе, обитатели Стратоса мобилизуют все ресурсы крупнейших корпораций мира для того, чтобы упрочить власть глобальных корпораций.

10. Подкуп демократии

Средства, создаваемые бизнесом (под которыми
я подразумеваю доходы, средства в деловых фондах
и личные вклады бизнесменов), должны устремиться
многомиллионным потоком в поддержку свободы...
чтобы обеспечить остронуждающихся в них ученых,
включая обществоведов, писателей и журналистов,
которые понимают связь между политической и экономической свободой.

Уильям Саймон,
бывший секретарь казначейства США

До образования НАФТА мы считали, что корпорации могут подкупать лишь правительства Юга. Теперь мы видим, что они подкупают также и правительства Севера.

Игнасио Пеон Эскаланте,
Мексиканская сеть содействия свободной торговле

Корпорации США вступили в 1970-е годы в обстановке мятежной антипотребительской молодежной культуры, стремительно растущего движения за охрану природы и безопасность товаров и серьезного экономического вызова со стороны Азии. Не только их мечта о всемирной гегемони разлеталась в прах, но они рисковали потерять контроль на своей собственной территории. В ответ они мобилизовали свои совместные политические ресурсы, для того чтобы вновь обрести контроль над политической и культурной повесткой дня. Их методы заключались в сочетании изощренной технологии маркетинга, старой как мир покупки голосов избирателей, денежной поддержки идеологически преданных интеллектуалов, законодательных инициатив и многих из тех приемов

мобилизации населения, которые применяли активисты охраны природы и движения за охрану прав потребителей против корпораций в I960—1970-х годах. Их кампании были хорошо профинансированы, использовали изощренные стратегии и были профессионально организованы. Основными целями были либерализация, экономическая глобализация и ограничение корпоративной ответственности, — короче говоря, увеличение корпоративных прав и уменьшение корпоративной ответственности. Их кампания продолжается полным ходом и сейчас.

МОБИЛИЗАЦИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ

В 1971 году Торговая палата США обратилась за советом к адвокату и будущему члену Верховного суда Льюису Пауэллу в отношении проблем, с которыми столкнулись деловые круги. Пауэлл произвел на свет меморандум, озаглавленный «Атака на американскую систему свободного предпринимательства», предупреждавший о резких нападках экологов, активистов в защиту прав потребителей и всех тех, кто «пропагандирует против этой системы, кто коварно и постоянно изыскивает возможности для ее саботажа». Он утверждал, что настало время, «когда мудрость, находчивость и ресурсы американского бизнеса должны быть направлены против тех, кто хочет ее разрушить» . Этот меморандум положил начало организованным усилиям могущественной коалиции деловых групп и идеологически совместимых фондов по приведению политической и законодательной системы США в соответствие с их идеологическим видением.

Среди прочих рекомендаций Пауэлл предлагал, чтобы деловое сообщество создало законодательный центр, организованный и финансируемый бизнесом для продвижения общих интересов бизнеса в судах страны. В результате в 1973 году на свет появился «Пасифик лигал фаундейшн» (ПЛФ) . Он располагался в здании Торговой палаты города Сакраменто и был первым в сети оплачиваемых корпорациями юридических фирм «общественного интереса», призванных отстаивать интересы спонсирующих их корпораций. Он специализировался на защите интересов бизнеса против «законодательства о чистоте воздуха и воды, против закрытия национальных заповедников для поисков нефти и газа, прав рабочих, а также налогообложения корпораций», приблизительно 80% своего финансирования он получал от корпораций или корпоративных

фондов.

В своей речи, произнесенной в 1980 году, управляющий адвокат ПЛФ Реймонд Момбойс перевернул действительность с ног на голову, обвинив экологов в «корыстной, эгоистической мотивации..; в способности прикрывать свои истинные намерения напыщенной риторикой об интересах общества безразличии к ущербу, который они наносят человечеству; способности манипулировать законами и средствами массовой информации; и, больше всего, в способности наносить чудовищный вред обществу» .

Деловые круги финансировали юридические и экономические программы в ведущих школах права для поддержки научных исследований, направленных на доказательство того, что неуправляемый рынок создает наиболее эффективное, а следовательно, и наиболее справедливое общество. Бизнес полностью оплачивал семинары в престижных университетах, таких как Джордж Мейсон и Йейл. чтобы познакомить участвующих в них судей с этими экономическими принципами и их применением в законодательной области .

До 1970-х годов интересы бизнеса были представлены старомодными корпоративными лоббистскими организациями, чьи названия говорили сами за себя: Институт пива, Национальная угольная ассоциация, Торговая палата или американский институт нефти. Когда активные общественные группы успешно организовали широкое гражданское давление на конгресс, бизнес решил, что нужно изменить тактику.

Корпорации начали создавать собственные «общественные» организации, название и имидж которых были тщательно продуманы, для того чтобы скрыть корпоративное спонсорство и истинные намерения. «Нэшнл ветланд коалиция», на эмблеме которой изображена утка, блаженно летящая над болотом, была спонсирована нефтяными и газовыми компаниями, а также застройщиками с целью бороться за ослабление ограничений на превращение сильно увлажненных земель в площадки для бурения и торговые центры. Спонсируемая корпорациями организация «Консьюмер алерт» борется с правительственными законами, защищающими безопасность товаров. Организация «Сохраним красоты Америки» пытается создать «зеленый имидж» для своих спонсоров — производителей бутылок, финансируя кампании против замусоривания, а тем временем те же самые спонсоры активно борются против законодательства об обязательной вторичной переработке. Стратегия заключается в том, чтобы убедить общественность, что мусор — это ответственность потребителей, а не упаковочной промышленности .

Взгляды этих и подобных групп, спонсируемых промышленностью, — 36 из них перечислены в книге «Обманчивые маски: фасадные группы американских корпораций» — регулярно приводятся в прессе как взгляды активной общественности. Единственная цель существования этих групп — убедить общественность, что интересы корпораций и есть интересы общества. В число крупнейших спонсоров этих групп входят «Доу кемикл», «Экссон», «Шеврон США», «Мобил», «Дюпон», «Форд», «Филипп Моррис», «Пфайзер», «Анхаузер-Буш», «Монсанто», «Проктер энд Гэмбл», «Филипс петролеум», «АТиТ» и «Арко» .

Деловые круги финансировали образование новых консервативных политических мозговых центров, таких как «Херитидж фаундейшн», и пробудили от летаргического сна пробюрократические мозговые центры, такие как «Американ энтерпрайз институт», бюджет которого увеличился в десять раз . В 1978 году был учрежден «Институт фор эдьюкейшнл афферз», чтобы образовать союз корпоративных спонсоров и сочувствующих ученых, проводящих исследования, которые подкрепляют корпоративные взгляды на экономическую свободу .

В 1970 году лишь немногие из наиболее успешных 500 компаний («Форчун 500») имели офисы по связи с общественностью в Вашингтоне, но к 1980 году более 80% из них уже имели такие офисы. В 1974 году половину всех денег Комитета политического действия (КПД), используемых для обеспечения политикам поддержки в форме кампаний в защиту конкретных интересов, предоставляли профсоюзы. К 1980 году на долю профсоюзов приходилось уже меньше четверти финансирования . Со вступлением в должность президента США Рональда Рейгана в 1981 году идеологический альянс корпоративных либертарианцев захватил контроль над инструментами власти.

Хотя многие из тех, кто участвует в этих кампаниях, действительно верят, что они действуют в интересах общества, мы фактически являемся свидетелями лобовой атаки на демократический плюрализм с целью расширить влияние идеологической программы корпоративного либертарианизма. Хотя он и выдвигается во имя свободы и демократии, на самом деле это широкое зло употребление корпоративной властью является насмешкой над той и другой.

СОЗДАНИЕ БИЗНЕС-ЛОББИ

«Круглые столы» по вопросам бизнеса являются национальными ассоциациями глав крупнейших корпораций. Если более доступные деловые организации, такие как Национальные торговые палаты и Национальные ассоциаций производителей, включают как большие, так и малые фирмы, представляющие множество различных интересов и целей, члены «круглых столов» по вопросам бизнеса все без исключения представляют крупные транснациональные корпорации, приверженные экономической глобализации.

Первый «Круглый стол» по вопросам бизнеса был организован в Соединенных Штатах в 1972 году. В число его 200 участников входили главы 42 из 50 крупнейших промышленных корпораций, включенных в список «Форчун-500», семь из восьми крупнейших коммерческих банков США, семь из десяти крупнейших страховых компаний США, пять из семи крупнейших компаний США по розничной торговле, семь из восьми транспортных компаний США, и девять из одиннадцати крупнейших фирм коммунального обслуживания. На этом форуме генеральный директор химического концерна «Дюпон» сидит рядом с генеральными директорами трех своих основных конкурентов — «Доу», «Оксидентал петролеум» и «Монсанто». Глава фирмы «Дженерал моторе» сидит рядом с главами «Форда» и «Крайслера» — и так далее по каждой важной отрасту промышленности. На этом форуме главы крупнейших корпораций, расположенных в США, отодвигают в сторону все, что разделяет их как конкурентов, чтобы добиться консенсуса по вопросам социальной и экономической политики для Америки. «Круглый стол» США описывает себя как ассоциация генеральных директоров, которые изучают общественные вопросы, влияющие на экономику, и вырабатывают точку зрения, которая отражала бы здравые экономические и социальные принципы. «Круглый стол», учрежденный в 1972 году, был основан на вере в то, что деловые руководители должны играть все большую роль в непрерывной дискуссии по вопросам общественной политики.

«Круглый стол» считает, что основные интересы бизнеса очень близки интересам всего американского народа, который напрямую участвует в нем как потребитель, работник, инвестор и поставщик. ...Выбор участников отражает цель: получим А широкое представительство различных категорий бизнеса и широкое географическом представительство. Таким образом, около 200 генеральных директоров компаний все направлений могут представлять широкий спектр взглядов на проблемы страны .

«Круглый стол», безусловно, одна из наиболее закрытых организаций,

имеющих наиболее постоянное членство, отличается крайне узким представлением о том, что составляет «широкий спектр» взглядов на проблемы страны. За очень немногими исключениями его участники представлены мужчинам белой расы старше 50 лет, чей ежегодный доход в среднем более чем в 170 раз превосходит валовой национальный продукт надушу населения в США . Его участники возглавляют корпорации, которые снимают с себя ответственность за интересы страны и получают значительные доходы от экономической глобализации. Как только общая точка зрения определена, «Круглый стол» организует напористые кампании, добиваясь ее принятия на политическом уровне, используя, в частности, визиты своих членов — генеральных директоров — к конкретным сенаторам и конгрессменам.

«Круглый стол» занял особенно активную позицию в поддержке Североатдантического соглашения о свободной торговле (НАФТА). Понимая, что общественность может увидеть в свободной торговле частные интересы, если за нее будет агитировать закрытый клуб, состоящий из 200 крупнейших корпораций страны, «Круглый стол» создал фасадную организацию, США*НАФТА, в которую вошли 2300 корпораций США и различных ассоциаций. Хотя США*НАФТА утверждала, что представляет более широкие круги общества, каждый из руководителей от штата был корпоративным членом «Круглого стола». Все участники «Круглого стола», кроме четырех, имели привилегированный доступ к процессу переговоров по НАФТА через представительство в консультационных комитетах торгового представителя США. Используя широкий спектр имеющихся в их распоряжении средств массовой информации, члены «Круглого стола» буквально засыпали американцев уверениями в редакционных статьях, колонках политического комментария, выпусках новостей, радио-и телекомментариях, что НАФТА даст им высокооплачиваемую работу, остановит иммиграцию из Мексики и улучшит качество окружающей среды.

Девять представителей США* НАФТА от штатов («Эллайд сигнал», «АТиТ», «Дженерал электрик», «Дженерал моторе», «Фелпс Додж», «Юнайтед текнолоджиз», «ИБМ», «ИТТ» и «ТРВ») находились в числе американских корпораций, которые, согласно данным Ресурсного центра обоих полушарий, уже отправили около 180 000 рабочих мест в Мексику в течение двенадцати лет, предшествующих принятию НАФТА. В числе флагманов НАФТА были корпорации, известные нарушениями прав рабочих в Мексике и невыполнением стандартов техники безопасности на работе. Многие из них были главными загрязнителями окружающей среды

в Соединенных Штатах и экспортировали или производили в Мексике товары, запрещенные в США .

ДЕМОКРАТИЯ ПО НАЙМУ

Одна из быстро растущих отраслей Вашингтона состоит из коммерческих фирм по связям с общественностью, а также финансируемых деловыми кругами политических институтов, занятых фабрикацией фактов, мнений, экспертных анализов, опросов общественного мнения и агитацией с помощью писем и телефонных звонков для создания поддержки «граждан» и положительного общественного имиджа компаний по запросам корпоративных клиентов. Уильям Фрейдер называет это «демократией по найму» . «Бурсон Мартеллер» — крупнейшая в мире фирма по связям с общественностью с чистой прибылью 204 млн. долл. на 1992 год - работала на корпорацию «Экссон» во время аварии танкера «Экссон Вапьдес», и на «Юнион карбайл» во время Бхопальской трагедии. Пятьдесят крупнейших фирм по связям с общественностью в общей сложности работали в 1991 году 1,7 млрд. долл. .

В Соединенных Штатах имеется 170 000 работников сферы общественных отношений («паблик рилейшнз»), занятых манипулированием новостями, общественным мнением и общественной политикой в угоду интересам платных клиентов, что в настоящее время превышает количество репортеров приблизительно на 40 000 человек, и этот разрыв продолжает увеличиваться. Эти фирмы организуют кампании по написанию писем гражданами, обеспечивают оплачиваемых статистов, позирующих как «домохозяйки» и излагающих выгодные корпорациям взгляды на общественных встречах, и размещают благоприятные новости и благожелательные колонки редактора в прессе. Исследование, проведенное в 1990 году, показало, что почти 40% содержания новостей в типичной американской газете поступает из пресс-релизов, рассказов, сочиненных фирмами по связям с общественностью, вымышленных воспоминаний и предположений. Поданным журнала «Колумбия джорнализм ревью», более половины статей с новостями в «Уолт-стрит джорнал» основаны исключительно на пресс-релизах . Различия между рекламой и новостями стираются с каждым днем.

Если республиканцы известны как партия денег, то демократическая партия исторически была партией народа со значительным

представительством рабочего класса и национальных меньшинств. Раньше демократы в большой степени зависели от своих сильных первичных политических организаций — от людей больше, чем от денег, — в обеспечении голосов избирателей в день выборов. Эти структуры, в свою очередь, вынуждали политиков поддерживать некоторые контакты с первичными организациями и обеспечивали некоторую степень местной подотчетности. Связи с партией были прочные. По мере того как в жизни американцев росла роль телевидения и ослабевало американское профсоюзное движение, дорогостоящие избирательные кампании с использованием телевидения стали оказывать все более решающее влияние на исход выборов. В результате этого первичная организация, которая ранее была основой структуры демократической партии, распалась, вызвав утерю связи с народом и перестав представлять интересы тех, кто составлял опору демократической партии.

С распадом этой структуры те, кто борется за посты под флагом демократической партии, впадают во все большую зависимость от развития своих собственных организаций по сбору средств. Это сделало их более уязвимыми для влияния денежных интересов и резко усилило влияние большого бизнеса в определении политического курса обеих партий. Уильям Грейдер считает, что политический курс демократической партии теперь в значительной степени вырабатывается шестью расположенными в Вашингтоне юридическими фирмами, которые специализируются на продаже политического влияния состоятельным клиентам и на сборе средств для политических деятелей демократической партии. Поскольку эти фирмы так же тесно сотрудничают с республиканской партией, они являются брокерами власти для любого, кто оплачивают их работу . Это — печальная сторона американской демократии.

Республиканская партия не замедлила воспользоваться новыми обстоятельными, умело приспособив изощренные методы массового маркетинга к задаче победы на выборах. При помощи этих методов они сумели выполнить, казалось бы, невероятную задачу, сыграв на отчуждении граждан, чувствующих свое политическое бессилие, с тем, чтобы заручиться политической поддержкой народа в интересах элиты.

Будучи коммерсантами, республиканцы, естественно, лучше понимали маркетинг, чем демократы, и они применили то, что знали о продаже товаров, к политике, без тени сомнений, которые ограничивали политиков старого стиля. В результате этого на избирателей теперь смотрят, как на пассивное множество «потребителей», как на массовую аудиторию потенциальных покупателей. Посредством научного зондирования

исследователи определяют, что эти потребители знают и думают и, что еще более важно, что они чувствуют даже тогда, когда они сами не знают своих «чувств». После этого разрабатывается стратегия кампании, чтобы соединить кандидата с этими предпочтениями потребителей. Рекламные образы создаются таким образом, чтобы произвести положительный эффект и осуществить продажу .

Американская демократия продается не только американским транснациональным корпорациям. Мексиканское правительство потратило свыше 25 млн. долл. и наняло многих ведущих вашингтонских лоббистов, чтобы поддержать кампанию в пользу НАФТА. В конце 1980-х годов японские корпорации тратили приблизительно 100 млн. долл. в год на политическое лоббирование в Соединенных Штатах и еще 300 млн долл. на создание общенациональной сети первичных политических организаций для воздействия на общественное мнение. Совместно с японским правительством японские компании наняли 92 вашингтонские юридические лоббистские фирмы и фирмы по связан с общественностью от своего имени. Это по сравнению с 55 в Канаде, 42 в Британии и 7 в Нидерландах. Целью является переписать американские законы в пользу иностранных корпораций. И зачастую это удается .

Корпоративное либертарианство — идеология, чьи заверения и обещания фальшивы и служат собственным интересам, подобно заверениям сигаретных компаний о том, что никотин не вызывает привыкания, а сигаретный дым не представляет опасности для здоровья, — стал доминирующей философией нашей политической культуры и наших наиболее влиятельных институтов. Таков результат непрерывной кампании с применением самых совершенных из всех известных на сегодняшний день методов, разработанных мастерами массового маркетинга и манипулирования средствами массовой информации. Это одна из составляющих более крупной кампании по глобализации их рынков и по внедрению корпоративного либертарианства и потребительства в унифицированной глобальной культуре.

11. Превращение мира в рынок

Всякий, кто обладает способностью живо представит
картину хорошей жизни будущего и добиться общего
признания такого видения, обладает самой полной
властью... Американский бизнес после 1890 года приобрел
такую власть и... в союзе с ключевыми институтам
приступил к преобразованию американского общества в
общество, всецело поглощенное потреблением, заботой
о комфорте и телесном здоровье, роскоши, расходам
и приобретением, озабоченное тем, чтобы в этом году
было больше товаров, чем в том, а в следующем больше
чем в этом.

Уильям Лич

Корпоративные руководители мечтают о глобальном
рынке, состоящем из людей с одинаковыми вкусами
и потребностями... Торговые марки на бутылках, коробка:
и этикетках — это глобальные знамена, которые
мгновенно узнаются миллионами людей, не знающих даже
как выглядит флаг ООН.

Ричард Дж. Барнет и Джон Каванах

В современном обществе телевидение, пожалуй, стало самым важным институтом культурной преемственности. Наши школы, по-видимому, занимают второе место. Телевидение уже полностью захвачено корпоративными интересами, которые протянули щупальца и к нашим школам. Их цель заключается не просто в том, чтобы продать товары и укрепить потребительскую культуру. Она также и в том, чтобы создать такую политическую культуру, которая приравнивает корпоративные интересы в общественном сознании к общечеловеческим. По словам Пола Хокена, «на наше сознание оказывают воздействие навязчивые средства массовой информации, находящиеся на службе у корпоративных спонсоров, задавшихся целью переустроить реальность так, чтобы зрители совершенно забыли об окружающем их мире» .

Переустройство реальности начинается с утверждения, что в рыночной экономике потребитель решает, а рынок реагирует. В мире мелких покупателей и продавцов это, может быть, и было справедливо. Ни один отдельный продавец мог рассчитывать на создание новой культуры, благоприятствующей покупке его изделий. Но наша современная реальность не такова. У нынешних корпораций нет ни малейших сомнений в необходимости переделки ценностей все общества с целью создания однородной культуры ненасытности, благоприятной для подстегивания расходов на потребление и продвижение политических интересов корпораций. По мере роста потребностей корпораций в услуга рекламы, графики, информационных средств, в творческом характере производства, исследовании потребителей, обучении маркетингу и бесчисленном множестве других услуг, появились целые отрасли, помогающие корпорациям создавать ненасытную жажду вещей, которые они продают, а также культивировать политические ценности, сопутствующие корпоративным интересам.

СНАЧАЛА АМЕРИКА, А ЗАТЕМ ВЕСЬ МИР

Было время, когда в Америке господствующая культура была наихудшим кошмаром рыночника. Бережливость и экономность являлись краеугольным камнем знаменитой «пуританской этики», которую привезли с собой в Америку пуританские поселенцы. Пуритане верили в усердную работу, участие в жизни общества, умеренность во всем и верность

духовной жизни. Их основное жизненное правило заключалось в том, что не следует желать больше вещей, чем можешь эффективно использовать. Они учили своих детей: «Используй вещь до конца, износи ее, употреби или обойдись без нее» .

Квакеры также оказали большое влияние на Америку в ранний период, и, хотя они были более терпимыми и придерживались идеи уравнительности, однако разделяли с пуританами взгляд на усердную работы и бережливость как на ценности, важные для духовного развития человека. И Ральф Уолдо Эмерсон, и Генри Дэвид Торо, известные писатели раннего периода Америки, рассматривали простоту как путь соприкосновения с божественным .

Потребительская культура возникла в большой степени в результате согласованных усилий гигантов розничной торговли конца XIX— начала XX столетия по созданию постоянно возрастающего спроса на товары, которые они предлагали для продажи. Американский историк Уильям Лич отмечал в своей книге «Желанная Земля: купцы, власть и рост новой американской культуры», как им удалось успешно превратить духовно ориентированную культуру экономности и бережливости в культуру материалистической ненасытности. Лич считает, что утверждение о реагировании рынка на желания потребителя есть ничто иное, как подтасовка в личных интересах тех, кто зарабатывает на манипулировании реальностью для того, чтобы убедить потребителей покупать то, что корпорациям выгодно продавать.

В самом деле, культура потребительского капитализма, возможно, была одной из наименее консенсусных общественных культур из всех когда-либо существовавших, и она неконсенсусна по двум причинам. Первое: она была создана не «народом», а коммерческими группами в сотрудничестве с другими элитами, привыкшими получать прибыль и нацеленными на то, чтобы их получать и накапливать капиталы во все больших размерах. Второе: она была неконсенсусной потому, что в своем ежедневном проявлении (но отнюдь не в виде юговора) она выдвигала на передний план лишь одно представление о хорошей жизни и вытесняла все остальные. Таким образом, она обедняла общественную жизнь Америки,лишаи американский народ возможности попробовать другие пути организации и постижения жизни, постижения, которое могло бы привести к согласию доминирующей культуры (если бы такое согласие тюбще бьию дано) с настоящей демократией .

Народная культура, которая выросла из сердца и души обыкновенных жителей Америки, делала акцент на демократизации собственности и

ценности республики, в основе которых лежала независимая семья, владеющая своей собственной землей и орудиями, производящая для себя большую часть того что она потребляла, и вступающая в общину при необходимости взаимной помощи. Это была модель сильной социальной экономики, дополненной участием в денежной экономике на периферии жизни рядовых американцев.

Переход от социальной экономики семьи и общинного производства к первичной денежной экономике произошел в Америке в середине XIX века, в период становления крупных корпораций. Однако даже в 1870-х годах среднее количество рабочих в каждой фирме составляло менее 10 человек. Рынки оставались в основном местными или региональными, и большая часть предприятий находилась в индивидуальном владении и управлении — мир, все еще близкий к идеалу Адама Смита.

Крупные корпорации стали приобретать все больше опыта в стимулировании желания приобретать их товары. Спустя какое-то время возник маркетинг как управленческая специальность, и первые бизнес-школы стали предлагать курсы для удовлетворения этого спроса. По мере того как все больше людей впадали в зависимость от зарплаты на фабриках, у правительства появилась необходимость в развитии потребительства как средства поддержания занятости. Бизнес научился использовать краски, стекло и свет для создания соблазнительных образов рая на земле, которые нам демонстрировали элегантные фотомодели и показы мод. В музеях создавались экспозиции, иллюстрирующие эту восхитительную новую культуру. Постепенно человек оказывался в плену этой новой кампании, направленной на поддержку культуры желания. Реклама, витрины универмагов, неоновые вывески, показы мод, пышная обстановка роскошных отелей и афиши искусно создавали образы роскошной жизни. Кредитные программы создавали видимость того, что эту жизнь легко купить. По словам Лича

Соединенные Штаты были первой страной в мире, которая создала экономику массового производства, и стала первой в создании институтов массового потребления массового заманивания потребителей, развивавшихся вместе с рынком и продажей товаров массового производства. Более эффективно и всесторонне, чем любая друга страна, Америка установила уникальную связь между различными институтами, служившими достижению целей бизнеса .

Сегодня телевидение является главным средством массовой информации посредством которого корпорации формируют культуру и поведение американцев. От статистики бросает в дрожь . Средний

американский ребенок в возрасте от двух до пяти лет смотрит телевизор три с половиной часа вдень средний взрослый — почти пять часов. Только работа и сон занимают больше времени в жизни среднего взрослого американца — телевизор успешно вытесняет общественную и семейную жизнь, культурные развлечения и чтение при таком раскладе средний взрослый американец смотрит приблизительно 21 000 рекламных объявлении в год, большинство из которых несут одно и тоже сообщение: «Купи что-нибудь, купи сейчас!» Сто крупнейших корпораций Америки оплачивают 75% коммерческого телевизионного времени и 50% общественного телевизионного времени. При стоимости полуминуты рекламного времени в наиболее популярное время от 200 000 до 300 000 долл. только самые крупные корпорации могут себе это позволить. И хотя прямого контроля над содержанием программы может вовсе не быть, телережиссеры нанимаются для составления телевизионных программ, которые рекламодатели купят, и по необходимости постоянно помнят, каким должно быть содержание программ, удовлетворяющее корпорации.

Джерри Мандер объясняет, почему телевидение является почти идеальным средством служения корпоративным целям:

В силу своей способности внедрять одинаковые образы в сознание миллионов людей телевидение может усреднять перспективы, знания, вкусы и желания, делать их похожими на вкусы и интересы людей, передающих эти образы. В нашем мире распространителями образов являются корпорации, чей идеал жизни технологически ориентирован, материалистичен и враждебен природе. А спутниковая связь — это механизм, с помощью которого телевидение достигает тех мест планеты, которые до недавнего времени были свободны от этого вторжения .

По мере того как глобальные корпорации проникают во все уголки планеты, они несут с собой не только признанные товары и торговые названия, но также и свои излюбленные средства информации и изощренные методы маркетинга, при помощи которых они колонизируют любую культуру, с которой соприкасаются.

Журнал «Экономист» сообщил, что в 1989 году глобальные расходы корпораций на рекламу составили в общей сложности более 240 млрд. долл. Еще 380 млрд. долл. было потрачено на упаковку, оформление и другие методы продвижения товара. Вместе взятые, эти расходы составили 120 долл. на каждого жителя планеты . Хотя большая часть этих корпоративных расходов направлена на создание спроса на конкретные товары, она также вносит вклад в создание общей глобальной

потребительской культуры и в установлении связи в общественном сознании между корпоративными интересами — в особенности интересами крупных корпораций — и интересами общественными.

В целом корпорации тратят, в расчете на душу населения, в полтора раза больше средств с целью формирования дружественного корпорациям потребителя, чем те 207 долл. на человека (33 долл. для стран Юга), которые идут на общественное образование . Более того, рост расходов на рекламу существенно опережает рост расходов на образование. Расходы на рекламу выросли с 1950 года почти в семь раз — на одну треть быстрее, чем мировая экономика .

ЕДИНЫЙ МИР МТВ ЗНАЕТ: «КОКА-КОЛА - ЛУЧШЕ ВСЕХ»

В своей статье в журнале «Атлантик мансли», восхваляющей экономическую интеграцию, Акио Морита определил своеобразные местные культуры как барьер для торговли . Необходимость уважать местные вкусы и культурные различие как условие завоевания расположения потребителей существенно осложняет глобальные рыночные кампании. Мечта корпоративных рыночников — это глобализованная потребительская культура, приверженная определенны торговым маркам, которая позволяет компании продаватьсвои товары, используя одну и ту же копию рекламы и в Бангкоке, и в Париже, и в Нью-Йорке. И это уже происходит. По словам Роберта С. Гойсуеты, председателя компании «Кока-кола», в наши дни «во всем мире людей сейчас объединяет приверженность определенным потребительским товарам ничуть не меньше, чем любой другой фактор» . То что компания «Кока-кола» сумела превратиться в глобальный символ, служid вдохновляющим примером для глав корпораций во всем мире.

Очень немногие средства массовой информации могут предоставить больший потенциал для воплощения этой мечты рекламодателей, чем МТБ — рок-музыкальный телеканал. Его почти универсальная притягательность для молодежи и подростков всего мира делает его идеальным инструментом для глобализации потребительской культуры. К 1993 году популярные рок-н -ролльные программы МТБ с их калейдоскопом коротких, не связанных между собой образов были ежедневно доступны 210 миллионам семей в 71 стране мира. По мнению Ричарда Дж. Барнета и Джона Каванаха, развлекательная сеть МТБ, которая специализируется на

поп-видео и служит постоянной рекламой для широкого круга коммерческих товаров, «возможно, служит самым влиятельным источником образования для молодежи на всех пяти континентах». Они далее развивают свою мысль:

Концертные выступления и реклама, сливаясь, создают настроение сильного желания кого-то любить или какого-то необыкновенного события, конца одиночества или покупки вещей; пластинки, билета на рок-концерт, футболки, жар-птицы. Эта реклама тем более эффективна, поскольку совсем не воспринимается как реклама. ..По все планете люди используют одни и те же электронные устройства, чтобы смотреть или слушать одни и те же коммерчески изготовленные песни и рассказы .

Сара Фергюсон полагает, что коммерциализация молодежной культуры, особенно музыки, когда то служившей молодежи главным средством выражения протеста, лишает их собственности даже на собственный протест и активно подавляет развитие контркультуры. Она пишет: «Вираж, совершаемый каким-нибудь новым музыкальным стилем, от протеста (андеграунд) до общего признания, происходит теперь настолько быстро, что не остается никакого времени для свободы и хаоса, когда контр-культура могла бы сложиться» .

Наиболее агрессивными попытками универсализировать потребительскую культуру отличается компания «Авон», производящая косметические товары 2 августа 1994 года программа «ТВ Нейшн» показала, как «Авон» завоевывает новых клиентов среди беднейших жителей бассейна реки Амазонки в Бразилии, где 70 000 продавщиц фирмы «Авон» приносят информацию фирмы «Авон» прямо к порогу каждого сельского дома. Адемар Серодио, президент бразильского отделения фирмы «Авон», объяснил: «Вместо того чтобы уговаривать их покупать больше наших товаров, мы начинаем находить людей, никогда раньше не покупавших наши товары». Как видно из отснятого материал,,а, в котором продавщицы фирмы «Авон» заходят в каждый дом отдаленной древни Сантарем, многие из их клиенток — это худые, стареющие, морщинистые женщины, живущие со своими босоногими детьми в сараях с земляным полом. Большинство жителей Сантарема не умеют ни читать, ни писать, и средний доход на семью составляет 3 долл. в день.

Сотни продавщиц «Авон» были командированы в Сантарем, чтобы отснять телерекламу, показывающую романтические сцены с чувственными, молодыми, светлокожими женщинами и ослепительно элегантными юношами. Они говорят этим состарившимся женщинам, изнуренным многими годами вынашивания детей и работы под палящим

солнцем, что те могут стать красивыми, если будут пользоваться средствами фирмы «Авон». Главное рекламируемое средство — обновляющий кожу препарат под названием «Ринью», который стоит 40 долл. за флакон и действие которого основано на сжигании верхнего слоя кожи пользователя. Телереклама использует специальные эффекты, чтобы создать образ женщины, которая отслаивает годы старости со своего лица и предстает перед нами волшебно юной. По словам Розы Алгериа, директора по информации бразильского филиала фирмы «Авон»: «Женщины идут на все, чтобы купить его. Они перестают покупать другие вещи, такие как одежда и обувь. Если они довольны своей кожей, то они готовы перестать покупать одежду, но будут покупать то, что показывают по телевизору. Люди думают, что это настоящее чудо» .

КОРПОРАЦИИ В ШКОЛЬНЫХ КЛАССАХ

Корпорации теперь активно вторгаются и колонизируют второй по значимости крупный институт воспроизводства культуры — школы. По данным Союза потребителей, 20 млн. американских школьников в 1990 году использовали какое-нибудь учебное пособие, спонсированное корпорациями. Некоторые из них напрямую рекламируют нездоровую (глубоко переработанную) пищу, одежду и предметы личной гигиены. Например, «Нэшнл потэйтоу борд» объединил усилия с «Лайфтайм лернинг системз» в составлении математической программы «сосчитайте свои фишки» (игра слов: «фишки» и «чипсы» по-английски звучат одинаково. — Прим. перев.), восхваляющей хрустящий картофель в связи с национальным месячником любителей картофеля. Фирма «Нутрасвит», выпускающая заменитель сахара, спонсировала программу «полного здоровья» .

Корпорации также активно проталкивают свою неполноценную пищу для продажи через школьные автоматы и школьные обеды. Торговые выставки и журналы, адресованные работникам школьных буфетов, пестрят призывами типа: «Доставьте продукты фирмы «Тако-белл» в свою школу!», «Пицца хат» превращает обед в праздник!» Фирма «Кока-кола» начала лоббистскую кампанию против предложенного закона о запрещении продажи газированных напитков и прочих продуктов с «минимальной питательной ценностью» в государственных школах. Рэндал Дональдсон, представитель этой фирмы в Атланте, сказал так: «Наша стратегия —

вездесущность. Мы хотим добиться того, чтобы человек мог удовлетворить свое желание. Мы стремимся обеспечить широкую доступность газированных напитков, и школы представляют один из каналов, который обеспечивает такую доступность» .

Другие рекламные объявления внедряют в юные умы верования и ценности корпоративного либерализма. Так, корпорация «Мобил», известная тем, что оплачивает место на странице политических комментариев в газете «Нью-Йорк-таймс», с тем, чтобы пропагандировать свои взгляды на общество, предложила учебную программу для школ, разработанную корпорацией «Лернинг инричмент», которая, как утверждалось, помогает учащимся дать верную оценку НАФТА и в которой подчеркивались главным образом его достоинства.

Сталкиваясь с фактом экологической осведомленности среди некоторой части общественности, корпорации отреагировали, представив себя «зелеными», и стали пытаться определять экологическую проблему и ее решение таким образом, который соответствовал бы интересам корпораций. Еще одним вкладом корпорации «Мобил» в народное образование явился видеофильм, предназначеный для школьных занятий, в котором пластик представлен как лучший вид отходов для размещения на свалках. Учебная тема корпорации «Экссон», озаглавленная «Энергетический куб», уклоняется от дискуссии об энергоэффективности, альтернативе ископаемым источникам энергии и глобальном потеплении климата. Она фактически пытается приравнять всознании школьников бензин к солнечной энергии, объясняя, что его «энергетическая ценность приходит от солнечной энергии, хранящейся в органических химических связях».

«Мобил» и другие корпорации активно поддерживают Национальный совет по экономическому образованию, целью которого является содействовать обучению экономике в начальных и средних школах. В оплаченной корпорацией «Мобил» колонке на странице газеты «Нью Йорктайме» выражается сожаление по поводу того, что старшеклассники средних школ смогли дать правильные ответы лишь на 35% вопросов общенациональной контрольной по экономической грамотности. Очевидно, что у «Мобил» есть собственное представление о том, что является правильным ответом. В этой статье отмечается:

Когда речь заходит о внутригосударственных вопросах, то полезно понимать то воздействие, которое увеличение или уменьшение налогов будет оказывать на обеспеченность работой и ваш уровень жизни. А когда речь заходит об экологической политике и законах, то необходимо

понимать основные экономические принципы, такие как спрос и предложение, издержки и доходы и необходимость для компании получать прибыль .

Корпорация «Дженерал моторе» выслала по почте видеофильм, озаглавленный «Мне нужна земля, а земле нужен я», во все государственные, частные и приходские начальные школы страны. Показывая счастливых детей, купающихся в искристых водах и бегающих по живописной местности, этот видеофильм ратует за такую деятельность, как посадка деревьев и вторичная переработка отходов. В нем нет упоминания об общественном транспорте или о необходимости перепланировки городов с целью уменьшить потребности в транспорте. «Джен с рамоторе» рекомендует объединяться для поездки на работу в одной машине и вторично перерабатывать машинное масло. Все высказывания, сделанные в этом видеофильме и приложении для учителя, верны. И в тоже время целостная картина обманчива, поскольку очень важные факты и мысли даже не упоминаются.

Содержащаяся на деньги от рекламы школьная телевизионная программа Первый канал» показывает свои новости и рекламу кондитерских батончиков, «быстрой пиши» и «сникерсов» непосредственно в классах 12 000 школ. В обмен на спутниковую антенну и видеооборудование для каждого класса школа должна подписать соглашение, что «Первый канал» будет показываться в течение как минимум 90% учебных дней 90% школьников. Учителям не разрешается прерывать показ этой телепрограммы или выключать ее. Опрос установил, что большинство школьников считают, что поскольку «Первый канал» демонстрируется в щколах, то товары, которые она рекламирует, должны быть для них полезны .

Марк Эванс, старший вице-президент фирмы «Сколастик, инк.», в своем эссе «Век рекламы» поставил бизнесу следующую задачу:

Все большее число компаний видит в образовательном маркетинге наиболее привлекательный, запоминающийся и экономичный путь завоевания умов и рынков в XXI веке... [Программа корпорации «Жиллетт», демонстрирующая юношам свои безопасные бритвы]... приучает к своей продукции, моделируя поведение подражанием старшим сверстникам в школьных классах. Можете ли вы придумать рекламу, которая приведет школьников из школьных коридоров к полкам магазинов ?

Если нет, то «Сколастик, инк.», один из ведущих производителей школьных пособий в США, очевидно, готов вам в этом помочь.

Другие корпорации предлагают свою помощь в государственных школах на коммерческой основе. Возможности заработать деньги, переоборудовав классы в новые рекламные центры средств массовой информации для корпоративного маркетинга, создания имиджа и идеологического формирования юных и восприимчивых умов, ошеломляют — и пугают.

МИР 1984 ГОДА

Корпорации тратят деньги на рекламу, лоббирование, пропаганду и связи с общественностью, будь то в школах или в средствах массовой информации, для того чтобы вызвать индивидуальные и общественные действия в поддержку корпоративных интересов с использованием любых методов, которые бы обеспечили желаемую реакцию потребителя. Вот как Пол Хокен описывает эти методы:

Снимки оленя в предрассветном девственном лесу используются как тотемическое доказательство заботы компании о будущем, хотя в это же самое время она продолжает сплошные вырубки леса и выступает против пролонгации Конгрессом Закона об исчезающих биологических видах. Американские индейцы с одобрением смотрят, как поросший полевыми цветами луг, покрытый мусором, убирают дети с пластиковыми мешками в руках, рекламируемыми как биоразлагающиеся, хотя они таковыми не являются. (В нескольких штатах корпорация «Мобил ойл» была привлечена к суду и сурово наказана генеральными прокурорами за эту рекламу.) Фирма «Симпсон пейпер» произвела новую серию «вторично переработанной» бумаги, включающей небольшое количество бумажного мусора, под названием « Торо«Уитмен», «Леопольд». Британские атомные электростанции объявляют, что атомная энергия — это «зеленая» энергия, поскольку она не загрязняет воздуха .

Табачные компании затрачивают миллионы долларов, чтобы убедить население, будто нет научных оснований утверждать, что курение наносит вред их здоровью: производители автомобилей борются за отмену стандартов загрязнения воздуха; производители оружия выступают против контроля за оружием; химические компании незаконно захоранивают свои химические отходы, а фармацевтические компании стремятся к монопольным ценам. Это происходит каждый день. Как бы это ни

опровергали корпорации, журнал «Бизнес уик» сам выразил это достаточно ясно: «Современные многонациональные корпорации вовсе не являются общественными институтами. Они будут сталкивать правительства друг с другом, манипулировать ценообразованием, чтобы платить меньше налогов, пытаться влиять на общественное мнение, экспортировать рабочие места или скрывать технологии, чтобы сохранить конкурентоспособность ».

Попытки корпораций формировать нашу культуру и нашу политику по средством контроля телевидения напоминают о романе Джорджа Оруэлл; «1984» и его образе авторитарного общества, которым правят вездесущие телевизионные мониторы, манипулирующие восприятием окружающего мир гражданами. Наша действительность более тонкая, а методы — более изощренные, чем те, которые предвидел Оруэлл.

И за ниточки дергают скорее корпорации, а не правительства. Нами управляет тиранический рынок, не тиранические государство.

Эти методы до элегантности просты. Они сосредоточиваются на манипулировании культурными символами, с которыми связаны наше личностное отождествление и ценности. До появления средств массовой информации эти символы были продуктом коллективного творчества людей, связанных друг с другом и выражающих свои чувства посредством искусства. Они отражали наше коллективное представление о самих себе. Чем больше времени мы проводим, погруженные в контролируемый и запрограммированный корпорациями мир телевидения, тем меньше времени у нас остается для прямых человеческих контактов, посредством которых традиционно выражались, укреплялись и обновлялись культурное отождествление и ценности. Те, кто контролирует средства массовой информации, все в большей мере контролируют самую культуру.

Архитекторы корпоративного глобального видения стремятся к такому миру, в котором усредненные символы, созданные и принадлежащие самым могущественным корпорациям мира, заменят отличительные культурные символы, связывающие людей с конкретными местами, ценностями и человеческими сообществами. Наши культурные символы являются важным источником самобытности и смысла; они подтверждают значимость нашей жизни и наше место в обществе. Они вызывают в нас чувства преданности и ответственности по отношению к здоровью и благосостоянию нашего сообщества и его отличительной экосистемы. Когда контроль над нашими культурными символами переходит в руки корпораций, то мы, по сути, отдаем им власть решать, кто мы такие. Вместо того, чтобы быть американцами, норвежцами египтянами, филиппинцами

или мексиканцами, мы становимся всего-навсего «поколением пепси», оторванным от места и какого-либо смысла, кроме того, которое корпорация считает выгодным в нас заложить . Рыночная тирания, возможно, более утонченная, чем тирания государства, но она не менее действенна в порабощении многих в интересах меньшинства.

12. Усмирение бедных

Они больше не применяют пули и веревки.
Они используют Вселлирный банк и МВФ

Джесси Джексон

Для того, чтобы привлечь такую компанию... мы
сравняли горы, расчистили джунгли, осушили болота,
изменили русла рек, переселили целые города... все для
того, чтобы Вам и Вашей компании было удобнее здесь
вести свой бизнес.

Реклама Филиппинского правительства
в журнале «Форчун»

В пылу создания глобальных институтов после Второй мировой войны общественное внимание было направлено на Организацию Объединенных Наций (ООН), в которую должны были войти все страны с равным правом голоса, по крайней мере в Генеральной ассамблее. Делегаты в ООН являются фигурами общественными, а дебаты открыты для публики и часто бывают накаленными. Однако Генеральная ассамблея располагает довольно малой реальной властью. Настоящая возможность действовать находится в руках Совета безопасности, в котором у каждого из ключевых игроков есть право вето. Судя по его структурам управления, следует сделать вывод, что ООН была создана в основном как форум для дебатов.

В отличие от нее, три других многосторонних института были созданы без излишних фанфар, чтобы действовать не слишком на виду у общества, — Международный банк реконструкции и развития (в обиходе известный как Всемирный банк). Международный валютный фонд (МВФ) и Генеральное соглашение о тарифах и торговле (ГАТТ). Эти три агентства часто называют бреттонвудскими институтами в память о встрече представителей сорока четырех стран, которые собрались в городке

Бреттон Вудс в штате Нью-Хэмпшир 1—22 июля 1944 года для достижения соглашения об организационной структуре глобальной экономики после Второй мировой войны. Общественной целью того, что стало известно под именем бреттонвудской системы, было объединение мира в сеть экономического процветания и независимости, которые удержали бы страны от военных действий. Другой целью, в глазах ее архитекторов, было создание открытой всемирной экономики, объединенной под руководством США, которая гарантировала бы беспрепятственный доступ США к мировым рынкам и сырью . Два из трех институтов Бреттон Вудс — МВФ и Всемирный банк — были фактически созданы на встрече в Бреттон Вудс. ГАТТ было создано на последующей международной встрече.

Хотя бреттонвудские институты были формально созданы как «спеииальные агентства» ООН, они действуют почти независимо от нее. Их управление и административные процессы являются секретом, тщательно оберегаемым от испытующего взгляда общественности и демократических дебатов. И в самом деле, внутренние операционные процессы Всемирного банка настолько секретны, что доступ ко многим его важным документам, касающимся планов, стратегии и приоритетов страны, закрыт даже для его руководящих исполнительных директоров. Во Всемирном банке и в МВФ крупные страны участницы имеют право «вето» на определенные решения и количество голосов, пропорциональное внесенному ими капиталу, гарантирующие им возможность разрабатывать и контролировать повестку дня .

В этой главе мы анализируем, как, разыгрывая свои роли. Всемирный банк и МВФ играли в унисон, для того чтобы углубить зависимость бедных стран от глобальной системы и затем открыть их экономику для корпоративной колонизации. В следующей главе мы посмотрим на то, как ГАТТ и его преемник — Всемирная торговая организация (ВТО) используются крупнейшими корпорациями мира для консолидации своей власти и ухода от ответственности перед обществом.

СОЗДАНИЕ СПРОСА НА ЗАДОЛЖЕННОСТЬ

Основной первоначальной причиной создания Всемирного банка было финансирование восстановления Европы. Однако среди европейских стран был очень малый спрос на займы Всемирного банка. В чем Европа действительно нуждалась, так это в быстро расходящихся грантах или в

концессионных займах для поддержания платежного баланса и импорта с целью удовлетворения временной потребности в предметах первой необходимости, пока шло восстановление своей собственной экономики. План Маршалла (США) предоставил этот вид помощи. Всемирный банк — нет. К 1953 году — девять лет спустя после учреждения Банка — общая сумма займов составила лишь 1,75 млрд. долл., из которых только 497 млн. долл. было выделено на восстановление Европы. Эта сумма выглядит бледно по сравнению с 41,3 млрд. долл., перечисленных в Европу по Плану Маршалла .

В отчете Банка за 1947-1948 годы признавалось, что этот недостаток спроса на займы не ограничивался только Европой. Когда Банк стал искать себе клиентов среди стран с низкими доходами, то он столкнулся с той же проблемой. Страны просто не предоставляли Банку приемлемых проектов. Были выявлены две проблемы. Первая заключалась в недостатке технических знаний заемщиков и умения составлять заявку на заем . Вторая проблема, тщательно задокументированная Робин Брод в ее исследовании деятельности Всемирного банка и МВФ на Филиппинах, была более глубокая: члены деловой элиты, которые регулярно циркулировали между различными ключевыми постами в правительстве, разделялись на экономических националистов и транснационалистов.

Группа экономических националистов состояла из тех бизнесменов, которые были заняты в основном обслуживанием внутреннего рынка. Они естественно, предпочитали избегать международных экономических обязательств и стремились защитить национальные рынки и ресурсы от неопределенностей международной экономики . Большинство из них с недоверием относились к международным кредиторам и отталкивали заигрывания Банка. На ранней стадии существования Банка контроль над экономической политикой в большинстве стран с низкими доходами прочно находился в руках экономических националистов.

Транснационалистам была более близка идеология Банка, и они были более склонны откликаться на мероприятия, которые вовлекали национальную экономику в глобальную орбиту. Они были естественными союзниками Банка . Транснационалисты составляли две группы. Первая состояла из бизнесменов, которые имели связи с транснациональными банками и корпорациями через совместные предприятия, лицензионные соглашения, маркетинговые соглашения и прочие связи, которые сближали их интересы с политикой, допускавшей свободный международный поток товаров и капитала. Вторая группа состояла из технически высокообразованных чиновников, которые изучали экономику, часто за

рубежом, и регулярно находились в контакте с зарубежными или международными институтами .

Дебаты о пути развития сводились в те дни к одному ключевому вопросу, где страны, вставшие на путь промышленного развития, найдут рыночный спрос, чтобы подпитывать рост своей экономики, особенно своего промышленного сектора? Ведущие противники в этих дебатах признавали только две возможности — сконцентрировать индустриализацию на обеспечении местных заменителей тех товаров, которые страна в данное время импортировала (стратегия заменителей импорта), или строить внутреннюю промышленность в основном для того, чтобы обслуживать зарубежные экспортные рынки (стратегия экспорта). Первая стратегия, обосновываемая аргентинским экономистом Раулем Пребишем и Экономической комиссией ООН по Латинской Америке (ЭКЛА), предусматривала самообеспечение и была диаметрально противоположна полномочиям Всемирного банка и МВФ по открытию внутренних экономик для экспансии зарубежной торговли и инвестиций . Замена импорта уменьшала потребность в импорте и, следовательно, необходимость в международных обменах. Такая стратегия была анафемой для Банка, существовавшего преимущественно для того, чтобы предоставлять займы в зарубежной валюте для увеличения закупок товаров и услуг из северных промышленных стран. Экономические националисты были склонны благоприятствовать стратегии замены импорта, в то время как транснационалисты были более склонны благоприятствовать экспортной стратегии.

В 1950-х годах Банк проводил стратегию, направленную на устранение обоих этих барьеров. Он дал приоритет проектам «строительства институтов», направленным на создание автономных правительственных агентств, которые стали бы регулярными заемщиками Всемирного банка. В целом Банк стремился к тому, чтобы эти агентства были относительно независимы от своих правительств и состояли бы преимущественно из транснациональных технократов с сильными профессиональными и финансовыми связями с Банком. В 1956 году Банк создал Институт экономического развития. Первоначально он устраивал семинары для старших правительственных чиновников, чтобы внушить им точку зрения Банка на теорию и практику развития. Он также предоставлял техническое обеспечение для персонала из вновь образованных агентств на тему о процедурах и методах Банка в подготовке и выдаче займов .

Утверждение Банка о том, что он просто откликается на нужды и запросы стран, берущих в долг, так же фальшиво, как и утверждение

корпоративных либертарианцев о том, что рынок лишь реагирует на потребительский спрос. Банк сделал то же самое, что и крупные розничные торговцы в 1800-х годах, когда они столкнулись с культурой жесткой экономии, которая не производила достаточного числа потребителей. Они начали изменять ценности и институты таким образом, чтобы создать потребителей для своих товаров. И точно так же, как и корпорации, выбравшие этот путь, Банк уделил очень мало внимания более крупным последствиям своих действий, предпринятых в основном для решения его собственных нужд.

Как только стратегия создания спроса была принята, Банк задался целью еще больше увеличить рычаги своего влияния на политику наиболее важных для себя стран-клиентов, учреждая группы координации заимодавцев под своим руководством конкретно для каждой страны. Например, Банк буквально наводнил Индию займами в 1950-х годах в безуспешной попытке создать достаточные рычаги влияния, чтобы увести Индию от политики замены импорта и активного правительственного вмешательства в экономику. Несмотря на это его советы были оставлены без внимания влиятельным министром финансов — националистом. Тогда Банк изменил свою тактику, сформировал группу взаимодавцев и пообещал значительное увеличение объемов помощи, если Индия двинется в направлении политики, ориентированной на более свободный рынок и экспорт. К 1971 году Банк создал уже шестнадцать таких групп заимодавцев . Это открыло новую эру в сотрудничестве между заимодавцами под руководством Всемирного банка и усилило влияние его политики .

КОГДА ПРИХОДИТ ВРЕМЯ ПЛАТИТЬ ПО СЧЕТАМ

В 1943 году Уилберт Уорд, вице-президент «Нэшнл сити бэнк оф Нью-Йорк» поставил пророческий вопрос относительно предложения учредить Всемирный банк:

Если вы собираетесь учредить банк, то вам следует учредить организацию для финансирования сделок, которые в конце концов ликвидируют себя. В противном случае это вовсе не банк... Кому мы сможем дать по всему миру займов на 30—50 миллиардов хоть с какой-то надеждой на возврат?

До сегодняшнего дня этот вопрос не получил удовлетворительного

ответа.Стандартный ответ экономистов Всемирного банка заключается в том, что кредиты Всемирного банка будут выплачены из прибыли от экономического роста, который они стимулируют. В действительности же большинство занимающих стран могут обслуживать существующие международные долги лишь путем увеличения своих международных займов. Чем больше они берут в долг,тем в большую зависимость от международных займов они попадают и тем больше их внимание сосредоточивается не на собственном развитии, а на поучении новых займов. Это становится похожим на наркозависимость.

В 1970-х годах увеличение цен, введенное Организацией стран-производителей нефти (ОПЕК), поставило страны с низкими доходами, зависящие от импорта нефти, в критическое положение в международной торговле. В то же самое время коммерческие банки буквально купались в нефтедолларах, вложенных странами ОПЕК, и искали места, куда бы их можно было прибыльно вложить. Казалось, что потребности банков и стран с низкими доходами идеально дополняют друг друга. К этому времени страны-клиенты Всемирного банка уже привыкли к дополнению своих заработков займами, и линия, разделяющая зарубежные займы для самоликвидирующихся инвестиций, от займов для текущего потребления, стала трудноразличимой. Принимая во внимание низкий уровень учетной ставки, преобладавший в то время, когда деньги ОПЕК вращались в этой системе, предложения, исходившие от коммерческих банков, казались потенциальным Эльдорадо, и многие страны занимали деньги без оглядки. Лишь немногие из участников этой лихорадочной процедуры выдачи или получения займов, кажется, замечали, что вся эта схема представляет собой карточный домик, существование которого зависит от получения все новых займов для обслуживания долга по прежним займам и который, тем не менее, приносит чистую прибыль.

Выдача займов из Всемирного банка и его дочерних региональных банков представляла собой довольно упорядоченный процесс вплоть до конца 1970-х годов, когда рост цен на нефть, введенный странами ОПЕК, привел к резкому повышению суммы зарубежных долгов в странах Юга. С 1970 по 1980 год долгосрочная внешняя задолженность стран с низкими доходами выросла с 21 млрд. долл. до 110 млрд. долл., а стран со средними доходами — с 40 млрд. долл. до 317 млрд. долл. . По мере роста реальных учетных ставок стало очевидно, что страны, берущие в долг, настолько серьезно увязли в долгах, что дефолт близок, а это потенциально угрожает крахом всей глобальной финансовой системе. Всемирный банк и МВФ, действуя как наблюдатели глобальной финансовой системы, вмешались —

в значительной мере как назначенные судом получатели в случаях банкротства, — чтобы установить условия финансового соглашения между по сути обанкротившимися странами и международной финансовой системой.

В своем качестве международных получателей Всемирный банк и МВФ навязали странам-должникам пакеты политических предписаний под рубрикой структурной корректировки. Каждый пакет *структурных корректировок* требовал обширных реформ в экономической политике, нацеленных на то, чтобы направить больше ресурсов и производственной деятельности корректируемой страны на выплату долга и дальнейшее открытие национальных экономик для глобальной экономики. Ограничения и тарифы как на импорт, так и на экспорт были уменьшены, и введены стимулы для привлечения зарубежных инвесторов.

Некоторые реформы, такие как уменьшение субсидий для богатых, уже давно заждались своего часа. Однако другие обеспечивали новые субсидии для экспортеров и иностранных инвесторов. Правительственные расходы на социальные услуги для малоимущих были сокращены, для того чтобы освободить больше средств для выплаты займов. В корректируемых странах Африки и Латинской Америки совокупные правительственные расходы надушу населения были, сокращены между 1980 и 1987 годом. Доля общего бюджета, выделенная на выплату процентов, увеличилась, в то время как доля всех остальных категорий бюджета, включая расходы на оборону, уменьшилась. В Латинской Америке доля правительственных бюджетов, выделенных на выплату процентов, увеличилась с 9% до 19,3%. В Африке она выросла с 7,7% до 12,5%.

У этих реформ были две основные цели. Первая заключалась в том, чтобы гарантировать, что займы, взятые как в коммерческих, так и в многоцелевых банках, были выплачены. Был сделан сильный акцент на политику укрепления экспорта и привлечения иностранных инвестиций, чтобы создать международный обмен для этой цели. Вторая цель состояла в продвижении интеграции внутренних экономик в единую глобальную экономику. Барьеры на импорт были снижены или сняты на том основании, что это было необходимо для улучшения доступа к материалам, используемым отраслями, ориентированными на экспорт, а также для того, чтобы создать конкурентное давление для увеличения эффективности внутренних фирм страны, чтобы они, в свою очередь, могли успешно конкурировать на глобальных рынках.

Всемирный банк и МВФ провозгласили, что их программы структурной перестройки увенчались ошеломляющим успехом, и

объявили, что долговой кризис разрешен. Они указали на тот факт, что во многих из скорректированных стран после этого наблюдались более высокие темпы роста, они расширили свои экспортные сектора, увеличили общую стоимость своего экспорта, привлекли новые иностранные инвестиции и стали в срок выплачивать свои долги. Они, однако, не могли утверждать, что международные долги или торговый дефицит уменьшились или что социальные условия улучшились.

Для того чтобы привлечь иностранных инвесторов, правительства подавили деятельность профсоюзов с целью удержать низкий уровень зарплат, сократить льготы и понизить рабочие стандарты. Они предоставили особые налоговые льготы и субсидии иностранным корпорациям и дали послабления в выполнении природоохранного законодательства. Вследствие того что десятки стран стремились увеличить заработки твердой валюты от международных сделок путем увеличения экспорта природных ресурсов и сельскохозяйственной продукции, цены на их экспортные товары на международных рынках упали, создав давление для добычи и экспорта в больших объемах, с тем чтобы сохранить доходы от международных сделок на прежнем уровне. Падение цен на экспортные товары, вывоз прибыли иностранными инвесторами и увеличение спроса на готовые импортные товары, стимулируемое снижением тарифных барьеров, привели к продолжению торгового дефицита в большинстве стран. С 1980 года — начала декады структурной перестройки Всемирного банка и МВФ — до 1992 года превышение импорта над экспортом в страна с низкими доходами выросло с 6,5 млрд. долл. до 34,7 млрд. долл. Всемирный банк и МВФ ответили новыми займами как вознаграждением за проведение структурной перестройки. В результате этого международная задолженность бедных стран выросла со 134 млрд. долл. в 1980 году до 473 млрд. долл. в 1992 году. Выплата процентов по этому долгу увеличилась с 6,4 млрд. долл. до 18,3 млрд. долл. . Вместо того, чтобы увеличивать свою экономическую независимость, страны с низкими доходами под руководством Всемирного банка и МВФ с каждым годом продолжают все больше закладывать свое будущее международной системе.

Назвать это руководством было бы слишком вежливо. В своей роли международного сборщика долгов Всемирный банк и МВФ стали все более вмешиваться и диктовать государственную политику в странах-должниках и подрывать движение по пути демократического управления и общественной подотчетности. Как утверждает Джонатан Кан в журнале «Гарвард хьюман райтс джорнэл»:

Всемирный банк следует рассматривать как правящий институт, осуществляющий власть с помощью своих финансовых рычагов, чтобы писать целые разделы законодательства и даже изменять конституционную структуру стран-должников. Одобренные банком консультанты часто пишут заново торговую политику страны, финансовую политику, требования к гражданским службам, трудовое законодательство, требования к здравоохранению, природоохранное законодательство, энергетическую политику, требования по переселению, правила выделения средств и бюджетную политику .

В своей правящей роли Всемирный банк, представляющий собой глобальную бюрократию, принимает решения за людей, которым он неподотчетен, что в нормальном случае является обязанностью выборных законодательных учреждений. Сам процесс займа, который создал задолженность и дал Всемирному банку и МВФ власть навязывать политику странам, берущим займы, представляет собой вопиющее нарушение принципов демократической подотчетности. Соглашения о займах, будь то со Всемирным банком, МВФ, другими официальными институтами, предоставляющими займы, или с коммерческими банками обычно совершаются втайне между официальными лицами банка и кучкой правительственных чиновников, которые во многих случаях сами не являются выборными и неподотчетны людям, от чьего имени они обязывают национальную казну перед иностранными заимодателями. Даже в демократических странах процедуры совершения займа обычно обходят нормальный процесс ассигнования демократически избранных законодательных органов. Таким образом, правительственные агентства могут увеличивать свои собственные бюджеты без утверждения законодателями, хотя законодательные органы должны будут изыскивать средства для покрытия долга. Иностранные займы также позволяют правительству увеличивать текущие расходы без необходимости повышать текущие налоги — возможность, которая пользуется особой популярностью среди состоятельных правителей. Те же самые чиновники, которые утверждают эти займы, зачастую получают прямую выгоду от участия в контрактах и получения «комиссионных» от благодарных подрядчиков. Система создает мощные стимулы для займов сверх меры.

По сути дела, те чиновники, которые подписывают соглашения об иностранных займах, ставят народ страны в зависимость от выплаты в будущем по финансовым обязательствам, заключенным вне всякого общественного рассмотрения и одобрения. Это становится особенно вопиющим, когда, как это уже случалось с миллионами людей в странах-

клиентах Банка, из-за проектов, финансируемых на занятые деньги, бедняков выгоняют из их домов и с собственных земель, загрязняют их воду, вырубают их леса и уничтожают их рыбные запасы. Затем, усугубляя ущерб оскорблением, когда приходит время оплачивать счета, бедным говорят, что социальные услуги и зарплата должны быть урезаны, чтобы выплатить долговые обязательства страны.

КОРПОРАТИВНЫЕ СВЯЗИ

Хотя Всемирный банк стремится создать впечатление, будто он служит беднякам и их правительствам, берущим займы, на самом деле он в первую очередь является порождением транснациональной финансовой системы. Прямые финансовые связи Банка с транснациональным корпоративным сектором, как со стороны получения кредитов, так и со стороны их предоставления, до сих пор получали слишком мало внимания. Формально Банком владеют его члены — правительства, которые вкладывают в его уставный капитал. В 1993 году этот капитал составлял всего 10,53 млрд. долл. В дополнение к этому правительства — члены банка поручились за 155 млрд. долл., которые могут быть затребованы Банком в случае необходимости выполнения его финансовых обязательств. Уставный капитал и обязательства не выдаются в виде займов. Они обеспечивают обширные операции по займу денег на международных финансовых рынках, где Банк собирает средства, которые он затем ссужает правительствам под более выгодный процент, чем те могли бы добыть прямым займом.

Хотя Банк ссужает деньги правительствам, его проекты обычно включают крупные закупочные контракты с транснациональными строительными фирмами, крупными консультационными фирмами и закупочными подрядчиками. Эти фирмы являются наиболее влиятельными политическими клиентами Банка. Область операций Банка, за которой наиболее внимательно наблюдают его исполнительные директора — представители правительств-вкладчиков, это процесс выделения средств. Каждый директор хочет обеспечить, чтобы страна, которую он или она представляет, получила как минимум свою справедливую долю закупочных контрактов. Казначейство США прямо обращается к корпоративным кругам для поддержки возмещения фондов Банка. Официальные лица казначейства указывают, что на каждый доллар, который американское

правительство вкладывает во Всемирный банк, более чем два доллара возвращается американским экспортерам в виде закупочных контрактов. Как заверил Конгресс секретарь казначейства Ллойд Бентсен в 1994 году: «Те доллары, которые мы отослали за рубеж через банки развития, возвращаются к нам в страну в виде увеличения американского экспорта и увеличения занятости в США» .

Единственная функция подразделения Всемирного банка, Международной финансовой корпорации, состоит в том, чтобы предоставлять гарантированные правительством займы на выгодных условиях частным инвесторам, чьи проекты слишком рискованны для того, чтобы их мог профинансировать какой-либо коммерческий банк. Через нее выделяется 10—12% от общей суммы займов, выдаваемых Всемирным банком . Возможностей для злоупотребления здесь даже больше, чем в основных ссудных программах Банка. Однако, принимая во внимание идеологическую веру Банка в свободные рыночные силы, ему, по-видимому, трудно оправдать крупные операции с использованием средств под гарантии правительства для финансирования крупных частных предприятий, которые бывают настолько рискованны, что даже коммерческие банки отказываются их финансировать.

ЕСЛИ БЫ БЕДНЯКИ ПРИНИМАЛИСЬ В РАСЧЕТ

Когда было высказано предложение об учреждении Всемирного банка, республиканский сенатор Роберт Тафт выступил активным оппонентом. Его возражение, высказанное в 1945 году, проливает свет на то, почему иностранная помощь, основанная на крупных финансовых вливаниях, является глубоко ущербной идеей:

Я думаю, что мы значительно преувеличиваем ценность американских денег и американской помощи другим странам. Ни один народ не может заменить другой народ. Каждый народ должен решать свои собственные проблемы, и все, что мы делаем, может лишь немного помочь ему в решении самых серьезных проблем... Страна, которая привыкает полагаться на подарки и займы от других, скорее всего, будет откладывать самые насущные, жесткие меры, необходимые для ее собственного спасения .

Тафт считал, что в самом крупном выигрыше окажутся инвестиционные банкиры с Уолл-стрит: «это почти что субсидия для

бизнеса инвестиционных банкиров, и она также бесспорно увеличит бизнес, совершаемый более крупными банками» . Последующие события в значительной степени подтвердили правоту Тафта.

При правильном понимании развитие есть процесс, посредством которого люди увеличивают свои человеческие, институциональные и технические возможности по производству товаров и услуг, необходимых для достижения устойчивого улучшения качества жизни, используя имеющиеся в их распоряжении ресурсы. Многие из нас называют этот процесс развитием во имя человека — и не только потому, что он ставит во главу угла человека. Особенно важно вовлечь в этот процесс бедных и отверженных, предоставив им таким образом возможность удовлетворить свои потребности собственными продуктивными усилиями . Небольшая помощь из-за рубежа могла бы быть очень полезна в процессе развития во имя человека, но слишком большая иностранная финансовая помощь может воспрепятствовать истинному развитию и даже разрушить существующие средства самообеспечения народа той или иной страны.

В дебатах по поводу двух путей развития, замещающего импорт и ориентированного на экспорт, альтернатива развития во имя человека упоминается редко. Оба пути идут сверху, сосредоточиваясь на увеличении производства вещей, которые желают приобрести уже разбогатевшие. Бедняки редко покупают импортные товары. Их нужды удовлетворяются местными товарами. Когда страна стремится заменить импорт местными товарами, это обычно означает производить у себя в стране больше тех товаров, которые относительно более обеспеченные граждане покупают за рубежом. Когда страна стремится увеличить свой экспорт, это в целом означает нацеливание внутренних производственных мощностей страны на производство вещей для относительно более состоятельных иностранных граждан. Теоретически обе стратегии ведут к созданию большего количества рабочих мест для бедных, так что они могут принять участие в денежной экономике. Однако обычно рабочие места, которые создаются в результате этих обеих стратегий, очень немногочисленны и слишком малооплачиваемы, чтобы покончить с нищетой. Каждая из этих стратегий может вытеснить (и слишком часто действительно вытесняет) производство вещей, необходимых малоимущим, для того чтобы производить больше товаров, которых жаждут граждане обеспеченные, даже лишая бедных их основных средств существования, например, когда земли мелких фермеров отбираются помещиками для производства товаров на экспорт.

Давайте предельно упростим проблему. Нищета, часто определяемая

как нехватка денег, вовсе не является проблемой. А вот лишения, связанные с нехваткой денег, являются проблемой — недостаток удовлетворительной пищи, одежды, крыши над головой и других насущных вещей, необходимых для достойной жизни. Этот простой факт предполагает альтернативу во имя человек как и модели развития с заменой импорта на местные товары, и производству товаров на экспорт, т.е. следование политике, которая создает возможности для людей, живущих в нужде, возможности производить вещи, необходимые им для более достойной жизни.

Вот это, во многих отношениях, и сделали Япония, Корея и Тайвань. Все эти страны произвели крупные вложения, чтобы достичь высокого уровня грамотности среди взрослых и среднего образования, провели коренную земельную реформу для создания крепкой сельскохозяйственной экономики, основанной на мелком фермерстве, и поддержали развитие сельской промышленности, которая производила вещи, необходимые для семей мелких фермеров. Они заложили основу более крупной промышленности. Развитие этих стран было ориентировано на равенство, а не на экспорт, в отличие от исторического ревизионизма корпоративных либертарианцев. Лишь после того, как эти страны развили широко разветвленную внутреннюю экономику, они стали крупными экспортерами в международной экономике.

С точки зрения транснационального корпоративного капитала и Всемирного банка, стратегия развития во имя человека представляет большую проблему. Поскольку она создает лишь очень незначительный спрос на импорт, она также создает небольшой спрос на зарубежные займы. Более того, она отдает предпочтение местному владению ресурсами и таким образом предоставляет мало возможностей для прибылей транснациональным корпорациям.

Во время моей первой поездки в Южную Африку в январе 1992 года я использовал гипотетический пример для иллюстрации этого положения. Ко времени моей поездки эра апартеида подошла к концу и страна готовилась к переходу к власти чернокожих. Я был поражен строгим разграничением жилого пространства, которое изолировало чернокожее население в отдаленных городах. Если это и не было неожиданностью, то удивляло отсутствие признаков экономической деятельности. Там не было ни современных торговых цензов, ни множества магазинчиков, ларьков и уличных торговцев, которыми изобилуют бедные кварталы всего мира. Именно тогда я в полной мере осознал, до какой степени эта экономика была спланирована, чтобы гарантировать полную зависимость чернокожих

от городской экономики белых. Развитие предпринимательской деятельности черных казалось очевидной и неизбежной целью при создании полностью интегрированного общества.

Всемирный банк отличался особой напористостью среди доноров иностранной помощи, хлынувших в эту страну со своими предложениями. Одной из положительных сторон апартеида было то, что в результате международных санкций Южная Африка имела лишь незначительный внешний долг. Со своими богатыми ресурсами это была, с точки зрения банкиров, «недозанимающая» страна. Таким образом, Всемирный банк тянуло к Южной Африке, как медведя к меду. Среди прочих проектов Всемирный банк предлагал крупный заем для жилищного строительства в «черных» городах. Все были согласны, что жилье являлось потребностью. Вопрос был лишь в том, как лучше удовлетворить эту потребность. Представьте себе три гипотетических возможности:

Вариант 1. Всемирный банк предоставляет крупный международный заем под строительство жилья. Средства используются для того, чтобы импортировать иностранные строительные материалы и строительное оборудование и нанять зарубежных подрядчиков для строительства завершенных жилищных массивов. Чернокожие южноафриканцы в довольно короткое время получат новые жилые дома. За исключением временного трудоустройства, лишь немногие местные мощности получат развитие, если оно вообще будет, и воздействие на местную экономику будет незначительным, до тех пор, пока не настанет время зарабатывать валюту, чтобы выплачивать иностранный заем. Тогда стране необходимо будет увеличить свой экспорт — задача, которая оправдает меры, благоприятствующие «белым» фирмам, способным выйти на экспортные рынки. Другие вынуждены будут затянуть пояса потуже, особенно чернокожая беднота, социальные услуги для которых будут сокращены.

Вариант 2. Всемирный банк предоставляет крупный заем под строительство жилья. Твердая валюта, полученная от займа, обменивается на южноафриканский ранд в Центральном банке Южной Африки, и этот ранд используется для того, чтобы подрядить крупные корпорации, которыми владеют белые, для строительства жилья, с использованием местной рабочей силы и местных строительных материалов. Население в поселках для чернокожих получает жилье и некоторое временное трудоустройство, экономика белых получает значительное ускорение, а страна получает одноразовое временное вливание иностранной твердой валюты, которая может быть использована для импорта предметов роскоши или оружия для военных, или для перевода активов белых

южноафриканцев на счета в заграничные банки. Зависимость «черной» экономики от «белой» экономики останется без изменений. Международная экономическая зависимость Южной Аффрик возрастет. Заем должен быть выплачен в твердой валюте с теми же последствиями, что и в 1-м варианте.

Вариант 3. Южная Африка любезно благодарит чиновников Банка за их визит, отклоняет их предложение и сажает их на ближайший рейс на Вашингтон. Местные средства мобилизуются из существующих избытков ликвидности внутренней банковской системы для финансирования жилищного строительства для чернокожих граждан. Запускаются образовательные программы для обучения чернокожих южноафриканцев различным предпринимательским и техническим навыкам. Предоставляются стимулы и поддержка для организации небольших фирм, принадлежащих чернокожим, для производства дверных косяков, кирпичей, сантехники и электрической арматуры и для обеспечения строительных контрактных услуг. Технологии и материалы, необходимые для строительства недорогих домов, довольно просты и легко доступны в Южной Африке. Нет фактически ничего, что требовало бы твердой валюты, поэтому нет и законного основания создавать иностранный долг. При таком варианте чернокожее население получает жилища плюс новые навыки, новую экономическую власть, новые средства к существованию и хорошее начало процветающей экономики, контролируемой чернокожими. Создана система строительства и необходимого обслуживания зданий. Экономика белых также будет в выигрыше, так как она обязательно будет источником некоторых материалов и услуг. И не будет никакого иностранного внешнего долга.

Из трех вариантов лишь последний создает новые возможности для чернокожих и экономическую власть и усиливает экономическую самообеспеченность. Это единственный вариант, который можно по-настоящему назвать развитием. Чем больше участие иностранных агентств помощи, тем менее вероятно, что будет избран третий вариант, потому что он предусматривает для иностранного донора очень незначительную роль, если таковая вообще находится.

Конечно, Южная Африка — это особый случай с точки зрения внутренних ресурсов и технического потенциала. Однако едва ли найдется такая страна в мире, у которой вовсе нет ресурсов и технологий, необходимых для того, чтобы обеспечить своему народу удовлетворение самых основных потребностей в пище, одежде, жилье, образовании и здравоохранении, если это действительно является главной заботой.

Иностранная помощь, даже помощь в виде грантов, превращается в активный тормоз развития, когда эти средства используются для укрепления зависимости от импортных технологий и экспертов, содействуют развитию потребительского образа жизни, зависимого от импорта, финансируют расточительство и коррупцию, вытесняют внутренние товары страны импортными и сгоняют миллионы людей с земель и вод, от которых зависит их существование, — все, что часто сопутствует проектам Всемирного банка и програмам структурных перестроек.

Но самое главное, есть доказательства того, что большая часть проектом Банка заканчивается неудачей даже по узко определяемым экономически» критериям самого Банка. В 1992 году внутренняя группа аналитиков Банк во главе с Вилли Вапенхансом опубликовала отчет, озаглавленный «Эффектное внедрение — ключ к результативному развитию», в котором делается вывод, что в 1991 году 37,5% финансируемых Банком проектов закончились крахом . Еще раньше отделом оценки деятельности Банка было проведено исследование спустя четыре — десятьлет после завершения проектов, которые Банк считал успешными в момент их завершения. Было обнаружено, что двенадцать из двадцати пяти проектов, которые считались успешными в момент завершения, на самом деле обернулись крахом . Если лишь половина проектов, оцененных как успешные в 1991 году, действительно приносят желаемые результаты (что весьма вероятно), то выходит, что менее трети проектов банка дает достаточный экономический эффект, чтобы оправдать первоначальные вложения. Однако, независимо от результата, заем должен быть оплачен скудными запасами твердой валюты. Банк не несет ответственности за свои собственные ошибки.

Если оценивать деятельность Всемирного банка и МВФ по вкладу в улучшение жизни людей или укрепление институтов демократического правления, то следует признать их сокрушительные неудачи, так как они накладывают огромное бремя на малоимущих во всем мире и серьезно замедляют их развитие. С точки же зрения выполнения того мандата, который был им дан их первоначальными создателями, — продвижение экономической глобализации при доминировании экономически влиятельных сил — оба добились внушительного успеха. Вдобавок МВФ добился большого успеха, пусть и временного, в предотвращении глобального финансового кризиса на условиях, выгодных северным коммерческим банкам. Вместе взятые, Всемирный банк и МВФ помогли создать влиятельных политических клиентов, придерживающихся взглядов

корпоративного либертарианства, ослабили демократическую подотчетность перед собственным народом правительств Юга, узурпировали функции демократически избранных официальных представителей и разрушили наиболее последовательные барьеры в виде законов и институтов для новой колонизации экономик стран Юга транснациональным капиталом. Они, пожалуй, причинили больше вреда большему количеству людей, чем любые два невоенных института в человеческой истории.

А теперь обратимся к третьему институту бреттонвудского триумвирата — ГАТТ-ВТО — и исследуем его роль в создании и обеспечении выполнения транснационального корпоративного закона о правах.

13. Гарантирование прав корпораций

Космополитический глобализм ослабляет национальные границы и власть национальных и внутринациональных сообществ и в то же время усиливает относительную власть транснациональных корпораций.

Герман Дейли

В корпоративной экономике современного Запада, рынок является пассивным институтом. Активный же институт — это корпорация, по своей сути узкая и близорукая организация... Корпорация развилась для того, чтобы служить интересам тех, кто ее контролирует, за счет тех, кто ее не контролирует.

Уильям М. Даггер

Структура экономики после Второй мировой войны, которая была разработана в основном Соединенными Штатами и Британией, предусматривала создание трех многосторонних институтов: Всемирного банка, Международного валютного фонда (МВФ) и международной торговой организации. Последняя из этих организаций оказалась мертворожденной, поскольку Конгресс США опасался, что ее власть будет ущемлять суверенитет США. Вместо нее появилось Генеральное соглашение о тарифах и торговле (ГАТТ) с несколько неопределенным статусом как орган, через который создавались и осуществлялись многосторонние торговые соглашения.

Триумвират окончательно сформировался лишь к 1 января 1995 года. Новая глобальная организация — Всемирная торговая организация (ВТО) — была незаметно создана во время уругвайского заседания ГАТТ. Это было эпохальной победой корпоративного либертарианства. Торговый орган с независимым юридическим статусом и персоналом походил на уже созданные Всемирный банк и МВФ и имел полномочия идти напролом,

разрушая барьеры на пути свободного движения товаров и капитала. Потребности крупнейших корпораций мира теперь нашли свое представительство в глобальном органе, обладающем законодательной и судебной властью и преданно отстаивающем их права от «посягательств» демократических правительств и людей, которым эти правительства подотчетны. То, чего добились Всемирный банк и МВФ, внедрив доктрины корпоративного либертарианства в малоимущих странах, ВТО теперь получила полномочия и исполнительную власть осуществлять в промышленных странах.

НАИВЫСШИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ОРГАН

Ключевое положение 2000-страничного соглашения ГАТТ об учреждении ВТО «запрятано» в 4-м параграфе статьи XVI: «Каждый член организации обеспечивает соответствие своих законов, постановлений и административных процедур с теми обязательствами, которые приведены в приложенных соглашениях». Эти «приложенные соглашения» включают все существующие многосторонние соглашения, касающиеся торговли товарами и услугами, а также правами интеллектуальной собственности. Как только эти соглашения будут ратифицированы законодательными органами мира, любая страна-участница сможет оспаривать через ВТО любой закон другой страны-участницы, который, на ее взгляд, лишает ее выгод, которые она рассчитывала получить от новых торговых правил. Сюда входит, в сущности, любой закон, требующий, чтобы импортируемые товары соответствовали местным или национальным стандартам в области здравоохранения, безопасности, труда или охраны природы, которые превышают по жесткости международные стандарты, принятые ВТО. Если правительство, против которого выдвинуто такое обвинение, не сможет убедить комитет ВТО, что целый ряд ограничительных условий выполнен, оно должно или привести свои законы в соответствие с более низкими международными стандартами, или же постоянно выплачивать штрафы или подвергаться торговым санкциям. Целью ВТО является «гармонизация» международных стандартов. Постановления, требующие, чтобы импортируемые товары соответствовали местным стандартам по таким позициям, как законы о вторичной переработке, использовании канцерогенных пищевых добавок, требования к безопасности автомобилей, запрещение ядовитых веществ, указание содержимого на этикетках и

инспектирование качества мяса, все могут быть оспорены. Страна нарушительница договора ВТО должна доказать, что для ее действий существует строгое научное обоснование. Тот факт, что граждане этой страны просто не желают подвергаться воздействию более высокого уровня риска, обусловленного принятыми ВТО более низкими стандартами, не являются для ВТО приемлемым обоснованием.

Природоохранные мероприятия, которые ограничивают экспорт природных ресурсов страны, таких как лесотовары, ископаемые и морепродукты — могут быть объявлены несправедливой торговой практикой, равно как и требования, чтобы древесина, заготовленная в стране, или другие ресурсы перерабатывались на месте, чтобы обеспечивать местную занятость. Можно также подать в суд на те страны, которые пытаются отдать предпочтение местным инвесторам, а не заграничным, или которые не могут защитить права Интелактуальной собственности (патенты и авторские права) иностранных компаний. При новом режиме ВТО местные интересы уже не являются веским основанием для местных законов. Приоритет принадлежит интересам международной торговли, которые являются интересами в первую очередь трансциональных корпораций.

Оспорены могут быть законы отдельного штата и местных правительств расположенных в пределах юрисдикции страны-участницы, являющейся членом соглашения, даже если эти правительства не подписывали нового соглашения. Национальное правительство, под чью юрисдикцию они подпадают несут ответственность за принятие всех разумных мер, гарантирующих выполнение соглашений этими штатами или местными администрациями, число таких «разумных мер» могут входить упреждающие законодательств» судебные иски и изъятие финансовой поддержки.

Тот факт, что местные законы могут быть оспорены по правилам ВТО, не означает, что они обязательно будут оспорены. Однако есть множество случаев, когда подобные законы были успешно оспорены при ее предшественнике, по менее строгим правилам ГАТТ. Еще прежде, чем ГАТТ—ВТО было ратифицировано, Соединенные Штаты, Канада, Европейское сообществом Япония составили обширные списки законов стран-участниц, которые они намеревались сделать мишенью оспаривания, когда соглашение будет подписано.

Хотя ГАТТ—ВТО является соглашением между странами, и оспаривание ведется одной страной против другой, инициатива обычно исходит от какой-нибудь транснациональной корпорации, которая полагает,

что какой-либо из законов ставит ее в невыгодное положение. Эта корпорация ищет правительство, которое может быть заинтересовано в оспаривании. Это не обязательно должно быть правительство страны, где зарегистрирована данная корпорация; оспаривание может быть начато правительством любой страны, которая сможет составить разумную заявку о том, что ее экономическим интересам был нанесен ущерб. Например, американская компания, выращивающая фрукты в Мексике, применяет пестициды, которые остаются на фруктах в количествах, допустимых по международным стандартам, но превышают стандарты, принятые штатом Калифорния. Эта корпорация может убедить мексиканское правительство подать в суд на калифорнийский стандарт, как не соответствующий соглашению в ВТО. У Калифорнии не будет права подавать апелляцию на несправедливое решение ВТО ни в суд Калифорнии, ни в суд США.

В других частях мира табачные компании неоднократно использовали торговые соглашения для борьбы с реформами здравоохранения, направленными на уменьшение вреда от курения сигарет. Когда Тайвань разрабатывал закон, который запрещал продажу сигарет в автоматах, вводил ограничение на курение в общественных местах, запрещал все формы рекламы и продвижения табака и финансировал общественную просветительную кампанию, побуждающую курильщиков бросить курить, то американский торговый представитель откликнулся на жалобы транснациональных табачных компаний угрозой применить торговые санкции против Тайваня, хотя этот закон ущемлял бы интересы как местных, тайванских табачных компаний, так и американских импортеров. После того как запрещение иностранных табачных компаний было отклонено в Корее в результате аналогичного давления, процент курящих подростков и юношей вырос с 1,6 до 8,7 .

Когда жалоба на национальный или местный закон подается в ВТО, протевостоящие стороны излагают свое дело на закрытом слушании перед комитетом из трех торговых экспертов, в основном юристов, которые сделали себе карьеру, представляя интересы корпоративных клиентов в вопросах торговли, рассмотрение взглядов противоположной стороны (таких как «дружеский инструктаж» из неправительственных организаций) не предусмотрено, если данный комитет сам не решит затребовать их. Документы, представляемые этому комитету, являются секретными, хотя правительство может решить опубликовать свои собственные документы. Разглашение имен членов комиссии, которые поддерживали какое-либо положение или заключение, строго запрещено. Бремя доказательства того, что рассматриваемый закон не является ограничением торговли в

понимании ГАТТ, лежит на защищающейся стороне.

Когда комиссия принимает решение, что какой-нибудь закон страны противоречит правилам ВТО, она может рекомендовать нарушившей стране изменить свой закон. Страны, которые не вносят рекомендованные изменения в течение предписанного периода, сталкиваются с финансовыми наказаниями или торговыми санкциями или и с тем и с другим одновременно.

В рамках предложенных правил рекомендации рассматривавшей комиссии автоматически принимаются ВТО в течение шестидесяти дней после подачи, если только члены ВТО не проголосуют против них единогласно. Это означает, что более 100 стран, включая ту страну, которая добилась этого решения, должны проголосовать против решения комиссии, для того чтобы отменить его, что делает процесс апелляции фактически бессмысленным.

Как это было с ГАТТ, ВТО — это торговая организация, и ее полномочия заключаются в устранении барьеров для международной торговли и инвестиций. Национальные представители, которые голосуют в своих советах, являются специализированными торговыми представителями, чьи основные полномочия заключаются в открытии других рынков для экспорта из своих стран. Ответственность за поддержание баланса твердой валюты, полную трудоустроенность, вопросы здравоохранения, безопасности и природоохранные стандарты, а также защита демократических прав граждан находятся в ведении других бюрократических аппаратов. Можно с большой степенью уверенности ожидать, что ВТО будет следовать тому же образу действия, чтои ГАТТ, отдавая торговым целям предпочтение перед всеми другими заботами общественной политики.

У ВТО есть законодательная, а также и судебная власть ГАТТ разрешает ВТО менять определенные торговые правила двумя третями голосов представителей членов ВТО. Новые правила становятся обязательными для всех членов. ВТО — это, по сути дела, глобальный парламент, состоящий из неизбранных народом бюрократов, имеющих власть менять свой собственный устав без ссылки на национальные законодательные органы.

Поскольку в современном обществе экономической деятельности принадлежит такая большая роль, контроль над экономическими правилами является одним из самых важных видов власти в сегодняшнем мире. При ВТО группа неизбранных торговых представителей станет самым высоким судом в мире и самым влиятельным законодательным

органом, которому будут подчинены все решения и полномочия всех других судов и законодательных органов.

ПРАВЛЕНИЕ В ИНТЕРЕСАХ КОРПОРАЦИЙ

Крупнейшие транснациональные корпорации играли чрезвычайно влиятельную внутреннюю роль в переговорах по ГАТТ и будут проявлять такую же активность в ВТО. Они особенно хорошо представлены в американских делегациях, которые сыграли решающую роль в формировании соглашений по ГАТТ. Ключом к пониманию такой роли корпораций является Закон США о торговле от 1974 года, предусматривающий систему торговых консультационных комитетов, которые бы обеспечивали участие общественности в торговых переговорах США . Эти торговые комитеты должны соответствовать Федеральному закону о консультационных комитетах от 1972 года, который устанавливает правила членства для всех подобных федеральных консультационных комитетов. Общественное представительство должно быть «довольно сбалансированным в плане представленных точек зрения и функций, выполняемых консультационным комитетом». Требуется, чтобы процессы консультационных комитетов были открыты для общественного контроля.

Из офиса торгового представителя США поступило уточнение, что это требование означает лишь то, что члены консультационных комитетов должны представлять деловые круги в отношении «равного представительства среди секторов, товаров, между малыми и большими фирмами, между географическими районами и между демографическими группами» . Исследование, проведенное Группой гражданского наблюдения за Конгрессом, опубликованное в декабре 1991 года, установило, что среди 111 членов трех основных консультационных комитетов по торговле, было лишь два представителя от профсоюзов. Вакансия, отведенная для представителя от экологической организации, оставалась незаполненной. Не было также представителей от потребителей. Торговые комитеты редко объявляли публично о своих встречах и никогда не разрешали общественности принимать в них участие.

Корпоративные же интересы, в отличие от общественных, были представлены очень хорошо. В проведенном исследовании было установлено, что 92 члена в трех комитетах представляли частные

компании и 16 — торгово-промышленные ассоциации, 10 из которых были от химической промышленности. Члены консультационного комитета по торговой политике и переговорам, самого важного из комитетов, включали таких корпоративных гигантов, как «Ай-Би-Эм», «АТиТ», «Бетлехем стил», «Тайм Уорнер», «3М», «Корнинг», «Бэнк Америка», «Американ экспресс», «Скотт Пейпер», «Доу Кемикл», «Боинг», «Истман Кодак», «Мобил», «Амоко», «Пфайзер», «Хьюлет Паккард», «Вейерхаузер» и «Дженерал моторе», которые также все были членами Делового круглого стола США. Из членов корпораций все, кроме «Дженерал моторе», были представлены или председателем совета, или президентом — в большинстве случаев тем из них, кто исполнял обязанности генерального директора. Поданным Группы гражданского наблюдения за Конгрессом:

Консультационные комитеты настолько тесно связаны с правительственными торговыми чиновниками, участвующими в переговорах, что членам комитетов требуется проходить специальную проверку в службах безопасности. Одной из привилегий членства является специальный читальный зал с документами для служебного пользования, доступными для просмотра неправительственными консультантами. Для того чтобы обеспечить быстрое информирование участников переговоров о мнении торговых советников, была создана специальная база данных, которая позволяет участникам переговоров мгновенно найти высказывания членов консультационного комитета. Правительственные спонсоры торговой консультационной системы прикладывают много усилий к тому, чтобы держать консультантов в курсе малейших нюансов переговорного процесса. Несмотря на свое огромное влияние, корпоративные торговые консультанты работают почти в полной тайне

.

Один из документов Департамента торговли 1989 года описывает участие членов консультационного комитета на этапе переговоров по ГАТТ в 1979 году в Токио:

Консультанты проводили долгие часы в Вашингтоне, советуясь непосредственно с участниками переговоров по ключевым вопросам и просматривая сами тексты предложенных соглашений. Правительственные чиновники, ведущие переговоры, по большей части следовали советам консультационного комитета. Всякий раз, когда совету не следовали, правительство информировало комитеты о причинах, по которым не представилось возможным использовать их рекомендации .

Из 92 корпораций, представленных в трех торгово-консультационных комитетах, 27 компаний или их филиалы подвергались штрафным

санкциям Агентства по охране природы США на сумму более чем 12,1 млн. долл. в период между 1980 и 1990 годом за нарушение существующего природоохранного законодательства. Пять из этих компаний — «Дюпон», «Монсанто», «3М», «Дженерал моторе» и «Истман Кодак» — входят в число десяти самых крупных нарушителей по сбросам особо опасных отходов. Двадцать девять компаний или их филиалы, представленные в комитетах, совместно потратили более 800 тыс. долл. в неудавшейся попытке отменить закон штата Калифорния о соблюдении стандартов питьевой воды и отходов — законодательную инициативу, требующую точного указания на этикетках товаров потенциально канцерогенных продуктов и ограничения токсичных сбросов в источники питьевой воды. Двадцать девять компаний вложили более 2,1 млн. долл. в успешной для них попытке отменить другую калифорнийскую инициативу, названную «Бигрин», которая, среди прочих условий, предполагала установление более строгих стандартов по сбросу токсичных химических веществ .

Клейтон Юттер в свою бытность секретарем США по вопросам сельского хозяйства при Джордже Буше, официально заявил, что одной из его главных целей является использование ГАТТ для изменения строгих постановлений местных правительств и штата по вопросам пищевой безопасности. Он обосновывал это таким образом: «Если весь остальной мир может прийти к согласию относительно того, какими должны быть стандарты по данному продукту, может быть, США или ЕЭС придется признать, что они ошибаются в тех случаях, когда их стандарты отличаются» .

Глобальные стандарты здравоохранения и безопасности ВТО в отношении пищевых продуктов устанавливаются группой, известной под названием «Кодек алиментариус ком шин», или «Кодекс». Это межправительственный орган, учрежденный в 1963 году и управляемый совместно организацией по продовольствию и сельскому хозяйству при ООН и Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) с целью выработки международных стандартов по таким вопросам, как остаточное количество пестицидов, пищевые добавки, остатки ветеринарных лекарственных препаратов и информация, которую следует указывать на этикетках. Критики «Кодекса» отмечают, что он в очень сильной степени подвержен влиянию промышленных кругов и склонен приводить к одному уровню стандарты, основываясь на самых низких требованиях. Например, организация «Гринпис США» обнаружила, что уровни безопасности «Кодекса», по крайней мере для восьми широко используемых пестицидов

в 25 раз ниже ныне действующих в США . Стандарты «Кодекса» допускают следовые остатки ДДТ, почти в 50 раз превышающие количества, допустимые по законам США .

В государственные делегации, направляемые в группу «Кодекс», обычно входят представители неправительственных организаций, но они почти исключительно выбираются из промышленных кругов. Сто сорок крупнейших многонациональных продовольственных и агрохимических компаний принимали участие во встречах, проводимых «Кодексом» с 1989 по 1991 год. Из 2587 участников лишь 26 были представителями общественных групп . «Нестле» — крупнейшая в мире продовольственная компания — выставила целых тридцать восемь представителей. Представитель «Нестле» объяснил: «Мне кажется, что правительства скорее найдут квалифицированных представителей в различных компаниях, чем среди самовыдвинувшихся пророков продовольственного сектора» .

ЗАЩИТА ИНФОРМАЦИОННЫХ МОНОПОЛИЙ

Многие положения ГАТТ—ВТО были выдвинуты как необходимые для того, чтобы обеспечить эффективную работу конкурентных рынков. Однако ГАТТ—ВТО ничего не делает для ограничения возможности транснациональных корпораций использовать свою экономическую власть, чтобы вытеснять конкурентов с рынка нечестными методами, поглощать конкурентов посредством слияния - и их приобретения или организовывать стратегические альянсы с конкурентами для совместного использования технологий, производственных мощностей и рынков. В самом деле,одна сфера, в которой ГАТТ призывает к усилению правительственного регулирования и стандартов, — это соглашение по правам интеллектуальной собственности: патентам, авторским правам и торговым знакам. Здесь звучит призыв к сильному правительственному вмешательству для защиты прав корпоративной монополии на информацию и технологии.

Особенно зловещим является распространение через ГАТТ—ВТО международной защиты патентных прав на генетические материалы, включая семена и природные лекарства. Американские компании настойчиво добивались патентной защиты семян и генетического материала в Соединенных Штатах, пытаясь убедить правительство США

распространить патентную защиту на все генетически сконструированные организмы, от микроорганизмов до растений и жиотных, за исключением лишь генетически сконструированных людей. Патентуя процесс, посредством которого гены внедряются в различные виды семян, несколько компаний эффективно завладевают монопольными правами на генетическое исследование целых видов и на любые полезные продукты, получаемые в результате этих исследований. Эти компании оказывают огромное давание с целью превратить такое патентование во всемирную монополию под эгидой ГАТТ—ВТО. В 1992 году фирма «Аграцетус, инк.», филиал компании «В. Р- Грейс», получила патент на все генетически сконструированные или «трансгенные» разновидности хлопка и имеет заявки, находящиеся в процессе аналогичного патентования в других странах, где производится 60% мирового урожая хлопка, включая Индию, Китай, Бразилию и Европу. В марте 1994 года она получила европейский патент на все трансгенные соевые бобы и находится в процессе оформления аналогичного патента в Соединенных Штатах.

На протяжении многих веков фермеры сохраняли семена с одного урожая, чтобы посеять их на следующий год. По существующему патентному праву США, фермер, сохраняющий и вновь высаживающий семена растений, полученных из запатентованных семян, нарушает патентное право . Меры, направленные на глобализацию защиты патентов на семена и другие формы жизни, вызвали массовые демонстрации протеста фермеров в Индии, которые поняли, что по соглашению ГАТТ ВТО им могут запретить выращивать свои собственные сорта семян, если они не будут выплачивать отчисления какой-нибудь транснациональной корпорации .

Взгляд этих промышленников на то, что законно и справедливо в отношении прав человека на средства к существованию, был ясно выражен Хансом Линдерсом, генеральным секретарем промышленной ассоциации корпоративных семенных банков и селекционеров:

Хотя во многих странах фермер мог традиционно сохранять семена из своего урожая, в изменившихся условиях несправедливо, что фермер может использовать эти семена и выращивать из них коммерческий урожай без уплаты отчислений... Семенная промышленность вынуждена будет упорно бороться за более надежную защиту своих интересов .

Меры по распространению патентной защиты на генетический материал принимаются на том основании, что они содействуют сельскохозяйственным исследованиям и улучшают глобальную продовольственную безопасность. Критики возражают, что подобные

патенты душат исследования, препятствуя использованию генетического материала и методов любым исследователем, который не работает по конкретной лицензии, выданной держателем патента. Вандана Шива, лидер южной оппозиции патентованию жизненных форм, говорит: «Это лишь еще один способ утверждать, что глобальная монополия на сельское хозяйство и продовольственные системы должна быть отдана многонациональным корпорациям как их неотъемлемое право» .

То, что мы наблюдаем, есть бесстыдное стремление нескольких корпораций установить монопольный контроль над общей биологической наследственностью планеты .

Обзор достижений этих трех бреттоннудских институтов высвечивает их истинные функции. Всемирный банк служит экспортно-финансовым среством для крупных корпораций Севера. МВФ служит сборщиком долгов для финансовых институтов Севера. ГАТТ служил тому, чтобы создать и обеспечить закон о правах корпораций, защищающий права крупнейших корпорций мира от вмешательства частных лиц, гражданских организаций и демократически избранных правительств.

Всемирный банк и МВФ отпраздновали свой 50-летний юбилей в 1994 году Гражданские организации всего мира отметили это событие проведением глобальной кампании под лозунгом «Пятидесяти лет вполне достаточно». Пять-десят лет Бреттон Вудса и в самом деле более чем достаточно.

Вторая мировая война не покончила с доминированием сильных стран над слабыми. Она просто облекла колониализм в менее явные и более привлекательные одежды. Новый корпоративный колониализм отнюдь не является следствием неизбежных исторических сил, равно как и старый государственный колониализм. Это есть следствие целой серии сознательных предпочтений, основанных на преследовании интересов элиты. Эти элитные интересы тесно сблизились с интересами корпораций в том, чтобы добиваться дальнейшего ослабления правительственного контроля и продвижения экономической глобализации. В результате этого крупнейшие транснациональные корпорации и глобальная финансовая система захватили еще большую власть над делами человека, преследуя интересы, которые все больше расходятся с интересами человека. Невозможно иметь здоровое, равноправное и демократическое общество, когда политическая и экономическая власть сконцентрирована в руках немногих гигантских корпораций.

Мы создали систему, которая в настоящий момент неподконтрольна даже тем, кто ее создал и кого она щедро одаривает за служение своим

целям. На самом деле эта система теперь обращается также и против них. В IV части книги мы исследуем природу и динамику этой системы.

Часть IV. Жульническая финансовая система

14. Игра в деньги

На этом, новом рынке... за какие-то секунду
в экономику могут вливаться или из нее уходить
миллиарды долларов. Деньги приобрели такую силу,
что некоторые наблюдатели сейчас отмечают,
как узкий круг людей, владеющих, горячими деньгами
превращается в своего рода всемирное теневое
правительство — правительство, непоправимо
разрушающее само понятие суверенных прав
национального государства.

Бизнес уик

Каждый день с наступлением утра от полумиллиона до одного миллиона человек в разных частях света встают с постели и, включив свой компьютер, покидают реальный мир людей, вещей и природы, чтобы с головой пофузиться в самую прибыльную на свете компьютерную игру — игру в деньги . Когда их компьютеры работают в режиме реального времени, они вступают в мир киберпространства, построенного из чисел, репрезентирующих деньги, и сложных правил, по которым деньги можно преобразовать в бесконечное по внешней видимости разнообразие форм, каждая из которых имеет свои характерные риски и репродуктивные свойства. Благодаря взаимодействию игроки занимаются сделками на конкурсной основе, а цель этих сделок заключается в том, чтобы перевести на свой счет деньги, принадлежащие другим игрокам. Участники могут выстраивать пирамиду из имеющихся в игре денег, занимая друг у друга и повышая цены. Они также могут приобрести самые разнообразные и экзотические финансовые инструменты, которые позволяютим влиять на свои фонды, не прибегая к фактическому займу. Все происходит, как в игре. Последствия, однако же, вполне реальны.

История глобализации в экономике — это лишь отчасти повесть о вымышленном мире обитателей Стратоса и мечтах строителей глобальной империи. Существует и другая история об игре безликих сил, глубоко укоренившихся в каких-то институциональных системах, — повесть о

деньгах и о том каким образом их эволюция как института преобразует человеческие сообщества методами, которых никто не предлагал, в осуществление целей, враждебных человеку. Это повесть о разрушительной стороне деятельности невидимого рыночного механизма, о тенденции никем и ничем не контролируемого рынка переориентироваться с эффективного производства богатства к извлечению и концентрации богатства. Это трагическая повесть о том, как порядочные и мыслящие люди попадают вдовушку, занимаясь обслуживанием и даже созданием системы, ориентированной на безудержную погоню за наживой и , вызывая последствия, которых сами не желают и с которыми не могут примириться.

Хотя эти последствия носят глобальный характер, в данной главе, как и в предыдущих, внимание сосредоточено преимущественно на Соединенных Штатах, поскольку со времени Второй мировой войны США принадлежит ведущая роль в формировании мировой экономики и ее институтов. Таким образом, наблюдается тенденция к тому, что и сильные стороны, и недостатки мировой экономической системы сначала проявляются в США, а уже затем распространяются вширь.

ОТТОРЖЕНИЕ ДЕНЕГ ОТ СТОИМОСТИ

Для того чтобы понять, что же произошло с мировой финансовой системой, мы должны сначала разобраться в природе денег. Деньги — это одно из самых значительных изобретений человечества, порожденных его насущными потребностями.

Самые первые рыночные сделки основывались на прямом обмене равноценными изделиями, и это означало, что сделка возможна лишь тогда, когда встречаются два человека, каждый из которых обладает предметом, который он готов продать путем обмена на другой. Возможности полезного расширения рамок торговли были очень ограничены. Эти ограничения были частично устранены, когда люди стали пользоваться в качестве средства обмена некоторыми предметами, обладающими собственной, присущей им ценностью декоративными раковинами, солью, кусочками драгоценных металлов или драгоценными камнями. Со временем появились металлические монеты, ставшие стандартными единицами обмена, на основе содержащегося в них количества драгоценного металла, обычно серебра или золота. Позднее возникла идея, что драгоценные

металлы удобнее хранить в сейфах, а выпускать бумажные деньги, которые можно обменять на металлические по требованию. В известном смысле банкнота была равноценна расписке, показывающей, что ее владелец обладает некоторым количеством драгоценного металла, но бумага была, несомненно, удобнее, чем металл, в частности при перевозке.

Однако каждое такое новшество было очередным шагом, отделяющим деньги от предметов, представляющих реальную ценность. Очередной такой шаг был сделан на исторической конференции, состоявшейся в Бреттон-Вудсе в 1944 году, где были созданы Всемирный банк и Международный валютный фонд. Страны-участницы договорились создать новую глобальную финансовую систему, в которой каждая из договаривающихся стран брала обязательство обменивать по требованию собственную валюту на доллары США по официально установленному курсу. В свою очередь, правительство США гарантировало обмен долларов на золото по первому требованию по цене 35 долл. за унцию. Это фактически ставило все мировые валюты в зависимость от золотого стандарта, поддерживаемого золотом США, хранящимся в Форт Ноксе. Многие правительства, таким образом, приняли доллар США как сертификат золотого депоита и решили держать свои валютные резервы в долларах, а не в золоте.

Эта система работала довольно хорошо более двадцати лет, пока не стаж очевидно, что Соединенные Штаты выпускают гораздо больше долларов дофинансирования своего широкомасштабного военного и коммерческого присутствия во всем мире, чем может быть подкреплено их золотым запасом. Если бы все страны, имеющие долларовый запас, решили обменять его на золото имеющийся запас истощился бы очень быстро, и те, кто поверил в надежность доллара, остался бы ни с чем, разве что с никчемными бумажками.

Для того чтобы исключить такую возможность, президент Ричард Никсон заявил 15 августа 1971 года, что США больше не будут принимать доллары в обмен на золото. Доллар превратился в клочок высококачественной бумаги с номером и витиеватым украшением, выпускаемый правительством США.

Мировые валюты уже не были привязаны к чему-либо, имеющему ценность, кроме общей надежды, что остальные будут принимать национальные валюты в обмен на реальные товары и услуги.

С началом широкого применения компьютеров следующий шаг был достаточно очевиден — отказ от бумаги и простое хранение цифр в компьютере. Хотя монеты и бумажные деньги остаются в обращении,

мировые денежные сделки все чаще и чаще осуществляются напрямую с помощью электронных переводов с компьютера на компьютер. Деньги уже почти превратились в чистую абстракцию, а их выпуск утратил связь с производством ценностей.

Основополагающими для такой трансформации финансовой системы стали четыре фактора.

1. Соединенные Штаты финансировали свою глобальную экспансию в долларах, и большая их часть теперь фигурирует в балансах иностранных банков и отделениях американских банков за границей. Эти доллары не подлежат контролю по правилам и требованиям к резервам Федеральной резервной системы США.

2. Компьютеризация и глобализация привели к слиянию финансовых рынков мира в единую глобальную систему, в которой пользователь, сидящий у терминала, может постоянно следить за движением цен на всех крупных рынках и почти мгновенно осуществлять торговые сделки на любом из них или на всех. Можно ввести в компьютер программу, и он будет выполнять те же операции без вмешательства человека, автоматически заключая сделки на миллиарды долларов за какие-то доли секунды.

3. Решения об инвестициях, которые раньше принимались множеством лиц, теперь сосредоточены в руках относительно небольшого числа профессиональных финансовых менеджеров. Пул инвестиционных фондов, контролируемый взаимными фондами, затри года удвоился и составлял в конце июня 1994 года 2 трлн. долл., поскольку индивидуальные инвесторы предпочитали помещать свои сбережения в инвестиционные пулы, управляемые профессионалами, а не покупать и держать индивидуальные акции . Между тем происходит мощная концентрация банков только в периоде сентября 1992 по сентябрь 1993 года закрылись или подверглись слиянию более 500 американских банков, что привело к сосредоточению громадных фондовых пулов в главных международных банковских «денежных центрах». Пенсионые фонды, активы которых оцениваются сейчас в 4 трлн. долл., в основном правляются трастовыми отделами этих гигантских банков, невероятно усиливая их финансовую мощь. Одни лишь пенсионные фонды владеют пример- но 1/3 всех корпоративных акций и 40% корпоративных облигаций .

4. Инвестиционные горизонты резко сузились. Управляющие этими инвесиционными пулами борются за вкладчиков, привлекая их доходами, которые они способны дать. Итоги взаимных фондов ежедневно публикуются в ведущих газетах мира, и бесчисленные службы сравнивают

деятельность фондов по месяцам и годам. Индивидуальные вкладчики обладают возможностью переводить деньги из одного взаимного фонда в другой, нажав кнопку на тоновом телефоне или с помощью своих персональных компьютеров на основе результатов этих сопоставлений. Для управляющего взаимным фондом краткосрочный период составляет один день или меньше, а долгосрочный может быть равен месяцу. У менеджеров пенсионных фондов оценочный цикл лишь немногим более продолжительный.

Индивидуальные сбережения сосредоточились в громадных инвестиционных пулах, управляемых профессионалами в условиях невероятно жесткой конкуренции за получение почти мгновенной финансовой выгоды. Имеющиеся временные рамки слишком узки для окупаемости капиталовложения в производство, объем денег, предназначенных для «вложения», значительно превышает количество имеющихся вариантов прибыльных проектов для инвестиций, а доход, который на рынке привыкли ожидать, превышает то, что инвестиции в производство могут принести даже по прошествии нескольких лет. В результате, финансовые рынки в основном перестали вкладывать деньги в производство, предпочтя вложение в систему извлечения прибыли, и действуют на автопилоте без учета последствий для человечества.

Финансовая система все больше функционирует совершенно независимо и в масштабах, на несколько порядков превышающих масштаб производящего сектора экономики, которая, в свою очередь, все больше функционирует по воле мощных денежных волн, приводимых в движение по всему миру игроками в деньги молниеносно и с поразительной бесшабашностью.

Джоэл Курцман, ранее редактор «Нью-Йорк тайме» по отделу бизнеса, а в настоящее время редактор «Гарвард бизнес ревью», подсчитал, что на каждый доллар США, обращающийся в производящем секторе мировой экономики, приходится от 20 до 50 долларов, обращающихся в сфере чистых финансов, хотя точного соотношения не знает никто. Только на международных валютных рынках из рук в руки ежедневно переходят от 800 млрд. до 1 трлн. долл. , что многократно превышает потребность ежедневной торговли товарами и услугами, составляющей 2 —25 млрд. По мнению Курцмана:

Большую часть этих 800 млрд долл., продаваемых на валютных рынках, составляют краткосрочные спекулятивные инвестиции, от нескольких часов до нескольких дней, максимально — нескольких недель... Эти деньги используются исключительно для того, чтобы делать деньги...

Этих денег хватит, чтобы на сдачу купить девять самых больших японских корпораций, хотя они и чрезмерно высоко оценены, включая ««Ниппон телеграф на телефон», семь крупнейших японских банков и «Тойота моторе»... Они идут в торговлю опционами, в спекуляцию акциями и торговлю процентными ставками. Они также используются для краткосрочных финансовых арбитражных сделок, в которых инвестор покупает продукт, например облигации или валюты, на одной биржа надеется выгодно продать на другой, иногда осуществляя эти операции одновременно с помощью электроники .

Эти деньги не связаны ни с какой реальной ценностью. Однако те, кто ими управляет, проводят миллионы высокоскоростных, краткосрочных сделок и ручаются своей репутацией и карьерой за то, что эти деньги будут расти с большей скоростью, чем преобладающая ставка процента. Этот рост определяется способностью системы бесконечно увеличивать количество денег, обращающихся в сфера финансов, независимо от какого-либо увеличения выпуска реальных товаров или услуг. По мере того как происходит этот рост, финансовая или покупательная способность тех, кто контролирует вновь созданные деньги, увеличивается по сравнению с другими членами общества, которые создают ценности, но у кого реальное и относительное вознаграждение за труд уменьшается .

БОЛЬШАЯ ДЕНЕЖНАЯ МАШИНА

Существуют два распространенных способа создавать деньги, не создавая ценностей. Один способ — делать долги. Другой — набавлять стоимость активов Глобальная финансовая система умело использует оба эти приема, чтобы создавать деньги в отрыве от создания ценностей.

ДОЛГ

То, как банковская система создает деньги, строя пирамиду из долгов, хорошо знакомо всякому, кто проходил начальный курс экономики. Скажем, некто А, производитель пшеницы, продает зерно на сумму 1000 долл. и помещает деньги в банк М. Оставив 10% депозита в качестве резерва, банк М может одолжить 900 долл. некоему Б, который кладет эти

деньги на свой счет в банк Н. Теперь лицо А имеет наличные активы в 1000 долл. в банке М, а лицо Б имеет наличный актив в размере 900 долл. в банке Н. Оставив 10%-ный резерв, банк Н может предоставить заем в 810 долл. некоему В, который помещает их в банк О, который затем ссужает 729 долл. некоему Г, и так далее. Депозит первоначальных 1000 долл., заработанных на производстве реального продукта для потребления реальными людьми, позволяет банковской системе в конечном итоге создать 9000 долл. в виде дополнительных новых депозитов, создавая соответственно 9000 долл. новых долгов — новых денег, созданных без необходимости произвести при этом хотя бы одну обладающую ценностью вещь.

Банки, участвующие в этой серии сделок, сейчас имеют 9000 долл. в форме новых непогашенных ссуд и 10 000 долл. в виде новых депозитов на основе первоначального депозита в 1000 долл., вырученных от продажи пшеницы. Они рассчитывают получить существующую ставку процента, скажем, 6%. Это означает, что банковская система рассчитывает получить годовой доход минимум в 540 долл. от денег, которые данная система, по сути, создала из ничего. И это только часть того, что превращает банковское дело в мощный и выгодный бизнес.

В данном случае мы использовали классический хрестоматийный пример того, как банки создают деньги, с учетом 10%-ного резерва (фактически, средняя величина несколько ниже), который по существующему закону должен быть помещен в Федеральную резервную систему США . При отсутствии такого резервного требования банковская система могла бы теоретически, строить пирамиду из одной ссуды бесконечно.

Поскольку США тратили больше, чем могли себе позволить, растущая доля обшего количества долларов, обращающихся в мире, оседала на счетах иностранных банков или филиалов американских банков за границей. Известные род названием евро долларов, эти деньги не подчиняются нормативным требованиям Федеральной резервной системы США. В случаях, когда правительства, в чью юрисдикцию входят банки, держащие эти счета, не устанавливают резервных требований, банки при желании могут ссужать весь объем этих депозитов, давая возможность глобальной банковской системе увеличивать общее количество долларов безгранично.

С расширением глобальной финансовой системы многие другие небанковские финансовые институты были вовлечены в широкомасштабные операции по кредитованию. Каждое из них делает свой

вклад в процесс создания денег тем же способом, что и банки, но часто при более слабом контроле и ослабленном требовании к резервам, по сравнению с банками, расположенными на территории США.

СТОИМОСТЬ АКТИВОВ

Цена акции или осязаемого актива, например земли или произведения искусства, определяется и рыночным спросом. В экономике, где деньги льются рекой, а инвесторы ищут быстрых доходов, значительное влияние на рыночный спрос оказывает ожидание спекулянтов, что все остальные спекулянты будут продолжать поднимать цены. Николас Ф. Брейди, занимавший во времена президента Дж. Буша пост министра финансов, как-то заметил: «Если бы активом были золото и нефть, это явление называлось бы инфляцией. В случае с акциями его называют созданием богатства» . Этот процесс питает сам себя. Повышение цены актива привлекает новых спекулянтов, и цена продолжает расти, привлекая еще большее число спекулянтов, пока наконец мыльный пузырь не лопается, как в 1995 году, когда крах раздутого мексиканского фондового рынка вызвал кризис песо.

Сильные изменения покупательной способности людей, владеющих такими активами, могут происходить очень быстро без каких-либо изменений в реальной стоимости данных активов, или способности общества производить реальные товары и услуги. Мы настолько приучены к мысли, что изменения в покупательной способности связаны с изменениями в реальном богатстве, что даже те, кто хорошо знает разницу, часто об этом забывают. Вдумайтесь в следующие высказывания Джоэла Курцмана из его книги «Смерть денег», специально посвященной теме, как создание денег было оторвано от процесса создания ценностей. Курцман описывает то, что произошло 19 октября 1987 года, когда средний промышленный индекс Доу Джонса на Нью Йоркской фондовой бирже упал за один день на 22,6%:

Если измерять с высоты полного рынка в августе 1987 года, то вкладчики потеряли на Нью-Йоркской фондовой бирже несколько больше одного триллиона долларов за два, небольшим месяца. Эта потеря была равна одной восьмой ценности всего, что создал человеческим трудом в Соединенных Штатах, включая все дома, заводы, офисы, дороги и улучшенную недвижимость. Это потеря такого гигантского масштаба, что

прост, уму непостижимо. Одного триллиона долларов хватило бы. чтобы кормить весь мир течение двух лет, поднять страны «третьего мира» из крайней нищеты до уровни среднего класса. На эти деньги можно было бы купить одну тысячу ядерных авианосцев .

Те, чьи деньги были вложены на фондовом рынке, и в самом деле понесли потери в индивидуальной покупательной способности, однако дома, заводу офисы, дороги и улучшенная недвижимость, которую упоминает Курцман, никак не изменились. По существу, этот триллион не мог бы кормить мир даже в течение пяти минут по той простой причине, что люди не едят деньги. Они едят пищу, и падение цен на фондовом рынке само по себе не увеличило и не уменьшило мировые запасы продовольствия ни на одно рисовое зернышко. Изменились только цены, по которым можно было купить или продать акции отдельных компаний. Не произошло никаких изменений и в производительной способности какой-либо из этих компаний или даже в наличности, имеющейся на их банковских счетах.

Кроме того, хотя стоимость акций представляет потенциальную покупательную способность отдельного инвестора, она не отражает точно совокупную покупательную способность всех инвесторов на рынке по той простой причине, что вы не можете много купить на сертификат акции. Например, вы не можете вручить такой сертификат кассиру вашего местного бакалейного магазина в уплату за покупки. Вам сначала нужно превратить акцию в наличные деньги путем ее продажи. Так вот, хотя любой индивидуум может продать сертификат акции по существующей цене и потратить деньги на покупку продуктов, если каждый, кто вложил деньги на фондовом рынке, решил бы превратить свои акции в деньги, чтобы купить продукты, произошло бы примерно то же, что и 19 октября 1987 года. Совокупная стоимость их вкладов в акции лопнула бы, как проколотый воздушный шар. «Деньги» — покупательная способность — мгновенно бы испарились. Мы имеем дело, собственно говоря, с ситуацией, когда рыночная спекуляция создает иллюзию богатства. Она дает реальную власть тем, кто ее поддерживает, — но только до тех пор, пока воздушный шар остается надутым.

Весь характер торговли такими громадными суммами на мировых финансовых рынках круто меняется. Наблюдается тенденция к замене финансовых аналитиков и торговцев математиками теоретиками, «квантами», которые занимаются сложным вероятностным анализом и теорией хаоса, для того чтобы структурировать портфель ценных бумаг на основе математических уравнений. Поскольку люди не могут производить

расчеты и принимать решения с оптимальной скоростью, которой требуют новые стратегии управления портфелем, торговля на мировых финансовых рынках сейчас ведется непосредственно компьютерами на основе абстракций, не имеющих отношения к самому бизнесу. По словам Курцмана:

Эти компьютерные программы не торгуют акциями, по крайней мере в старом смысле слова, потому что их не интересует сама компания, выпускающая ценные бумаги. И они не торгуют облигациями, потому что их не волнует, ссужают ли они деньги Вашингтону, Лондону или Парижу. Они не торгуют валютами, поскольку те валюты, которые программы покупают и продают, это просто деньги, которые должны быть запущены в оборот, чтобы обеспечить определенный уровень дохода. И они не торгуют фьючерсными продуктами. Рынки фьючерсов — это лишь удобные места, где можно делать покупки. Компьютеры — это просто ... торговля математически точными описаниями финансовых продуктов (акций, валют, облигаций, опционов, фьючерсов). Какой именно продукт соответствует описаниям, это едва ли имеет значение, если только параметры строго соответствуют описанию, содержащемуся в компьютерной программе. Для акций сгодится любое, если ее изменчивость, цена, правила обмена, доход и бета (коэффициент риска) соответствуют описанию компьютера. Компьютер вряд ли заинтересуется, чьи это акции — компании «Ай-би-эм», «Дисней» или «Эм-си-ай». Компьютер не интересуется тем, выпускает ли компания ядерные бомбы, реакторы или лекарства. Его не интересует, имеет ли она заводы в Северной Каролине или Южной Африке .

Решения в финансовой системе все чаще принимаются компьютерами на основе эзотерических математических формул с единственной целью воспроизвести деньги как чистую абстракцию. Это уже совсем не та невидимая рука рынка , которую имел в виду Адам Смит, когда в 1776 году вышла в свет книга «Богатство народов». Это реалия мира, управляем о госилами «свободного рынка» 1990-х годов. Глобальная финансовая система превратилась в паразитирующего хищника, питающегося плотью своего хозяина — производительной экономики .

15. Финансы-хищники

Так деньги не сделаешь. Доллар движется в сторону
движение имеет слишком узкий захват... Человек, спекулирующий
или торгующий в долларах или какой-нибудь
другой валюте, не может делать деньги и не может их
потерять. Ты ничего не можешь сделать. Это ужасно.

Кармине Ротондо,
оператор по обмену иностранной валюты
в «Секьюрити пасифик банк»

Одна из идеологических предпосылок корпоративного «свободомыслия» состоит в том, что инвестирование само по себе имеет производительную природу, а именно что оно увеличивает размер экономического пирога, дает прибавку к общему благосостоянию страны и, следовательно, в потенциале приносит пользу каждому. В здоровой экономике большая часть инвестиций имеет производительный характер. Однако глобальная экономика нездорова. Она слишком часто вознаграждает инвесторов, извлекающих прибыль, которые не создают богатство, а только извлекают и концентрируют существующее богатство. Прибыль такого инвестора получена за счет других лиц или общества в целом.

В худшем случае «извлекающие» инвестиции фактически уменьшают совокупное богатство общества, хотя они могут приносить неплохой доход конкретному лицу. Это случается тогда, когда инвестор приобретает контроль над производительным активом или ресурсом, таким, например, как земля, лес или даже корпорация, у группы, поддерживающей производительный потенциал актива, и ликвидирует его ради немедленной выгоды. Этот инвестор извлекает ценность, а не создает ее. В некоторых случаях, например, в случае реликтового леса, имущество может быть невосполнимым. Когда инвестор создает деньги или покупательную

способность, просто, например, вздувая цены на землю или акции, не создавая при этом соответствующих ценностей, то это тоже одна из форм «извлекательного» капиталовложения. Инвестор не создает ничего, однако его доля в покупательной способности общества возрастает.

Еще одна форма «извлекающего» капиталовложения — это спекуляция. Финансовый спекулянт, по сути дела, занимается сложной формой азартной игры — делает ставки на повышение или понижение избранных цен. Когда спекулянт выигрывает, он просто захватывает богатство. Когда спекулянт проигрывает, под угрозой гибели могут оказываться крупные финансовые институты, и тогда на выручку зовут общество, требуя, чтобы оно защитило целостность финансовой системы. В любом случае проигрывает общество, и лишь очень редко деятельность спекулянта приводит в конечном счете к созданию нового богатства.

Хотя в некоторых случаях спекулянты имеют основания утверждать, что их деятельность повышает ликвидность и устойчивость рынка, их голоса звучат фальшиво на все более неустойчивых глобализованных финансовых рынках, где спекулятивные финансовые действия представляют один из главных источников финансовой нестабильности и экономического краха. Кроме того, каков бы ни был вклад спекулянтов в повышение эффективности финансовых рынков, он обходится весьма дорого, если учесть размеры их доходов и гонораров. Дополнительные риски и экономические искривления, создаваемые изощренным классом финансовых инструментов под названием деривативы, вызывают особую озабоченность.

Контракты по деривативам — тема, горячо обсуждающаяся сейчас в финансовой прессе, — по своей сути являются заключением пари на изменения курсов акций, валютных курсов, процентных ставок и даже индексов всего фондового рынка. Фьючерсные контракты по процентным ставкам появились лишь в конце 1970-х годов. В настоящее же время нереализованные контракты на процентные ставки составляют более половины валового национального продукта США . Общая стоимость нереализованных контрактов по деривативам в середине 1994 года оценивалась примерно в 12 трлн. долл., а предполагаемый рост к 1999 году составит общую величину в 18 трлн. . В 1993 году, по оценке журнала «Экономист», стоимость всего мирового запаса основных производственных фондов составляла около 20 трлн. долл. .

Деривативы представляют особый риск потому, что их обычно покупают с маржей, то есть покупатель первоначально вносит лишь небольшой задаток, покрывающий потенциальные финансовые убытки. От

самых крупных игроков вообще могут не требовать внесения каких-либо денег — даже несмотря на то, что риск потенциальных финансовых убытков может составлять сотни миллионов долларов .

Более изощренные деривативы очень сложны, и часто их не очень хорошо понимают даже те, кто ими торгует. Как пишет журнал «Форчун»:

Когда они используются с умом, они упрощают мир, потому что дают своим покупателям возможность управлять риском и перемещать его. В руках же спекулянтов, путаников и беззастенчивых торгашей они становятся мощным рычажным механизмом создания риска .

СОЗДАНИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОГО РИСКА

Корпорации, занятые производством реальных товаров и услуг, предпочитают иметь стабильную и предсказуемую финансовую систему, которая обеспечивает надежные источники инвестиционных фондов при стабильных валютных курсах и процентных ставках. Для них колебания на финансовых рынках — это источники риска, который может почти без предупреждения нарушить их операции и балансы. Для глобальных фирм довольно значительные иногда колебания обменных курсов различных валют могут быть серьезной проблемой, определяющей доходы и убытки, возможно, в большей степени чем эффективность производства или доля рынка. Те, кто управляет производственными инвестициями, рассматривают эту неустойчивость как главную проблему, как источник нежелательного риска. Эта же ситуация носит совершенно противоположный характер для спекулянтов, стремящихся быстро извлечь доходы.

Хотя специфика их стратегий может быть очень сложна, те, кто специализируется на извлечении финансовой прибыли, выигрывают от неустойчивости с помощью трех видов деятельности:

1. Арбитраж временных ценовых различий для одних и тех же или сходных товаров или финансовых инструментов на двух рынках. Занимающийся этой деятельностью совершает одновременно покупку на рынке, где цена ниже, и соответственную продажу на рынке, где цена выше. Эта разница невелика, но само действие, по сути, не содержит риска, а когда в операцию вовлекаются большие суммы денег, такая стратегия бывает вполне прибыльной. Самое главное здесь — действовать прежде, чем кто-то другой заметит ту же самую возможность. Скорость настолько

важна, что одна фирма недавно приобрела за 35 млн. долл. суперкомпьютер только для того, чтобы иметь преимущество в две секунды для арбитража по фондовым фьючерсам в Токио .

2. Спекуляция на изменениях цен товаров, обменных курсов валют, процентных ставок и финансовых инструментов, например, акций, облигаций и различных производных продуктов. Спекулянты делают ставку на кратковременные ценовые колебания. Подобные сделки могут таить значительные риски, особенно если они осуществляются на заемные средства или под залог.

3. Страхование других участников рынка от рисков будущих ценовых изменений. Те, кто продает контракты по деривативам, продвигают их как форму страхования от риска. Наиболее изощренные пакеты деривативов, ставшие популярными, могут вовлекать сложные сочетания спекуляции, страхования и арбитража.

Ни один из этих источников прибыли не мог бы существовать на абсолютно устойчивом финансовом рынке. В каждом случае инвестор-«извлекатель» пользуется колебаниями цен, чтобы претендовать на долю ценностей, создаваемых инвесторами-производителями и людьми, выполняющими реальную работу. Барыши спекулянта представляют собой своего рода налог на финансовую систему, не имеющий полезной цели. Например, трудно видеть, каким образом арбитраж связанных электроникой рынков для сокращения двухсекундных разрывов в выравнивании цен может служить на пользу общества. Чем выше неустойчивость финансовых рынков, тем больше возможностей для этих форм извлечения прибыли.

Более рискованные и дестабилизирующие формы «извлекательного» инвестирования получили мощную поддержку в результате создания новой категории взаимных фондов — называемых хеджевыми фондами — которые специализируются на краткосрочной спекуляции с высоким риском и требуют минимальных начальных инвестиций в 1 млн. долл. Самый крупный из них «Квантум фонд», возглавляемый Джорджем Соросом, контролирует более 11 млрд. инвесторских денег. Поскольку агрессивные хеджевые фонды могут использовать деньги вкладчиков как «рычаг» для привлечения до 10 долл. заемных средств на каждый доллар вкладчика, то это дает «Квантум фонду» потенциальный контроль над суммой до 110 млрд. В 1993 году многие из самых больших хеджевых фондов обеспечили своим акционерам прибыль свыше 50%. Однако и риски потерь также значительны. Один небольшой хеджевый фонд за два месяца потерял на рынках недвижимости 600 млн. долл. и прекратил с вою

деятельность .

Тот факт, что в хеджевых фондах в целом высока доля заемных средств, увеличивает и потенциальные прибыли, и риски. Это также привязывает ресурсы банковской системы к деятельности, имеющей сомнительную пользу для общества, тогда как потребности в кредитах покупателей домов, фермеров, реального сектора экономики не удовлетворяются. Утверждение, что спекулянты повышают стабильность цен, быстрее приводя рынки в состояние равновесия, было недавно развенчано самим Джорджем Соросом в показаниях Банковскому комитету Палаты представителей США. По словам Сороса, когда спекулянт делает ставку на повышение цены, а она вместо этого падает, он вынужден защищать себя путем продажи, что ускоряет падение цены и повышает неустойчивость рынка. Однако Сорос заявил комитету, что ценовая неустойчивость не является проблемой, если только все не бросаются одновременно продавать, и тогда происходит нарушение «непрерывности», то есть, покупателей нет. В таком случае те, кто имеет позиции на рынке, не в состоянии принять меры к спасению и могут понести «катастрофические убытки» . Его свидетельство ясно показывает виды на будущее профессионального спекулянта, для которого неустойчивость служит источником прибыли. Если бы он участвовал в производительных формах инвестирования, он бы, несомненно, придерживался иной точки зрения.

Сорос опирается на личный опыт, когда утверждает, что спекулянты могут диктовать направление рыночных цен и создавать нестабильность. Он приобрел такую громкую репутацию своей ролью в формировании финансовых рынков, что статья в «Нью-Йорк тайме» под заголовком «Когда Сорос говорит, мировые рынки слушают» приписала ему способность повысить цену своих инвестиций простым заявлением, что он осуществил такие инвестиции. Сделав ставку против немецкой марки, он опубликовал в лондонской «Тайме» письмо, в котором заявил: «Я предполагаю, что курс марки понизится относительно других главных валют». Согласно «Нью Йорк тайме», курс марки действительно сразу упал, «так как биржевые маклеры в США и Европе единодушны в том, что это — рынок Сороса» . В номере от 5 ноября 1993 года «Нью-Йорк тайме» опубликовала на страницах, посвященных бизнесу, историю под заголовком «Слухи о покупке Соросом вызвали взлет цены на золото».

В сентябре 1992 года Сорос продал британские фунты на сумму в 10 млрд. долл., сделав ставку против усилий британского премьер-министра Джона Мейджора удержать стоимость фунта . После этой сделки Соросу приписали главную роль в принудительной девальвации фунта, что

способствовало разрушению системы фиксированных курсов, которую правительства пытались установить в Европейском союзе. Для спекулянтов фиксированные валютные курсы — это проклятие, потому что они устраняют неустойчивость счет которой спекулянты живут. За свою роль в деле защиты возможности получать спекулятивные доходы Сорос извлек из финансовой системы пример, но 1 млрд. долл. для своих инвестиционных фондов . Последовавшая за этим циркуляция денег на денежных рынках привела к понижению курса английского фунта по отношению к японской иене на 41% за одиннадцать месяцев. Это именно те виды неустойчивости, которые спекулянты и рассматривали как источник возможностей .

Есть серьезные и все более веские основания для следующего вывода, который сделал Феликс Рохатын, старший партнер фирмы «Братья Лазар и Ко»:

Во многих случаях хеджевые фонды, и спекулятивная деятельность вообще, теперь, возможно, в большей степени влияют на движение процентных ставок и валютных курсов, чем интервенция центральных банков.

...Деривативы создают цепочку рисков, связывающую финансовые институты и корпорации всего мира; любое ослабление или разрыв этой цепи (например, несостоятельность большого института, обремененного инвестициями в деривативы) могли бы создать серьезную проблему для всей международной финансовой системы .

Тот факт, что многие крупные корпорации, банки, даже местные правительства стали активными игроками на рынке деривативов, с тем чтобы повысить свои прибыли, начал привлекать внимание деловой печати в 1994 году. Риски бывают значительными, однако институты, являющиеся главными игроками, обычно не раскрывают риск потенциальных убытков от деривативов в своих публичных финансовых отчетах, предпочитая рассматривать их как забалансовые сделки. Это не позволяет инвесторам и общественности по-настоящему оценить действительные риски.

Истина становится известной только тогда, когда сообщается о крупных убытках, например, когда компания «Проктер энд Гэмбл» объявила об убытках в размере 102 млн. долл. деривативами из-за более резкого, чем предполагалось , роста процентных ставок, или когда из-за плохих ссуд под недвижимость потребовалась федеральная поддержка «Бэнкоф Нью Ингланд». Балансовый отчет банка показал активы общей стоимостью около 33 млрд. долл. Однако контролеры обнаружили, что вне балансового отчета банк имел обязательства в форме различных производных инструментов на сумму 36 млрд. . Компания «Пейн Уэббер

груп» объявила в июле 1994 года, что она потратит 268 млрд. долл. для спасения одного из своих фондов денежного рынка, который рекламировался как абсолютно надежный, когда он понес убытки в результате спекуляций с деривативами. В 1994 году «БэнкАмерика» и «Пайпер Джеффри компаниз» предприняли сходные действия .

Наиболее широкую огласку получил скандал с деривативами, произошедший в декабре 1994 года, когда округ Оранж в Калифорнии объявил, что его инвестиционный фонд в размере 7,4 млрд. долл. общественных денег, принадлежащих 187 школьным административным районам, транспортным управлениям и городам, понес убытки в 1,5 млрд. Фонд занял 14 млрд. долл. для инвестирования в чувствительные к процентным ставкам деривативы и проиграл, когда процентные станки изменились на сторону повышения. После этого стали распространяться известия о том, каковы масштабы вложений в производные инструменты и убытков у других местных правительств. Округ Оранж оказался перед угрозой резкого сокращения средств на общественные услуги, включая все школы, и возможности резкого повышения налогов .

Последовали другие потрясения, включая сообщение от 25 февраля 1995 года о том, что 28-летний менеджер, сидя в сингапурском офисе банка «Бэрингс», в течение четырех недель вложил 29 млрд. долл. из денег, принадлежащих банку, в деривативы, привязанные к фьючерсам биржевого индекса японской компании «Никкей» и японским процентным ставкам и понес убытки в размере 1,3 млрд. долл. Этот проигрыш лишил почтенный банк, история которого насчитывает 233 года, 900 млн. долл. капитала и привел к банкротству . В первые 4 часа торгов после этого объявления индекс компании «Никкей» на токийской бирже упал на 4,6% . Сам факт, что действия одного торговца, не обладающего ни большим состоянием, ни репутацией, могли привести к таким последствиям, это лишь один из растущего числа показателей нестабильности глобализованной финансовой системы, в которой сотни миллиардов долларов могут мгновенно перемещаться, реагируя на последнюю сводку новостей.

ПРИБЫЛЬ НА НЕУСТОЙЧИВОСТИ

Финансовые ресурсы, которые частные финансовые институты могут вовлекать в игру на мировых денежных рынках, теперь затмевают даже ресурсы самых могущественных правительств. Эта власть смеется над

усилиями правительств управлять процентными ставками и обменными курсами для поддержания экономической стабильности и развития. Аллен Метцлер, один из ведущих мировых авторитетов по центральным банкам и монетарной политике, подсчитал, что, если бы центральные банки мира договорились между собой о координации усилий по защите той или иной валюты от спекулятивной атаки, они в лучшем случае могли бы собирать 14 млрд. долл. в день — капля в море по сравнению с более чем 800 млрд, которые валютные спекулянты оборачивают ежедневно .

В первой половине 1994 года доллар упал на 10% по сравнению и с японской иеной, и с немецкой маркой. 24 июня 1994 года Федеральная резервная система США и шестнадцать других центральных банков предприняли скоординированную интервенцию и купили приблизительно 3—5 млрд. долл. США, чтобы замедлить его падение. Рынок даже не заметил этого.

Мы достигли черты, за которой подобные интервенции почти не уменьшают неустойчивость. Они просто перемещают доллары налогоплательщика в руки спекулянтов.

Наступление кризиса мексиканского песо в 1994 году помогло по-новому взглянуть на то, как дорого теперь обходится плохое функционирование финансовой системы. Хотя этот вопрос почти не обсуждался в финансовой прессе, финансовый кризис в Мексике происходил на совершенно ином фоне, чем та картина экономического чуда, которую представили общественности больтой бизнес и администрация Клинтона в период кампании по заключению Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА).

На протяжении многих лет Мексика увеличивала свои иностранные займы, — а тем самым свои внешние долги — для оплаты импорта, бегства капитала и платежей по обслуживанию долга. Эти займы принимали разнообразные формы, включая продажу иностранцам высокорисковых, высокопроцентных облигаций; продажу государственных компаний частным деловым кругам за границей; привлечение спекулятивных иностранных денег, в результате чего цены на фондовом рынке Мексики стремительно взлетели. Лишь 10% от примерно 70 млрд. долл. иностранных «инвестиционных» фондов, которые вливались в Мексику на протяжении предыдущих пяти лет, были фактически израсходованы на создание средств производства с целью увеличить производственные мощности и тем самым создать возможность погашения долгов. Цены многих из активов, переданных в иностранную собственность, основывались на фиктивно раздутых балансовых отчетах. Планируемые

платежи по обслуживанию долга сами по себе превысили планируемый доход страны от экспорта. «Экономическое чудо» Мексики оказалось ничем иным, как гигантской схемой Понци .

Кто выиграл от этих вливаний? Кучка мексиканцев построила себе за это время огромные состояния. Журнал «Форбс» привел имена 14 мексиканских миллиардеров в своем обзоре мировых миллиардеров за 1993 год. В обзоре за 1994 год названо 24 миллиардера-мексиканца .

Пузырь лопнул в декабре 1994 года. Мексиканский фондовый рынок потерял свыше 30% своей денежной стоимости в песо, когда спекулянты бросились забирать свои деньги. В результате давления на переоцененное песо в сторону понижения, вызванного утечкой денег из Мексики, правительство страны оказалось в глубоком кризисе и было вынуждено девальвировать завышенное в цене песо. Это привело к резкому изменению условий торговли между США и Мексикой, и цены на американский импорт на мексиканском рынке стали недоступны покупателям. Когда возникло опасение, что мексиканское правительство объявит дефолт по внешним обязательствам, инвесторы с Уолл-стрит, имевшие мексиканские облигации, в панике обратились к правительству США, заявляя, что небо рухнет, если американские налогоплательщики не окажут финансовую помощь.

Президент Клинтон откликнулся, уговорив с помощью всевозможных уловок сопротивляющийся Конгресс США выработать план помощи на сумму свыше 50 млрд. долл. из карманов налогоплательщиков, чтобы гарантировать банкам и инвестиционным домам Уолл-стрита возврат их денег. Критики этого плана подчеркивали, что из этих денег ни гроша не достанется миллионам мексиканцев из бедных и средних слоев — тем, кто несет основное бремя кризиса .

Ни эта помощь, ни повышение процентной ставки на ценные бумаги мексиканского правительства до 92% не остановили продолжающегося падения песо вплоть до середины марта 1995 года . Ожидалось, что жесткие меры экономии, принятые мексиканским правительством, лишат работы 750 000 мексиканцев в первые четыре месяца 1995 года, а процентная ставка 90% и меньше по закладным, кредитным карточкам, ссудам на покупку автомашины, сделает неплатежеспособными множество семей . Потерн рабочих мест в США, связанная с падением экспорта в Мексику, по предварительным оценкам, должна была составить цифру 500 0000 .

Ударная волна мексиканского кризиса прокатилась по всем взаимосвязанным финансовым рынкам мира, когда спекулянты поспешили

переместить свои деньги в более безопасные гавани. Когда лопнул мыльный пузырь мексиканского фондового рынка, спекулянты, имеющие вложения в других латиноамериканских странах, занервничали и быстро изъяли свои деньги, за один месяц вызвав падение на 30% стоимости акций ведущих латиноамериканских фондов . Когда помощь США связала доллар с падающим песо, осторожные валютные спекулянты стали продавать доллары и приобретать немецкие марки и японские иены, еще больше ослабив доллар на международных валютных рынках .

Интересно, как все это выглядело в глазах обитателей Стратоса там, за облаками? Мне случилось лететь из Нью-Йорка в Сан-Франциско в разгар катастрофы с мексиканским песо. Мартовский выпуск 1995 года журнала «Полушария» авиакомпании «Юнайтед эрлайнз», положенного в карман каждого сиденья, содержал статью, восхваляющую успехи НАФТА и призывающую распространить ее на остальную часть Западного полушария .

Мексиканский кризис не был вызван глобальной системой спекулятивной утечки денег, однако эта система все же способствовала его возникновению и, когда пузырь лопнул, углублению и распространению его последствий.

Способность мгновенно перемещать между рынками большие массы денег дала спекулянтам орудие, помогающее им превращать государственную политику в заложницу их интересов, и они все более открыто об этом говорят. Экономист Пол Крейг Роберте из Института Като, находящегося в Вашингтоне — мозгового центра, распространяющего идеи корпоративного либертарианства — поучал президента Клинтона в статье, опубликованной на странице политических комментариев «Бизнес уик»:

Доллар также испытывает давление, поскольку, как инвесторы уже поняли, Клинтон предпочитает «решения» большого правительства, тогда как в других частях света, особенно в Азии и Латинской Америке, свободу действий правительства ограничивают и в результате эти регионы быстрее развиваются. Портфельные вкладчики выработали глобальную стратегию и предпочитают рынки, где роль правительства снижается и перспективы экономического роста обнадеживают... Было бы полезно, если бы Конгресс США отменил сотни плохо продуманных законодательных актов, благоприятствующих определенным заинтересованным группам и организациям в ущерб общим экономическим показателям, и если бы были сняты тысячи контрпродуктивных положений Кодекса федеральных постановлений .

Процесс очень прост. Если спекулянты, тасующие и перемешивающие

сотни миллиардов долларов по всему миру, решают, что политика какого-либо правительства отдает предпочтение «определенным заинтересованным группам», как-то: друзья природы, рабочие или бедняки. — а не финансовым спекулянтам, то они переводят свои деньги в другое место, создавая при этом экономическую разруху. По их мнению, возникающий в результате эконо-мический хаос служит только подтверждением их тезиса, что политика повинного в нем правительства была неразумной. Характерна в этом отношении точка зрения, выраженная одним нью-йоркским аналитиком по вопросам валютных курсов в газете «Вашингтон пост»: «Очень многие центральные банки любят возлагать вину на спекулянтов. По-моему, это скорее вопрос их полной некомпетентности в проведении монетарной политики, а не спекулятивной атаки» .

То, что большинство подобных финансовых действий происходит в глобализованном киберпространстве, крайне затрудняет надзор или контроль со стороны какого-либо отдельного правительства, и те, кто получает крупные барыши от возникшей бесконтрольности, тут же начинают заверять законодателей, что система работает в интересах общества. Они утверждают, что единственная угроза общественному благу исходит от самого регулирования. Характерна точка зрения, высказанная Томасом А. Руссо, директором-распорядителем и главным юридическим советником компании «Леман бразерс, инк.» крупного инвестиционного дома, на странице политических комментариев газеты «Нью-Йорк тайме»:

Деривативы играют ключевую роль в создании капитала и управлении риском, помогая правительствам, производителям, больницам, коммунальным службам и сети быстрого питания доставлять лучшие товары и услуги по самой низкой цене... Эволюция финансовых продуктов не сопровождалась эволюцией в системе регулирования, и отсутствие согласованности создало проблемы... Искусственные разграничения системы создают юридическую неопределенность, затрудняют и искажают разработку новых продуктов и поощряют небескорыстную возню с дефинициями. В быстро развивающейся области деривативов эти слабости наносят большой ущерб, в частности, вытесняя американский бизнес с деривативами в оффшорную зону.

Добавление новых правил в системе, которая никогда не предназначалась для деривативов, может только усугубить эти проблемы. С другой стороны, полная переделка системы политически нереальна. Остается одно средство: дельцы, занимающиеся деривативами, и те, кто занимается контролем, должны сообща

сформулировать принципы хорошей практики деловых отношений для этого рода деятельности.

...Новые деривативы должны быть оценены с точки зрения риска не только людьми занимающимися их разработкой и торговлей, но также и независимой группой внутри компании. Еще одним принципом могла бы служить рекомендация, чтобы торговцев эту первую линию обороны в управлении риском — побуждали быстро признавать ошибки и увольняли за сокрытие ошибок .

Замечания Руссо, что финансовая система приобрела такую политическую власть, которая фактически исключает возможность ее реформирования, несомненно, очень точное. Регулирование еще больше затруднено тем, что, по словам Джеймса Гранта, редактора «Гранте интерест рейтобсервер» (Обзор процентных ставок Гранта): «Рынки имеют глобальный характер, никогда не спят и всегда перетекают в район наименьшего регулирования» .

Что касается аргумента, приводимого Руссо, что деривативы и другие спекулятивные финансовые инструменты укрепляют производительную экономику и что эта система способна к саморегуляции, то самым вежливым здесь будет заметить, что он показывает, до какой степени обитатели Стратоса оторваны от реальности.

По случайному совпадению почти одновременно с публикацией Руссо, восхваляющей достаточность саморегуляции, «Киддер, Пибоди и компания», инвестиционный дом, который гордится своими честными правилами и жестким контролем, объявил, что один из их старших биржевых маклеров на протяжении более двух лет в одиночку зарегистрировал сделки на общую сумму 1,76 трлн. долл. — это почти 10% всего мирового объема производства — и сделал отчеты о доходах от этих торгов в сумме 349,7 млн. долл. И, однако, никто в фирме не заметил, что на самом деле сделки были совершены только на 79 млрд. и что эти сделки принесли фирме 85,4 млн. долл. убытков. Принимая отчеты трейдера, администрация выплатила ему 11 млн. долл. в виде премий, наградила продвижением по службе и специальной премией председателя правления и отчиталась в этих фальшивых прибылях как реальных доходах перед своей компанией-учредителем, «Дженерал электрик». Больше двух лет понадобилось его руководителям или системам бухгалтерского учета и внутреннего аудита фирмы, чтобы обнаружить эти расхождения.

Эдвард А. Серулло, глава того подразделения фирмы, где имело место мошенничество, имеющий годовой оклад 20 млн. долл., так объясняет, почему он не выявил эту проблему раньше: «Выделить одного

руководителя как единолично ответственного за отдел, в котором 700—800 сотрудников, 100 млрд. долл. в активе и 20 млрд. в ежедневных сделках, а также заработной платой в 1 миллиард — это совершенно нереально» .

Если система настолько бесконтрольна, что ее лучшие и надежнейшие учреждения не могут защитить себя от чудовищного обмана и злоупотреблений, совершаемых их собственными сотрудниками, то нужно быть на редкость доверчивым человеком, чтобы считать эти институты способными к саморегулированию в интересах общества .

Попутно стоит заметить, что, пока все это происходило, сотрудники из руководящего звена компании «Киддер, Пибоди» занимались тем, что сталкивали между собой штаты Коннектикут и Нью-Джерси и город Нью-Йорк в торгашеской войне за размещение штаб-квартиры этой компании. По словам Майкла А. Карпентера, председателя «Киддер, Пибоди», предложение Нью-Йорка о субсидировании электроэнергии, отмене налога на продажи оборудования и услуг и снижении налога на имущество на общую сумму 31 млн. долл. «позволит компании «Киддер, Пибоди» продолжать свою деятельность на Манхэттене на конкурентоспособной с точки зрения издержек основе» .

Финансовая пресса продолжает описывать то, что происходит в сфере деятельности глобальных инвесторов и международных потоков капитала так, как будто мы все еще живем в мире, где те, кто имеет сбережения, стремятся вручить их для продуктивного применения на пользу обществу в расчете на долгосрочную прибыль. Когда эта система дает сбой, его объясняют отсутствием Управленческого контроля и неспособностью правительств подчиниться благотворной дисциплине рынка, чтобы поддержать уверенность инвестора.

Реалии же таковы, что обитатели Стратоса не желают признавать очевидный факт: точно так же, как корпорации порвали связи с общечеловеческими интересами, финансовые институты порвали связи и с общечеловеческими интересами, и с интересами корпораций. Финансовые институты, когда-то добросовестно занимавшиеся мобилизацией средств для производственной инвестирования, преобразовались нелепым образом в хищническую, продающую риски, движимую спекулятивными интересами глобальную финансовую систему, занятую непроизводительным извлечением богатства из карманов налогоплательщиков и производящей экономики.

Эта система в принципе нестабильна, и она вырывается из-под контроля сея экономические, социальные и экологические разрушения, ставя под угрозу благосостояние всех людей на планете. Среди особых

прегрешений финансовой системы-оборотня — превращение корпораций, когда-то действовавших как добропорядочные рядовые'граждане, в людоедов, что делает социально ответственное управление практически невозможным и принуждает производящую экономику избавляться от людей как от дорогостоящей помехи экономической эффективности.

16. Корпоративный каннибализм

Слияния, приобретения и насильственный выкуп компаний, состоявшиеся в 1988 году, обошлись в ошеломляющую сумму — 266 млрд. долл... Ни одного доллара отсюда не было истрачено на один-единственный болт новой машины... на унцию нового удобрения или единственное семя новой культуры... Корпорации, которая рассчитывает на доходы в долгосрочном плане, а свою социальную ответственность рассматривает в широком плане, грозит большая опасность оказаться собственностью инвестиционной группы, которая может получать большую финансовую прибыль, приобретая такую корпорацию и используя ее для скорейшего извлечения доходов.

Уильям М. Даггер

Найти способы создать новую стоимость в современной сложнейшей экономике совсем не легко. Найти способы создать новую стоимость, которая принесет доходы в размерах и со скоростью, которые требуются хищной финансовой системе, превосходящей по масштабам производительную экономику во много раз, в сущности, невозможно . Самый быстрый способ получить прибыль, которой требует система, это захватить у более слабого участника рыночной игры и каннибализировать существующие ценности. На свободном рынке «более слабым» игроком часто оказывается компания, которая твердо стоит на позиции инвестирования в будущее, которая предоставляет служащим надежную, хорошо оплачиваемую работу, выплачивает справедливую долю местных налогов, производит выплаты в полностью фондируемый трастовый

пенсионный фонд, ответственно управляет природными ресурсами и в целом управляет в долгосрочных интересах человека. Такие компании представляют собой ценное достояние любой местной общины и в здоровой экономике выплачивают акционерам основательные и надежные, хотя и не самые щедрые дивиденды на протяжении длительного периода. Однако они не дают держателям акций мгновенных прибылей, которых требуют компьютеризированные торговые портфели.

Как указывает Джоэл Курцман, по существующей рыночной логике, такие Фирмы обязаны продать свои активы и выплатить выручку держателям акций:

Компании, сами растаскивающие себя на части, хорошо выглядят на таблицах, которые инвестор видит на своем компьютерном мониторе. Они выплачивают богатое вознаграждение, цены на их акции остаются высокими, и у них нет фактически никакие инвестиций ни в будущее, ни в исследования, ни в развитие. Такая компания была бы сплощной находкой, и компьютеры стали бы биться друг с другом за право ее приобрести .

Когда ответственные менеджеры не проявляют желания растаскивать собственные компании по частям, финансовая система проявляет готовность финансировать тех, кто хочет их выкупить. В результате хищная финансовая система «подыгрывает» хищному рынку, объявляя ответственных менеджеров «неквалифицированными» и выталкивая их из системы. Таким образом, социально ответственная корпорация оказывается под угрозой вымирания.

НАБЕГИ НА «НЕЭФФЕКТИВНУЮ» КОРПОРАЦИЮ

Особая категория инвестора-«извлекателя» — корпоративный налетчик специализируется на «охоте» за признанными компаниями. Механизм до элегантности прост, и сам процесс приносит большие выгоды, хотя детали его сложны, а приемы «охоты» иногда отвратительны. Налетчик выбирает компанию, чьи акции на фондовой бирже имеют ликвидационную стоимость, превышающую текущую рыночную стоимость ее акций. Иногда это неблагополучная компания. Чаще это хорошо управляемые, в финансовом отношении здоровые компании, исполняющие свои обязанности перед государством и рассчитывающие на долгосрочную перспективу. У них могут быть значительные запасы наличных средств для зашиты от экономического спада и природные

ресурсы, которыми они управляют, получая устойчивый доход. Особенно часто налетчик ищет компании, обладающие резервами и долгосрочными активами, которые можно легко распродать, а издержки переложить на общество.

Как только подходящая компания найдена, будущий налетчик может создать новую корпорацию, которая станет «вместилищем» для приобретаемой компании. Нередко принимающая компания финансируется почти полностью в долг и не имеет собственных средств или имеет небольшой собственный капитал. Заемный капитал используется для планомерной скупки акций компании-«жертвы» на фондовых биржах по преобладающей рыночной цене в максимальном количестве, разрешенном по закону. Далее совету директоров компании предлагается приобрести просроченные выпущенные в обращение не проданные акции из фонда компании по цене выше существующей рыночной, однако ниже ее ликвидационной стоимости. Если предложение о приобретении контрольного пакета акций принимается, приобретающая компания поглощает покупаемую компанию и тем самым перекладывает на нее долг, сделанный для того, чтобы приобрести компанию-«жертву». Таким образом, с помощью финансовой уловки приобретенная компания куплена на ее собственные активы, обеспечившие кредиты для ее покупки.

Организаторы сделки обеспечивают себе практически безрисковую прибыль, беря высокую плату за свои «услуги» поосуществлениюсделки. Поскольку эти сделки финансируются преимущественно за счет банков или инвестионных фондов, то риски в основном перекладываются на других, включая общественность, которая обеспечивает банковские депозиты и выплачивает налоговые поступления, субсидируя выплаты процентов по кредитам, а также на мелких вкладчиков и пенсионеров, чьи деньги поставлены на карту.

У «новой» компании теперь появился значительный дополнительный долг, для выплаты этого долга новое руководство компании может уменьшить кассовые резервы и пенсионные отчисления, распродать доходные подразделения для быстрого получения наличности, понизить заработную плату, переместить производственные мощности за границу, хищнически использовать принадлежащие компании природные ресурсы, а также сократить расходы на эксплуатацию и научные исследования для кратковременного повышения прибылей — и все это преимущественно в ущерб долгосрочному развитию компании. Зарегистрировано около 2000 случаев, когда новые владельцы фактически присвоили в общей сложности 21 млрд. долл. — как они часто заявляют, потраченных на

«дополнительное» финансирование с пенсионных счетов компаний для погашения долговых обязательств .

Как только долг выплачен и компания демонстрирует быстрый рост ежегодной прибыли от размещения ее активов и перемещения денежных средств на выплату процентов в фонд прибыли, компанию можно «вернуть» обществу, продавая на бирже новые акции со значительной надбавкой. Налетчик поздравляет себя с «повышением экономической эффективности» и «добавлением стоимости» в экономике, а затем начинает искать новую жертву. Такова суть выкупа акций за счет долгового финансирования, вид корпоративного каннибализма.

Залог успеха этой операции состоит в способности найти источники финансирования. Можно было бы предположить, что ответственные банкиры и брокеры по инвестициям будут избегать совершения сделок, в которые вовлечены громадные, ничем не обеспеченные кредиты, только что созданным фирмам, не имеющим активов. Однако в реальной жизни все происходит наоборот: банки и инвестиционные дома часто даже соревнуются за право участия в таких сделках, поскольку в качестве компенсации за недостаточное обеспечение предлагаются очень высокие проценты. В 80-е годы некоторые крупные банки, наводненные теми же самыми нефтедолларами, которые они щедро тратили на обремененные долгами страны Юга в 70-х годах, сами искали агентов, предлагая финансирование, чуть только появлялся слух о предполагаемом захвате компании. Как правило, окончательное финансирование сочетает в себе банковские кредиты и средства, полученные от продажи высокопроцентных облигаций, обычно называемых «бросовыми» (облигации с высокой степенью риска) из-за того, что их выпускают корпорации, не имеющие активов.

Все это разыгрывается с леденящим душу забвением морали. Вот что рассказал Деннис Левин, спекулянт с Уолл-стрит, осужденный за незаконные сделки с ценными бумагами:

Мы вели на Уолл-стрит грандиозное дело, и было очень легко забыть, что миллиарды долларов, которые мы швырялись, имеют какое-то реальное отношение к рабочим местам и, таким образом, мы влияем на повседневную жизнь миллионов американце. Уолл-стрит очень часто напоминала гигантскую доску для игры в «монополькy», и лекомысленная атмосфера игры проявлялась в нашем языке. Когда мы находили компанию, подходящую как объект приобретения, мы объявляли, что она участвует «в игре, игровые фишки и стратегии мы называли причудливо: «белый конь». «мишень», «репелент от акул», «защита Пак-Мана», «ядовитая

пилюля», «зеленая почта», «золотой парашют». Вести карточку участника игры было легко: победителем считался тот кто совершил наибольшее число сделок и заработал больше всех денег .

Иллюстрацией того, что чаше всего случается после завершения такого «выкупа», служит приобретение корпоративным налетчиком Чарльзом Хервитцем Тихоокеанской деревообрабатывающей компании и ее калифорнийских владений на побережье — древних секвойных лесов. До враждебного захвата Хервитцем это семейное предприятие считалось одним из наиболее экономически эффективных и вместе с тем безопасных для окружающей среды в США. Предприятие находилось в авангарде новейших разработок и использования щадящих технологий заготовки древесины на крупных участках с секвойными деревьями, сотрудникам выплачивалось щедрое вознаграждение, в пенсионный фонд делались значительные отчисления, благодаря которым фонд всегда был в состоянии выполнить свои обязательства. Кроме того, компания не увольняла своих работников даже во время экономического спада в этом секторе рынка . Все эти достижения и сделали компанию отличной мишенью для захвата.

Установив контроль над компанией, Хервитц немедленно в два раза увеличил добычу тысячелетних секвойных деревьев. Вот выдержка из журнала «Тайм»; «В 1990 году в гуще реликтового леса компанией была прорублена широкая просека длиной около 1,5 миль, цинично названная «тропой для изучения живой природы ».

При посещении одного из своих предприятий Хервитц заявил работникам, что в своей деятельности он придерживается «золотого правила»: «Тот, кто владеет золотом, правит». Сделав это заявление, Хервитц изъял 55 млн. долл. из 93-миллионного пенсионного фонда компании . Оставшиеся 38 млн. были вложены в аннуитеты страховой компании «Экзекьютивлайф иншуранс компани», финансировавшую в свое время покупку «бросовых облигаций» для совершения сделки. Эта компания впоследствии обанкротилась .

Лицемерие некоторых корпоративных налетчиков заходит еще дальше. Для того чтобы оправдать свою роль в массовых увольнениях и снижении заработной платы, последовавших за присоединением сети супермаркетов «Сейфвэй инвестор Джордж Роберте заявил газете «Уолл стрит джорнал», что сотрудников этой сети супермаркетов «сейчас считают ответственными». Они обязаны работать в соответствии с планом, если хотят быть конкурентоспособными. Пришло время этим заняться» .

Роберте и его основной компаньон (каждый из них имеет состояние более 450 млн. долл. вместе с еще тремя партнерами завладели компанией

«Сейфвэй». Чтобы заключить эту сделку, все они вместе вложили приблизительно 2 млн. долл. своих личных денег. В заголовках журнала «Форбс» эта сделка провозглашалась «выкупом, спасшим компанию «Сейфвэй». По мнению журнала компания получила избавление от не способных к конкуренции магазинов и сговорчивых профсоюзов . Зарплату работникам компании в Денвере снизили на 15%, а от водителей грузовиков поступали жалобы на увеличение рабочей смены до 16 часов. Примерно 500 млн. долл. было истрачено вместо налогов на выплаты процентов по кредитам, а сотни миллионов долларов налогов, которые могли бы заплатить десятки тысяч бывших сотрудников «сэйфвэй» просто «испарились». За свой вклад в дело укрепления конкурентоспособности Соединенных Штатов путем подавления эгоистических порывов служащих компании «Сэйфвэй», пятеро компаньонов получили прибыль в сумме более 200 млн долл. .

Такая практика становится возможной благодаря тому, что выплаты процентов по кредитам не облагаются налогами. Из-за того что операционная прибыль, с которой должны быть заплачены налоги, переводится в выплаты процентов, налогами не облагаемые, общество оплачивает «каннибализацию» национальных производственных корпоративных активов. Ситуацию с выплатой налогов американскими налогоплательщиками нельзя назвать тривиальной. В 50-е годы американские корпорации платили 4 долл. налогов на каждый доллар выплаченных процентов. В 80-е годы рост финансирования за счет займов привел к изменению этого соотношения: корпорации стали выплачивать 1 долл. налогов на 3 долл. выплачиваемых процентов. По некоторым оценкам, вместо налоговых выплат на обслуживание кредитов ежегодно переводилось 92 млрд. долл. Если в 50-е годы корпорациями выплачивалось 39% всех собираемых в США налогов, то в 80-е годы эта цифра составляла всего 17%. При этом доля, выплачиваемая физическими лицами, возросла с 61 % до 83%. Многие корпорации даже получали возвраты по налогам за годы, предшествующие выкупу .

Приходится констатировать тот факт, что «захват» и другие формы хищнического и паразитического инвестирования стали источником значительной прибыли для лиц, имеющих склонность к бизнесу такого рода. Для того чтобы войти в список 400 самых богатых американцев, публикуемый журналом «Форбс», в 1982 году требовалось обладать состоянием в 100 млн. долл. Всего 19 человек из этого списка составили свое состояние в финансовой сфере. Всего пятью годами позже, в 1987 году, для того чтобы войти в тот же список, требовалось обладать

состоянием уже в 225 млн долларов. При этом уже 69 человек, входящих в список, пришли из финансовой сферы, и большинство из них сделали себе состояние на волне корпоративных «захватов» .

Корпоративные налетчики самоуверенно заявляют, что они играют важную роль в деле искоренения неэффективности в экономике и восстановления конкурентоспособности Соединенных Штатов в мировом масштабе. Подушная пресса услужливо тиражирует эти заявления, почти не ставя их под сомнение. «Если следовать логике воротил рейгановской эпохи, — пишет финансовый обозреватель Джонатан Гринберг, — то получается, что американскую экономику подрывает не что иное, как уровень жизни среднего класса».

Далее Гринберг продолжает: «Подлинной целью слияния компаний является совсем не повышение экономической конкурентоспособности страны. На самом деле нас просто грабят».

ИСКОРЕНЕНИЕ ЧУВСТВ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Сторонники доктрины корпоративного либертарианства постоянно говорят, что стоящие перед мировым сообществом глобальные проблемы можно решить только при условии применения в управлении методов разумного использования ресурсов окружающей среды. Однако в ситуации, когда финансовые рынки требуют максимальной сиюминутной отдачи, а корпоративные налетчики подвергают критике любую компанию, не перекладывающую на плечи других свои затраты, решать проблему, призывая менеджеров к чувству социальной сознательности, не представляется возможным. Надо отметить, что существует громадное число менеджеров с развитым чувством социальной ответственности. Корень зла заключается в грабительской системе, метающей им выжить. Все это ставит перед трудной дилеммой менеджеров, прекрасно осознающих роль корпораций в обществе. Они должны или смириться с системой, или они рискуют быть ею отторгнуты.

В качестве примера можно привести компанию «Страйд райт», занимающуюся производством обуви . Помимо щедрых взносов на благотворительные цели, эта компания стала известной благодаря своей политике размещения производств в районах с большим уровнем безработицы — в городских гетто и поселках. Компания ставила перед собой цель вернуть их к жизни, а также обеспечить этнические

меньшинства гарантированной, хорошо оплачиваемой работой. Такой политики придерживался Арнольд Хайатт, главный исполнительный директор компании, считавший, что может и должен дать обществу нечто большее, чем просто прибыль держателям акций. Находясь на своем высоком посту, Хайатт смог направлять совет директоров именно по такому пути вплоть до 1984 года.

А в 1984 году снижение доходов на 68%, первое за 13 лет, убедило директоров, что спасти фирму может лишь перевод производства за границу. Помимо всего, они опасались, что, если эти меры не будут приняты, компания станет мишенью для налетчиков. Хайатт, как мог, боролся с принятием этого решения, но в конце концов был вынужден уйти в отставку. По словам Майлса Слосберга, директора и бывшего вице-президента компании «Страйд райт», поиски дешевой рабочей силы стали с этого времени для компании чем-то вроде поисков чаши Грааля.

Опыт компании «Страйд райт» иллюстрирует собой грабительский характер всей глобальной экономической системы. Путем уменьшения своего налогового бремени и передачи рабочих мест хорошо оплачиваемых работников низкооплачиваемым руководство фирмы участвует в широкомасштабной кампании по перераспределению богатства в ущерб людям со скромными доходами и в пользу держателей акций, перемещению средств от тех, кто производит блага своим трудом, к тем, кто лишь участвует в перераспределении сверхдоходов. Тем не менее за подобные действия руководство «Страйд райт» винить нельзя.

Если бы Хайатт, оставаясь генеральным директором компании, настоял на своем, убедил руководство в необходимости продолжать прежнюю политику и отказаться от идеи перевода производства за границу, го какая -нибудь группа заинтересованных инвестиционных банкиров почти наверняка заметила бы это «нарушение доверенной ответственности» по отношению к держателям акций фирмы. Они бы осуществили насильственное слияние компании, избавились от социально ответственного руководства «Страйд райт», перевели производство за границу еше более жесткими методами, с тяжелыми последствиями для работников компании и для общества.

Некоторые инвестиционные фонды специализируются на приобретении и продаже компаний в отраслях, требующих значительных трудовых ресурсов, которые до сих пор сопротивлялись переводу в бедные страны. Так, фонд «АмериМекс Макиладора», группа инвесторов из США и Мексики, первоначально поддерживаемых крупнейшим в Мексике национальным банком развития «Нафинса», был создан специально для

«охоты» за американскими компаниями, не желающими переводить производство за границу. Вот выдержки из рекламного проспекта фонда:

Фонд приобретет известные американские компании с тем, чтобы воспользоваться преимуществом дешевой рабочей силы Мексики и полностью или частично перевести туда производства этих компаний. Фонд предполагает, что в течение 6-18 месяцев со дня приобретения компании обозначенная часть мощностей компании будет переведена в Мексику для уменьшения затрат на оплату труда.

По нашим расчетам, компании, чьи затраты на оплату труда в Соединенных Штатах составляют —10 долл. в час при полной загрузке, могут снизить эти затраты на мексиканском предприятии до 1,15-1,50 долл. в час. Хотя ситуация может меняты по нашим оценкам, эта экономия может составить в год до 10 000-17 000 долл. на каждого работника. Ожидается, что большая часть затрат окупится в течение 3 —8 лет .

Возможная прибыль от перепродажи таких компаний весьма значительна. Экономия в 17 000 долл. на каждом сотруднике, умноженная на 1000 перемещенных в Мексику рабочих мест, составляет повышение ежегодных доходов на 17 млн. долл. Учитывая тот факт, что имущество компании обычно продается по цене десятикратной годовой прибыли, это увеличивает рыночную стоимость имущества компании на сумму в 170 млн. дол. . Понятно, что лица, участвующие в подобного рода сделках, осуществляют их не ради предоставления стабильной, хорошо оплачиваемой работы нуждающимся мексиканским рабочим.

Таким образом, жульническая финансовая система энергично уничтожает производительный корпоративный сектор. Во имя экономической эффективности она еще больше осложняет ответственное управление. Те, кто призывают корпоративных менеджеров к большей социальной ответственности, упускают этот крайне важный момент. Корпоративные менеджеры живут и работают в системе, которая буквально паразитирует на чувствах тех, кто сохраняет социальную ответственность. Эта система преобразуется в некую двууровневую структуру, создающую все более поляризованный мир. На одном полюсе находятся привилегированные слои, поставившие себя над рыночными силами, на другом — те, кто принесен в жертву на алтарь глобальной конкуренции.

17. Управляемая конкуренция

Бизнес все больше принимает вид системы,
в которой «тощая и скупая» ведущая фирма связана...
с целой сетью других, больших и малых, организаций,
включая фирмы, правительства и гражданские общественные
организации ... [Эти] сетевые формы организации
промышленности... проявляют тенденцию к укреплению
и, возможно, усугублению исторически сложившейся
стратификации рабочих мест и заработков.

Беннетт Харрисон

14 сентября 1993 года фирма «Э. И. Дюпон де Немур и компания» объявила, что к середине 1994 года она уволит 4 500 своих служащих на расположенных в США химических предприятиях для сокращения издержек. Пока 4500 семей пытались привыкнуть к тому факту, что экономика заклеймила их кормильцев как излишнее бремя, денежные рынки оживились. Эта мера была частью более крупного сокращения рабочей силы в компании «Дюпон» на 9000 человек из общего числа ее служащих во всем мире 133 000, явившегося, в свою очередь, частью плана по сокращению издержек компании на 3 млрд. долл. в год . Стоимость акций компании в день этого объявления подскочила на 1,75 долл. Подобные объявления стали для финансовой прессы повседневной пищей. Ясно, что в структуре промышленности происходят важные изменения. Журнал «Экономист» пишет:

Самая большая перемена, происходящая в мире бизнеса, состоит в том, что фирмы сокращаются в размерах. Имеет место тенденция, обратная той, что наблюдалась в течение целого столетия... Сейчас сокращаются большие фирмы, а маленькие находятся на подъеме. Эта тенденция очевидна — так что бизнесмены и люди, определяющие

политику, могут ее игнорировать лишь на свой страх и риск .

Широко распространено представление, что мощные корпорации-гиганты стали слишком большими и слишком обюрократились, чтобы успешно конкурировать с более гибкими и новаторскими малыми фирмами, которые, как нам говорят, быстро завоевывают преимущество на остро соперничающих глобальных рынках. Сторонники этой точки зрения указывают на тот факт, что крупные фирмы освобождаются от сотен тысяч служащих, и приводят цифры, показывающие, что новые рабочие места и технические нововведения появляются преимущественно в более конкурентоспособных небольших и среднего размера фирмах. Мысль утешительная. Однако это лишь очередная иллюзия, искусно созданная корпоративными либертарианцами, которая ме- шает нам ясно видеть то, что происходит на самом деле.

СОКРАЩЕНИЕ РАБОЧИХ МЕСТ И КОНЦЕНТРАЦИЯ ВЛАСТИ

Хотя региональные различия и существуют, но самые преуспевающие транснациональные корпорации мира — будь то японские, европейские или американские — все занимаются сейчас преобразованием самих себя и структур глобального капитализма с целью продолжать консолидировать свою власть с помошью сложных сетевых форм организации. Беннетт Харрисон, автор книги «Тоший и скупой: меняющийся ландшафт корпоративной власти в век гибкости», называет это «концентрацией без централизации». Особую значимость для нашего анализа имеют четыре элемента этой трансформации.

Сокращение в размере. Резкое сокращение персонала составляет наиболее заметный признак сокращения в размере, но оно в большинстве случаев представляет собой лишь часть более крупной организационной стратегии. Стратегия заключается в сведении всей внутренней оперативной деятельности компании к ее «ключевой компетентности» — обычно это финансы, маркетинг и функции, относящиеся к собственным технологиям компании, которые представляют главные источники ее экономической власти. Штат, выполняющий эти функции, сокращается до минимума и сосредоточен в штаб-квартире корпорации.

Периферийные функции, включая большую часть производственной деятельности, передаются в сеть относительно небольших сторонних подрядных фирм, часто в страны с низкой заработной платой. Этот процесс

предполагает перемещение рабочих мест из корпоративного центра в периферийные подрядные организации, которые образуют часть производственной сети фирм, зависящих от рынков и технологии, контролируемых корпоративным центром. Периферийная деятельность, которая не передается подрядчикам и не может быть автоматизирована, может выполняться далеко от штаб-квартиры корпорации, например, в «бэк-офисах» больших страховых компаний и банков, где работают низкооплачиваемые конторские служащие, преимущественно женщины.

Компьютеризация и автоматизация. Центральная корпорация использует все возможности компьютеризации и автоматизации для выполнения всех тех производственных функций, которые она оставляет за собой, а также для информационных систем управления, с помощью которых она гибко координирует широко разбросанную деятельность сети производства продукта. Автоматизация служит двум ключевым целям. Одна заключается в том, чтобы урезать до абсолютного минимума число работников, как это планирует сделать компания «АТиТ», заменив тысячи телефонных операторов компьютеризированными системами распознавания голоса . Вторая состоит в сокращении до минимума складских запасов путем установления связи между разбросанными поставщиками и рынками сбыта доставкой материалов и сырья по методу «точно в срок».

Слияния, приобретения и стратегические альянсы компании. Корпорации, составляющие центральный узел крупных сетей, используют разнообразные стратегии для того, чтобы управлять потенциально губительной для них конкуренцией между собой. Одна из них — это объединяться через слияния или приобретения. Другая — создавать стратегические альянсы, посредством которых они могут делиться технологией, производственными помещениями и рынками, совместно проводить исследовательскую работу.

Спаянность и моральный духе штаб-квартире. Значительное внимание уделяется поддержанию условий, которые способствуют установлению высокого морального духа и эффективной, спаянной работы персонала центра.

Такое реструктурирование создает двухъярусную, или двойную, систему занятости. Служащие, выполняющие свои функции в штаб-квартире центральной корпорации, получают хорошую компенсацию за труд, все привилегии и приятные условия работы. Периферийные функции — переданные на откуп или подчиненным подразделениям внутри корпорации, или внешним поставщикам, зависящим от бизнеса фирмы, —

выполняются низкооплачиваемыми, часто временными или работающими неполный рабочий день «вспомогательными» служащими, которые не получают почти никаких льгот и перед которыми компания не несет никаких обязательств.

Эти два яруса сильно различаются и в отношении давления конкуренции. Существует значительное, хотя и дающееся нелегко, сотрудничество между корпорациями, которые контролируют центральные узлы крупных сетей, чтобы поддерживать свой коллективный монопольный контроль над рынками и технологией. Периферийные подразделения, даже те, что остаются в составе фирмы, функционируют как независимые небольшие подрядные фирмы, жестко конкурирующие между собой за продолжение деловых отношений с фирмой. Они, таким образом, вынуждены максимально сокращать собственные издержки. Эта двойная структура в большой мере объясняет увеличение разрыва в доходах, которое наблюдается в США и других странах.

По мнению Харрисона, «именно стратегическое сокращение крупных фирм в размерах ведет в настоящее время к уменьшению средней величины деловых предприятий, а не какой-то впечатляющий рост доли малых фирм как таковой» . В Соединенных Штатах 1 000 крупнейших компаний обеспечивает 60% валового национального продукта (ВНП), а остальная часть продукции приходится на 11 млн. мелких предприятий . Процесс передачи подрядных работ на сторону, безусловно, создает новые возможности для малых фирм, но власть остается там, где она была всегда — у корпоративных гигантов. Не имея самостоятельного выхода на рынок, более мелкие фирмы-сателлиты центральных корпораций функционируют скорее как зависимые придатки, чем как независимые фирмы.

Властные отношения между компаниями центра и периферии удивительно напоминают отношения, существовавшие между центральными и периферийными странами во времена колониальных империй. Ведущие игроки в обеих системах захватывают ресурсы и прибыли игроков периферии, чтобы поддерживать центр в состоянии относительного изобилия. Игроки центра могут протянуть руку и вобрать в себя периферийных игроков, например в случаях, когда центральные корпорации выкупают более мелкие фирмы, контролирующие многообещающие технологии или выгодные рынки. Колониальные государства так же искусно создавали удобные им союзы, чтобы управлять нередко разрушительной конкуренцией между собой — примерно так как в наше время создают стратегические альянсы центральные корпорации. Деспотизм государственного колониализма очень хорошо служил

небольшой части населения земного шара. Для остальных он означал катастрофу. Современный корпоративный колониализм почти не отличается от старого.

Мы являемся, таким образом, свидетелями парадоксальной ситуации, когда крупнейшие корпорации мира, бесцеремонно увольняя образованных, преданных и трудолюбивых служащих, увеличивают свою экономическую власть. В периоде 1980 по 1993 год 500 наиболее преуспевающих промышленных фирм из списка «Форчун» ликвидировали почти 4,4 млн. рабочих мест, более четверти всех, которые они ранее предлагали. В течение того же периода их продажи возросли в 1,4 раза, а их активы в 2,3 раза. Среднее годовое вознаграждение главного управляющего делами в самых больших корпорациях увеличилось в 6,1 раза и составило 3,8 млн. долл. .

Хотя для некоторых компаний сокращение в размерах явилось неизбежной мерой, связанной с ухудшением рынков и ослаблением руководства, другие компании сокращали свои размеры, находясь в сильной позиции. «Джи-Ти-И» объявила 13 января 1994 года о своих планах сократить более 17 000 служащих в условиях надежного рынка и устойчивого роста доходов от операций. Другие компании, успешно расширяющие свою деятельность на рынках и повышающие свои прибыли, объявили о значительном сокращении рабочей силы в конце 1993 или начале 1994 года: «Жиллетт» (2000 служащих), «Арко» (1300), «Пасифик телесис» (10 000) и «Ксерокс» (10 000). Некоторые основательно сокращали фонд заработной платы. Другие сокращения были частью сдвигов в структуре капитала в сторону внешних источников. Во многих случаях сокращения стали возможны благодаря новым технологиям. Значительное сокращение числа рабочих мест часто сопутствует слияниям или поглощениям компаний, что обычно имеет целью укрепить и консолидировать долю рынка, сокращая при этом затраты, связанные с рабочей силой. После слияния в 1984 году компаний «Шеврон» и «Галф», «Шеврон» сократила общую численность работников наполовину, оставив около 50 000.В 1992-1993 годах она сократила еще 6500 служащих .

«Дженерал электрик» за одиннадцать лет уволила 100 000 человек, доведя общую численность работников к 1992 году до 268 000. За тот же период ее продажи выросли с 27 до 62 млрд., а чистый доход с 1,5 до 4,7 млрд долл. . «Дженерал электрик» уменьшилась лишь по количеству служащих, получавших выгоду от ее роста по доходам и рыночной доле. Она уменьшила главным образом свои обязательства по обеспечению производительной и хорошо оплачиваемой работой 100 000 человек и их

семьи. Она не уменьшила свою техническую, финансовую или рыночную мощь.

Наряду с этой перестроечной драмой мы видим, как вторая драма разыгрывается между гигантскими компаниями-производителями и гигантами розничной торговли в схватке законтроль над ключевыми позициями в отраслях. Возрастающий успех гигантов розничной торговли проявляется в росте уровня банкротств среди розничных торговцев США. С 1991 года темп банкротства среди торгово-розничных фирм составил свыше 17 000 в год, тогда как в 1989 году число банкротств составляло примерно 11 000. Многие из них были вытеснены из бизнеса мегаторговцами . Журнал «Бизнес уик» пишет:

Громадная консолидация розничной торговли в США породила гигантских «розничных воротил», которые пользуются изощренными методами управ^іения запасами товаров, точно рассчитанным подбором и, самое главное, конкурентным ценообразованием, чтобы сталкивать более слабых игроков и притягивать к себе больше денег рядовых покупателей. Они указывают даже самым могущественным производителям, какие товары изготавливать, каких цветов и размеров, сколько и когда отправлять... Разумеется, возглавляет эту стаю сеть магазинов «Уол-март». Розничный торговец № 1 США в этом году, как ожидается, вырастет на 25%; продаэки возрастут примерно до 55 мрд. долл., и это в то время, когда розничные торговцы в целом, если повезет, увеличат продажи на 4% .

Когда «Уол-март» растет со скоростью 25% в отрасли, растущей со скоростью не более 4%, очевидно, что рост этой фирмы происходит за счет соперников, не обладзющих сопоставимой пробивной силой. Особенно сильно пострадали небольшие фирмы розничной торговли, которые раньше составляли коммерческое ядро большинства городов, больших и малых, и были крупными работодателями. Есть прогноз, что розничные торговцы, обеспечивавшие половину всех продаж в СШД в 1992 году, к 2000 году перестанут существовать. Донелла Медоуз, специалист по системному анализу и комментатор, имеющий постоянную колонку в ряде газет так, описывает, что происходит, когда в городе появляется «Уол-март»:

В Айове средний магазин «Уол-март» получает валовую прибыль в размере 13 млн. долл. в год и увеличивает общий объем продаж на этой территории на 4 млн. Это означает, что он отнимает бизнес у существующих магазинов в размере 9 млн долл. За три или четыре года с момента появления «Уол-марта» розничная торговля в радиусе 20 миль падает на 25%; в радиусе от 25 до 50 миль продажи снижаются на 10%.

Исследование, проведенное в штате Массачусетс, показывает, что в типичном случае «Уол-март» создает 140 новых рабочих мест и ликвидирует 230 более высоко оплачиваемыхмест. Несмотря на попытки возродить деловые районы в городских центрах с помощью государственных капиталовложений, число вакансий возрастает. Арендная плата снижается, а на выживших предприятиях снижается заработная плата и налоговые выплаты. Если какая-либо из конкурирующих сетей магазинов покидает торговый центр, ее место остается незаполненным .

Гиганты розничной торговли, в частности «Уол-март», «Кей-март», «Тойз арас», «Хоум депо», «Серкитсити сторз», «Универмаги Дилларда», «Таргет сторз» и «Костко», все чаще становятся сердцевиной громадных сетей производства и поставок потребительских товаров. Мегаторговцы розничными товарами приобрели дурную славу за то, что они сталкивают между собой поставщиков и могут резко переключаться с поставок отечественных фирм на поставки из стран с низкой заработной платой, например Китая и Бангладеш. Многие мелкие производители оказались банкротами, когда основная часть их рынка внезапно испарилась. Даже такие крупные производители, как «Проктер энд Гэмбл», которые не имеют собственных розничных сбытовых структур, испытывают сильное давление со стороны гигантов розничной торговли, требуюших от производителей снижения отпускных цен и уровня своих доходов.

По мере своего роста крупные розничные торговцы все чаще предпочитают более крупных поставщиков, обладающих и ресурсами, и богатым опытом для того, чтобы удовлетворить потребности в товарах и упаковке по индивидуальному заказу, компьютерной стыковке и особом графике доставки. Это способствует дальнейшей консолидации в сфере производства. Всего десять поэтому назад ни один изготовитель игрушек не контролировал более 5% рынка , а сейчас, когда в этой отрасли господствует «Тойзарас» и такие гиганты торговли со скидкой, как «Уол-март», «Кей-март» и «Таргетсторз», производство в этой отрасли оказывается под контролем всего шести компаний.

В целом приветствуя подобное развитие в направлении большей эффективности, даже журнал «Бизнес уик» предостерегает: «Что будет, если растущая ударная сила мощных предприятий розничной торговли подавит слишком много мелких компаний и вынудит слишком многие большие компании избегать риска? Тесная связь между розничными торговцами и сохранившимися у них поставщиками может в конечном счете привести к повышению потребительских цен и ослабить

инновационную деятельность» .

РОСТ ЦЕНТРАЛИЗОВАННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Масштаб происходящей концентрации экономической власти выявляется статистикой: из ста крупнейших мировых экономических организаций пятьдесят являются корпорациями , а совокупные продажи десяти крупнейших корпораций в 1991 году превысили совокупный ВНП ста малых стран мира .

Доходы от продаж компании «Дженерал моторе» в 1992 году (133 млрд. долл.) приблизительно равнялись совокупному ВНП Танзании, Эфиопии, Непала, Бангладеш, Заира, Уганды, Нигерии, Кении и Пакистана. Население этих стран составляет 550 млн. человек, то есть десятую часть населения земного шара.

Пятьсот самых крупных промышленных корпораций мира, на которых заняты лишь 0,05% населения земного шара, контролируют 25% мирового производства . Триста крупнейших транснациональных компаний, включая финансовые институты, владеют почти 25% мировых производственных активов . Совокупные активы 50 самых крупных в мире коммерческих банков и многоотраслевых финансовых компаний составляют, по оценкам журнала «Экономист», почти 60% мирового запаса производительного капитала, равного 20 млрд долл. . В глобальном масштабе наблюдается тенденция к все большему сосредоточению контроля за рынками и производительными активами в руках нескольких фирм, обеспечивающих в глобальном масштабе лишь ничтожную долю рабочих мест. Корпорации-гиганты отказываются от людей, но не от контроля над деньгами, рынками или технологией.

Концентрация экономической власти в относительно небольшом числе корпораций порождает любопытное противоречие. Корпоративные либертарианцы то и дело заявляют, что централизованное планирование экономики неэффективно и противоречит интересам широкой общественности. Однако преуспевающие компании сохраняют больше контроля над сферой экономики, с которой связана их продукция, чем контроль, который когда-либо имела Москва над советской экономикой. Центральная администрация покупает, продает, демонтирует или закрывает отдельные подразделения по своему желанию, перемещает отдельные производства по всему миру, как ей заблагорассудится, решает, какую часть

дохода подчиненные подразделения должны отдавать компании-учредителю, назначает и увольняет управляющих дочерними компаниями, устанавливает цены трансфертов и другие условия, определяющие сделки между входящими в ее состав организациями, и решает, могут ли отдельные подразделения осуществлять закупки и продажи на открытом рынке или они должны вести дела только с другими подразделениями фирмы. Если высшее руководство не просит высказывать иные мнения, то его решения по таким вопросам редко оспариваются или пересматриваются подчиненным лицом или подразделением.

Хотя ни одна глобальная корпорация пока не управляет плановым хозяйством, в масштабах, сопоставимых с экономикой бывшего СССР, они к нему приближаются. В 1991 году продажи, осуществленные пятью крупнейшими в мире много отраслевыми сервисными компаниями (все, между прочим, японские), были приблизительно эквивалентны всему ВВП бывшего СССР за 1988 год. Куба, имеющая ВВП в размере 26,1 млрд. долл., сейчас занимает 72-е место среди централизованно управляемых экономических систем; 71-е место перед ней занимают исключительно глобальные корпорации. Крошечная Северная Корея не вошла бы даже в список 500 крупнейших централизованно управляемых экономик мира.

Не случайно корпорация по своей внутренней структуре управления принадлежит к самым авторитарным организациям и способна подавлять как любое тоталитарное государство. Те, кто работает на корпорацию, проводят большую часть жизни в условиях такого авторитарного правления, которое диктует им манеру одеваться и разговаривать, определяет их нравственные ценности и поведение, а также уровень их доходов при ограниченных возможностях обжалования. За немногими исключениями, служащие-подданные могут быть уволены почти без предупреждения и без права обратиться за помощью. Современная тенденция корпорации к «жестокой экономии» означает стремление распространить авторитарное правление далеко за пределы границ корпорации — на более крупные сети организаций, причем таким образом, чтобы помочь центру усилить свой контроль и одновременно уменьшить свою ответственность за благополучие любого отдельного члена этой сети.

Отождествляя рыночную систему со свободой, мы редко задаем вопрос, согласуется ли свобода с наемным трудом в мире, где гигантские корпорации контролируют большую часть рабочих мест. Большинство социальных реформаторов согласились с системой заработной платы, в которой господствует корпоративный интерес, и предпочли проводить социальную политику, которая обеспечивает надежность работы, сносные

условия труда, справедливую оплату труда и право создавать профессиональные союзы в рамках этой системы . Если мы всерьез говорим о свободе человека и о демократии, мы должны вернуться к вопросу, достаточны ли и даже возможны ли такие меры в рамках существующей системы бизнеса.

СОТРУДНИЧЕСТВО В ЦЕНТРЕ

При всем восхвалении свободной рыночной конкуренции, большинство корпораций стремится при каждой возможности ее подавлять. Как Адам Смит заметил в 1776 году, «люди одной профессии редко встречаются даже для того, чтобы повеселиться и развлечься, однако такая встреча всегда заканчивается заговором против общества или уловкой, придуманной для повышения цен» . Такое взаимодействие не обязательно возникает из дурных побуждений. Конкуренция создает турбулентность. Это состояние дает спекулянтам благоприятные возможности, а для тех. кто управляет производственным предприятием, сложившаяся неопределенность означает невозможность планировать инвестирование, обеспечивать нормальное функционирование фирмы и ее экономическую эффективность. Стремление усилить контроль и прогнозируемость путем ослабления конкуренции можно, по-видимому, считать одним из естественных законов рынка. Фирмы пытаются ослабить конкуренцию в глобальной экономике теми же средствами, что и всегда, то есть усилением своего контроля за капиталом, рынками и технологией. Новым здесь является сочетание глобализованной экономики и современных информационных технологий, позволяющих усилить этот контроль в невиданных ранее масштабах. Более сильные конкуренты уничтожают, колонизируют или поглощают слабых. С более сильными конкурентами достигается компромисс путем стратегических альянсов, слияний, поглощений и переплетающихся советов директоров.

Излюбленный аргумент корпоративных либертарианцев в пользу глобализации состоит в том, что открытие национальных рынков приводит к усилению конкуренции и повышению эффективности. С точки зрения теории это интересный аргумент, однако он игнорирует простую реальность. Когда рынки становятся глобальными, монополистические силы переходят национальные границы и консолидируются на глобальном уровне. Сначала мы слышим призыв открыть границы для поддержки сил

конкуренции. Затем раздается призыв разрешить слияние компаний с целью их укрепления, что сделает их «конкурентоспособными» на мировом рынке. Когда «Филип Моррис» приобретает «Крафт» или «Дженерал фудс», как это произошло в 1980-х годах, чтобы создать самую крупную в США компанию по производству пищевых продуктов, это не усиливает конкуренцию на рынках США, а укрепляет фундамент, на котором можно строить монопольную власть и распространять ее в глобальном масштабе.

Как в случае правила правой руки, экономисты считают внутренний рынок монопольным, если четыре крупнейшие фирмы обеспечивают 40% продаж или больше. Путем слияния и консолидации четыре главные корпорации США, специализирующиеся на электроприборах («Уорлпул», «Дженерал электрик», «Электролюкс/ВЦИ» и «Мэйтаг»), контролировали в 1990 году 92% американского рынка электроприборов, а четыре авиакомпании («Юнайтед», «Американ», «Дельта» и «Нортуэст») обеспечили 66% доходов от пассажирских перевозок в США. Четыре компании, занимающиеся созданием программного обеспечения («Майкрософт», «Лотус», «Новелл/Диджитал» и «Уорд перфект»), контролировали в 1990 году 55% рынка этой продукции в США, и две из них («Новелл» и «Уорд перфект») осуществили слияние 27 июня 1994 года .

Когда пять фирм контролируют более половины глобального рынка, такой рынок считается монополизированным. Журнал «Экономист» недавно опубликовал показатели концентрации по пяти фирмам в двенадцати глобальных отраслях промышленности. Самая большая концентрация была обнаружена в сфере товаров длительного пользования, где первые пять фирм контролируют почти 70% всего мирового рынка в данной отрасли. В автомобильной, аэрокосмической и сталелитейной отраслях промышленности, в производстве электронных компонентов, электротехнической промышленности и электронике крупнейшие пять фирм контролируют более 50% глобального рынка, что явно ставит их в разряд монополистов. В нефтяной отрасли, производстве персональных компьютеров и средствах массовой информации пять крупнейших фирм контролируют более 40% продаж, что говорит о сильной тенденции к монополизации .

Аргумент, что глобализация усиливает конкуренцию, просто ложен. Напротив, она усиливает тенденцию к монополизации в мировом масштабе, сельское хозяйство всегда было важным предметом торговых переговоров, при этом представители США неизменно и настойчиво

призывают к ослаблению барьеров на пути к свободной торговле сельскохозяйственной продукцией и отмене протекционистских мер, направленных на защиту мелких фермеров Европы и Японии. История сельского хозяйства США раскрывает причину, почему компании, представляющие американский агробизнес, с таким жаром призывают дать «свободу» сельскохозяйственным рынкам. Это составная часть процесса перестройки глобальной системы сельского хозяйства и превращения ее в двухступенчатую структуру, контролируемую гигантами агробизнеса.

В период с 1935 по 1989 год число мелких фермеров в Соединенных Штатах сократилось с 6,8 млн. до 2,1 млн.; за тот же период население США почти удвоилось. Как и фермеры, своего бизнеса лишились их местные поставщики, торговцы сельскохозяйственными орудиями и другие мелкие предприниматели, поддерживающие с ними деловые связи. Исчезли целые поселки. Между тем крупные корпорации, занимающиеся агробизнесом в США, выросли и укрепили свою власть. Десять крупнейших «ферм» в Соединенных Штатах являются сейчас международными корпорациями агробизнеса, и называются они «Тайсон фудс», «КонАгра», «Голд кист», «Континентал грейн», «Пердью фармс», «Пилгримс прайд» и «Каргилл», а их ежегодные продажи сельскохозяйственной продукции составляют от 310 млн. до 1,7 млрд. долл.

Две зерновые компании, «Каргилл» и «КонАгра», контролируют 50% экспорта зерна США. Три компании — «Айова биф процессоре» (Ай-би-пи), «Каргилл» и «КонАгра» — обеспечивают почти 80% американской баранины. Одна компания, «Кэмпбеллс», контролирует почти 70% американского рынка сухих супов. Четыре компании — «Келлог», «Дженерал миллс», «Филип Моррис» и «Квейкер оутс» — контролируют почти 85% рынка крупяных продуктов. Четыре компании — «КонАгра», «АДМ миллинг», «Каргилл» и «Пиллсбери» — производят почти 60% американской муки. Такая концентрация явилась отчасти результатом 4100 слияний и выкупов фирм в пищевой отрасли промышленности США, происходивших в периоде 1982 по 1990 год, и процесс консолидации продолжается .

Нередко фирмы, составляющие ядро, обнаруживают, что для них наиболее выгодно и наименее рискованно заключать контракты на производство продукции с мелкими производителями. Эти мелкие производители осуществляют большую часть капиталовложений и несут все риски, присущие сельскому хозяйству. Большие фирмы контролируют рынок и держат в своих руках контроль над условиями, в которых действуют производители. Считается вполне обычным делом, чтобы

фирма-ядро принуждала фермеров делать необходимые закупки именно у нее, например удобрений или кормов, предписывала им способы производства и покупала произведенный урожай или животных на условиях. которые сама определит. Фермерам остается либо принять эти условия, либо выйти из бизнеса, либо найти другую культуру, рынок которой еще не контротируется корпорацией. Это реструктурирование сельского хозяйства способствовало тому, что доля фермеров в долларовой выручке от продажи потребителям продуктов питания сократилась с 41% в 1910 году до 9% в 1990-м .

Цифры, собранные в 1980 году Министерством сельского хозяйства США, показали, что контракты на производство и маркетинг покрывают производство 98% сахарной свеклы, 95% жидкого молока, 89% куриных бройлеров, 85% обработанных овощей и 80% всех семенных культур. Когда фирма-подрядчик контролирует рынок, производители полностью зависят от ее милости. Когда, например, «Дель Монте» решила перенести основную часть своих заготовок персиков из северной Калифорнии в Италию и Южную Африку, большинство ее контрактников фермеров потеряли свой рынок по причинам, не имеющим никакого отношения к любви или нелюбви местных жителей к персикам .

Подобные ситуации выглядят насмешкой над представлениями Адама Смита о конкурентном рынке, состоящем из мелких покупателей и продавцов. Фермер получает более низкую цену, а потребитель платит более высокую, чем оба они имели бы в условиях подлинной конкуренции . Такова система, которую господствующие в агробизнесе компании надеются внедрить во всем мире.

На формирующемся глобальном рынке широко распространено представление, что на международных рынках борьбу ведут в прямой схватке корпоративные гиганты Японии, Северной Америки и Европы. Это представление все больше становится похожим на миф, который скрывает, в какой степени несколько корпораций укрепляют свою коллективную монопольную власть на рынке посредством совместных предприятий и стратегических альянсов со своими главными соперниками. Благодаря таким соглашениям фирмы совместно пользуются доступом к специальным знаниям, технологиям, производственным мощностям и рынкам; они распределяют на всех затраты и риски исследовательской работы и разработки новых изделий, а также управляют конкурентными отношениями со своими главными потенциальными соперниками.

Например, американские компьютерные гиганты «Ай-Би-Эм», «Эппл компьютер» и «Моторола» образовали межфирменный союз для

разработки операционной системы и микропроцессора для следующего поколения компьютеров . В 1991 году «Эппл компьютер» обратилась к корпорации «Сони» по поводу производства самой дешевой версии «Пауэрбук», компьютера типа ноутбук .

«Дженерал моторе» сейчас владеет 37,5% японской автомобильной компании «Исудзу», выпускающей на продажу автомобили под фирменными марками «Дженерал моторе» и «Опель». «Крайслер» к настоящему времени стала совладельцем «Мицубиси», «Мазерати» и «Фиата» . Компания «Форд моторе» имеет долю в 25% в компании «Мазда» и назначает трех внешних директоров в правление «Мазды». Совместно «Форд» и «Мазда» владеют дилерской сетью в Японии, сотрудничают в проектировании новых изделий и делятся техническими приемами производства . Журнал «Экономист» недавно предложил проделать следующее упражнение:

Возьмите какую-нибудь действительно крупную международную отрасль промыiленности, например автомобильную, выпускающую сложную и дорогостоящую продукцию. Напишите имена всех производителей (в автомобилестроении их больше 20 по четырем сторонам квадрата. Теперь проведите линии, соединяющие производителей, которые имеют совместные предприятия или соглашения, будь то в деле проектирования, исследовательской работы, выпуска деталей, полной сборки, распрделения или маркетинга для одного продукта или нескольких, — в любой части света. Довольно скоро рисунок превратится в невообразимо сложное переплетение, и складывается впечатление, что каждый связан со всеми остальными. При этом автомобильная промышленность не является исключением. То же самое происходит в производстве компьютеров, программного обеспечения, аэрокосмической, фармацевтической, оборонной отраслях, телекоммуникациях и других областях .

Сайрус Фридхайм, вице-президент консалтинговой фирмы в области менеджмента «Буз, Аллен и Хэмилтон», предсказывает для экономики будущее, в котором господствует, по его выражению, «предприятие, основанное на взаимоотношениях», то есть сеть стратегических союзов, образованных фирмами, которые охватывают разные отрасли и страны и действуют практически как одна фирма. Он указывает на то, что «Боинг», члены консорци ума «Эрбас», «Макдонелл Дуглас», «Мицубиси», «Кавасаки» и «Фудзи» обсуждают вопросы сотрудничества в области совместной разработки супераэробуса, а также на группу, созданную крупнейшими телекоммуникационными фирмами мира для прокладки

глобальной сети оптоволоконных кабелей. По мнению Фридхайма, эти могущественные корпоративные группы затмят собой существующих глобальных корпоративных гигантов: к началу следующего века совокупные доходы их отдельных «договорных» предприятий приблизятся к 1 трлн. долл. и превысят национальные экономические показатели всех стран, кроме шести крупнейших .

Корпоративные гиганты мира создают систему управляемой конкуренции, с помощью которой они эффективно ограничивают конкуренцию между собой, при этом поощряя сильную конкуренцию среди мелких фирм и своих периферийных регионов. Эти действия — составная часть процесса перекладывания на периферию все большей части затрат процесса по созданию «добавленной стоимости», так что фирма-ядро может и дальше увеличивать доходы своего ненасытного хозяина, глобальной финансовой системы.

Схема действий, лежащая в основе институциональной трансформации, происходящей в результате глобализации экономики, явно указывает на тенденцию к перемещению власти от рядовых граждан и сообществ людей к гигантским глобальным институтам, которым чужды интересы людей. Мы стали заложниками тирании порочной системы, функционирующей абсолютно бесконтрольно. Действующая под влиянием собственных императивов, эта система приобрела контроль над многими из самых важных аспектов нашей жизни и требует, чтобы мы посвятили себя ее цели — тому, чтобы делать деньги. Однако теперь мы столкнулись с еще более зловещей перспективой: выбрав собственное направление и приобретя контроль над институтами, некогда служившими нашим интересам, эта система, держащая нас в плену, проявляет все признаки того, что она может обойтись без людей.

Часть V. Безвыходное положение

18. Бег к пропасти

Распространение свободного рынка и усиление коммерческой активности в новой мировой экономической системе — вот что в конечном счете приведет к ускорению индустриализации и снижению уровня безработицы, и в этом суть нового экономического порядка.

«Бизнес уик»

Наблюдаемый за последнее время стремительный рост способности транснациональных корпораций передислоцировать свои предприятия по всему миру практически превращает всех работников, население городов и целые государства в конкурентов. Следствием этого является «бег к пропасти», при котором оплата труда и социальные условия проявляют тенденцию к падению до катастрофически низкого уровня.

Джереми Брехер

Если конкуренция ослабевает в центре, то она усиливается на периферии среди более мелких предприятий, работников и регионов, вынужденных бороться за выживание. То, что защитники свободы корпораций называют «становлением глобальной конкуренции», можно точнее определить как бег к пропасти. С каждым днем становится все труднее получать контракты от крупных заказчиков из розничной торговли, не используя детский труд, обсчет рабочих на сверхурочных работах, безжалостные нормы выработки и не пренебрегая техникой безопасности. Если какой-либо соискатель не принимает этих условий, цены на его

товары будут выше, чем у того, кто действует иначе. При наличии сотен миллионов людей, согласных на любую предлагаемую мировой экономикой работу, конкурентов всегда будет достаточно. Занимаясь своими проблемами, крупнейшие корпорации вынуждены закрывать глаза на подобные нарушения и заявлять, что они не несут ответственности за действия тех, с кем заключают контракты.

СОВРЕМЕННОЕ РАБСТВО

Описание условий труда миллионов рабочих даже на «современном и богатом» Севере напоминает возврат к началу промышленной революции. Примером может служить следующее описание условий труда и работающих по контракту мастерских пошива одежды в современном и процветающем Сан- Франциско:

Многие из них размещаются в темных и тесных помещениях без окон. Обычное явление — 12 часовой рабочий день без выходных с одним перерывом на обед. И множество мастерских в этом богатом многонациональном городе вводят драконовские правила, напоминающие о прошлом столетии. Работница цеха пошива одежды азиатского происхождения рассказывает: «Нам запрещали разговаривать между собой и даже не разрешали сходить в туалет».

...Зная о стремлении фабрикантов в индустрии пошива одежды к предельно низким ценам, почти 600 подрядчиков в Бэй Эриа отчаянно конкурируют между собой; часто это принимает форму «бега к пропасти как это описано у Дарвина. Фабриканты обладают еще одним мощным средством сбивания цен. Кэти Кван, менеджер Международного союза работников-изготовителей женской одежды в Сан-Франциско, рассказывает: Нам говорят: «Если вы не согласны, мы просто отправим этот заказ за рубеж; тогда вы не получите работы, и ваши работники будут голодать

При обследовании мастерских по пошиву одежды в американском протекторате Сайпан в 1992 году министерство труда выявило условия работы, подобные узаконенному рабству. Китайские рабочие, у которых были отобраны паспорта, работали 84 часа в неделю при сверх минимальной оплате .

Географическая граница между Севером и Югом, определяющая разницу в условиях труда, постоянно размывается. Дорка Диас,

двадцатилетняя работница текстильной отрасли, которая до этого работала в Гондурасе, транснациональной фирме по пошиву одежды «Лесли Фей», базирующейся в США, сообщила подкомиссии Палаты представителей США по взаимоотношениям рабочих и администрации, что она работала на эту фирму вместе с 12-и 13-летними девочками.Все они были заперты в помещении фабрики, где температура часто достигала 100 градусов по Фаренгейту и не было чистой питьевой воды. Работая 54 часа в неделю, она получала чуть больше 20 долларов. Вместе со своим трехлетним сыном она жила на грани голода. В апреле 1994 года за попытку организовать профсоюз она была уволена .

Когда чернокожие женщины в Южной Африке, работавшие на вязальных машинах на принадлежащей тайваньцу фабрике по изготовлению свитеров за 50 центов в час, заявили, что после избрания Нельсона Манделы они надеются на «профсоюз, повышение оплаты труда и большее уважение их прав», тайваньские владельцы фабрик отреагировали закрытием семи южно-африканских фабрик и ликвидацией 1000 рабочих мест. Даже при такой низкой оплате стоимость рабочей силы в Южной Африке в два раза выше, чем в Бразилии или Мексике, и в несколько раз выше, чем в Таиланде или Китае . Отмечая, что потенциальные иностранные инвесторы испытывают опасения в отношении Южной Африки, «Нью Йорктаймс» высказывает следующее предложение: «Существуют сомнения в долглсрочной преданности правительства этой страны капитализму, втом, может ли г-н Мандела сдерживать ожидания обнищавшего большинства» . В мире больших денег и вознаграждений в миллионы долларов алчность — это работник, жаждущий своего прожиточного минимума.

Едва ли будет преувеличением сказать, что во многих южных странах условия жизни граничат с рабством. Китай стал излюбленным местом для иностранных инвесторов и корпораций, жаждущих дешевой рабочей силы и оффшорных закупок по баснословно низким ценам. «Бизнес уик» так описывает типичные условия работы на китайских фабриках:

На фабриках прибрежных провинций, где работают около 6 миллионов китайцев, происходит множество несчастных случаев. На некоторых применяются телесные наказания, избиение, обыск с раздеванием, им даже запрещено в рабочее время ходить в туалет. В фирме в городе Зямынь, провинция Фучжан, принадлежащей иностранной компании, у 40 человек, то есть у 10% всех рабочих, пальцы были раздавлены устаревшими машинами. По схрициальным данным, в Гуандуне в прошлом году произошло 45 000 несчастных случаев на производстве, и в

них погибли более 8700 человек. В прошлом месяце там произошел несчастный случай, в котором погибли 76 рабочих .

Хотя официально китайское правительство пытается ужесточить стандарты, оно сталкивается с громадными проблемами в сфере безработицы с тех пор, как оно решило снять рыночные ограничения. Десятки миллионов сельских тружеников устремляются в города. Безработица в городах в середине 1994 года составляла 5 млн. человек при ее годовом росте 25%. Только в 1993 году в провинции Хейлунцзян два миллиона человек остались без работы. Кроме того, миллионам городских рабочих угрожает снижение зарплаты, и около 50% государственных предприятий, на которых занята примерно половина всех городских рабочих, работают в убыток, порождая перспективу массового сокращения производства и закрытия предприятий. Усилиям правительства по повышению уровня жизни в этом «чуде свободного рынка» мешает стремительный рост уровня преступности и коррупции .

В Бангладеш примерно 80 000 детей 14 лет, большей частью девочки, работают на швейных фабриках не менее 60 часов в неделю. За просчеты и другие ошибки надзиратели-мужчины бьют их, заставляют стоять на полу на коленях или вниз головой от Юдо 30 минут .

И это происходит не только на швейных фабриках. В Индии приблизительно 55 млн. детей работают в самых ужасающих условиях, часто связанные долговыми обязательствами и фактически совершенно бесправные. У каждого ребенка своя история. Один из них, Деванандан, через несколько месяцев, после избавления от принудительного труда сказал репортеру, что он ушел из дома потому, что ему обещали платить 100 долларов в месяц за работу на ткацком станке два часа в день с возможностью ходить в школу. Когда он согласился на это, его заперли в комнате, где он питался, спал и ткал ковры с 4 часов утра до позднего вечера, получая за свою работу гроши .

Бывший главный судья Индии П. М. Бхагвати публично подтвердил случаи, когда мальчики работали от 14 до 20 часов вдень: «Их бьют, клеймят (прижигают раскаленными докрасна железными прутьями) и даже подвешивают к деревьям вниз головой». Экспорт ковров из Индии составляет более 300 млн. долл. в год, в основном в США и Германию. Изготавливают ковры более 300 000 детей, работающих от 14 до 16 часов в день, 7 дней в неделю, 52 недели в год. Многие находятся в кабале, выплачивая долги своих родителей; они были проданы в кабалу или похищены у родителей, принадлежащих к низшим кастам. Счастливчики получают скудную зарплату, неудачникам не платят ничего. Производители

ковров утверждают, что производство без использования детского труда не может выдержать конкуренции с Пакистаном, Непалом, Марокко и другими регионами, где также применяется детский труд .

Когда мировая конкуренция побуждает нас включаться в отчаянную гонку за прибылью, нас должно отрезвить осознание того, к какой глубокой пропасти мы стремительно движемся.

ПРЕДЕЛЫ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Некоторые известные фирмы по изготовлению одежды, такие как «Ливай Стросс», «Эсприт» и «Гэп», стараются руководствоваться своей собственной шкалой ценностей. Они доказывают, что ответственная и правильно управляемая компания может обойтись без описанной выше эксплуатации, но при этом они сталкиваются с тем же прессингом конкуренции, что и другие фирмы в этой отрасли. Такие фирмы почти неизбежно проявляют «раздвоение личности». В конечном счете они финансируют свою общественно-полезную работу, высокую зарплату и хорошие условия труда сотрудников аппарата управления путем реализации большей части своей продукции через посредников, использующих низкую оплату труда и ненормальные условия работы.

Остановимся подробнее на «Ливай Стросс», компании, имеющей репутацию лидера в сфере корпоративной ответственности. В апреле 1994 года Совет по экономическим приоритетам присудил этой фирме премию за «беспрецедентное внедрение неэксплуататорского труда в развивающихся странах» . В 1984 году компания была признана одной из 100 лучших компаний Америки. В июне 1992 года журнал «Мани» поставил ее на первое место в Америке по льготам для наемной рабочей силы . Журнал «Бизнес уик» в статье от 1 августа 1994 года «Определение шкалы ценностей» писал о Бобе Хаасе, генеральном директоре «Ливай Стросс», особо подчеркивая его уверенность в том, что в бизнесе выгодно руководствоваться чувством социальной ответственности и этикой.

В 1985 году Боб Хаас в качестве главного администратора и члена семьи Ливай Стросса совершил сделку по выкупу акций компании на 1,6 млрд. долл., занимаясь этим лично, чтобы предотвратить приобретение контрольного пакета акций другими подрядчиками. Нахождение 94% акций в руках семьи Хаас обеспечивает компании большую гибкость в проведении социальной политики, чем могла бы позволить себе совместно

управляемая компания в эпох корыстных перекупщиков.

Под руководством Хааса компания установила жесткие стандарты в отношении условий труда. В качестве доказательства серьезности своих намерений совет директоров «Ливай Стросс» тайным голосованием аннулировал контракты с Китаем на сумму 40 млн. долл. в год в знак протеста против нарушения прав человека в Китае. Когда компании стало известно, что ее подрядчики в Дакке, Бангладеш, нанимали на работу 11-летних девочек с полным рабочим днем, она заключила договор, согласно которому Ливай Стросс обязалась выплачивать этим девочкам зарплату на период их обучения в школе и оплачивать их школьную форму, учебники и сами занятия. По достижении 14 лет, минимального возраста безработных, установленного стандартами Международной организации труда, они вернутся на свои рабочие места . Согласно промышленным нормам, «Ливай Стросс» может претендовать на причисление к лику святых. Однако отрезвляюще действует осознание того, как мало может сделать даже она.

Хотя Хаас утверждает, что «Ливай Стросс» делает все возможное для сохранения максимального количества рабочих мест в США, фирма в течение 1980-х годов закрыла 58 американских предприятий и уволила 10 400 рабочих. По словам Хааса, если бы компания, принимая решения, руководствовалась чисто экономическими соображениями, остальные 34 предприятия по пошиву и подгонке одежды были бы уже закрыты и уступили бы свое место зарубежным.

Даже на работающих в США предприятиях компании феномен контраста центр—периферия очевиден. Когда авторы публикации «100 компаний с наилучшими условиями работы в Америке» посетили предприятие «Ливай Стросс» в Эль-Пасо, в штате Техас, они увидели, что журнал «Мани» поставил компанию на первое место на основании привилегий работников управления, а не работников самих предприятий. Условия труда на Эль-Пасо мало отличались от условий труда на других местных текстильных фабриках. Авторы приняли решение не включать компанию число лучших в отредактированном издании .

РАЗРАСТАНИЕ РАКОВОЙ ОПУХОЛИ

В этом разделе мы сосредоточили внимание на многонациональных компаниях, базирующихся в США, поскольку их пороки, похоже,

распространяются по миру, как раковая опухоль. К маю 1994 года разгул реструктуризации корпораций в Европе, подобный американскому, довел уровень безработицы до 10,9% . Но даже этот показатель, при всей его значительности, может скрывать за собой гораздо более тревожные факты. В Бельгии в 1992 году уровень безработицы составлял 8,5%, но при этом 25% рабочих жили за счет социальной помощи . Постоянная безработица вызывает рост социальной напряженности, обострение расовых противоречий и разжигает ненависть к иммигрантам. Особенно остро ощущает безработицу молодежь, среди которой уровень безработицы превышает средний в 2 раза и продолжает расти. 25 марта 1994 года 50 000 студентов прошли по парижскому бульвару, «оскорбляя полицию и провозглашая лозунги с требованием работы». Опрос среди 3000 представителей европейской молодежи до 20 лет показал, что они ощущают «растерянность, уязвимость и тревогу за свое будущее» .

Отмечая, что уровень безработицы в Европе в среднем примерно на 3% выше, чем в США, журнал «Экономист» предупреждает, что «никакие искуственные барьеры не в состоянии остановить развитие технологии, революционизирующее производство в мире богатства; а торговая война неизбежно ликвидирует больше рабочих мест, чем сохранит» . Журнал советует Европе в качестве ответной меры постараться превзойти США в уменьшении льгот социальной помощи, которые «лишают безработных стимула для поисков работы», установлении минимальной допустимой оплаты труда для молодых людей, уменьшении участия работодателей финансировании социального страхования, снижающего потребность в рабочих местах, и введении жестких норм защиты прав рабочих», что заставит фирмы снизить прием на работу, так как им станет «трудно, а подчас и невозможно увольнять принятых рабочих». Для тех, кто напоминает, что такая политика в США привела к ухудшению условий труда, журнал «Экономист» имеет готовый ответ:

Пессимисты говорят, что слишком много Создаваемых в Америке рабочих мест это работа с неполным рабочим днем, временная и низкооплачиваемая Реальная зарплата рабочих с низкой квалификацией за последнее десятилетие действительно упала. Тем не менее, по сравнению с Европой, этот процесс следует рассматривать как признак успеха, пример правильно функционирующего рынка рабочей силы, а не как неудачу. По мере снижения производства и Америка, и Европа сталкиваются с уменьшением потребности в рабочих низкой квалификации. В Америке не препятствовали падению относительной оплаты их труда, в результате чего было потеряно меньше рабочих мест.

Рабочие в Европе, наоборот, противились неизбежному и в итоге поплатились потерей работы .

Короче говоря, проблема безработицы в Европе — это результат переплаты бедным, налогообложения богатых и обременения европейских фирм правилами, ограничивающими их способность справляться с серьезным ухудшением их положения. Журнал «Экономист» в своей передовой статье отметил стремление многих стран Европы понизить минимальную оплату труда, налоги на рабочую силу и ослабить законы о защите рабочих мест как положительное явление, дающее надежду для Европы |22]. Журнал «Бизнес уик» дает аналогичную рекомендацию:

Чтобы остаться конкурентоспособной в завершающий период промышленной регрессии, Европа должна постараться перевести как можно больше предприятий, приносящих мало прибыли, в Восточную Европу и другие регионы. Кроме того, ей следует снижать дотации крестьянским хозяйствам, продолжать бороться против повышения оплаты труда и налогов на корпорации, сокращения рабочего дня, стабильности рабочей силы и щедрого финансирования социальных программ. Если пренебречь этими рекомендациями, спад грозит стать не просто циклическим, а чем-то более серьезным. Возведение барьеров в торговле только приведет Европу к изоляции от необходимого ей мирового порядка .

Факты свидетельствуют, что, хотя европейские компании и правительства несколько отстают от США, они все внимательнее прислушиваются к этим советам, и, следовательно, безработица, расовые волнения и социальные потрясения, преследующие Европу, почти наверняка будут постепенно нарастать. Можно предположить, что тогда журнал «Экономист» похвалит Европу за это достижение.

Хотя чемпионом индустриального мира по степени занятости населения остается Япония с ее уровнем безработицы ниже 3%, уже появляются свидетельства того, что и там гарантии сохранения работы до конца трудоспособного возраста начинают рушиться и все больше японцев ощущают прессинг безработицы . Ряд экономических ударов заставил японских менеджеров изучать опыт США в повышении эффективности производства. Сошлемся на высказывание Майкла Армакоста, бывшего посла США в Японии:

Лидеры японского бизнеса, которые всего несколько лет тому назад считали, что им нечему у нас учиться, сейчас с интересом изучают американский опыт в бизнесе и во многом стараются нас превзойти, получая при этом интересные результаты. «Дай-шей», одна из

крупнейший торговых фирм страны, заявляет, что она попробует снизить розничные цены за 3 года на 50%. Магазины «Уол-март» недавно установили связь с двумя фирмами, работающими на японских супермаркетах. В настоящее время руководители японской индустрии изучают опыт Америки по сокращению расходов корпораций, внедрению пакетов акций с привилегированными условиями платежа и инвестиционной политике .

Армакост далее убеждает американских торговых посредников содействовать проведению реформ, способствующих ускорению этих процессов.

С участием Америки или без нее, этот процесс уже идет. Компания «Доми», торгующая по сниженным ценам, импортирует колу марки «Сейфвэй» для пр дажи в Японии по цене 47 центов за бидон, что ниже цены местных напитков среднем на 55%. Это открывает широкие перспективы импорта для лимонада «Сейфвэй», кондитерских изделий и бутилированной воды. Японское правительство снизило ограничения на розничную торговлю, а также продолжительность и дни работы магазинов, и розничная торговля устремилась на неосвоенные пространства окраин. В сельских местностях повсюду начали появляться торговые ряды. Розничная торговля обратилась к дешевым импортным товарам, отдавая предпочтение Китаю в качестве их поставщика. Обуржуазившиеся розничные торговцы, предлагающие товары по сниженным ценам, стали желанными гостями на японской фондовой бирже. Столкнувшись с падением цен, вызванным дешевым импортом, японские компании начали проводить реорганизацию с целью повышения рентабельности .

В январе 1995 года было объявлено о соглашении между США и Японией, по которому американские инвестиционные фирмы получили право участвовать в управлении пенсионными фондами Японии . Менеджеры, управляющие инвестициями Уолл-стрит, скоро смогут преподать японцам на их собственной территории урок в области денежных махинаций, хищной финансовой политики, корпоративного каннибализма и управляемой конкуренции.

Тенденция к концентрации в сфере розничной торговли быстро распространяется на другие страны, что частично обусловлено изменениями в правилах торговли, открывающими местные рынки для крупных объединений розничной торговли. 14 января 1994 года, всего через 2 недели после заключения Северо-американского договора о свободной торговле (НАФТА), корпорация «Уол-март» объявила о своем внедрении в Канаду, которое началось с приобретения 120 торгующих со

скидкой универсальных магазинов «Вулко» у канадской компании «Вулворт». Журнал «Бизнес уик» назвал эту операцию «полномасштабным вторжением на канадский рынок». Инвесторы бросились продавать пакеты акций крупных канадских объединений розничной торговли, считая их слабо подготовленными к конкуренции с «Уол-март» в ценовой политике . Канадский эксперт по розничной торговле Джон Винер предрекал, что к концу 1990-х годов «половина работающих сейчас розничных торговцев может оказаться не удел» .

После подписания НАФТА столпы американской розничной торговли надеялись гак же легко захватить розничный рынок в Мексике, но, как пишет журнал «Бизнес уик», «армия мексиканских бюрократов, проникнутая духом привычки к протекционизму, заваливает их бумажной работой, меняя даже правила, сроки уплаты пошлин и изменяя тарифы до 300% на дешевые товары, импортируемые из Китая и предпочитаемые дельцами, торгующими со скидкой» . Мексика полагала, что она заключила с Америкой соглашение о свободной торговле, позволяющее ей стать основным поставщиком американского рынка на основе низкой оплаты труда. По-видимому, она изменила свое мнение, поняв, что американские розничные торговцы решили использовать НАФТА, чтобы открыть двери Мексики для товаров, производимых в Китае при еще более низкой оплате труда.

Каковы бы ни были жалобы крупных американских фирм розничной торговли, мы можем сделать вывод, что мексиканское правительство, во всяком случае, проявило больше здравого смысла, воздвигнув определенные преграды вторжению мегадельцов розничной торговли, чем когда оно потратило миллионы долларов, чтобы поддержать НАФТА.

Мечта творцов корпоративной империи теперь становится реальностью. Мировая экономическая система гармонизирует стандарты всех стран, приводя их требования к наименьшему общему знаменателю. Хотя некоторые фирмы, сознавая свою ответственность перед обществом, с ограниченным успехом стараются противостоять общему течению, им приходится выдерживать нелегкую борьбу. Следует осознать, что политика социальной ответственности в условиях мирового свободного рынка неэффективна: рынок не станет долго терпеть тех, кто не использует возможности раздавить неудачников.

Кроме того, необходимо усвоить значение рентабельности производства. В современной экономике люди не только становятся все менее необходимыми, но даже превращаются в основное препятствие на пути повышения экономической эффективности, когда требуют зарплаты,

достаточной для обеспечения их жизненного уровня. Всемирные корпорации стремятся освободиться от этого ненужного бремени. Мы порождаем систему, в которой остается все меньше места для человека.

19. Закат эры дилетантства

Мы вступаем, в новую эпоху истории человечества

—

эпоху, в которой для производства товаров и услуг населению Земли будет требоваться все меньше работников.

Джереми Рифкин

На протяжении предыдущих глав мы постоянно встречали модель, повторяющуюся на всех уровнях общества и во всех странах мира, — сотни миллионов людей, лишних для мировой экономики, выбрасываются ею на свалку. В Мексике мелкие фермеры вытесняются и уступают место механизированному сельскому хозяйству. В Индии их землю занимают новые грандиозные дамбы, необходимые для выработки электроэнергии, чтобы стало возможно заменить фабричных рабочихболее производительными машинами. На Уолл -стрит маклеры, занятые вводом данных в терминал компьютера для проведения торговых операций на мировых финансовых рынках, уступают место более эффективным компьютерным программам. В малых городах торговцы вытесняются супермаркетами, управляемыми мегадельцами розничной торговли, которым, в свою очередь, угрожают системы доставки товаров на дом с оформлением заказов по кабельному телевидению. Приборы распознавания голоса и автоответчики заменяют телефонных операторов, а обучение с использованием средств массовой информации — учителей. Сокращение штатов и консолидация корпораций позволяют избавиться от рабочих и руководителей среднего и даже высшего уровня. И конца этому не видно.

ВНАЧАЛЕ МУСКУЛЫ, ТЕПЕРЬ - ИНТЕЛЛЕКТ

Мы находимся на пороге второй промышленной революции. Первая использовала появившуюся у человека способность управлять энергией, чтобы придать машинам громадную мускульную силу и таким образом

значительно снизить потребность в физическом труде человека. Однако машины не умели считать, думать, делать визуальный выбор образцов, понимать человеческую речь. Вследствие этого каждая машина нуждалась в человеке-операторе, думающем за нее, и в человеке-посреднике, могущем быть ее ушами и глазами. Увеличение количества машин требовало увеличения количества обслуживающего персонала. Чем более совершенными становились машины, тем более высокая степень мастерства требовалась от операторов и тем более высокой оплаты они требовали. Вторая индустриальная революция использует основные преимущества техники информации, применяя компьютеры и электронные сенсорные устройства, обеспечивающие машине глаза, уши и мозг, то есть способность слышать, понимать и действовать разумно. Эти технологии находятся еще в зачаточном состоянии, и мы не можем предвидеть, во что они разовьются.

Экономисты, прочно занимающие штатные должности в ведущих университетах мира, заверяют нас, что причин для тревоги нет. Повышение производительности груда вызовет экономический рост, а это, по их утверждению, будет означать увеличение числа рабочих мест, как это произошло во время первой промышленной революции. Они не видят того, что в процессе механизации британской текстильной промышленности в период первой промышленной революции Британия перевела образовавшуюся в результате этого процесса армию безработных в Индию. Она ввела заградительные тарифы на импортируемый из Индии текстиль и обложила налогами индийские ткани, производимые для внутреннего потребления, и кустарные прялки надомных работников . Британские колонии также приняли много переселенцев, которые стали для европейской экономики лишними людьми. Высланные в колонии, они стали использовать лучшие земли для выращивания на экспорт таких культур, как хлопок, в качестве сырья для промышленности стран, из которых они прибыли.

Вторая промышленная революция опирается на процесс колонизации, определяемый скорее структурой общества, чем географией, и ставит все большую часть населения в положение жителей колоний.

Суть рентабельности заключается в достижении максимальной отдачи при минимальных затратах. Стремясь к повышению эффективности рабочего времени, мы говорим о повышении производительности труда. В подобных упрощенных рассуждениях, столь любимых авторами статей по экономике, это звучит достаточно хорошо.

Фермер, который приобрел небольшой трактор, может обработать

больше акров земли и получить больший урожай, что позволит ему получить больше прибыли для своей семьи или затратить меньше времени на полевые работы. В любом случае он выигрывает, никто ничего не теряет, и общество во многих отношениях становится богаче. К сожалению, реальный мир отличается от таких хрестоматийных примеров. В данном примере менеджер, хозяин и рабочий объединены в одном лице; фермер сам принимает решения, оплачивает их стоимость и определяет, использовать ли повышение производительности труда д ля увеличения количества получаемой продукции или для сокращения рабочего времени. В жизненной ситуации более вероятно, что решение принимает сельскохозяйственная корпорация, исходя исключительно из соображений выгоды. Небольшой привилегированной части рабочих придется производить больше продукции, остальные же потеряют работу с весьма малыми шансами найти другую.

По-видимому, владельцы капитала — единственные, кто, несомненно, выигрывает от повышения производительности труда в мире, где имеется избыток рабочей силы и отсутствуют профсоюзы. Однако, как предполагает аналитик организации производства Уильям Даггер, в будущем и они могут оказаться лишними:

Корпорации — воистину чудовище Франкенштейна, искусственно созданный безумец ответственный только перед своей бездушной сущностью. И это открывает некоторые многообещающие перспективы. Корпорации уже начали скупать свои собственные акции и хранить в своих сейфах. Можно сделать логический вывод, что, обладая 100% своих акций, корпорация может ни от кого не зависеть. Она полностью избавится от держателей акций из породы homo sapiens. Перед кем или чем она ответственна ? Продолжим наши рассуждения об организованной безответственности... Может ли корпорация полностью избавиться не только от людей, владеющих ею, но и от тех, кто на нее работает и ею управляет? Во что она тогда превратится ? Физически она может существовать как управляемая компьютерами система машин, которые покупают обрабатывают и продают потребительские товары. Такая система будет стремиться к разрастанию путем приобретения большего количества машин и к наращиванию мощности путем увеличения числа компьютеров для управления ими. В своей механической гонке за властью и прибылью она не будет ответственна за продуктивность и прибыль ни перед кем, кроме себя самой. Она будет в наиболее чистом виде олицетворять капитализм, не интересующийся ничем, кроме власти и прибыли .

Если какая-нибудь корпорация получит достаточную свободу, чтобы следовать своим тенденциям, она, возможно, когда-нибудь достигнет предела эффективности производства, превратившись в систему, состоящую исключительно из компьютеров и механизмов и поглощенную увеличением денежной массы. Мы можем назвать ее корпорацией, достигшей идеала рационализации. Разумеется, это не то, к чему мы стремимся, но ведем мы себя так, как будто мы хотим построить именно такой мир.

ТРЕВОГА В ВЕРХАХ

Даже среди наиболее элитарных обитателей Стратоса за завесой бесстыдной защиты экономической системы, находящейся на продвинутой стадии саморазрушения, заметно нарастание тревоги и беспокойства. В 1980—1982 годах 79% управляющих утверждали, что их позиция «надежна» или «абсолютно надежна». К 1992-1994 гг. эта цифра упала до 55% . И объясняется это не только повышением риска для их собственного положения. Они чувствуют, что происходит что-то не то, и что они оставляют своим детям глубоко расшатанный мир. Многие ощущают нарастание конфликта между своей личной шкалой ценностей и тем, чего требует их положение в корпорации.

Стараясь оправдать непомерно высокое жалование работников управления, пресса обычно указывает на необходимость такой оплаты для стимулирования их максимального усердия. Когда Уильяму А. Андерсу, председателю корпорации «Дженерал дайнэмикс», была назначена премия 1,6 млн. долл. за поддержание цены акций своей компании выше 45 долл. в течение 10 дней, представитель компании заявил газете «Вашингтон пост», что необходимо планировать премии, чтобы работники управления были заинтересованы в изменении деловой стратегии и старались добиться максимальных выплат держателям акций . Весьма странно выглядит необходимость миллионных премий самым привилегированным и высокооплачиваемым профессионалам мира за выполнение своих обязанностей.

Дерек Бок, бывший ректор Гарвардскою университета, дает этому интересное объяснение. По его мнению, выплата таких громадных вознаграждений высшим чиновникам корпораций необходима, чтобы они не поддавались соблазну пренебречь непосредственными интересами

акционеров ради других, таких, как выгода для своих сотрудников, для общества и даже перспективы жизнеспособности самой корпорации . Короче говоря, им необходимо платить неоправданно высокую зарплату, чтобы они не поддавались инстинкту социальной ответственности. Рассматриваемая под таким углом зрения, эта зарплата может служить индикатором того, насколько отвратительной стала работа менеджеров в эру сокращения корпораций в размерах. Этому кровопусканию не видно конца, и все больше людей утрачивают интерес к своей работе, как пишет журнал «Форчун» в статье «Вытравливаемые боссы», опубликованной 25 июля 1994 года:

Менеджерам, которых учили строить, теперь платят за разрушение. Они не нанимают рабочих, они увольняют. Такое положение им не нравится, но большинство из них поняли, что изменения ситуации не предвидится. Осознание этого меняет их отношение к жизни: работа уже не возбуждает, а иссушает.

Получать удовольствие от работы в такой ситуации кажется почти аморальным. В результате люди становятся замкнутыми и осторожными, боятся оказаться смытыми следующей волной увольнений. Это вынуждает их работать напряженнее и больше, компенсируя труд уволенных, и у них появляется чувство усталости и возмущения .

В отличие от биржевых дельцов, оперирующих миллионами долларов в мировом масштабе и недумающих о реальных людях, менеджеры производственных компаний постоянно имеют дело с живыми людьми. Именно они отвечают перед финансовым правлением за рост производительности труда и поэтому подвергают своих друзей и коллег испытаниям, почти таким же болезненным, как потеря любимых. Один менеджер высокого ранга пишет в «Форчун»: «Когда увольняешь людей в первый раз, это воспринимается как неизбежная часть бизнеса. А во второй раз я задумался: «Сколько же бед это повлечет за собой? Сколько разводов, сколько самоубийств? Я старался загружать себя работой, чтобы об этом не думать» .

Один начальник отдела кадров описывает встречу с менеджером, которому только что пришлось несколько раз увольнять своих непосредственных подчиненных. До этого волевой и не боявшийся ответственности администратор, теперь он много курил, худел, не мог смотреть своему начальнику отдела кадров прямо в глаза и производил впечатление человека на грани нервного срыва. Для другого администратора, который до этого ликвидировал тысячи рабочих мест, необходимость выбросить на улицу еще несколько тысяч бывших коллег

вылилась в потерю аппетита и бессонницу. У него стали появляться приступы спонтанного плача, и однажды он не смог встать с постели. Те, кто достиг вершины коммерческого и профессионального успеха в Америке, редко испытывают физический дискомфорт. Однако и они приходят к пониманию того, что никакие деньги не могут купить душевный покой, крепкую и преданную семью, верных друзей и чувство, что они занимаются полезной и важной работой.

Изменение окружающего мира ощущают даже те менеджеры, которые некогда находились на вершине власти и престижа в своей отрасли. Ричард Е. Снайдер, один из наиболее известных и влиятельных людей в издательском деле в продолжение 33 лет играл ключевую роль в превращении компании «Саймой энд Шустер» в ведущую американскую фирму в области средств связи с годовым валовым доходом 2 млрд долл. 14 июня 1994 года он, председатель и генеральный директор, был мгновенно и без предупреждения уволен в ходе пяти минутной встречи с генеральным директором компании «Виаком инк.», незадолго до этого принявшей на себя руководство компанией «Парамаунт коммью никейшнс», филиалом которой была фирма «Саймон энд Шустер». Официальной причиной увольнения было «несовпадение в стиле работы» .

Корпорация «Истман Кодак», управляемая председателем фирмы Кеем Р. Уитмором, заявила, что ее прибыль в 1992 году составила 1,14 млрд. долл. примерно 5% от торгового оборота. 6 августа 1993 года Уитмор был уволен назначенным извне правлением за слишком медленное снижение стоимости продукции. В 1992 году он отчитался за сокращение только 3000 из 132 000 служащих компании. Официальные акционеры требовали увольнения, по крайней мере 20 000 человек. Эксперты в сфере финансов посчитали его увольнение явным свидетельством того, что назначенные извне управляющие были намерены в первую очередь учитывать интересы инвесторов, а не администрации и работников фирмы. К концу дня цена акций корпорации «Кодак» достигла 3,25 долл. Управляющий инвестициями А. Г. Монкс заявил: «Это вели- кийденьдля наших американских акционеров» .

Опасность угрожает всем. Ни одна ступень пирамиды не дает никаких гарантий. Журнал «Экономист» недавно отметил:

Самым безопасным и хорошо оплачиваемым занятием в мире всегда была работа босса крупной американской фирмы. То есть, до недавнего времени. Но за последнюю неделю потеряли работу боссы «Ай-Би-Эм», «Вестингауза» и «Американ экспресс». За несколько месяцев до этого был бесцеремонно уволен с должности председателя корпорации «Дженерал

моторе» Роберт Стемпель. И теперь в руководстве крупных компаний пытаются предугадать, кто будет следующим .

Журнал «Экономист» объясняет это явление переходом рычагов управления от индивидуальных инвесторов к влиятельным инвестиционным фондам, нацеленным на «выполнение», которые напрягают свои мускулы лишь для того, чтобы выгонять с работы менеджеров высшего ранга за то, что, по их мнению, они «недовыполняют». В борьбе за смену руководства нет необходимости, так как управляющие фондами знают, что они могут заставить существующую администрацию компании, акциями которой они владеют, грабить свою компанию ради ожидаемого паразитической финансовой системой быстрого возмещения расходов.

НЕОБХОДИМОСТЬ САМООГРАНИЧЕНИЯ

Реструктуризация корпораций связана не только с резким сокращением количества рабочих мест, но и с ухудшением положения тех, кто не потерял работу. Рынок труда для «белых воротничков» все более напоминает биржу труда, где собираются безработные в надежде на поденную работу. Принцип необходимости своевременного учета фондов теперь относится и к человеческим ресурсам.

Количество рабочих, нанятых через агентства по временному трудоустройству, возросло за 10 лет на 240%. «Мэнпауэр», крупнейшее из 7000 таких агентств в Америке, насчитывающее в своем реестре 600 000 временных рабочих, в настоящий момент является самым крупным частным работодателем.

Хотя некоторые рабочие согласились на временную работу или неполный рабочий день добровольно, в 1993 году почти треть из 21 млн. рабочих с неполным рабочим днем заявили, что они предпочли бы иметь полный рабочий день.

Многие уволенные сами нашли себе работу, подписав индивидуальный контракт на временную работу. При этом заработки у большинства из них резко снизились. Хотя многие свидетельства звучат как анекдот, статистическое бюро пришло к выводу, что реальный средний доход американцев, зарабатывающих себе на жизнь, с 1989 до 1992 года снизился на 12,6% и достиг уровня 18 544 долл. Многие из тех, кто за последнее время самостоятельно нашел себе работу, получают значительно

меньше 18 000 долл. в год — минимальный доход, при котором содержание семьи становится экономически трудным, если вообще возможным .

Молодым людям, имеющим профессию, сейчас настоятельно рекомендуют планировать собственную карьеру независимо от своих компаний, самим решать свою судьбу и устанавливать контакты на стороне, чтобы быть готовыми к изменению ситуации, если перед ними откроются новые возможности или их компания решит с ними расстаться. А вот совет тем, чья карьера только начинается: относитесь к каждой работе так, как будто вы работаете на себя .

В недалеком прошлом каждая фирма была для работающих в ней почти второй семьей, их основной опорой в окружающем мире, часто бездушном и нестабильном. Хорошая работа означала нечто гораздо большее, чем зарплату. Она давала людям веру в себя и неоценимое ощущение прочного взаимопонимания с окружающими. Это время прошло, превратив саму семью в источник стресса. На современном рынке рабочей силы различие между «белыми» и «синими воротничками» не столь значительно, как между имеющими и не имеющими постоянную работу. Сама система внушает людям стремление «взять от нее как можно больше, пока возможно». Каждый должен сам позаботиться о себе, поскольку никто другой о нем не позаботится.

ПОПЫТКИ ПРИСПОСОБИТЬСЯ К УХУДШАЮЩЕЙСЯ СИТУАЦИИ

Люди, лишившиеся своего рабочего места, редко находят новую работу с соизмеримой зарплатой. Начальный заработок резко падает. Шестьсот новых агентов по приему заказов на билеты на «Юнайтед эйрлайнз», принятые в июле 1994 года, столкнулись с потолком постоянной зарплаты 18 000 долл., в то время как агент, принятый на ту же работу на 6 месяцев раньше, мог рассчитывать на зарплату до 34 000 долл. после 10 лет работы . Рабочие, избежавшие увольнения, часто сталкиваются с необходимостью'выбора между потерей в зарплате и льгот и полной потерей работы. В США средняя почасовая оплата рабочих, занятых на производстве, снизиласьс 11,37 долл. в 1973 году до 10,34 долл. в 1991 году (по курсу доллара 1991г.), в то время как среднегодовой ресурс рабочего времени возрос с 1683 часов в 1973 году до 1781 в 1990 году .

Снижается доля рабочих мест с полным рабочим днем, обеспечивающих прожиточный минимум. Статистическое бюро США

сообщает, что 18% рабочих США с полным рабочим днем в 1992 году получали зарплату, недостаточную для содержания семьи из 4 человек на уровне выше официальной границы бедности, 13 091 долл., в то время как в 1979 году таких рабочих было только 12%. Заработок 47% рабочих с полным рабочим днем в возрастной группе 18—24 года, согласно информации Бюро, был ниже уровня бедности; в 1979 году их было 23%.

Статистическое бюро, обычно занижающее свои данные, называет этот стремительный и драматический сдвиг «поразительным» . По мнению некоторых экспертов, данные статистики сильно преуменьшают количество американских рабочих, живущих за чертой бедности, так как сейчас для обеспечения нужд семьи из 4 человек требуется доход не менее 20 000 долларов .

Даже положение работников интеллигентных профессий, составляющих средний класс, за 1990-е годы заметно ухудшилось. Журнал «Бизнес уик» пишет: «Если предшествующее десятилетие характеризовалось появлением «яппи», молодых людей, работающих по профессии и выделяющихся своим материальным достатком, то 1990-е годы могут стать временем «дампи», профессионалов, опускающихся по социальной лестнице» . По сообщению Министерства труда США, 20% выпускников американских университетов 1984-1990 годов получили работу, на которой они были «недоиспользованы», и по прогнозам 30% выпускников 1994-2005 годов пополнят ряды безработных или недостаточно загруженных работой . Феномен коридорного в отеле со степенью бакалавра превратился в обычное явление. «Тайм» недавно отметил светлое пятно на горизонте — рост потребности в тюремных охранниках .

Даже семья, где двое взрослых принадлежат к «белым воротничкам», и выполняют типичную для среднего класса работу, теперь вынуждена бороться завыживание. В качестве примера можно привести Пола и Джейн Ламберт, работающих полный рабочий день. Она — менеджер офиса, он — диспетчер по приему заказов фирмы «Сиарз» по телефону. Их общий доход не позволяет им покупать новую одежду, оплачивать медицинскую страховку, услуги дантиста, не говоря уж о кино, ремонте автомобиля и ресторане. Их семья может питаться регулярно только благодаря финансовой помощи родителей Джейн .

Крейг Миллер раньше был членом профсоюза и работал в листопрокатном цехе «ТВА». Зарплата 15,65 долл. в час обеспечивала его семье годовой доход свыше 36 000 долл. Имея два автомобиля в гараже и качели во дворе, они могли служить примером респектабельной семьи

среднего класса, олицетворением американской мечты. В 1992 году Миллер был уволен. Теперь он выполняет срочные заказы на гамбургеры в «Макдональдс», водит школьный автобус и открыл малое предприятие по замене печных фильтров. По еле работы на школьном автобусе он приходит домой в 5 часов вечера. Наскоро пообедав с мужем, его жена уходит на работу в фирме «Тойз ар ас», где она с 6 до 12 часов заполняет полки, а ее муж в это время остается дома с детьми. Кроме того, один день в неделю она работает в той же фирме «Макдональдс», в которой работает ее муж. Их общий доход приближается к 18 000 долл. и их будущее тревожно. Один из друзей Миллера, также уволенный из «ТВА», не смог найти работу с оплатой более 6 долл. в час и в возрасте 39 лет вернулся к родителям, оставив надежду жениться и иметь детей. Другой их бывший коллега работает дворником. Распадаются браки. Процветает алкоголизм. Профсоюзные руководители не исключают того, что примерно 10 из нескольких сотен уволенных работников «ТВА» покончили с собой . Истории такого рода напоминают период Великой депрессии. Однако они — порождение той реальности, которая по общепринятым показателям считается режимом устойчивой экономики.

В экономике, оценивающей деятельность с точки зрения получения дохода, люди превращаются в главную причину неэффективности, и она мстительно выбрасывает их на свалку. Когда миром управляют деньги, предпочтение финансовых соображений интересам людей выглядит неизбежным. То, что мы сейчас переживаем, точнее всего можно определить как процесс подчинения всей нашей жизни деньгам. Непротивление этому абсурдному перекосу во взглядах и целях людей выглядит по меньшей мере как случай коллективного самоубийственного сумасшествия. Однако это не такое уж новое явление. Мы можем понять его сущность и вероятные последствия, обратившись к более традиционному опыту колонизации.

20. Лишние люди

Необходимо найти новые территории, где мы
сможем легко получать сырье и одновременно использовать
дешевый рабский труд населения колоний. Кроме
того, колонии обеспечат допинговый сбыт излишков
продукции наших фабрик.

Сесил Родс
«основатель» Родезии

Те из нас, кто вырос в обществе, в котором наличие денег — это вопрос выживания воспринимают такую зависимость как естественную составляющую жизни. Чтобы понять, насколько такое положение противоестественно, необходимо мысленно вернуться к прежним общественным структурам, в которых взаимоотношения людей определялись бережным отношением к семейным и общественным связям. Хотя теперь мы склонны считать общества, существовавшие до появления денег, примитивными культурами с тяжелыми условиями жизни, некоторые из них имели высокоразвитую культуру и обеспечивали своим членам существование, безопасное и разумное как в социальном, так и в духовном отношении.

Хотя жизнь людей в таком обществе иногда была весьма суровой, они редко испытывали чувство обездоленности, неустойчивости и одиночества — то, что постоянно чувствуют не имеющие денег в монетаризированном обществе. Действительно, можно с большой долей вероятности предположить, что в современном мире только 2 - 3 млн. человек ведут менее безопасную и благополучную жизнь, чем их предки, чье существование, как правило, не зависело от денег.

Сейчас большая часть мира настолько втянута в глобализованную денежную экономику, что очень немногим из нас выпала благоприятная возможность испытать на себе иной образ жизни. Антрополог Хелена Норбергп Ходж составляет такое исключение. Ей посчастливилось познакомиться с бытом живущих традициями деревень Ладаха, района Кашмира в Индии, расположенного за Гималаями, когда этот регион 20 лет тому назад был впервые открыт дляпосещения. Ее трогательные рассказы о том, что она видела, свидетельствуют о возможностях человечества, в настоящее время почти забытых:

В живущем традициями Ладахе было бы немыслимо ставить понятие счастья в зависимость от размера дохода или собственности. Глубоко укоренившееся уважение к основным потребностям других людей и принятие естественных ограничений, связанных с окружающей средой, удерживало жителей Ладака от ложных оценок. Они просто ощущали себя счастливыми. Хотя их жизнь была тяжелой по западным стандартам, люди решали свои основные физические, социальные, духовные и творческие проблемы, испытывая уверенность и надежность бытия в обществе, основанном на заботе о человеке и гарантирующем пропитание в условиях аграрной экономики, — и явно радовались жизни.

Норберг - Ходж регулярно посещала этот район , наблюдая и описывая последующие изменени по мере того, как вторжение эволюции в западном стиле «порождало вакуум в жизни людей , комплекс неполноценности в их самооценке и алчность в отношении материальных благ». Современной колонизации Ладаха способствовало совместное влияние западного туризма, средств массовой информации, системы образования и техники.

Западный турист может потратить за один день больше, чем семья Ладаха за год. При виде этого жители Ладаха неожиданно почувствовали себя бедными. Эта новая оценка породила пропасть, которой прежде не существовало, так как в традиционном Ладахе людям не нужны были деньги для обеспеченной и полноценной жизни. Общество Ладаха жило на основе взаимопомощи и совместного труда; никто не нуждлся в деньгах для получения работы, обеспечения продуктами, одеждой и кровом...

При своей традиционной экономике жители Ладаха знали, что они зависят от других людей, которые, в свою очередь, зависят от них. В новой экономической системе местная взаимозависимость разрушается вместе с привычным миролюбием. Вместо системы коллективного удовлетворения своих потребностей определяющими факторами выживания стали конкуренция и голод. Кроме того, по мере нарастания веры в далекую бюрократическую машину правительства у людей

развивается пассивность. Чем сильнее правительство вмешивается в сельскую жизнь ради ее «развития», тем меньше жители деревни стараются помочь себе.

Попытки индийских органов управления индустриализировать Ладах приводят к тому, что мужчины покидают свои семьи в деревнях ради заработка в городе. Поскольку современный мир считает производительными членами общества только получающих зарплату, домохозяйки, потомственные фермеры и пожилые попадают в разряд «непродуктивных», что представляет собой разительный контраст с их ролью в прежнем Ладахе. Ослабление семейных и общественных связей приводит к нарастанию чувства личной незащищенности, что, в свою очередь, усиливает стремление людей к обладанию признаками материального благосостояния .

Мы можем много узнать о диапазоне человеческих возможностей, вспомнив домонетарные общества с высокой культурой, подобные Ладаху, разумеется, не предполагая при этом, что наше спасение от кризиса заключается в возврате к прошлому. Изучение последующей эволюции этих обществ дает нам полезную, хотя и не успокоительную возможность понять природу и смысл модернизации.

После более чем 30 лет работы, посвященной вопросам развития общества, я лишь недавно понял, до какой степени инициатива Запада в сфере эволюции была направлена на отрыв людей от привычных им жизненных благ и разрушение защитных связей, обеспечиваемых семьей и обществом, с целью поставить их в зависимость от рабочего места и продукции современных корпораций. Она является естественным продолжением процесса, который начался с огораживания, или приватизации, общественной земли в Англии с целью сосредоточить выгоды от сельскохозяйственного производства в руках меньшинства . Эра колонизации распространила этот процесс на страны с низким уровнем индустриализации. Помощь развивающимся странам и инвестиции после Второй мировой войны явились продолжением того же основного процесса под более деликатным и дружелюбным прикрытием и поставили на службу деньгам производственные и сервисные направления социальной экономики, заменив местные структуры сельского хозяйства, управления, здравоохранения, образования и взаимопомощи системами, более подотчетными центральной власти.

Чтобы лучше понять эру современной эволюции, ее можно охарактеризовать как время расширения перспектив для тех работников, чьи функции порождены денежной экономикой, таких, как руководители

корпораций, работники маркетинга, юристы, инвесторы, банкиры, бухгалтеры, брокеры по инвестициям и т.п. Эти «работники финансов» не производят ничего, имеющего реальную стоимость, но получают неплохое вознаграждение за исполнение функций, не существовавших в обществах домонетарного периода. Можно сказать, что именно они извлекли основную выгоду из эволюции и явились колонизирующей элитой общества корпоративного колониализма.

Выше уже приводилось утверждение идеолога глобализации Кеничи Омае, что в современной мировой экономике стоимость производства определяет только примерно 25% товарной цены массовой продукции. Иными словами, 75% стоимости, создаваемой производителями реальных товаров и услуг, присваивается теми, кто имеет дело только с финансами.

Одна из главных проблем для администрации колоний состояла в том, чтобы оторвать тех, кто обеспечивал их существование, от находящейся в их личном и коллективном владении земли и заставить их отдать землю и свою рабочую силу плантациям, то есть сделать их зависимыми от финансовой экономики, чтобы их природные ресурсы, труд и потребление могли приносить выгоду колонизаторам. Первым шагом, как правило, было объявление всех «некультивируемых» земель — обычно участков коллективного владения — собственностью колониальной администрации. «Одним ударом местные общины лишались законного права на землю, которую они всегда оставляли под пар, лесные угодья, пастбищные земли и берега рек, которые они считали местами охоты, сбора ягод и грибов, рыболовства и пастьбы . После этого широкие лесные полосы объявлялись «лесными заказниками». Традиционные права доступа к ним урезались при продаже земли европейским поселенцам или сдаче ее в аренду финансовым концернам под плантации, шахты или для лесозаготовок. Буры в Южной Африке оправдывали изгнание фермеров с их родовых земель тем, что у них не было системы в организации сельского хозяйства и поэтому их можно было считать незаконными владельцами земли . Навязываемая им работа ханжески объявлялась с точки зрения эволюции выгодной для порабощаемых. Министр финансов Франции в 1901 году заявил:

Негр не любит работу, и ему, как правило, чужда идеи экономии; он не понимает, что праздность держит его в состоянии абсолютной экономической неполноценностb. Поэтому для улучшения его жизни необходимо использовать рабство и после этого учить его жить свободно

.

Во многих колонизированных странах требование уплаты налогов только наличными деньгами использовалось для насильственного

вовлечения людей в денежную экономику. Возложение обязанности собирать налоги на сельских старейшин разрушало веру в надежность и законность традиционных структур местного самоуправления. Налогами облагалось именно то, обходиться без чего жителям деревни было труднее всего. Во Вьетнаме французы ввели налоги на соль, опиум и алкоголь, англичане в Судане — на зерно, скот, жилище и домашнее хозяйство. В своих западно-африканских колониях французы в качестве наказания за уклонение от уплаты налогов брали в заложники жен и детей, секли людей кнутом, жгли дома и оставляли человека связанным и голодными в течение нескольких дней . В те ранние времена эволюция была жестоким делом.

Эра традиционного колониализма закончилась после Второй мировой войны, и образовавшуюся нишу занял новый корпоративный колониализм, чему способствовали экономическая помощь из-за рубежа, инвестиции и торговля. В борьбе за души населения колоний религиозную конверсию заменила экономическая. Экономическое развитие пропиталось мистическим смыслом, эликсиром свободы. Этот эликсир был более утонченным, изощренным и соблазнительным, чем прежний колониализм, но результат был тот же — усиление зависимости от денежной экономики и, как следствие этого, рост зависимости от коммерческих учреждений, рычаги управления которыми были в руках меньшинства. Экономисты эры эволюции, пророки экономического развития, проповедовали все те же идеи: чтобы идти в ногу с современностью, люди должны быть насильственно оторваны от своих ферм и должны влиться в массу городских рабочих, занятых на финансируемых зарубежными займами крупных фабриках, чтобы их земля могла быть объединена в плантации, работающие на иностранные рынки. Их труд на земле должен быть обращена использование семян, удобрений и инсектицидов, производимых и поставляемых гигантскими корпорациями. Необходимо нанимать консультантов из-за рубежа на ключевые позиции за непомерную зарплату и с громадным и льготами и импортировать зарубежные технологии и товары.

Многофункциональные банки и агентства по оказанию помощи диктовали экономическую политику «развивающимся» странам. Миссии военной помощи и тайные политические агенты формировали их политику, а международные корпорации эксплуатировали их ресурсы и проникали на рынки этих стран . Соблазном служили деньги — гранты, займы, торговля, инвестиции. В случае любого затруднения или кризиса спасением были деньги — точнее, иностранная валюта для покупки иностранных товаров у иностранных компаний.

С каждым шагом на этом пути ослабевали общественные институты и усиливалась зависимость от денежной экономики, особенно зарубежной. Одобрялось и поддерживалось создание органами управления громадного бюрократического аппарата взамен прежних систем образования, здравоохранения и социального обеспечения. Последовала структурная доводка, и бедным, которые зависели от этих организаций, было заявлено, что они обходят слишком дорого и препятствуют необходимому для экономики международному товарообмену, особенно оплате долгов зарубежным банкам. Людям еле дует обходиться без этих ненужных затрат. Более того, они должны использовать еще больше своих сельскохозяйственных угодий для производства зерна экспорт, импортировать еще больше необходимых им продуктов и привлекать иностранных инвесторов предложениями налоговых льгот, дешевых лесоматериалов, лучших сельскохозяйственных земель, минеральных и топливных запасов и дешевой рабочей силы. Они также должны предлагать субсидированную электроэнергию и физическую инфраструктуру, оплачиваемые новыми иностранными займами.

На пути от колониализма через эволюцию к структурной адаптации жители южных стран были интегрированы в мировую экономику, в которую их буквально тащили шаг за шагом. Немногие счастливцы из южной элиты приспособились к условиям колонизации и сумели накопить громадное состояние. В средний класс некоторых южных стран попало достаточное число людей, чтобы образовать процветающие островки общества потребления. Однако большинство лишились поддержки, которую им прежде оказывала разрушенная теперь социальная экономика, и оказались в новых условиях людьми без места и перспектив.

СВОБОДНЫЕ РЫНКИ, ОТКРЫТИЕ ГРАНИЦЫ

Судьба обществ, в которых, в отличие от остальных, процессы развития колониализма, как старого, так и нового, достигли завершения, подробно описана в статье Роберта Каплана «Грядущая анархия», напечатанной в журнале «Атлантик мансли». Описываемый район — Западная Африка. Каплан расценивает ее опыт как предсказание будущей судьбы человечества — «болезни, перенаселение, неспровоцированная преступность, дефицит ресурсов, миграция беженцев, рост эрозии национальных государств и межгосударственных границ, усиление влияния

частных армий, охранных фирм и международных картелей по изготовлению наркотиков» . Иными словами, экономика свободного рынка без предела.

По словам Каплана, правительство Сьерра-Леоне, возглавляемое 17-летним армейским капитаном, — это разношерстная группа подонков, которая дневное время держит под контролем столицу и часть сельских районов. О существовании правительства явно свидетельствует национальная армия, которая угрожает путешественникам на контрольных пунктах, требуя дань. По ночам, когда национальная армия уходит, хозяином положения становится враждующая с ними армия мятежников. Изменившие правительству военачальники вступают в союз с недовольными деревенскими вождями. Два независимых подразделения, оставшиеся после войны с Либерией, содержат на территории Сьерра-Леоне свои базы.

Как следствие, около 400 000 граждан Сьерра-Леоне — внутренние мигранты, более 280 000 бежали в соседнюю Гвинею, еще 100 000 — в Либерию, хотя 400 000 л иберийцев бежали в Сьерра-Леоне. Гондама, третий по величина город Сьерра-Леоне, — это лагерь перемещенных лиц. С учетом того, что 400 000 либерийцев переселились в Гвинею и 250 000 — на Берег Слоновой Кости, границы между этими четырьмя странами практически утратили смысл. Даже в спокойных зонах ни одно правительство, за исключением Берега Слоновой Кости, не следит за состоянием школ, мостов, дорог и полиции, что входит в обязанности нормально функционирующей верховной власти .

Происходит стремительное уничтожение лесов, что приводит к эрозии почвы, наводнениям и размножению комаров. Малярия — почти повсеместное явление. Насилие, нестабильность жизни и болезни изолируют сельские районы от городов. Производство какао, некогда процветавшее в Береге Слоновой Кости, притягивает рабочих мигрантов из других стран Западной Африки подобно магниту. Примерно половина населения страны в настоящее время не граждане Берега Слоновой Кости, а в Абиджане их около 75% от общего числа жителей. Районы жалких лачуг занимают все больше места среди небоскребов, создающих видимость процветания в «западно африканском Париже». Эти трущобы сделаны из отбросов; их обитатели испражняются в канавы, наполненные мусором, в которых лежат свиньи, а женщины в тех же канавах моют посуду среди полчище малярийных комаров. Молодежь пьет пиво, пальмовое вино и джин, днем играет в азартные игры, а по ночам грабит дома в более зажиточных соседних районах.

У населения, жившего традициями Ладаха, вероятно, были свои трудности, и немногие из нас, живущих в современном западном обществе, хотели бы поменяться с ними образом жизни. Однако жизнь в тесно взаимосвязанных общинах Ладаха была раем по сравнению с районами, подобными Западной Африке, где общественные структуры разбивались вдребезги следующими одна за другой волнами колониального вторжения.

Каплан отмечает, что пример Западной Африки — не единичное явление. Он ссылается на Мартина ван Кревельда, военного историка Древнееврейского университета, который следующим образом представляет себе нарождающийся мир запредельного неравенства, нищеты и обнищавших государств, мир, потерявший способность поддерживать общественный порядок:

Как только законная монополия на содержание вооруженных сил, издавна принадлежащая государству, будет вырвана из его рук, существующая грань между войной и преступлением, рухнет, как это уже случилось в Ливане, Шри-Ланке, Эль-Сальвадоре, Перу и Колумбии. Городская преступность может развиться в тлеющий конфликт в результате слияния религиозных, социальных и политических противоречий .

Это довольно точное описание той власти насилия, которая превратила многие американские гетто в настоящие военные зоны. Апокалиптическая картина Каплана — угрожающе достоверное изображение текущего процесса и скрытой за ним динамики. Для все возрастающего числа людей в мире, особенно для молодежи, этнических меньшинств и женщин, больше не существует мечты об обеспеченном и спокойном будущем, есть только мрачная перспектива обособленности, отчаяния, лишений, позора и жестокого насилия.

Статистические данные ООН обеженцах выявили один из самых пугающих показателей нарастания степени общественного распада и разобщенности в мировом масштабе. В 1960 году ООН классифицировала 1,4 млн. людей в мире как беженцев. К 1970 году эта цифра возросла до 2,5 млн., к 1992 году —до 18 млн. Большинство из них находятся в лагерях беженцев в Азии и Африке, где ним добавляются в среднем почти 10 000 человек вдень . В 1994 году в лечение 48 часов более миллиона жителей Руанды бежали от кровавых боев в своей разрушенной стране в соседний Заир, после чего общее число беженцев из Руанды, по официальным данным, достигло 2,1 млн. человек .

Кроме того, поданным ООН, более 24 млн человек кочуют в своих собственных странах. Это значит, что примерно один из каждых 130

жителей планеты против своей воли оторван от места, которое он считает своим домом эхом слов Каплана звучит высказывание Садако Огата, главного уполномоченного ООН по делам беженцев:

Проблема беженцев сейчас более, чем когда-либо, является результатом жестоких внутренних конфликтов. Националистические, этнические и внутриобщинньц противоречия стали основными причинами перемещения беженцев по всему миру, будь это мыс Гэрн в Африке, Судан, бывший СССР и Балканы или Средний Восток и регионы Азии... Ослабление власти авторитарных режимов и разрушительные последствия гражданских войн вносят напряженность в хрупкие государственные структуры. В таких случаях, как Сомали или Босния и Герцеговина, это привело к распаду государств на части, управляемые конкурирующими кликами .

В дополнение к этому миллионы людей лишаются своих домов из-за того, что вызванные природными явлениями или действиями других людей катастрофы делают места их проживания непригодными для нормальной жизни или снижают способность земли обеспечить нужды зависящих от нее людей. Природные катаклизмы могут, в свою очередь, способствовать усилению внутренних вооруженных конфликтов, которые обычно связывают с комбинацией ухудшения экономической обстановки, отсутствия сильных и представительных политических институтов и разрушения традиционных связей. В этих условиях политический конфликт часто переходит в анархию и низводит страну в положение одного из многих соперников в борьбе за сокращающиеся прибыли, а ее население остается без какой-либо защиты со стороны государства. Конфликт нарушает процесс производства и распределения продуктов питания; вот почему во время конфликтов гораздо больше людей умирают от истощения и болезней, чем из-за самого конфликта. Такой мир едва ли удобен для существования, как отдельных людей, так и корпораций, и, тем не менее, это именно тот мир, к которому нас неумолимо толкают силы корпоративной колонизации.

Альтернативы для изгоев для тех, кто оказался на обочине жизни и кому мировая монетаристская экономика не оставляет надежды на будущее, остаются три возможности:

1) смириться с неизбежным и жигь подачками благотворительных организаций или отбросами, медленно погибая от истощения, либо совершить самоубийство; 2) искать товарищей, не бояшихся насилия, и жить преступлениями и грабежом; 3) объединяться и возрождать общины, изолированные от мировой экономики. Первый вариант не требует

пояснений. Два других определяют противоположные взгляды на будущее человечества: обреченность и надежда.

Каплан обнажает пугающую истину: тем, чья жизнь — сплетение жестокости и лишений, организованное насилие приносит чувство облегчения:

Множество людей нашей планеты, которым совершенно незнакома комфортабельная и спокойная жизнь среднего класса, считают войну и жизнь в бараках шагом скорее вверх, чем вниз. Там, где всегда была массовая нищета, насилие выглядит освобождением .

Мы приходим к пониманию того, что то же самое можно сказать об участи обитателей гетто в бандах, которые удовлетворяют жажду общения и дают ощущение коллектива, недостижимое каким-либо иным путем. Организованное насилие заполняет эту нишу, давая возможность чувствовать себя частью большой группы людей, найти товарищей, которые обеспечат коллективную поддержку и помогут оправдать желание излить свою злобу на мир, который до этого тобой не интересовался. Для некоторых это почти религия, дающа обостренное чувство познания себя через признание жизни исключительно в данный момент и освобождение от размышлений о неудачах. Пока в нашем мире существуют вынужденные физические, социальные и духовные лишения, насилие является их почти неизбежным следствием.

К счастью, для выброшенных из жизни существует третий путь — возрождение общин, отгородившихся от прислуживающей корпорациям мировой экономики. В качестве противовеса своему описанию ужасающей анархии в трущобах Западной Африки Роберт Каплан пишет о влиянии на жизнь общества района трущоб в столице Турции Анкаре. Его обитатели, бедные и обездоленные, сохраняют свою сильную культурную общность, духовные ценности и социальную общность. Преступления против личности и алкоголизм — явления исключительные. Внутри временных жилищ идеальная чистота, и дети учатся в школе.

Пришло время понять, что лекарство от нищеты бесполезно искать в экономическом росте мирового свободного рынка, ослабляющего и разрушающего культурные и общественные связи в угоду мировым корпорациям. Необходимое лечение состоит в восстановлении и укреплении этих связей. Наше общее выживание — не только бедных и обездоленных, но и относительно зажиточных и еще не выброшенных на обочину жизни — состоит в создании организационной структуры и шкалы ценностей, способствующих этому восстановлению.

Часть VI. Возвращение власти

21. Экологическая революция

Сознательно изменяя внутренний образ реальности,
люди могут изменить мир...

Виллис Харман

Я верю, что мир стал более единым и все больше людей
ощущают свою близость друг к другу... Возможно
иметь новые мысли и новые общие ценности для людей
и всех других форм жизни...

Вангари Маатхаи, координатор
движения «Зеленый пояс Кении»

Ни один здравомыслящий человек не желает мира, разделенного между миллиардами отверженных, живущих в абсолютной нищете, и небольшой кучкой элиты, охраняющей свое богатство и роскошь за крепостными стенами. Никого не радует перспектива жить в мире гибнущих социальных и экологических систем. И все же мы продолжаем подвергать риску человеческую цивилизацию и даже само выживание нашего биологического вида, для того, чтобы позволить приблизительно одному миллиону людей копить деньги в количествах, существенно превышающих их потребности. Мы продолжаем бодро шагать туда, куда идти не хочет никто.

Мы уже начинаем видеть, что экономическая глобализация дается очень дорогой ценой. Во имя современности мы создаем дисгармоничное общество, которое на каждом шагу порождает патологическое поведение: насилие, чрезмерную конкуренцию, самоубийства, наркоманию, алчность и разрушение окружающей среды. Такое поведение есть неизбежное следствие ситуации, когда общество не в состоянии удовлетворить насущные нужды своих граждан в социальных связях, доверии, душевной привязанности и общем для всех представлении о том, что есть свято .

Трехсторонний кризис углубляющейся нищеты, экономического разрушения и социального распада есть проявление дисфункции общества.

Наше коллективное безумие, побуждающее нас проводить политику на углубление такой дисфункции, не является чем-то неизбежным. Мысль о том, что мы попались в ловушку неуправляемых исторических сил и свойственного человеку несовершенства, против которых у нас нет никакого противоядия, и остается лишь приспосабливаться, есть чистейшей воды вымысел. Экономическая глобализация проводится в жизнь путем сознательного выбора тех, кто видит мир через призму корпоративных интересов. У человечества есть другие альтернативы, и те, кто смотрит на мир через призму человеческих интересов, имеет и право и власть выбрать их.

Здоровое общество опирается на здоровые, чувствующие свою силу местные общины, которые создают заботливые отношения между людьми и помогают нам упрочивать связь с конкретным кусочком живой земли, на котором протекает наша жизнь. Такие общины должны создаваться самими местными жителями, от семьи к семье, от одной общины к другой. Мы же создали институциональный и культурный контекст, подрывающий местную инициативу, затрудняющий или даже исключающий всякую самостоятельную деятельность на местах.

Для того чтобы устранить эту социальную дисфункцию, мы должны расстаться с заблуждениями нашего коллективного культурного транса, вернуть былую власть, которую мы некогда передали явно неудачным структурам, взять ответственность за свою жизнь в свои руки и восстановить основы заботливых отношений в семье и общине для того, чтобы создать нормальные условия существования для людей и других форм жизни. Мы в состоянии сделать это, но для этого требуется изменить преобладающую систему взглядов, ценностей и институтов нашего общества — совершить экологическую революцию, соизмеримую с революцией Коперника, которая открыла дорогу научно-промышленной эре. Эти параллели очень поучительны.

РАЗНОЕ ВИДЕНИЕ РЕАЛЬНОСТИ

Революция Коперника строилась вокруг коренного изменения преобладающих представлений о природе вещей. Связанные с этим проблемы требуют изучения, потому что они уходят в самую глубину

нашего нынешнего кризиса и помогают определить сложности экологической революции .

Трансцендентальный монизм (взгляд, заключающийся в том, что сознание, или дух, порождает материю) лег в основу философских учений многих восточных культур, — по крайней мере, до недавнего наступления западной науки, индустриализации, глобальной конкуренции и потребительства. Сторонники этой традиции полагают, что сознание является первичной реальностью, а материя есть порождение сознания, или духовной энергии. Основываясь на воззрении, что все сознание, а также его материальное проявление, происходит из одного и того же единства, трансцендентальный монизм рассматривает внутреннюю мудрость, доступную через нашу духовную связь с бесконечным, как основной источник истинного знания. Эту традицию обычно связывают с отрицанием материальных вещей, фаталистическим смирением с существующими материальными условиями, с сильным чувством общности и глубоким благоговением перед природой.

На Западе иудейско-христианская традиция развивалась в совершенно ином направлении, олицетворяя бога как существо, которое живет в далеком и отдельном царстве и чье внимание приковано к Земле и ее жителям В этой традиции божья воля и мудрость проявляются через его пророков, таких как Моисей, или через его воплощения, такие как Христос. Считалось, что Земля есть центр Вселенной, а Солнце, звезды и планеты вращаются вокруг нее. Эти воззрения были основой научной мысли, морали и политической власти Европе еще совсем недавно — всего 500 лет назад.

А в 1543 году Николай Коперник опубликовал работу «Вращение небесных сфер», где выдвинул тезис о том, что Земля — лишь одна из бесчисленных планет, которые вращаются вокруг Солнца, которое, в свою очередь, лишь одна из бесчисленных звезд космоса. Это привело к исторической конфронтации между наукой и Церковью в отношении того, что следует считать более важным источником человеческого знания — научное наблюдение или божественное откровение? Материалистический монизм (взгляд на то, что материя порождает сознание, или дух) стал основополагающим взглядом, принятым наукой, открывшим дорогу тому, что историки называют революцией Коперника. Сторонники этой традиции полагают, что материя есть первичная реальность, физические измерения есть единственный достоверный источник знания, а опыт сознания есть лишь проявление материальной сложности физики мозга. Следовательно, невозможно себе представить, чтобы какая-либо форма сознания

существовала независимо от физического присутствия. Материалистический монизм лег в основу западного научного образования и культуры на протяжении большей части научно-промышленной эпохи. Его обычно связывают с отрицанием духовного и акцентированием материализма, индивидуализма и эксплуатации природы.

По мнению историка Эдварда Макналла Бернса, значение революции Коперника заключается в том, что «философу более не было необходимости делать реверансы в сторону откровения как источника истины; разум отныне стал единственным источником знания, в то время как сама мысль о значении духа во Вселенной была отброшена за ненадобностью, как изношенная одежда» .

Интеллектуальный и моральный авторитет Церкви значительно ослаб. Мысль о том, что лишь вещи, которые можно измерить, есть единственные значимые предметы для научного исследования и причинно-следственных отношений, помогла науке отличить «научные объяснения от таких до научных объяснений, как воля Божья или вмешательство Божественной благодати» . Однако это также означало, что сознание, ценности, эстетика и другие аспекты человеческого опыта были исключены из рассмотрения в научном поиске. Отвергнув свобод воли и нравственный выбор как приемлемые объяснения мотивов поведения, наука полностью сняла с себя моральную ответственность за то, как используются научные знания.

Философ XVII века Томас Гоббс довел материалистический монизм до своей крайней формы. Он утверждал, что вообще нет ничего, кроме материи. Если бог есть, то он должен иметь материальное тело. По его мнению, добро — это то, что доставляет нам удовольствие, а зло — то, что причиняет боль, и единственная достойная цель в жизни это добиваться наслаждения — система ценностей, которая легла в основу моральных предпосылок экономического рационализма.

Институты религии и науки, каждый со своим взглядом на жизнь, с этого времени стали конкурировать задушу западных обществ. Дуализм (точка зрения, считающая, что материя и дух есть два совершенно различных и независимых аспекта реальности) дал философское оправдание этого разделения. В то время как Церковь ограничивалась управлением духовной жизнью, светское общество приняло материальный мир как первичную реальность, материализм как главную ценность и, в конечном счете, экономический рост как главную цель человечества.

Как философия науки материалистический монизм сделал возможным, и научные и технические достижения научно-промышленной эры. Как философия жизни, глубоко укоренившаяся в современной культуре, она

привела нас на грань самоуничтожения, поскольку естественно ведет нас к принятию ценностей Гоббса. Это не позволяет нам распознавать какой-либо высший смысл или цель, которые выходят за рамки потворства нашим физическим аппетитам. Аесли мы принимаем такое потворство в качестве цели, то призыв ограничить потворство нашим аппетитам в интересах экономической справедливости или заботы о грядущих поколениях становится призывом принести в жертву то единственное, что придает смысл жизни. Отсюда следует, как иногда замечают корпоративные либертарианцы, что д ля тех, у кого есть средства, наиболее рациональным является продолжать радоваться жизни до конца бала. Если мы пожертвуем этими удовольствиями, а экологи в конце концов окажутся неправы, то мы зря пожертвуем смыслом своей жизни. Если же экологи окажутся правы и праздник жизни закончится нашим самоуничтожением, тогда мы, по крайней мере, взяли от жизни все, что смогли.

Материалистический монизм также подготовил почву для экономики, которая, намереваясь достичь статуса истинной науки, приняла рыночные цены, поддающиеся наблюдению и измерению, в качестве единственного арбитра человеческих ценностей. Фактически невозможно ни понять, ни объяснить ничего, кроме обыденного человеческого поведения, без анализа ценностей, привязанностей, стремлений, любви, психологических конфликтов, альтруизма, духовности, совести и даже метафизических верований, которые их подпитывают, а это все трудно поддается наблюдению и измерению. Таким образом, учитывая, как наука себя определяет, термин «общественные науки» содержит в себе противоречие.

Ученый-обществовед должен или по-новому определить положения науки, или по-новому определить природу человека в соответствии с этими положениями. Экономисты выбрали второй путь, постулировав гипотетического механистического экономического человека, стремящегося лишь к своему собственному удовольствию, которое соответственно определяется исключительно финансовыми категориями. Когда требуется модель человека, принимающего решения, — независимо от пола, — экономист подставляет воображаемого среднестатистического человека, заведомо лишенного человеческих качеств, который оценивает каждый выбор с точки зрения экономических выгод.

Устранив человека, экономисты затем устранили поведение. Придя к выводу, что взаимоотношения между людьми безнадежно сложны для измерения, экономисты предпочли наблюдать за поведением рынков, а не людей. Поведение рынка может быть описано изменением цен и денежными потоками, которые можно легко наблюдать и выражать в

цифрах.

Поскольку наука должна быть объективной и свободной от ценностей, экономика предпочла свести все ценности к рыночным ценностям, измеряемым в рыночных ценах. Таким образом, воздух, вода и другие жизненно важные составляющие, которые природа дает нам бесплатно, считаются имеющими нулевую цену, до тех пор пока дефицит и приватизация не придадут им рыночную цену. В отличие от них золото и бриллианты, которые практически не имеют никакой ценности для поддержания жизни, оцениваются высоко, цена человеческой жизни вычисляется возможным заработком человека в течение жизни или его «вкладом в экономику». Как заметил недавно один циник «экономисты знают цену всему и не знают ценности ничего».

Этот ограниченный и материалистический взгляд на нашу природу, который выражается в материалистическом монизме, помогает объяснить тот основной парадокс, что современное общество определяет успех тем, насколько много человек накопил денег — простым количеством бумажек, или монет, или цифр в компьютере. Почему? Это одна из самых трудных загадок современного общества. Наш современник, философ Якоб Нидлман, хорошо пишет по этому поводу в своей книге «Деньги и смысл жизни»:

В другие времена и других местах не все хотели в первую очередь иметь деньги; люди мечтами о спасении, красоте, власти, силе, удовольствии, пристойности, ясном понимании, пище, приключениях, завоеваниях, удобствах. В наше время и в данном месте деньги — даже не обязательно те вещи, которые можно на них купить, но деньги — вот то, что все хотят иметь. Весь внешний расход энергии человечества теперь так или иначе связан с деньгами... Поэтому, если мы хотим понять жизнь, мы должны понять деньги на данном этапе истории и цивилизации .

Из какого же источника деньги — простая цифра — черпают свою энергию? Ответ мы находим в утверждении Нидлмана: Весь внешний расход энергии человечества теперь так или иначе связан с деньгами. Деньги получают свою энергию от нас. Их энергия — это наша энергия.

В своем бестселлере (поданным газеты «Нью-Йорк тайме») «Кошелек или жизнь» Джо Домингес и Вики Робин утверждают, что деньги... это нечто, чего у нас слишком часто нет, что мы стремимся добыть, с чем мы связываем свои надежды на власть, счастье, безопасность, признание, удачу, удовлетворенность, достижение успеха и личную значимость .

Помимо удовлетворения наших самых насущных потребностей, мы пришли к взгляду на деньги как на источник всех этих неосязаемых

характеристик хорошей жизни, забыв о простой правде: только подделки хороших вещей поступают на распродажу. Истинно ценные вещи нужно зарабатывать отдавая себя в отношениях любви, дружбы и добрососедства, жизни в согласии с этическими принципами, а также развивая и применяя свои способности так, чтобы вносить вклад в жизнь окружающих.

Но эксперты по маркетингу бомбардируют нас со всех сторон сообщениями, несущими иную культуру. Они продают не порошок для стирки белья, а признание, достижение успеха и личную значимость. Они продают не автомобили, а силу, свободу и удачу — возможность чувствовать себя живым, причастным и свободным — вот чего мы в действительности хотим. А чтобы купить то, что предлагают нам продавцы, нам требуются деньги. Как объясняют Джо Домингес и Вики Робин:

Деньги есть нечто, на что мы обмениваем нашу жизненную энергию... Отведенное нам время на той земле, часы драгоценной жизни, которая нам отпущена. Когда мы отправляемся на работу, мы обмениваем свою жизненную энергию на деньги. Вот простая, но глубокая правда .

Деньги в конечном счете — это не просто цифра. Это наш допуск к вещам, о которых мечтали люди в другие времена и в других местах. Это мера нашей жизненной энергии, затраченной на их приобретение. Деньги стали нашим ответом на вопрос: «Чего я стою?» и мерой нашей коллективной значимости и достижений как страны. Профессиональная благотворительность даже сделала деньги мерой сострадания: «Сделай благое дело. Вышли нам чек сегодня». Когда мы определяем свою значимость количеством денег, мы попадаем в нисходящую спираль отчуждения от жизни, от нашей духовной природы (см. рис. 21.1).

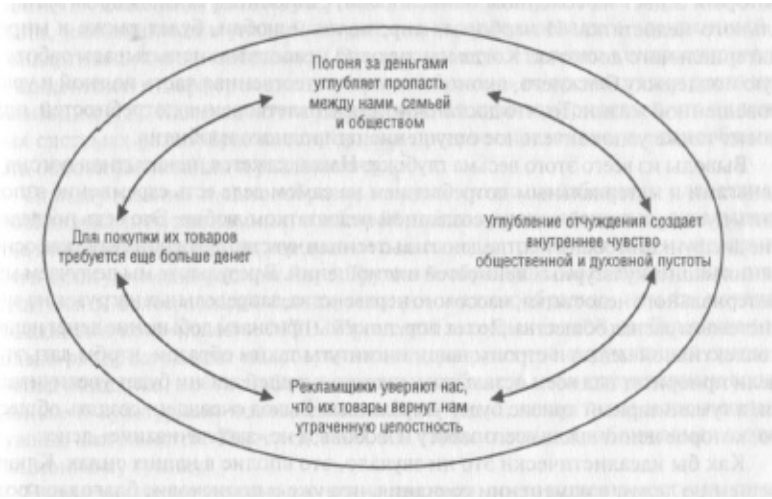


Рис. 21.1. Нисходящая спираль углубляющегося отчуждения

Вместо того чтобы учить нас, что путь к реализации потенциальных возможностей лежит через максимальное развитие отношений с семьей, соседями, природой и живым космосом, средства массовой информации, оплачиваемые корпорациями, постоянно твердят одно и то же фальшивое обещание: чего бы мы ни пожелали — путь к немедленному удовлетворению лежит через рынок. Наша цель — потреблять, мы рождены для того, чтобы покупать. Обольщенные пением рыночных сирен, мы постоянно недооцениваем ту жизненную энергию, которую мы затрачиваем на получение денег, и переоцениваем ожидаемое приобретение жизненной энергии от расходования их. Чем больше жизненной энергии мы отдаем деньгам, тем больше власти мы отдаем институтам, контролирующим наш доступ к ним и к тем вещам, которые на них можно купить. Уступка этой власти служит на руку корпоративным интересам, потому что корпорации есть порождение денег. Такая уступка оказывает плохую услугу нашим человеческим интересам, потому что мы — порождение природы и духа.

Вынужденные переосмыслить, кем мы являемся, по пределам способности планеты удовлетворить нашу алчность, мы сталкиваемся с прекрасной правдой. В то время как погоня за материальным изобилием создала материалу ную нехватку, сосредоточенность на жизни может принести новое ощущение социального, духовного и даже материального изобилия. Люди, которые ощущают изобилие любви в своей жизни, редко ищут утешения в принудительном, исключительно личном накопительстве. Для тех, кто эмоционально обделен, никакое потакание материалистическим устремлениям не будет достаточным, и всего нашего материального мира становится недостаточно. Мир, который живет на голодном пайке любви, становится также миром материального недостатка. И наоборот, мир, полный любви, будет также и миром материального достатка. Когда мы духовно целостны и испытываем заботливую поддержку ближнего, экономия — это естественная часть полной и уравновешенной жизни. То, что достаточно для удовлетворения потребностей, приносит также успокоительное ощущение природного изобилия.

Выводы из всего этого весьма глубоки. Наша, кажется, ненасытная погоня за деньгами и материальным потреблением на самом деле есть стремление заполнить пустоту в нашей жизни, созданной недостатком

любви. Это есть последствие дисфункции общества, где деньги вытеснили чувство духовной связи как основания наших культурных ценностей и отношений. В результате мы получаем мир материального недостатка, массового неравенства, запредельных нагрузок на экосистемы и распад общества. До тех пор, пока мы признаем добывание денег нашей коллективной целью и строим наши институты таким образом, чтобы дать этот цели приоритет над всем остальным, пустота в нашей жизни будет увеличиваться, а гуманитарный кризис будет углубляться. Выход очевиден: создать общество, которое ценит выше всего заботу и любовь, а не «заколачивание» денег.

Как бы идеалистически это ни звучало, это вполне в наших силах. Ключ к решению лежит в изменении сознания, что уже и происходит благодаря рождающемуся синтезу научного и религиозного знания, которое включает неразрывную связь между материальным и духовны измерениями реальности . Точно так же, как революция Коперника открыла путь научно технической эре, освободив нас от ошибочного взгляда на самих себя и природу нашей реальности, экологическая революция, основанная на целостной гармоничной интеграции духовного и материального, может открыть путь экологической эре, которая даст нам невообразимые возможности для общественного и духовного развития. Однако для того, чтобы реализовать эту цель, мы должны вернуть утраченную власть, отданную нами деньгам и глобальной экономике, в которой доминируют корпорации.

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ, ГЛОБАЛИЗАЦИЯ СОЗНАНИЯ

Наш биологический вид отличается способностью предвидеть будущее и действовать сознательно, изменяя свое поведение в соответствии с нашим представлением об ограничениях и возможностях. У нас также есть способность различать повторяющиеся закономерности в эволюционном процессе и извлекать из этих закономерностей уроки о том, как максимально увеличить наш эволюционный потенциал. Одна из таких закономерностей, которая регулярно повторяется в самоорганизующемся росте и эволюции кристаллов, биологических организмов, социальных организаций и сознания, — постоянное стремление к более высокому уровню сложности . Системы, обладающие в этом отношении наивысшим эволюционным потенциалом, — это те, которые способны поддерживать

богатое разнообразие элементов внутри связанной, объединяющей структуры. Чем больше разнообразие, тем выше эволюционный потенциал — до тех пор, пока сохраняется объединяющая структура.

Арнольд Тойнби выявил эту закономерность в своем эпохальном исследовании, посвященном расцвету и упадку великих цивилизаций мира. Цивилизации, находящиеся в упадке, неизменно характеризовались «тенденцией к стандартизации и однообразию». Эта закономерность резко контрастировала с «тенденцией кдифференциации и разнообразию» во время стадии роста цивилизаций . Кажется почти универсальной закономерностью, что в сложных системах разнообразие есть основа прогресса развития, а единообразие есть основа загнивания и разложения.

Стандартизация и единообразие кажутся почти неизбежным следствием глобализованной экономики, в которой доминируют массивные, охватывающие весь мир корпорации, связанные с массовым производством и маркетингом в культурно однородном мире. Трудно вообразить себе цивилизацию, движущуюся к более полной стандартизации и единообразию, чем та, которая объединена кока-колой и MTB. Процессы экономической глобализации не только распространяют массовую нищету, разрушение окружающей среды и распад общества, но и ослабляют нашу способность к конструктивным социальным и культурным нововведениям в то время, когда такие нововведения нужны, как никогда. Как следствие, мы стремительно приближаемся к эволюционному тупику.

В отличие от этого экономические системы, состоящие из местных, самодостаточных экономик, создают в каждой местности политическое, экономическое и культурное пространство, внутри которого люди способны найти свой собственный путь в будущее, которое совпадает с их особыми устремлениями, историей, культурой и экосистемами. Глобальная система, состоящая из местных экономик, может достичь того, чего не в состоянии достичь глобальная экономика, — стимулировать богатое и цветущее разнообразие прочных местных культур и создать разнообразие опыта и познания, которое важно для обогащения целого.

Экономическая глобализация усиливает зависимость конкретных мест от удаленных глобальных институтов, которые концентрируют власть и колонизируют местные ресурсы, но которых не интересует ни успех, ни неудача данного места. Чем больше эта зависимость, тем меньше способность конкретной местности изыскать у себя удовлетворительное решение своих проблем. Хотя сторонники экономической глобализации обычно убеждают, что глобализация создает взаимозависимость и общность интересов, это искаженное представление действительности. На

самом же деле возрастает зависимость людей и конкретных местностей от глобальных корпораций и финансовых рынков. Последствием этой зависимости является стравливание людей и мест друг с другом в саморазрушительной конкуренции за экономическое выживание, что ведет к еще большему перемещению власти в центр (см. рис. 21.2).

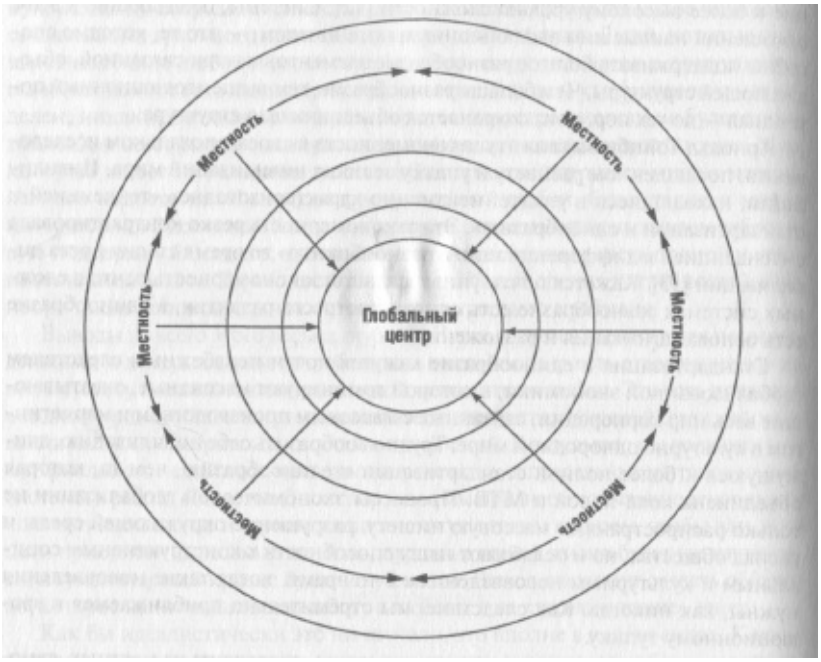


Рис. 21.2. Обезволивание всего местного

Власть центра проистекает из нескольких взаимосвязанных источников из его права создавать деньги, из его владения производственными мощностями, от которых зависит каждая местность, и из его контроля над институционными механизмами, которые опосредуют отношения между местностями. Эта власть все в большей степени переходит к глобальным финансовым рынкам и корпорациям, которые утвердили себя в качестве фактических правящих институтов планеты. Чем более глобализована экономика, тем больше зависимость местностей и тем больше власть центральных институтов.

Глобальная экономическая система по своей природе склонна предпочитать крупное, глобальное, конкурентное, ресурсоизвлекательное и краткосрочное. Наша задача заключается в том, чтобы создать глобальную систему, которая была бы благосклонна к малому, местному, кооперативному, ресурсосберегающему и долгосрочному, — такую систему, которая придает людям веру в свою способность создать нормальную жизнь в гармонии с природой. Задача не в том, чтобы отделить

стеной одну экономику от другой, а в том, чтобы создать зоны местной подотчетности и ответственности, в пределах которых могут вернуть по праву принадлежащую им власть, для того, чтобы управлять своей экономикой в общих интересах. Основополагающий парадокс нашего времени в том, что во имя рыночной конкуренции мы создали систему, которая объединила корпорации, но разделила людей и поставила их в конкурентные отношения друге другом в интересах корпораций. Интересы человека лучше удовлетворяются системой, которая разделяет корпорации и вынуждает их конкурировать между собой на благо людей в духе истинной рыночной конкуренции. Пусть корпорации конкурируют друг с другом, чтобы получитьевою прибыль. Пусть люди и местные общины сотрудничают, чтобы создать хорошую жизнь для всех.

Люди в современном мире объединены не глобальной экономикой, а глобальным сознанием, что мы живем на одной планете и у нас одна судьба. Это сознание уже возникает и имеет три составляющих, которые уникальны в человеческой истории. Во-первых, формирующие идеи есть продукт коллективного творчества общественных движений, объединяющих миллионы обыкновенных людей, которые живут и работают вне элитных коридоров власти.

Во-вторых, это участие носит поистине глобальный характер, вовлекая в себя людей практически каждой страны, культуры и языка. В-третьих, новое сознание быстро развивается, адаптируется и приобретает все более конкретные очертания по мере того, как местные группы сливаются в глобальные альянсы, обмениваются идеями, согласовывают свои позиции по различным вопросам во время встреч, а также при помощи средств связи, таких как факс, телефон и электронная почта.

Этот процесс создает растущую сеть понимания, общих интересов и взаимного сочувствия, которая составляет надежную основу глобального человеческого сообщества. Сила и жизнеспособность этой сети проистекают из того факта, что ее участники (в отличие от обитателей Стратоса, живущих в «блестящей изоляции» в мире роскоши), имеют корни в реальном мире, они прочно связаны с конкретным местом на земле. Они напрямую испытывают последствия расширяющегося кризиса. Их опыт подлинный, и они естественным образом склонны разделять человеческие и корпоративные интересы.

Участвуя в общественных движениях, составляющих движущую силу экологической революции, все большее число граждан посвящает себя перестройке тех мест, где они живут, и поиску единомышленников. Эти люди создают активное понимание необходимости сотрудничества в

глобальных обще человеческих интересах посредством добровольной деятельности, которая порождает неимоверную общественную энергию без концентрации власти, которую легко использовать во вред.

Эти усилия создают фундамент нового человеческого общества экологической эры. И когда они поднимают известный лозунг: «Мысли локально, действуй глобально» до уровня политической повестки, объединительный при экологического движения преобразуется так: «Глобализуйте сознание Локализуйте экономику!».

РУКОВОДЯЩИЕ ПРИНЦИПЫ

Формирующие идеи революции Коперника были продуктом научного наблюдения за физическими телами, и корни этих идей можно проследить в работах небольшого числа известных ученых физиков. В отличие от этого, формирующие идеи экологической революции являются продуктов коллективного человеческого опыта и изучения, как живых, так и неживых систем. Они сформулированы в огромном числе заключительных документов и декларациях общественных движений и находят теоретическое обоснование в научных трактатах ученых широкого спектра академических дисциплин, включая историю, социологию, экологию, экономику, биологию, физику, общую теорию систем и экологическую экономику. Эти идеи можно свести к небольшому числу руководящих принципов по созданию здоровых обществ XXI века.

Принцип экологической устойчивости. Здоровые общества экологически устойчивы, то есть их экономика должна удовлетворять трем условиям .

1. Скорость использования возобновляемых источников не должна превышать скорости их возобновления экосистемой.

2. Скорость потребления или невозвратного захоронения невозобновляемых ресурсов не должна превышать скорости, с которой развиваются и вводятся в употребление их возобновляемые аналоги.

3. Объем загрязняющих выбросов в окружающую среду не должен превышать способности экосистемы естественным образом обезвреживать их.

Любое использование экологических ресурсов или абсорбирующей способности, превышающее эти характеристики, является по определению неустойчивым и ставит под угрозу возможности, доступные для будущих

поколений. Этот принцип определяет коллективные права собственности будущих поколений, которые имеют преимущество по сравнению с правами личной собственности.

Принцип экономической справедливости. Здоровые общества обеспечивают всех своих членов — как ныне живущих, так и еще не родившихся, — всем тем, что необходимо для здоровой, безопасной, продуктивной и насыщенной жизни. Нет ничего плохого в дополнительном вознаграждении тех, кто вносит больший вклад, но лишь в том случае, когда удовлетворены основные потребности каждого, возможности будущих поколений не ставятся под угрозу, а распределение экономической власти не становится дестабилизирующим.

Принцип биологического и культурного разнообразия. Здоровые общества поддерживают биологическое и культурное разнообразие планеты. Разнообразие — это фундамент эволюционного потенциала. Поддержание биологического и культурного разнообразия существенно необходимо для нашего конструктивного участия в эволюционном процессе.

Принцип человеческой суверенности (также известный как принцип вспомогательности). В здоровых обществах суверенность заключена в гражданском обществе. Цель человеческой экономики — удовлетворить потребности людей, а не денег, не корпораций и не правительств. Суверенное и неотчуждаемое право людей — решать, какое использование земли лучше служит удовлетворению потребностей их тела и духа с учетом соблюдения первых трех принципов. Люди лучше всего могут осуществлять это право в тех случаях, когда:

• владельцы производственных мощностей терпеливы, а контроль за мощностями осуществляется на местном уровне, гарантируя таким образом, что важные решения будут приниматься теми, кто будет нести бремя последствий принимаемых ими решений;

• правящие власти и ответственность находятся на самом низком возможном местном уровне, что дает возможность максимально увеличить прямое демократическое участие в управлении;

• более отдаленные системные уровни определяют свою роль как обслуживание и содействие местной власти в достижении намеченных ею целей.

Принцип внутренней ответственности. Здоровые общества передают все издержки решений по распоряжению ресурсами тем, кто участвует в принятии этих решений, — существенное требование к эффективности в саморегулирующихся экономических системах. Этот принцип применим к

частным лицам, предприятиям и политическим юрисдикциям. Ни один субъект не имеет права перекладывать издержки своего потребления на другого субъекта. Цель — структурировать экономические отношения так, чтобы побудить каждый населенный пункт жить в пределах несущей способности своей экосистемы. В такой же степени, в какой глобал изо ванная экономическая система предлагает максимальную степень приватизации экономических выгод и социализации издержек, более местная экономическая система самообеспечивающихся местных экономик стимулирует интернализацию издержек, поскольку и последствия социализации издержек, и власть, требуемая для их интернализации, находятся на местном уровне.

Принцип общего наследия. Здоровые общества признают, что экологические ресурсы планеты и накопленное знание о биологических видах — это ресурс, в равной степени принадлежащий всем, и каждый человек — ныне живущий и еще не родившийся — может пользоваться им для своего блага. Ни один из этих ресурсов не может по праву быть монополизирован или использован в интересах, противоречащих более широким интересам нынешнего и будущих поколений. И в самом деле, на тех, кто владеет природными ресурсами, по справедливости лежит обязанность служить попечителем интересов грядущих поколений, а на тех, кто владеет специальными знаниями, — делиться ими с теми, кому они могут оказаться полезны.

Здоровое функционирование общества зависит от приоритета прав и ответственности, вытекающих из этих принципов, над всеми остальными правами, включая права частных лиц, корпораций и правительств. Ставя в центр интересы людей, а не корпораций, эти принципы предлагают четкую альтернативу рецептам корпоративного либертарианства по исправлению социальной дисфункции.

Здоровые общества стремятся к равновесию во всем. Они признают роль как правительств, так и бизнеса, подотчетного местным органам власти, в тоже время ограничивая доминирование сильных удаленных правительств и корпораций. Точно так же они стремятся к местному самообеспечению и вместе с тем свободно обмениваются информацией и технологиями, избегая как чрезмерной внешней зависимости, так и местной самоизоляции.

Подобающей организационной формой экологической эры, вероятно, будет многоуровневая система укорененной экономики, где основной экономической единицей является семейное хозяйство с последовательным географическим объединением в села/микрорайоны, районы, страны и

регионы (см. рис. 21.3) . Воплощая принцип внутренней ответственности, каждый уровень стремится действовать в той мере, в какой он реально способен, как интегрированное самодостаточное, политически, экономически и экологически самоуправляемое сообщество. Начиная с основной единицы каждый уровень системы стремится к достижению оптимально возможного экологического самообеспечения, особенно в удовлетворении основных потребностей.

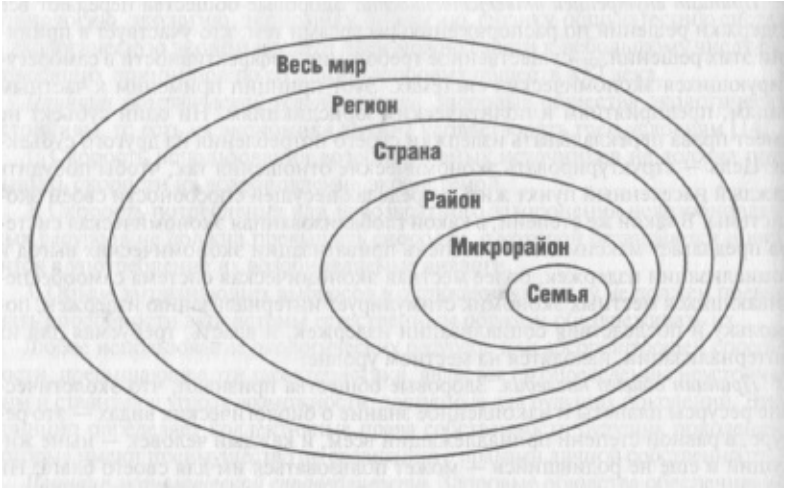


Рис. 21.3. Укорененная экономика

Для компенсации неравномерности в природных возможностях элементы системы на каждом уровне осуществляют выборочный обмен с другими элементами одного объединения, стремясь к максимально сбалансированному обмену. Семейные хозяйства обмениваются с такими же семейными хозяйствами в своей деревне, поселке, микрорайоне, а те, в свою очередь, с аналогичными величинами в пределах своего района и т. д. Чем меньше единица этой системы, тем больше необходимость в обмене. Таким образом, значительная доля экономической деятельности семейных хозяйств по необходимости должна состоять во внешнем обмене. Хотя многие семейные хозяйства могут выращивать кукую-то часть своего пищевого рациона, едва ли они смогут достичь уровня полной самообеспеченности. Экологическая экономика поселков, деревень и микрорайонов будет уже в большей степени самодостаточна, а регионы будут уже практически самодостаточны.

Организация с целью удовлетворения экономических потребностей как можно ближе к местному уровню позволяет применять принцип вспомогательности, в соответствии с которым управляющей властью и ответстценностью следует облекать наименьшую и самую локальную из

всех возможных единицу. Это позволяет поддерживать рыночную систему, в которой власть рынка и политическая власть на каждом уровне уравновешены. Местным фирмам отдается естественное предпочтение, и поток товаров и людей издалека уменьшается.

Сокращение торговли и увеличение самодостаточности может также означать меньший потребительский выбор. В северном климате мы можем есть зимние или консервированные овощи и добавлять в кашу яблоки вместо бананов. Жители лесных зон могут строить свои дома из дерева, а те, кто живет в жарком и сухом климате, из земляных материалов. Некоторые цены могут возрасти. В целом, однако, жертвы будут небольшие в сравнении с перспективой большей экономической безопасности, надежного добрососедства, при котором люди могут без страха ходить ночью по улицам, более здоровой окружающей средой, выживанием нашего вида и созданием новых эволюционных возможностей.

По мере того как мы реорганизуемся в многоуровневую систему, вполне вероятно, что мы продолжим нынешний процесс переделки национальных границ. Более крупные страны, которые стали слишком велики и сложны для управления, могут разделиться на ряд менее крупных, как это случилось с СССР и обсуждается в Канаде. Нынешнее политическое движение к большей самостоятельности местных административных структур и к большей автономии в Соединенных Штатах является отчасти реакцией на тот факт, что Соединенные Штаты достигли неуправляемого размера и сложности даже без Североамериканского договора о торговле и тарифах (НАФТА), Азиатско-Тихоокеанского экономического сообщества (АТЭС) и Генерального соглашения о тарифах и торговле (ГАТТ). Имеет большой смысл передать конкретным штатам больше власти, которая ранее находилась на уровне всей страны, включая власть регулировать коммерцию и торговлю. И наоборот, многие более мелкие страны могут прийти к мысли, что они слишком малы, чтобы обеспечить свою жизнеспособность, и принять решение в какой-то форме объединиться с соседями. В не очень отдаленном будущем мы, возможно, будем смотреть на нынешние лихорадочные попытки организации все более крупных экономических блоков посредством региональных торговых соглашений и ГАТТ как на последние отчаянные судороги умирающей эры.

Принципы экологической революции ведут к глобальной системе локальных экономик, которая рассредоточивает как власть, так и ответственность и ограничивает возможность одной группы перекладывать общественную и экологическую стоимость своего потребления на других.

Вместо того чтобы вынуждать местные образования ввязываться в международную конкуренцию в качестве условия для своего выживания, локализированная глобальная система содействует самодостаточности в обеспечении местных потребностей.

Вместо того, чтобы содействовать единообразной глобализованной потребительской культуре, она стимулирует культурное разнообразие. Вместо того чтобы измерять успех количеством заработанных денег, она предпочитает измерять его в терминах здоровой функции общества.

В ИНТЕРЕСАХ ЧЕЛОВЕКА

Хотя вопросы классовой и политической власти имеют большое значение в программе экологической революции, она является не столько классовой борьбой, сколько борьбой людей против вышедшей из-под контроля экономической системы. Преобразование этой системы соответствует интересам всех жителей, включая обитателей Стратоса. По мере того, как мы организуемся для достижения этой цели, следует иметь в виду четыре соображения.

1. Суверенность принадлежит только людям — всем людям, реальным людям, которым нужен чистый воздух для дыхания, чистая вода для питья, незараженная пища и способы заработка, позволяющие человеку себя содержать. Ни правительство, ни корпорации не могут узурпировать эту суверенность, если только мы добровольно не согласимся уступить ее.

2. У корпораций нет естественных и неотчуждаемых прав. Корпорация есть общественное лицо, созданное общественным действием посредством выдачи общественной хартии для службы общественным интересам. Мы, суверенные люди, имеем неотчуждаемое право решать, удовлетворяется ли заявленный общественный интерес, и установить правовой процесс изменения или отзыва корпоративной хартии в любой момент по нашему желанию. Нам нужно только принять решение.

3. Проблема заключается в системе. Постепенные изменения внутри отдельных корпораций или политических институтов не могут привести к желаемому результату. Вся система институциональной власти должна быть изменена.

4. Экологическая революция есть революция идей, а не пушек. Экологическая революция — это открытое движение, приглашающее к участию всех, кто стремится к созданию здорового общества, в котором

жизнь могла бы действительно процветать. Человеческий интерес — это не интерес корпораций, а интерес всех людей.

22. Хорошая жизнь

Наша деревня была процветающей... Настоящей
основой нашего процветания... было глубокое и прочное
чувство общности, которое позволяло нам наилучшим
образом использовать эти ресурсы. .. У нас было все,
что нам нужно, — добротно сделанные, красивые вещи,
которые служили долго, — но о большом «потреблении»
речи не шло.

Экнат Исваран

Положив в основу организации общества цель удовлетворить материальные потребности, мы превратили социальную дисфункцию в добродетель, снизив качество нашей жизни. Люди — существа сложные. У нас есть бесспорная способность к ненависти, насилию, конкуренции и зависти. У нас также есть бесспорная способность к любви, нежности, сотрудничеству и состраданию. Здоровое общество воспитывает последние качества и таким образом создает изобилие тех вещей, которые наиболее важны для повышения качества нашей жизни. Дисфункциональное общество взращивает первое и таким образом создает дефицит и лишения. В здоровом обществе очень легко жить в равновесии с природой, тогда как дисфункциональное общество делает это практически невозможным.

Организуем ли мы наше общество на принципах социального и природного здоровья или на принципе социальной дисфункции, зависит только от нашего выбора. Это в значительной степени выбор между организацией в интересах человека и организацией в интересах корпораций. Мы уже начинаем осознавать, что если мы сосредоточимся на создании общества, которое повышает качество нашей жизни, а не количество нашего потребления, то мы сможем двигаться одновременно и к устойчивости, и к лучшей жизни практически для каждого. В данной главе

мы исследуем эти возможности.

ЗАБОТЛИВЫЕ СЕМЬИ И ОБЩИНЫ

Хотя инстинкт конкуренции составляет важную часть нашей природы, есть веские основания считать, что он уступает главному инстинкту установления связей — инстинкту заботы и сотрудничества. Как и у всех остальных видов животных, выживание которых зависит от общественных связей, человечество выработало способность принадлежать и сотрудничать, а не только конкурировать. По словам культуролога Мэри Кларк,

древний человек не смог бы выжить без расширенных социальных связей, выходящих за рамка отношений родителей и потомства, необходимых для защиты беспомощных человеческих детенышей, — работа, которую матери в одиночку не смогли бы выполнить. Социальным связи со своей группой были биологической необходимостью — и для взроалых, и для детей .

С тех пор, по сути дела, мало что изменилось. Фундаментальный, хотя часто и не замечаемый факт заключается в том, что социальные связи также абсолютно необходимы для здорового функционирования современного общества, как и для более традиционного или племенного общества. Политолог Гарвардского университета Роберт Путнэм называет связи, характеризующие сильное гражданское общество, «социальным капиталом». Он показал его важность в исследовании эффективности местного правительства в Италии.

Начиная с 1970-х годов Италия учредила двадцать региональных правительств. Формально их структура была идентична. Однако существовали очень значительные различия в социальных, экономических, политических и культурных условиях, в которых эти структуры были созданы. Районы различались «от до промышленных до постиндустриальных, от набожно-католических до убежденно коммунистических, от инертно-феодальных до лихорадочно-современных». В некоторых районах новые правительственные структуры были «неэффективны, инертны и коррумпированы». В других они были динамичны и эффективны: они «создавали инновационные программы детского воспитания в дошкольных учреждениях и центры профессиональной переподготовки, содействовали инвестициям и

экономическому развитию, первыми устанавливая природоохранные стандарты и создавая семейные клиники» .

Путнэм выявил лишь один набор показателей, значительно отличавший те районы, в которых правительство работало, от тех, где оно не работало. Это были показатели сильного и активного гражданского общества, измеряемые по «количеству избирателей, принимавших участие в голосовании, количеству читателей газет, членству в хоровых обществах и литературных клубах, клубах «Львов» и футбольных клубах». Районы, где эти показатели находились на высоком уровне, Путнэм назвал районами с высокоразвитым «социальным капиталом». Густая сеть нерыночных отношений создала в целом ощущение доверия и взаимности, которое повышало эффективность человеческих отношений .

До сих пор мы уделяли слишком мало внимания значению социального капитала для здорового функционирования общества и редко принимали во внимание воздействие экономических структур и политики на формирование или сокращение этого капитала. Нижеследующие вопросы помогают выявить природу этой связи. Предпочитают ли люди совершать покупки в маленьких местных магазинчиках, владельцев которых они знают по имени, или в гигантских торговых центрах и крупных розничных сетях, в основном за пределами города? Предпочитают ли они фермерский рынок или супермаркет? Каков размер ферм, находятся ли они в личной собственности, работают ли на них семьи или они контролируются огромными корпоративными предприятиями и на них работают преимущественно безземельные наемные рабочие? Посвящают ли жители свободное время игре в бейсбол, общественным садам, местному театру, общественным обязанностям, культурным центрам и школьным советам или они проводят время за просмотром телерекламы? Есть ли в их районе кредитные кооперативы и местные банки, готовые поддерживать местных предпринимателей, или только отделении крупных городских банков, настроенных преимущественно на международные денежные рынки? Считают ли жители этот район своим постоянным домом или рабочие и специалисты этого района ездят на работу куда-то далеко и считают свое место проживания временным? Принадлежат ли средства производства местным предпринимателям или далеким корпорациям? Ведутся ли лесозаготовки избирательно и устойчиво местными фирмами для того, чтобы обеспечивать материал для местной промышленности, или местные леса каждые 40-60 лет подвергаются сплошной вырубке по воле крупных глобальных корпораций, а необработанные лесоматериалы сразу же экспортируются куда-нибудь на другой край света?

Ответы на эти вопросы являются мощным диагностическим средством для определения чувства достоинства, свободы, ответственности, процветания и безопасности местных жителей и ту степень, в которой отношения характеризуются доверием, пониманием общности интересов и сотрудничеством.

ОБРАТНОЕ РАЗВИТИЕ КОРМИЛЬЦЕВ

Часто отмечают, что около 80% ущерба окружающей среде наносится 1,1 млрд. сверхпотребителей. Алан Дюрнинг в книге «Где же предел достаточности?» отмечает, что приблизительно для 20% населения Земли основными составляющими в их жизни являются машина, мясная диета и использование предварительно упакованных и одноразовых товаров . Наряду с этим другие 20% жителей Земли живут в условиях абсолютной нищеты. Дюрнинг, однако, делает одно очень важное замечание, которое многие упускают из виду: примерно 60% населения Земли в настоящий момент в основном удовлетворяют свои потребности относительно устойчивым образом (см. табл. 22.1).

Таблица 22.1

Таблица 22.1

Три социально-экологических класса Земли

ИЗБЫТОЧНЫЕ ПОТРЕБИТЕЛИ	КОРМИЛЬЦЫ	ОТВЕРЖЕННЫЕ
1,1 млрд	3,3 млрд	1,1 млрд
Более $7500 на человека (машина, мясо, одноразовые вещи)	$700–7500 на человека (относительно легкая жизнь)	Менее $700 на человека (абсолютная нищета)
Пользуются автомашинами и воздушным транспортом	Ездят на велосипедах и пользуются наземным общественным транспортом	Ходят пешком или ездят на ослах
Едят жирную, высококалорийную, преимущественно мясную пищу	Едят здоровую пищу: зерновые, овощи и немного мяса	Едят неудовлетворительную пищу
Пьют воду, продаваемую в бутылках и газированные безалкогольные напитки	Пьют чистую воду плюс немного чая и кофе	Пьют зараженную воду
Используют одноразовые товары и выбрасывают большое количество мусора	Используют неупакованные товары и сдают мусор на вторичную переработку	Используют местную биомассу и производят незначительное количество отходов
Живут в просторных собственных домах с кондиционированием воздуха	Живут в скромных, естественно вентилируемых домах в расширенных семьях или несколько семей в одном доме	Живут в примитивных бараках или вовсе без крова, обычно на птичьих правах
Имеют богатый гардероб для поддержания имиджа	Носят функциональную одежду	Носят обноски или лохмотья

Основано на данных Алана Дюрнинга «И все же где предел достаточности?» в книге Лестера Брауна и др. «Состояние мира» 1991 г. (New York: W. W. Norton, 1991), с. 153-169.1

Как члены всемирного класса кормильцев, они пользуются велосипедом и общественным наземным транспортом; питаются здоровой пищей, состоящей из зерновых, овощей и небольшого количества мяса; покупают небольшое количество предварительно упакованных товаров и вторично перерабатывают большую часть своих отходов. Хотя их стиль жизни не соответствует нашему представлению о потребительском изобилии, но она не похожа и на жизнь, полную лишений, и в правильно организованном обществе данные характеристики могут считаться признаком высокого и приносящего удовлетворения качества жизни.

Общество, организованное вокруг пешего передвижения, велосипеда и общественного транспорта, может предложить более высокое качество жизни, чем то, при котором в общественном пространстве доминируют автомобили и высокоскоростные автомагистрали. Рацион с незначительным содержанием мяса и жиров, основанный на естественной пище, может способствовать улучшению здоровья и большей умственной и физической

силе, чем рацион с высоким содержанием животных жиров. Жизнь, свободная от погони за последней модой, импульсивной покупки неполноценной пищи и бесполезной бытовой техники и лишнего количества рабочих часов, необходимых для приобретения всего этого, представляет собой жизнь, свободную от всего того, что отчуждает нас от семьи, близкого окружения и от природы.

Здесь проявляется трагедия почти пятидесяти лет экономического роста и национального развития. Вместо того чтобы строить общество, которое создает хорошую жизнь для кормильцев и открывает путь для перехода малообеспеченных в класс кормильцев, мы пошли по пути стимулирования избыточного потребления тех, кто уже потребляет сверх меры, стимулируя при этом переход кормильцев в класс избыточных потребителей и выталкивая многих из тех, кто находится в классе кормильцев, в класс отверженных. В процессе этого мы зачастую делали более трудной жизнь тех, кто остается в классе корильцев, заменяя систему производства, которая раньше удовлетворяла их нужды, и отдавая приоритет общественным сооружениям, таким как скоромные автомагистрали и крупные торговые центры, которые служат избыточным потребителям, а не тому, что служит кормильцам, — как, например, общественный транспорт и общественные рынки.

ОТ ИЗБЫТОЧНОГО ПОТРЕБЛЕНИЕ К УСТОЙЧИВОМУ СООБЩЕСТВУ

Рассуждения об избыточном потреблении мы часто связываем с необходимостью проявить самодисциплину, отказавшись от многих вещей, которые приносят в нашу жизнь удобство и удовлетворение. Но есть еще другая, более привлекательная возможность: организовать наше жизненное пространство и системы производства так, чтобы одновременно и улучшить качество жизни, и устранить избыточную нагрузку, которую мы оказываем на природную среду. Наш переезде Фрэн (моей супругой) в Нью-Йорк-сити в 1992 году помог мне увидеть эти возможности.

Хотя Нью-Йорк глубоко поражен преступностью, нищетой и прочими проявлениями неравенства современной экономической жизни, мы оказались вовсе не в холодном, безликом городе, который мы ожидали увидеть. Вместо этого мы увидели городе большим этническим разнообразием и маленькими магазинчиками, в которых пульсирует

человеческая энергия, и жизненную силу, которую редко можно встретить в другом месте. Нью-Йорк — далеко не образец устойчивости, и в нем есть много такого, что снижает качество жизни, но жизнь в Нью-Йорке помогла нам лучше оценить упущенные возможности.

При высокой плотности населения — в среднем 5000 жителей на квартал, проживающих в многоквартирных домах, — работающей системе метро, с магазинами, расположенными на расстоянии ходьбы от большинства жилых домов, Нью-Йорк потребляет в среднем в два раза меньше энергии на человека, чем средний житель Соединенных Штатов в целом. В первый раз за сорок лет у нас с Фрэн нет машины. Мой офис расположен в нашей квартире, а Фрэн ездит на работу в метро. Более 90% наших покупок мы совершаем в радиусе трех жилых кварталов от нашей квартиры: аптека, хозтовары, электроника, книги, овощи, одежда, бытовые товары — и выбор громадный. Для нужд моего офиса прямо напротив нас расположена экологически сознательная типография, магазин программного обеспечения находится за углом, и два магазина канцелярских принадлежностей в пределах пяти минут ходьбы от дома.

Точно так же у нас есть широкий выбор ресторанов всех мыслимых национальных кухонь и уровней цен, джаз-клубы, театр, опера, танцплощадка, художественные галереи, музеи, бесплатные общественные концерты и клубы здоровья — и все в пределах ходьбы или поездки на метро. Необыкновенная система парков и ботанических садов позволяет даже выезжать на природу в пределах городской черты. Когда нам хочется выехать за город, мы садимся на поезд или арендуем машину в соседнем агентстве. Вместо того чтобы ощущать неудобство из-за отсутствия машины мы чувствуем себя свободными нет надобности участвовать в давке уличного движения, решать, где припарковать машину, преодолевать трудности со страховкой и подвергаться ограблению при ремонте машины. Тысячи долларов, которые мы экономим каждый год, позволяют мне посвятить свою жизнь тому, что мне нравится, например писать эту книгу.

Нам особенно нравится фермерский рынок на Юнион-сквер, расположенный всего лишь в полуквартале от нашего дома. Здесь четыре дня в неделю люди работающие неподалеку на маленьких фермочках, молокоперерабатывающих фермах, домашних винокурнях и хлебопекарнях продают свои изделия: яйца и птицу, выращенную на фермах с открытым выпасом, молоко от коров, которых не подвергали инъекциям гормона роста, органически выращенные фрукты и овощи, свежее мясо и рыбу, и все это без пищевых добавок и искусственных гормонов. Большую часть года я готовлю еду в основном из того, что продается на этом рынке.

Потребляя питательную, ароматную, свободную от химических соединений пищу, мы чувствуем себя здоровее и сильнее, лучше спим и более ясно мыслим. Нам приятно лично знакомиться с фермерами, и нас радует мысль о том, что мы знаем: наша пища произведена экологически ответственным образом.

Поскольку мы носим свежие, неупакованные продукты с рынка в продуктовых сумках, то у нас образуется мало отходов. Город занимается вторичной переработкой алюминиевых банок, стекла, пластика и газет. В среду и субботу местная добровольная организация собирает на рынке органические отходы для компостирования. Мы теперь отправляем очень мало отходов на свалку.

В целом мы ведем более здоровую, счастливую и экологически ответственную жизнь, чем когда либо раньше, не потому, что мы героически добродетельны, а потому, что место, где мы живем, оказалось, в силу различных причин, организовано таким образом, что вести такую жизнь относительно легко и естественно. Этот опыт помог нам увидеть важность того, как мы организуем себя в определении качества наших социальных и экологических взаимоотношений — и, следовательно, нашей жизни. Очень многое можно еще сделать для того, чтобы Нью-Йорк стал более пригодным для жизни и устойчивым, — начиная с запрета личных автомобилей на Манхэттене — но то, что у нас есть, показывает некоторые существенные возможности.

Подумайте о последствиях того, что большая часть нагрузки, которую мы, избыточные потребители, накладываем на нашу планету, вызвана использованием автомобилей и самолетов, потреблением нездоровой пищи, произведенной разрушительными для земли методами, которые к тому же отравляют пищу ядовитыми остатками, использованием одноразовых продуктов в ненужной упаковке. В самом деле, так ли уж трудно отказаться от поездок на работу по забитым машинами автомагистралям, от постоянного шума, боязни потерять работу, от хитроумной техники, которой мы никогда не пользуемся, одежды, которую мы редко носим, нездоровой жирной пищи, напичканных химикатами фруктов и овощей, от товаров, которые быстро выходят из строя, отказаться от использования никому не нужной упаковки, утомительных деловых поездок и энергетически неэффективных домов и зданий? А как насчет военных, которые несут ответственность приблизительно за 30% деградации окружающей среды в мире ? Разве трудно было бы решать все наши споры невоенными методами?

Нам необходимо реорганизовать общество для устойчивой и хорошей

жизни. Очень важный аргумент, который часто не принимают в расчет, состоит в том, что многое из того, что необходимо сделать для гармонизации отношений с Землей, представляет собой совместный, а не индивидуальный выбор.

Если мы его сделаем правильно, то улучшения в качестве нашей жизни могут более чем оправдать все связанные с этим жертвы. Позвольте мне проиллюстрировать это, предложив сделать несколько вещей, для того чтобы добиться устойчивости трех главных систем — городской среды и транспорта, продовольствия и сельского хозяйства и материалов. В каждом случае кажется, что эволюция существующих систем формировалась скорее корпоративными, а не человеческими интересами. Изменения, которые мы должны внести для создания здорового общества, могут быть связаны с трудностями для крупнейших корпораций, но они значительно улучшат качество жизни человека.

ГОРОДСКАЯ СРЕДА И ТРАНСПОРТ

В книге «Возрождение наших городов» Дэвид Энгвич напоминает нам, что люди изобрели города как место для общения людей. Цель городов — «содействовать обмену информацией, дружбой, материальными вещами, культурой, знаниями, откровениями и навыками» при очень незначительной потребности в поездках . Раньше города состояли в основном из мест взаимного общения людей — таких как магазины, школы, жилые дома и общественные здания. Пути, соединявшие места общения, также были местами встреч и укрепления отношений с соседями.

Автомобиль фундаментально изменил наши города, захватывая все больше места, которое раньше было отведено обмену между людьми, и преобразуя его в систему автостоянок, соединенных автодорогами. Таким образом, многие из тех мест, которые когда-то нас соединяли, теперь превращены в шумные, забитые машинами, загазованные пространства, которые изолируют нас друг от друга и разрушают качество нашей жизни. Чем более плотное и активное движение протекает через наш район, тем меньше мы чувствуем себя там дома и тем меньше вероятности, что мы будем заводить какие-либо отношения с нашими соседями .

Автомобиль не только наименее энергоэффективный способ передвижения, он также наименее пространственно эффективный. Если мы примем во внимание множество мест парковки, которое должно быть у

каждой машины: у дома, у офиса, у торгового центра, у церкви, у мест развлечения и отдыха, у школы, — плюс то количество дорожного пространства, которое требуется для их движения, то окажется, что общее пространство, необходимое для каждой семейной машины, в три раза больше, чем площадь среднего семейного дома .

Одна из причин, по которым люди переселяются в пригороды, заключается в том, чтобы избежать экологических и социальных последствий завоевания города автомобилем. Как только плодородные сельскохозяйственные земли заливаются асфальтом, мы оказываемся отделенными от природы и друг от друга все большими расстояниями, наша зависимость от автомобиля увеличивается, и среднее потребление энергии на человека резко взлетает вверх — как для поездок, так и для обогрева или охлаждения изолированных односемейных долмов, в которых живут обитатели пригородов. Есть веское основание для заключения, сделанного городскими экологами Уильямом Рисом и Марком Розландом, что «расползание пригородов — это, возможно, самый расточительный способ жилой застройки с экономической, экологической и социальной точек зрения из всех, когда-либо придуманных человечеством» .

Автомобильные компании продают свои товары как пропуск к достижению свободы, определяемой во многих авторекламах как бегство на автомобиле в чистую загородную среду. Это парадоксально, потому что автомобиль, — вероятно, самое большое средство превращения городов в непригодное для проживания место — теперь превращает сельскую местность в расползающиеся пригороды и длинные торговые центры и ставит нас во все большую зависимость от машин для выживания в условиях такого бедствия.

В 1950 году средний американец проезжал 3800 километров. Эта цифра уведичилась до 9700 километров к 1990 году. Больше свободы? Примерно половину расстояния, которое проезжают американцы, составляет дорога наработу по забитым машинами шоссе. Между 1969 и 1990 годом количество километров, которое проезжает средняя американская семья на работу, увеличилось на 16%. Второе по важности использование машины — совершение покупок. Среднее расстояние, проезжаемое для совершения покупок, увеличилось на 88%. Третье использование — для деловых поездок, доставки детей в школу и из школы, поездок к врачам и в церковь — возросло на 135%. Социальные поездки и поездки с целью отдыха на самом деле уменьшились на 1 %,потому что на них остается меньше времени. Согласно оценкам, в крупнейших городских районах США от 1 до 2 млрд человеко-часов в год

теряется на ожидание в уличных пробках .

Очень нетрудно догадаться, кто выигрывает от такого ухудшения качества нашей жизни. По размерам продаж три крупнейшие компании в Америке — «Дженерал моторе корпорейшн» (автомобили), «Экссон корпорейшн» (нефть), и «Форд мотор компани» (автомобили). «Мобил корпорейшн» идет седьмой по счету.

В 1992 году голландский город Гронинген с населением 170 000 жителей перекопал автомагистрали в центре города и предпринял различные шаги по превращению велосипеда в основное средство передвижения. В результате этого бизнес улучшился, объем аренды увеличился, отток жителей из города прекратился и даже пошел в обратную сторону. Местный бизнес, который раньше выступал против ограничения автодвижения, теперь требует еще больших ограничений .

Это шаг, на который следует пойти гораздо большему числу городов. Едвали есть какие-то мероприятия, которые могут сделать больше для улучшения качества нашей жизни и здоровья окружающей среды, чем организация жизненного пространства так, чтобы уменьшить зависимость от автомобиля. Другие меры, которые могут этому содействовать, включают планирование и контроль за использованием городской территории'для увеличения плотности городов и близости к месту работы, к дому, к местам отдыха, ограничение мест парковки, увеличение налогов на бензин, инвестирование в систему общественного транспорта и создания удобств для пешеходов и велосипедистов.

«Постойте-ка! — скажет корпоративный либертарианец, — а что же тогда станет с экономикой? Каждое шестое рабочее место в Соединенных Штатах связано с автомобильной промышленностью. В Австралии — каждое десятое . Безработица взметнется вверх, и стоимость акций резко упадет, если мы реорганизуем пространство так, чтобы обходиться без автомобиля. Это привело бы к экономической катастрофе».

Это важный аргумент, на который лучше всего ответить другим вопросом. Рационально ли строить экономику таким образом, что инвесторы извлекают выгоды из социально вредного инвестирования, а единственная работа, которую люди могут найти, состоит в производстве вещей, ухудшающих качество жизни? Человек разумный, безусловно, может найти лучший способ обеспечить людей средствами к существованию. Мы сейчас вернемся к этому вопросу.

ПРОДОВОЛЬСТВИЕ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Наша продовольственная и сельскохозяйственная система также спланированы, чтобы приносить прибыль гигантским химическим корпорациям и корпорациям агробизнеса без особого внимания к здоровью людей и экосистем. Отличительными чертами этой системы являются механизированное производство с применением большого количества химических веществ, транспортировка на далекие расстояния, несвободные производители, работающие по найму, сезонные рабочие, едва сводящие концы с концами на нищенскую зарплату, а также крупные правительственные субсидии, выплачиваемые гигантским корпорациям. Эта система очень хорошо подходит для прибыльного массового производства стандартизованных пищевых продуктов. Это происходит за счет истощения почв и водоносных горизонтов, загрязнения воды химическими смывами и вытеснения мелких семейных ферм, которые в течение долгого времени были краеугольным камнем сильных сельскохозяйственных поселков. Большая часть того, что дает эта система потребителю, состоит из глубоко переработанной, расточительно упакованной пищи сомнительной питательной ценности, зараженной остатками химикатов. Хотя эта система заполняет супермаркеты до изобилия, она дает ложную информацию о питательной ценности, сильно сопротивляется любым попыткам информировать покупателей относительно добавок, синтетических гормонов и токсичных веществ, которые могут попадать к ним через пищу, и оставляет потребителям узкий выбор органически выращенной и непереработанной пищи, произведенной местными фермерами. Наш выбор пищи был в значительной степени сведен к тому, что корпорации считают выгодным нам предложить.

Даже люди взрослые, намеренные питаться здоровой пищей, выращенной ответственными производителями, редко добиваются того, чтобы узнать, поймана ли рыба, которую мы только что собрались купить, огромным иностранным траулером, процеживающим океан мелкой дрейфующей сетью до полного истощения, или местным рыбаком, использующим экологически щадящие снасти. У нас нет возможности узнать, взят ли тот или иной кусок мяса от животного, выращенного надлежащим образом на природных пастбищах, или на нестабильных землях, с которых недавно спилили тропический лес, и откормленного в стойлах зерном, которым можно было накормить голодных людей. Нет никакой возможности узнать, были ли коровы, которые дают нам молоко,

инъецированы искусственными гормонами, поскольку под нажимом корпорации «Монсанто» правительство запрещает указывать данную информацию на этикетках.

Если наша цель заключается в обеспечении хорошей жизни для людей, то нам нужно преобразовать нашу систему сельского хозяйства и производства пищи в такой же степени, как мы должны преобразовать наше жизненное пространство и транспортную систему. Нашей целью должна стать оптимизация использования земельных и водных ресурсов для удовлетворения нужд увеличивающегося населения рационом, содержащим достаточное количество питательных веществ и клетчатки, а также средствами к существованию. И мы должны сделать это способом, который не истощает ресурсы.

Подобающая система, скорее всего, должна включать гораздо большую долю небольших интенсивных семейных ферм, производящих широкий ассортимент продуктов питания, клетчатки, скота и энергетических продуктов для местных рынков. Фермерская практика должна опираться на биоинтенсивные методы для поддержания плодородия почвы, водосбережения и контроля сельскохозяйственных вредителей. Система производства пищи должна быть спланирована так, чтобы ограничивать, сдерживать и вторично перерабатывать загрязнители, — включая переработку человеческих фекалий, — и зависеть преимущественно от возобновляемых источников генерируемой солнцем энергии, в том числе мускульной силы животных и биогаза — для приготовления, производства, переработки, хранения и транспортировки . Шаги по созданию такой системы должны включать проведение аграрной реформы по разделу крупных сельскохозяйственных владений, предоставление достаточных кредитов мелким фермерам, создание фермерской службы исследования и внедрения, ориентированных на биоинтенсивные методы, требование полного и точного указания всех составляющих на пищевых этикетках, отмену финансовых и экологических субсидий на сельскохозяйственные химикалии, увеличение стоимости перевозки продовольствия посредством отмены энергетических и других транспортных субсидий, и создание подотчетной местным жителям администрации по управлению водоразделами для координации мер по охране почвы и воды.

Хотя движение в направлении более локализованных продовольственной и сельскохозяйственной систем и более здорового, менее жирного рациона потребует дополнительной корректировки наших пищевых привычек, это вовсе не ведет к жертвам и лишениям. Скорее это

ведет к повышению плодородия почвы и преобразованию наших мест проживания в более безопасные, полные кипучей жизни поселения, где живут люди, здоровые телом и духом, которые питаются целостной незагрязненной пищей. Составляющие такого видения технически и социально достижимы. Для этого требуется лишь реорганизовать соответствующие системы в интересах человека, а не корпораций.

МАТЕРИАЛЫ

Для того чтобы достичь истинной устойчивости, мы должны уменьшить наш «мусорный индекс» — то, что мы навсегда выбрасываем в окружающую среду и то, что не может быть естественным образом вторично переработано и использовано — почти до нуля. Производственная деятельность должна быть организована как закрытая система. Ископаемые и другие ресурсы, которые не разлагаются в природной среде после их извлечения из земли, должны стать частью постоянного капитала общества и бесконечно проходить вторичную переработку. Органические материалы могут быть помещены в природных экосистемах, но только таким способом, который позволяет им быть снова поглощенными производительной системой природы.

Индивидуальных потребителей часто призывают сортировать и сдавать во вторичную переработку отходы, что является важной, но недостаточной мерой. Многие из наиболее важных решений не находятся в наших руках, и большая часть мусора, связанного с нашим индивидуальным потреблением, создается и выбрасывается задолго до того, как любой товар дойдет до нас. Рынок редко предлагает нам выбор газет, напечатанных на бумаге, сделанной из отходов, с использованием нетоксичной, биоразлагающейся краски. Никто также не может дать гарантию, что аккуратно связанные стопки газет, которые мы выносим на обочину для вторичной переработки, на самом деле будут переработаны. Такие решения находятся в руках издателей, производителей бумаги, политиков и правительственных бюрократов.

Возьмем для примера саму газету. За двадцатилетний период при нынешней скорости переработки средняя американская семья «потребляет» 100 деревьев в форме печатной продукции. От 60 до 65% этой печатной продукции составляет реклама . Хотя, возможно, мы никогда не читаем и не интересуемся рекламой, нам не дано выбора подписки на газету без

рекламы.

Согласно данным Института «Уорлдуоч», «большинство материалов, используемых сегодня, выбрасывается после одноразового употребления — примерно две трети всего алюминия, три четвертых всего металла и бумаги и еще большая доля пластика» . Для добычи необходимых материалов наносится ущерб окружающей среде, производится большое количество мусора, мы работаем дополнительные часы для того, чтобы накопить деньги и заменить то, что выбрасывается, превращаемся во вьючных животных, бесконечно несущих замену им из магазинов в дом, а оттуда — на помойку. Возможно, это и хорошо для экономики, прибылей корпораций и жалования руководству, но это приводит к разрушению нашего качества жизни.

Вторичная переработка не только уменьшает экологическую стоимость добычи ресурсов, но также экономит энергию. Для выплавки стали из металлолома требуется лишь одна треть энергии, затрачиваемой на ее выплавку из руды, загрязнение воздуха уменьшается на 85%, загрязнение воды — на 76%, и ликвидируются отходы добычи ископаемых. Изготовление печатной продукции из макулатуры на 25—60% уменьшает потребление энергии по сравнению с изготовлением ее из древесной пульпы и в то же время на 76% уменьшает выброс воздушных загрязнений и на 35% — водных загрязнений. Вторичное использование приносит еше более впечатляющие результаты. Вторичная переработка бутылочного стекла уменьшает энергопотребление на треть в то время как повторное использование самоii бутылки сохраняет до 90% энергии, необходимой для производства новой бутылки .

Германия явилась пионером идеи планирования жизненного цикла товара и ответственности за него. Обязательные правительственные программы содействуют тому, чтобы производители автомобилей и бытовой техники брали ответственность за разборку, вторичное использование и переработку своих изделий. Помимо того что это представляет собой экологически ответственную практику, она освобождает потребителя от бремени удаления этих предметов в конце их полезного жизненного цикла . Пожизненный менеджмент может проводиться посредством лизинговых договоров, при которых право собственности на изделие остается за производителем, который берет на себя ответственность как за эксплуатацию, так и за утилизацию и таким образом получает стимул на проектирование изделий, рассчитанных на максимальный срок службы и легкость утилизации.

Правительство может способствовать тому, чтобы производители

создавали свои изделия и упаковку с наименьшими отходами, взимая с них налог для покрытия расчетной суммы общественных затрат на последующее захоронение отходов. Правительства могут также потребовать, чтобы посуда для различных напитков разного размера и формы была заменена на стандартную стеклянную посуду, которая может быть многократно использована после мытья и наклейки других этикеток .

Отличного выбора зависит многое. Мы можем сократить количество потребления мяса в своем рационе. Мы можем купить водоочистительный фильтр для того, чтобы сократить зависимость от бутилированной воды и газированных напитков. Мы можем покупать меньше одежды или приобретать машины с большей топливной эффективностью. Существует бесчисленное множество таких положительных предпочтений, которые можно было бы сделать. Однако мы должны уделить больше внимания организации нашего общества устойчивым образом, чтобы ответственный выбор был легким и экономичным.

УСТОЙЧИВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

Значительная часть требования экономического роста является порождением тщательно культивируемого мифа о том, что единственный способ поддерживать занятость населения — это расширять общее потребление для создания рабочих мест со скоростью, превышающей инвестирование корпораций втрудосберегающие технологии для их устранения. Мы пренебрегаем важной альтернативой — переосмыслить проблему и сконцентрироваться на создании средств к существованию, а не рабочих мест.

Английское слово job определяется в толковом словаре Уэбстера как «конкретная часть работы, например, в чьей-либо профессиональной деятельности или выполненная по договору за плату; все, что необходимо выполнить; задание; поручение; обязанность» . Слово livelihood определяется как «средства к жизни или поддержанию жизни» . Работа есть источник денег. Средства к существованию есть средства к жизни. Разговор о работе вызывает образ человека, работающего на фабрике или в сети быстрого питания крупнейших корпораций мира. Разговор об устойчивых средствах к существованию вызывает образ людей и сообществ, занятых удовлетворением индивидуальных и коллективных потребностей экологически ответственным образом — вызывает образ

локализованной системы самоуправляющихся сообществ.

Мы могли бы использовать достижения технолог и для того, чтобы предоставить каждому человеку больше возможностей для благополучного, устойчивого существования. Если мы отдадим этому предпочтение, то вместо того требования, чтобы те, кому посчастливилось иметь работу, приносили свою семейную и общественную жизнь на алтарь конкуренции, в то время как другие прозябают в рядах безработных, мы могли бы организовать наше общество вокруг двадцати- тридцатичасовой рабочей недели, для того чтобы предоставить гарантированную и достаточно хорошо вознаграждаемую трудовую занятость для почти каждого взрослого жителя, который хочет работать. Освободившееся в результате этого время может быть посвящено общественной экономике в деятельности, которая удовлетворяет неудовлетворенные потребности и восстанавливает разорванную в клочья ткань общественных связей.

Возможности возникают необычайные, если мы признаем, что многие существующие виды труда не только не приносят удовлетворения, но обеспечивают производство товаров и услуг, которые либо не являются необходимыми, либо наносят вред обществу и природе. Сюда относится большое количество рабочих мест в автомобильной, химической, упаковочной и нефтяной промышленности; большая часть рекламных и маркетинговых работ; брокеры и финансовые менеджеры, занятые в спекулятивных и других конфискационных формах инвестирования; юристы, бегущие следом за машинами скорой помощи; 14 млн. рабочих военной промышленности; и 30 млн военнослужащих .

Это приводит нас к ошеломляющему факту. Обществу было бы лучше, если бы вместо того, чтобы платить сотням миллионов людей иногда непомерные деньги для выполнения работы, наносящей вред качеству нашей жизни, оно выплачивало бы им те же деньги, чтобы они сидели дома и не делали ничего.

Хотя это далеко не оптимальное решение, оно имеет гораздо больше смысла, чем совершенно иррациональная практика организации общества, когда оно платит за то, что приводит к общему уменьшению реального богатства и благосостояния. Почему бы вместо этого не организовать для части людей полное обеспечение и направить их усилия на выполнение дел, общественно полезных и экологически благоприятных, как, например, забота и внимание к детям и пожилым, управление общественными рынками и домами престарелых, воспитание молодежи, работа с наркоманами, обеспечение надлежащего ухода за душевнобольными, содержание общественных парков и земель, участие в добровольных

дружинах по охране общественного порядка, организация социальных и культурных мероприятий, регистрация избирателей, очистка окружающей среды, восстановление лесов, представление интересов общества на политическом уровне, организация общественных программ по вторичной переработке и перестройка домов с целью повышения их энергоэффективности. Точно так же многие из нас могли бы уделять больше времени отдыху, спокойному уединению, семейной жизни и заниматься различными дисциплинами и увлечениями, которые поддерживают в нас физическое, умственное, психологическое и душевное здоровье.

Наша проблема заключается не в отсутствии достаточного числа рабочих мест. Она в экономической структуре, которая создает слишком большую зависимость от оплачиваемой занятости и затем платит людям за выполнение дел, наносящих вред, но пренебрегает слишком многими видами деятельности, которые абсолютно необходимы для здорового общества. Очень важно помнить, что еще десять - двадцать лет назад большая часть людей продуктивно служила обществу на неоплачиваемой работе в общественной экономике. Во многих случаях у таких обществ была более прочная социальная ткань, и они давали своим гражданам большее ощущение личной безопасности и удовлетворения, чем наше.

Хотя инициативы по созданию экономики устойчивого образа жизни могут развиваться различным образом с учетом различных обстоятельств и желаний, мы можем вывести некоторые из присущих им черт, исходя из выше приведенных принципов и примеров. Так, в городах они, скорее всего, будут организованы вокруг микрорайонов, которые объединят проживание, работу, отдых и торговые учреждения вокруг экологически устойчивого производства с целью обеспечить местные потребности, причем с большой степенью самодостаточности. В них будут и зеленые зоны, и интенсивное человеческое общение, и они будут стремиться к значительной независимости в отношении энергии, биомассы и производства материалов.

Человеческая и экологическая производственная деятельность сплавятся в локализованных замкнутых производственных циклах, которые обеспечивают вторичную переработку стоков, твердых бытовых отходов и даже воздуха, пропуская его через рыбные пруды, огороды и зеленые зоны для повторной регенерации своих ресурсов. Городское огородничество и аквакультура, ремонт, вторичное использование и интенсивная переработка дадут массу возможностей для жизнеобеспечения, увеличивая при этом экологическую устойчивость. Организуя эти виды деятельности в

микрорайонах,которые будут в значительной степени самодостаточны и в социальном обслуживании, можно оживить семейные и общественные связи, децентрализовать административный аппарат и более справедливо распределить семейные обязанности между мужчинами и женщинами. Снизится необходимость в пассажирских и товарных перевозках. Пища, произведенная в данной местности, будет более свежей и неупакованной или будет храниться в повторно используемой таре.

Мы можем придумать широкий спектр традиционных и высокотехнологичных домашних производств, многие из которых используют различные формы вторичной переработки и существуют бок о бок с городским огородничеством. Семейные услуги, такие как местные детские сады, семейное консультирование, школы, семейное здравоохранение и многоцелевые общественные центры, могут стать неотъемлемыми местными функциями, вовлекающими людей к полезную и значительную работу в пределах недолгой ходьбы от дома. Многие микрорайоны могут создать свои собственные денежные средства для содействия местному обмену и ограничения вымывания денег за их пределы. Многие взрослые будут делить время между деятельностью, связанной с денежной экономикой, и деятельностью, связанной с общественной экономикой. Мы увидим возвращение многофункционального дома, который служит центром семейной и общественной жизни и значительно сокращает зависимость от автомобиля и прочих энергорасточительных форм транспорта. Мы могли бы украсить обочины дорог деревьями, вместо того чтобы утыкать их рекламными щитами. Мы могли бы ограничить рекламу лишь информацией о товарах, выдаваемой по мере надобности, лишь когда нам это нужно.

На пути к истинной общественной эффективности у нас нашлось бы предостаточно времени для других аспектов жизни, включая отдых, культурное самовыражение, умственное и духовное развитие и участие в политической жизни. Мы могли бы ездить в другие микрорайоны по культурному обмену.

Мы могли бы поддерживать дружеские связи по видеофону с теми, кто живет вдали от нас. Или мы могли бы совещаться по компьютерным сетям, делясь экзотическими рецептами, мыслями о том, как организовать продовольственный кооператив, или опытом организации кампании по улучшению системы общественного транспорта. Мы могли бы участвовать в международных кампаниях граждан против новых торговых правил. Или мы могли бы настроиться на волну России, Индии или Чили, чтобы поинтересоваться, что их жители думают по поводу результатов выборов в

Южной Африке.

У нас в самом деле есть возможность создать здоровое общество, которое позволит нам жить полноценной жизнью. Настало время взять власть в свои руки и заняться выполнением этой задачи вместе с миллионами людей, уже работающих в этом направлении.

23. Пробудившееся гражданское общество

Наша историческая задача состоит в том, чтоб
добавлять, процеживать, помешивать, приправлять
специями, месить, то есть делать все для того, чтобы
со временем слиться в истинно народную политическую
власть.

Джеймс Хайтауэр

Мы, люди мира, мобилизуем силы транснационального
гражданского общества на широкой платформе общин
для всех ценностей, которые свяжут множество наших
общественных движений с целью достижения справедливого,
устойчивого и открытого для всех гражданского
общества. В ходе этой работы мы создаем собственные
инструменты и процессы для переосмысления природ
и значения человеческого прогресса и преобразования тех
институтов, которые больше не соответствуют нашим
потребностям.

«Декларация народов мира»,
форум НПО СЭРООН

1 января 1994 года вступило в действие Североамериканское

соглашение о свободе торговли (НАФТА), соглашение, имеющее целью завершить интеграцию экономики Мексики, Канады и Соединенных Штатов. Лидеры бизнеса по всей Северной Америке приветствовали новые возможности для корпоративной экспансии, открывающиеся благодаря этому слиянию. Местные жители штата Чиапас в юго-восточной части Мексики высказывали радикально противоположный взгляд. На протяжении нескольких поколений они терпели подобные экономические «достижения», каждый раз теряя все больше своих земель и, следовательно, возможностей добывать средства к существованию. Называя НАФТА смертным приговором для народа чиапас, примерно 4000 индейцев совершили вооруженное восстание против мексиканского правительства. Мексиканский политический аналитик Густаво Эстева назвал восстание чиапас «первой революцией XXI века». Если революции XX века были борьбой за государственную власть, то борьба народа чиапас шла за большую местную автономию. за экономическую справедливость и политические права в границах своих поселений . Они не призывали своих сограждан в Мексике принять участие в вооруженном восстании против правительства, а звали присоединиться к их широкому социальному движению с целью освободить местные территории от колонизации чужеродными политическими и экономическими силами. Их боевой клич — «Basta!» (Хватит!) — был подхвачен народными движениями по всей Мексике и эхом прокатился по всему миру.

Каждый день все больше людей говорят «нет» силам корпоративного колониализма, отвоевывают свою землю, берут ответственность за свою жизнь в свои руки и работают над созданием реальных альтернатив мифам и иллюзиям экономической глобализации.

ГОВОРЯЩИЕ «НЕТ»

Журналистка Дай Куинг — отважный и открытый противникдамбы «Три ущелья» в Китае, угрожающей выселением 1,2 млн человек, затоплением 100 000 гектаров наиболее плодородной сельскохозяйственной земли, величественной цепи ущелий и разрушением ареала обитания вымирающих видов. По ее словам, «Высшее выражение достоинства можно резюмировать одним словом — «Нет!» .

Демократическая законность институтов, которые мы наделяем властью, основывается на том, что:

1) они учреждены суверенным народом и подотчетны ему;

2) они осуществляют свою деятельность в соответствии с подобающим морально-этическим кодексом;

3) они дают результаты, желательные для общества в целом .

Большинство из них не справляются с возложенными задачами по всем трем пунктам не потому, что возглавляющие их люди коррумпированы, а потому, что они слишком велики, слишком далеки и слишком увлечены собственными узкими интересами. Захват государственной власти путем выборов или революции ничего не меняет. Не помогают и реформы — они приводят лишь к незначительным изменениям существующей структуры. Вот почему выборы потеряли всякий смысл. Мы должны изменить саму систему, возвратив себе власть, которую мы уступили коррумпированным институтам, и взять ответственность за свои судьбы в свои руки — как раз то, что делают в настоящий момент миллионы людей во всем мире, и число этих людей растет . По мере развития этого процесса мы переосмысливаем соотношение между глобальной, национальной и местной властью, и власть институтов, когда-то казавшихся непоколебимыми, испаряется.

В 1986 году филиппинцы провели массовые уличные демонстрации для того, чтобы сказать «нет» ненавистной и коррумпированной диктатуре Маркоса. Военные присоединились к народу, Маркое позорно бежал из страны, и демократия была восстановлена практически без единого выстрела. Мир увидел и куда более волнующую демонстрацию этой истины в 1989 году в Восточной Европе и в 1991 году в Советском Союзе.

В Индии, Тасмании, Таиланде, Франции, Венгрии, в других странах люди присоединяются к Дай Куинг и говорят «нет» проектам строительства дамб, которые угрожают их домам, средствам существования и дикой природе. Индийские женщины из движения «Чипко» привязывают себя к стволам деревьев, чтобы защитить их от лесорубов, жители племени гіенан в Сараваке, Малайзия, блокируют дороги лесозаготовителей своими телами, а канадский «Альянс за будущее лесов», насчитывающий 1 млн членов, организует демонстрации протеста и кампании в средствах массовой информации Канады.

Люди мобилизуются для защиты мангровыхлесов в Береге Слоновой Кости, коралловых рифов в Белизе и дикой природы в Намибии. Они препятствуют выбросам токсичных отходов в Соединенных Штатах и организуют кампании по сохранению Антарктики как природного заповедника. Японские граждане оказывают давление на японские лесозаготовительные компании, с тем чтобы те изменили свои методы

работы за рубежом. Немцы призывают покончить с иностранной помощью, которая разрушает девственные леса. Местные «карманные» шахтеры, фермеры и рыбаки на Филиппинах мобилизуются для того, чтобы оспорить право немногих влиятельных корпораций по добыче ископаемых лишать тысячи людей средств к существованию.

Идеологи корпоративного либертарианизма говорят нам, что экологические вопросы — это дело среднего класса, роскошь, которую бедняк не может себе позволить. И, однако, все чаще мы видим, что героические действия по спасению природы предпринимают бедняки, знающие цену попустительства ограблению природных ресурсов, от которых зависит само их существование.

Коренные народы часто находятся на переднем крае борьбы. В Эквадоре они сплотились для того, чтобы вернуть свои земли, защитить эквадорские тропические леса от иностранных нефтяных компаний и воспрепятствовать правительственной программе по модернизации сельского хозяйства, следствием которой являлось их выселение с собственных ферм. В Перу они образовали трехсоттысячный союз с тем чтобы начать проекты, соединяющие цели защиты окружающей среды с защитой земли, принадлежащей коренному населению. Национальные индейские организации из Перу, Боливии, Эквадора, Бразилии и Колумбии образовали международный альянс, представляющий более миллиона человек, для того чтобы вернуть индейцам их права на землю. Американские индейцы остановили план корпорации «Ханиуэлл» по созданию полигона для испытания ядерного оружия в священном для них месте Блэк Хиллз в штате Южная Дакота и отклонили предложения компании «АМКОР» по строительству на землях племени полигона для захоронения отходов площадью в 5000 акров и мусоросжигатель. В южной части Панамы коренные жители сплотились для того, чтобы предотвратить завершение трансамериканской автомагистрали через тропические леса, находящиеся на их землях, ибо хорошо понимают, что это шоссе приведет к деградации их лесов, эксплуатации их земель и уничтожению их культуры.

На Филиппинах и в Колумбии люди говорят «нет» насилию, объявляя свои деревни зонами мира и заявляя как правительствам, так и повстанцам, чтобы они нашли другое место для выяснения своих отношений. Форум в защиту женщин в исламском фундаменталистском Пакистане добился того, что женщины вырвались из своего заточения в доме, освободились от чадры и вышли на улицы, чтобы выразить протест против ограничения прав женщин.

Однако протест порой обходится очень дорою. Многие из ненасильственных активистов экологической революции подвергались публичному осмеянию, угрозам, теряли работу, разорялись, оказывались в тюрьме, подвергались пыткам и умирали от рук тех, кто не разделяет их взглядов на устройство общества, ориентированного на жизнь. Они несуг все тяготы политического и духовного пробуждения, необходимого для осуществления радикальных изменений, от которых зависит наше общее будущее.

Создание альтернатив — этих кирпичиков здания здорового общества — эффективный способ сказать «нет». Женщины-участницы движения «Зеленый пояс Кении» основали 1500 лесопитомников и посадили свыше 10 млн. деревьев. Другие африканские женщины следуют их примеру. Рыбачки штата Керала в Индии сплотились для защиты своих прибрежных рыбных ресурсов. В Соединенных Штатах индейцы племени иннуитов на западном побережье штата Вашингтон акр за акром выкупают обратно земли своей резервации, с тем чтобы осуществить планы по их устойчивому использованию. По соседству жители бассейна залива Виллапа, крупного места обитания лосося и устриц, вошли в союз с экологами, лесозаготовителями, местными бизнесменами, правительством, рыбаками, землевладельцами и индейцами, живущими в районе залива Шоулуотер, для восстановления некогда динамичной и разнообразной экосистемы как основы богатой, разнообразной и устойчивой местной экономики. В Сиэтле, штат Вашингтон, несколько гражданских лидеров основали группу под названием «Устойчивый Сиэтл», чтобы выработать набор показателей движения к экологической устойчивости.

Японские женщины управляют двухсоттысячным потребительским кооперативом «Клуб Сейкатсу», который работает с поставщиками с целью гарантировать, что они поставляют безопасные для здоровья продукты и подобающим образом относятся к своим рабочим и к природе. Двадцати трехтысячный коллектив испанского кооператива «Мондрагон» в 1991 году продал товаров и услуг на сумму 3 млрд. долл. и продемонстрировал миру пример потенциала и динамики местного предприятия, которым владеют рабочие. В сотнях городов Канады, Аргентины, Австралии, Новой Зеландии, Соединенных Штатов и других стран люди выпускают свои собственные деньги, известные под разными названиями: ЛЕТС (система местного экономического обмена), зеленые или повременные доллары, для того чтобы освободить себя от колонизации со стороны глобальной финансовой системы, оживить свои местные районы и построить экономику самодостаточности . Свыше 7500 семей, представляющих около

20 000 человек в тринадцати странах Европы и Северной Америки, участвуют в проекте «План глобального действия» (ГЭП) для того чтобы оказывать друг другу поддержку и контролировать свое личное и совместное продвижение к более устойчивому образу жизни. Студенты в Соединенных Штатах организовались, чтобы превратить свои школы в зоны, свободные от рекламы. Пятьсот филиппинских общественных организаций учредили «Национальную мирную конференцию» для разработки национальной повестки дня по вопросам мира, чтобы покончить с затяжным вооруженным конфликтом в своей стране. В Израиле совместное израильско-арабское молодежное движение «Реутсадака» «побуждаетеврейскую и арабскую молодежь жить и учиться вместе».

Каждая подобная инициатива отвоевывает ранее колонизованное пространство, содействует перестройке человеческих сообществ и природных экосистем и вдохновляет окружающих.

СИЛА СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ ГРАЖДАНАМИ

Когда граждане объединяются в добровольные организации, для того чтобы противостоять влиятельным институтам, имеющим в распоряжении миллиарды долларов и доступ к наиболее привилегированным высшим слоям политической власти, то силы кажутся слишком неравными. Институты транснационального капитала находятся у всех на виду, их власть сосредоточена в корпусе корпоративных кадров, и они владеют громадными деньгами. Однако их способность влиять на жизненную активность людей быстро уменьшается, если их денежный поток ослабевает. Гражданские активисты учатся превращать эти свойства в уязвимые места.

Сила гражданского общества заключается в его огромной способности быстро и гибко мобилизовать широкую и разнообразную сеть людей и организаций, действующих исключительно по доброй воле. У эффективных объединений граждан есть много лидеров, каждый из которых может действовать независимо от остальных. Разнообразие и независимость их членов дает возможность изучать проблему с разных сторон, а также вносить в движение разнообразные таланты . Использование тех же средств связи —телефона, факса и компьютера — которыми пользуются корпорации, распространяя свое влияние на весь

мир, позволяет гражданам быстро и гибко предпринимать совместные действия на местном, национальном и глобальном уровнях.

Отсутствие жесткой структуры может привести гражданские движения к некоторой непоследовательности в действиях и неустойчивости во времени, но она также дает им возможность «окружать», «просачиваться» и сковывать действия наиболее влиятельных институтов. Эти же самые характеристики делают их практически неуязвимыми для атак более централизованных, зависящих от денег глобальных институтов бизнеса и финансов. Отдельная ячейка сети может быть ликвидирована и изолирована, а ключевые фигуры даже могут быть убиты, но действующая сеть способна перестроиться почти мгновенно. Это очень похоже на голограмму, которую можно воссоздать по любой из ее частей. И в самом деле, нападки на гражданские объединения выявляют злую волю инициаторов, оскорбляют нравственные чувства людей, увеличивают известность объединения, привлекают новых сторонников и укрепляют решимость.

Имеется множество современных примеров способности таких сетевых организаций добиваться цели как на национальном, так и на глобальном уровнях. В бывшем Советском Союзе неформальные активисты природоохранного движения привлекли правительство к ответственности за широкомасштабную деградацию природы и создали движение, способствовавшее демократическим преобразованиям. Эти группы теперь объединены в политически влиятельный Социально-экологический союз и выступают за широкий круг преобразований в области охраны природы и зашиты прав человека. В Южной Корее Коалиция граждан за экономическую справедливость помогла установить демократический режим и теперь добивается экономической справедливости и экологической устойчивости. В Финляндии 2300 комитетов «Движения деревень» оказали влияние на жизнь приблизительно 500 000 человек и вновь поставили проблемы сельских жителей в разряд важнейших в жизни страны. В Швеции общественное движение под названием «Шаг в природу» мобилизуетсилы на общенациональную поддержку идеи превратить Швецию в модель экологической устойчивости, добиться почти 100-процентной вторичной переработки металлов, прекратить выброс в окружающую среду соединений, которые в ней не разлагаются, поддерживать биологическое разнообразие и сократить энергопотребление до уровня устойчивого солнечного потенциала. Около 10 000 специалистов, работников сферы бизнеса, фермеров, работников ресторанов, студентов и правительственных чиновников, активно работают

в 16 общественных объединениях, разрабатывая и осуществляя этот план. Сорок две местных администрации, члены Федерации фермеров Швеции, и 22 крупных шведских компании в настоящее время работают над осуществлением этих смелых планов.

Широкий гражданский союз фермерских, потребительских, природоохранных, религиозных, профсоюзных организаций, организаций в защиту животных и прочих общественных организаций США работает над обширной задачей реформирования сельского хозяйства страны с целью восстановить малые фермы, положить конец использованию вредных химических веществ и достичь устойчивости природопользования . Новые инициативы в рабочем движении США, проявленные преимущественно женскими группами и организациями национальных меньшинств, говорят о том, что рабочие организации сейчас больше похожи на общественные движения, ориентированные на местную общину, на совместные действия, на открытый характер деятельности, по сравнению с традиционными профессиональными и отраслевыми союзами с их строгой иерархией; они стремятся к союзу с мелкими фермерами и представителями малого бизнеса, заинтересованными в развитии местной экономики . Местные афро-американские группы восстанавливают утраченную силу и вновь берут в свои руки ответственность за свои районы, мобилизуясь для того, чтобы отвлечь свою молодежь от наркотиков и оружия и предоставить больше экономических возможностей для афро-американцев .

Одна из наиболее впечатляющих общенациональных гражданских инициатив — это «Гражданское действие за жизнь против нищеты», бразильское неформальное движение борьбы с голодом под руководством Герберта «Бетино» де Суза из бразильского Института социального и экономического анализа. Это производное широкого общественного движения Бразилии, которое привело в 1993 году к импичменту бразильского президента Фернанд Коллора, чья коррумпированность переполнила чашу терпения даже пресыщенных среднего и высшего классов Бразилии. Как только было утверждено новое правительство, де Суза воспользовался своей репутацией лидера движения за импичмент и возникшей у граждан в результате такого успеха уверенностью в своих силах, чтобы мобилизовать бразильцев на борьбу с национальным позором: 32 из 156 млн жителей прозябали в вечном голоде, имея менее 120 долл. в год на человека, — и это в стране с одной из самых современных и динамичных экономик . Исследование, проведенное в 1994 году, показало, что около 2,8 млн. бразильцев, приблизительно 10% населения старше 16 лет, были активными участниками местных комитетов по борьбе с голодом,

состоявших из рабочих, студентов, домохозяек, деловых людей, представителей творческих профессий и других. Примерно треть взрослого населения Бразилии так или иначе внесла свой вклад в эту кампанию .

Бразильское движение против голода отличают три ключевых момента:

1. Проблема подразделяется на выполнимые части. Представителям среднего класса советовали поближе познакомиться со своими соседями, найти одного голодающего и чем-нибудь помочь ему. Отдельный человек чувствует, что он бессилен сделать что-либо для улучшения положения 32 млн. голодающих, но помочь одному-двум голодающим, живущим втвоем или соседнем квартале, всегда можно, и это приносит глубокое удовлетворение. Каждый человек, приобретая личный опыт, чувствует, что от него что-то зависит. А когда миллионы людей получают тот же опыт, это может создать новую гражданскую культуру.

2. Решение проблемы включает прямое личное участие. Людей не просят посылать филантропическому агентству деньги, на которые профессиональные борцы с голодом могут накормить нуждающихся, находящихся где-то далеко от них. Людям ставят задачу выйти в свое непосредственное окружение и установить человеческие отношения, позволить себе соприкоснуться с жизнью бедного и голодного человека, обездоленного системой, послушать рассказ этого человека, разделить с ним или с ней бремя страдания и послужить мостом для воссоединения общества.

3. Проблема борьбы с голодом создает новое политическое и духовное сознание. Людей побуждают поразмышлять над этим поступком — установлением дружбы и улучшением жизни голодного человека, взглянуть на него как на политический и духовный опыт и средство глубже понять причины нарушения функций бразильского общества. Посредством выступлений в прессе и на местных собраниях гражданам помогают лучше понять динамику неравенства и выталкивания из общества, проистекающих из концентрации экономической власти в руках немногих гигантских корпораций.

За последние двадцать — тридцать лет международная гражданская защита обрела силу и уверенность. Глобальные альянсы, такие как Международная амнистия, уже давно находятся на переднем крае борьбы за признание основных гражданских прав. В конце 1960-х и начале 1970 х годов. Международная федерация планирования семьи возглавила глобальное движение закоренной пересмотр взглядов на планирование семьи и права женщины на контроль рождаемости.

В 1980-х годах, когда Рональд Рейган называл Советский Союз империей зла, а советские руководители характеризовали американцев как чудовищных варваров, тысячи обыкновенных граждан, действуя через такие группы, как Институт советско-американских отношений, Институт Эсален, Совет по охране природных ресурсов и Институт контекста, закладывали фундамент мира, взаимопонимания и демократизации . Филиппинский форум за развитие с офисами в Вашингтоне и Маниле помог остановить многостороннее финансирование разрушительных энергетических проектов, выявить токсичные отходы на военных базах США на Филиппинах и распространить новые творческие механизмы финансирования для содействия устойчивому развитию.

Коалиция канадских, мексиканских и американских групп, образованная для того, чтобы противостоять НАФТА, координирует предложения граждан по установлению экономического сотрудничества в интересах людей всех стран Северной Америки. Когда компании «Ханиуэлл» и «Дженерал электрик» уволили профсоюзных лидеров на своих мексиканских заводах в Хуаресе и Чиуауа, то профсоюзы в Соединенных Штатах и Канаде, представляющие рабочих этих многонациональных компаний, провели совместные акции протеста против этих компаний и в поддержку своих мексиканских коллег .

В 1979 году малайзийский активист движения потребителей Анвар Фазаль, бывший тогда президентом Международного союза потребительских организаций (МСПО), созвал Международную сеть действий по вопросам детского питания (МСДДП), международный альянс гражданских групп протеста, чтобы бойкотировать продукты фирмы «Нестле». Имея факты, свидетельствующие, что искусственное кормление вызывало в бедных странах тысячи случаев детской смертности каждый год, участники бойкота потребовали, чтобы фирма «Нестле» прекратила активную рекламу продуктов питания для новорожденных в качестве современного заменителя фудного питания. «Нестле» организовала отчаянную кампанию противодействия, что ускорило перерастание МСДДП в коалицию, объединяющую более 140 гражданских групп в семидесяти странах. В результате усилий МСДДП Всемирная организация здравоохранения издала в 1981 году кодекс поведения, регулирующий правила рекламирования детского питания, и «Нестле» дала обещание, хотя впоследствии и нарушенное, следовать этому кодексу.

Основываясь на опыте МСДДП, региональный офис МСПО в городе Пенанг в Малайзии, инициировал другие сети сотрудничества граждан, чтобы противостоять уфозе для здоровья, безопасности и бюджета

человека в результате деятельности транснациональных корпораций в области фармацевтики, производства табака, переработки токсичных отходов, производства сельскохозяйственных химикатов, в области биотехнологии и облучения пищевых продуктов. Сеть сотрудничества «третьего мира», известная фуппа фажданского протеста, руководимая бывшим профессором университета Мохаммеда Идриса, была также основана в Пенанге, что превратило этот прибрежный город в центр борьбы граждан против неоколониализма .

Способ, при помощи которого сети сотрудничества фаждан при всей ограниченности ресурсов могут «окружать» наиболее влиятельные международные институты и «просачиваться» в них, демонстрирует кампания «Пятидесяти лет вполне достаточно», организованная фажданскими группами по случаю пятидесятилетнего юбилея Всемирного банка и Международного валютного фонда (МВФ). В распоряжении Банка и МВФ имеются офомные финансовые ресурсы, рычаги влияния на крупнейшие финансовые рынки мира, и они практически диктуют политику многим правительствам мира. Они могут мобилизовать тысячи высокооплачиваемых специалистов для разработки статистических выкладок и отчетов, благоприятных для их позиции, с помощью наиболее престижных в мире фирм скупить средства массовой информации и подкупать влиятельные неправительственные организации, посулив им гранты, контракты и международные поездки.

Гражданские группы почти всех стран, где орудуют эти два института, выступили против них в этой крайне неравной борьбе, получая поддержку даже от сочувствующего персонала этих закрытых институтов. Банк и МВФ больше не знают. какие из внутреннихдокументов попадут в руки граждан и будут опубликованы, или где в очередной раз появятся транспаранты с протестами, где пройдут массовые демонстрации или появятся колонки редактора, реклама и тематические статьи в гражданских журналах и листовках, ставящие под сомнение их утверждения об эффективности проектов и призывающие сократить их финансирование. Не более трех лет назад предложение о закрытии Всемирного Банка казалось наивным и даже легкомысленным. Теперь же финансирование банка находится под угрозой, а его закрытие обсуждается как серьезное предложение.

Это лишь небольшая иллюстрация инициатив, которые предпринимают простые люди во всем мире. Все вместе они представляют пробуждающееся гражданское общество и становление общественных и политических сил экологической революции.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ СОЗНАНИЯ

Глобальные сети сотрудничества граждан — это важнейшая часть процесса выработки нового глобального человеческого сознания. Люди из всех уголков мира встречаются на бесчисленных форумах и делятся своим опытом общения с заблудшей глобальной системой и разрабатывают планы сотрудничества . Конференция ООН по окружающей среде и развитию (ЮНСЕД), или Всемирный форум, в Рио-де-Жанейро 1992 года были определяющим моментом и в глобальном диалоге граждан. В то время как официальные встречи проходили в роскошном и хорошо охраняемом конгресс-центре «Рио-центро», примерно 18 000 простых граждан всех рас, религий, социальных классов и национальностей собрались в палатках на жаркой полоске пляжа в другом конце города на глобальный форум неправительственных организаций, чтобы выработать гражданские соглашения, намечающие повестку дня для совместных добровольных действий.

Трудно себе представить больший контраст. Официальные встречи были утомительно формальны и жестко запрограммированы; они в значительной степени закрепляли сложившееся положение вещей и тщательно избегали фундаментальных вопросов, включая планетарные пределы экономического роста, бесконтрольную власть корпораций и последствия экономической глобализации. Гражданские же совещания были хаотичными, свободными и бурными. Там открыто обсуждались самые насущные вопросы и звучали призывы к коренным преобразованиям. В конце стало очевидным, что за разноголосицей противоречащих друг другу мнений обнаруживается общее согласие по некоторым важным моментам, выражающее новое глобальное политическое, экологическое и духовное сознание.

Во время проведения ЮНСЕД гражданские организации работали в основном на периферии официальных обсуждений, однако процесс гражданского договора явился важным вкладом процесс закладки основ гражданского согласия, и помог подготовить почву для более существенного вклада в будущие глобальные встречи. Ключевые элементы консенсуса были объединены в Деклараиию граждан Земли: инициативную повестку дня на будущее (см. Приложение). На последующих официальных международных конференциях гражданские группы уже

были лучше знакомы с официальным процессом ООН и более умело взаимодействовали, особенно ключевые организации в женском движении, такие как Альтернативы развития для женщин в новой эре и Организации женщин за окружающую среду и развитие. Ко времени проведения международной конференции по вопросам населения и развития в 1994 году в Каире женское движение продемонстрировало, что оно первым среди движений граждан действительно освоило процесс проведения встреч ООН. Работая с национальными правительствами, через них, а также с секретариатом ООН, женские группы сформировали основную канву официального документа конференции. Несогласные правительства и Католическая церковь оказались в положении, когда они вынуждены ограничиться лишь незначительными поправками в нюансах формулировок, с которыми они не согласны. Поскольку женщины несут основное бремя невзгод в результате глобального кризиса человечества, они теперь берут на себя инициативу в выработке новой повестки дня развития, более справедливой по отношению к женщине, однако отражающей интересы всех людей . Движение женщин стремительно выходит вперед как политический авангард экологического движения.

ДЕЛАТЬ ТО, ЧТО ВОЗМОЖНО

Мы живем в такое время, когда возможности для быстрых изменений на глобальном уровне велики, как никогда. Лишь за один 1988 год проблемы окружающей среды, ранее предмет забот убежденных экологов, стремительно вошли в глобальное сознание. Обеспокоенность состоянием окружающей среды стала важным фактором во время предвыборной президентской кампании в США, а журнал «Тайм» назвал тему глобальной экологической угрозы глав ной темой года. Четыре года спустя, в июне 1992 года, в Рио-де-Жанейро, состоялась крупнейшая в человеческой истории встреча глав государств, других политических деятелей, глав корпораций и гражданских организаций с целью выработать соглашения о защите глобальной окружающей среды.

Представьте себе, каким насмешкам подвергли бы провидца, который осмелился бы еще в 1988 году предсказать, что к 1991 году Советский Союз мирно распадется, Германия объединится, Берлинская стена рухнет, а руководство бывшей «империи зла» пригласит Соединенные Штаты помочь в ликвидации своего ядерного арсенала. А если бы тот же пророк

предсказал в 1993 году, что израильтяне и палестинцы подпишут мирный договор? И что в 1994 году Нельсон Мандела будет избран президентом Южно-Африканской Республики при участии в выборах представителей обеих рас? . Но, возможно, самое замечательное состоит в том, что мы уже считаем большинство этих событий чем-то само собой разумеющимся, быстро позабыв, какими эпохальными они были и как быстро нереальные мечты превратились в свершившийся факт.

А теперь давайте подумаем о некоторых возможных современных предсказаниях в свете повестки дня экологической революции. Большинство из нас сочли бы, что всякий, кто решился бы предсказать, что нижеследующие события произойдут в ближайшие пять лет, просто лишился рассудка. И все же, прежде чем делать этот скоропалительный вывод, задайте себе в каждом случае лишь один вопрос: покажутся ли вам более смехотворными предположения, что данное событие произойдет к 2001 году, чем предположения о возможности любого из вышеупомянутых событий, сделанные всего лишь за три года до их фактического свершения?

• Международная торговля оружием будет запрещена, и крупнейшие армии мира разоружены и заменены небольшой командой миротворческих войск ООН.

• Япония, Соединенные Штаты, Канада, Германия и ряд других европейских стран наложат 50 процентный налог на рекламу, для того чтобы финансировать обучение потребителей преимуществам бережливости и проведение исследований по вопросу о том, как устранить императив экономического роста из национальной экономики.

• Нынешняя система учета национального дохода, основанная на прибылях компаний, будет заменена системой, измеряющей достижения в экономике по степени удовлетворения потребностей людей, а также увеличения или уменьшения человеческого, социального или природного капитала страны.

• Жесткое международное антитрестовское соглашение будет подписано всеми странами мира, а строгое соблюдение его условий в сочетании с массовыми инициативами жителей и рабочих по выкупу предприятий приведет к распаду большинства крупнейших транснациональных корпораций мира и превратит их остатки в предприятия, которыми владеют местные жители и работники этих предприятий и которые обслуживают преимущественно местные рынки.

• Обширные инициативы по реформированию сельского хозяйства почти повсеместно приведут к распаду корпоративных и иных крупных сельскохозяйственных холдингов и преобразуют их в семейные фермы,

обслуживающие местные рынки, использующие биоинтенсивные методы и переработку органических отходов.

• 90% долгов стран с низким доходом будет аннулировано или прощено, и долгосрочные международные займы будут резко сокращены.

• Сильно сокращенный Всемирный банк будет преобразован в агентство по технической помощи в качестве структурного подразделения Программы развития при ООН для оказания консультаций различным странам по вопросу, как стать менее зависимыми от торговли и как локализовать свою экономику.

• МВФ и ГАТТ будут заменены различными агентствами ООН в подчинении и под наблюдением Экономического и социального совета ООН и будут заниматься переработкой международных финансовых и торговых правил для поддержки экономической локализации в контексте глобального сотрудничества.

• Несколько тысяч культур коренных жителей, ранее находившихся на грани исчезновения, будут возрождены и станут процветать.

• Промышленные страны сократят свое потребление невозобновляемых источников энергии на 50% надушу населения, и продажа автомобилей с бензиновым двигателем в промышленных странах сократится на 75% при одновременном увеличении солнечных элементов и перепланировании городов для того, чтобы дать преимущество пешеходам, велосипедистам и общественному транспорту.

• Мировые запасы рыбы будут постепенно восстанавливаться при режиме устойчивого менеджмента, осуществляемого кооперативами по управлению ресурсами, состоящими из небольших семейных рыбопромысловых предприятий.

• Международное соглашение поставит вне закона патентование живых организмов, и будет учреждена международная структура, финансируемая налогом на международное движение капитала, для приобретения авторских прав на социально и экологически наиболее благоприятные технологии, для их размещения в общественном месте и облегчения к ним доступа любому человеку в мире, который пожелает использовать их на благо общества.

• Ряд национальных и международных бизнес-организаций, представляющих многие крупнейшие корпорации мира, добровольно примут кодекс поведения, который включает пункты о том, что зарплата глав корпораций не может превышать зарплату наиболее низкооплачиваемого рабочего любого из обширной глобальной сети предприятий фирмы более чем в 20 раз, что использование

невозобновляемых источников энергии будет уменьшено к 2010 году и составит 25% от уровня 1995 года, и 90% товаров будет вторично перерабатываться к тому же году.

• Большинство стран отменит налоги на доходы и потребление товаров первой необходимости до уровня, необходимого для обеспечения достойного существования, за счет налогов на извлечение ресурсов, международное перемещение денег, предметов роскоши, доходы богатых и наследование.

• Более половины стран мира будут проводить политику сокращения рабочей недели до 20 часовой при гарантированной оплате, используя преимущества механизации и автоматизации, прежде всего повышение производительности.

• Большая часть замкнутых фундаменталистских религиозных сект, проповедующих страх и нетерпимость, канут в безвестность ввиду роста экуменического движения, вызванного повсеместным внутренним духовным пробуждением к пониманию единства жизни и сознания.

• Большинство женщин и мужчин будут в равной степени делить домашние обязанности и добровольную общественную работу.

• Почти 500 000 беженцев мира будут мирно переселены на постоянное место жительства — преимущественно в пределах своих стран.

• Большая часть стран примет за норму наличие в семье двух детей с одобрения католической церкви и других крупных религиозных течений.

• Структура политических партий в большинстве стран будет изменена, и наберут силу народные политические движения, порожденные заботой о демократической отчетности, социальной справедливости и экологической устойчивости, в которых примут участие множество обычных граждан, участвующих в качестве кандидатов и побеждающих на выборах как на местном, так и на национальном уровнях.

Выглядит до абсурдности несбыточно? Да, но не более, чем многие из невероятных изменений, произошедших в последние годы. Выдвигаю ли я эти предположения как предсказания? Нив коем случае, но они входят в число возможностей, которые мы, вероятно, захотели бы включить в повестку дня по изменению мира.

24. Повестка дня для перемен

Политическое общество не может быть здоровым,
если оно не способно в значительной степени
контролировать свою экономическую жизнь

Герман Дейли и Джон Кобб мл.

Поэтому я благожелательно отношусь скорее к тем,
кто сводит к минимуму, а не приводит к максимуму
экономические связи между странами. Идеи, знания,
искусства, гостеприимство, туризм — вот что,
по своей сути, должно быть международным. Но пусть
товары везде, где это разумно и удобно, производятся в
пределах своей страны, и, самое главное, пусть финансы
будут прежде всего национальными.

Джон Мейнард Кейнс

Существует очень немного прав более фундаментальных, чем право людей создавать заботливые, устойчивые общины и контролировать свои ресурсы, свою экономику и свои средства к существованию. Эти права, в свою очередь зависят от права выбирать, какие культурные ценности люди примут, какие ценности будут преподавать их детям и с кем они будут торговать. Глобализованная экономика отрицает эти права, предоставляя возможность делать соответствующий выбор глобальным корпорациям и финансовым институтам. Экономическая глобализация служит интересам корпораций. Она не в интересах человека. В чьих руках находится власть принимать решения — вот ключевой вопрос экологической революции.

Руководящие принципы экологической революции, безусловно, находятся на стороне бизнеса и рынка, но на стороне местного, а не глобального бизнеса и рынка. Они учитывают важность местного бизнеса, который обеспечивает занятость д ля местных жителей, платит налоги для поддержания местной инфраструктуры и социальной сферы услуг, следит за соблюдением экологических стандартов, участвует в общественной жизни и честно конкурирует с аналогичными фирмами на рынке, где отсутствуют доминантные игроки. Если глобальная корпорация пожелает предложить местным жителям нечто такое, чего не могут предложить местные фирмы, то решать должны сами местные жители после рассмотрения вопроса и тщательного взвешивания всех аргументов. Если защита демократии, человеческих ценностей и средств к существованию называется протекционизмом, то давайте все гордо назовем себя протекционистами.

В этой главе рассматриваются меры по реформе управления для возвращения захваченной у нас политической и экономической власти и восстановления прав человека. Целью является ограничение власти и свободы крупнейших корпораций, для того чтобы восстановить демократию, и права и свободы людей и сообществ. Для этого требуется нечто большее, чем простые реформы.

ОТВОЕВЫВАНИЕ НАШЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Политические права принадлежат людям, а не искусственным юридическим лицам. Будучи инструментами общественной политики, корпорации должны подчиняться законам, выработанным гражданами, а не писать эти законы. Притязания корпораций на те же самые конституционные права, что и права людей, рожденных в плоти и крови, есть вопиющее искажение концепции права. Особенно вредна претензия корпораций на Первую поправку к конституции США о защите права на свободу слова, на которой корпорации основывают свое право лоббировать и проводить общественные кампании по политическим вопросам. Как замечает Пол Хокен, призывая к применению этого права, «корпорации добиваются как раз того самого, что намеревался предотвратить Закон о правах: доминировать над общественной мыслью и словом» .

Мы должны отдать безусловный приоритет законодательным и судебным действиям, направленным на установление законодательного

принципа, по которому корпорации являются общественными организациями, созданными для служения общественным интересам, и могут иметь лишь те привилегии, которые специально оговорены в их уставе или законе. Эти привилегии на совершенно законном основании могут быть отозваны или изменены в любое время в результате общественного референдума или в законном порядке. Если корпорация постоянно стремится превысить данные по уставу привилегии, например сознательно продавая бракованные товары или постоянно нарушая закон о выбросах токсичных отходов, то правом и обязанностью граждан, действующих через правительство, является роспуск этой корпорации. В этом нет никакого отличия от их права распустить любую общественную организацию, которая, по их мнению, более не служит интересам общества, или заключить в тюрьму — и даже казнить — частных лиц, которые сознательно нарушают закон и причиняют вред окружающим .

Акционеры, управляющие, служащие, потребители и все остальные имеют полное право выражать свои политические взгляды за или против интересов корпораций. У них также есть право учреждать и финансировать некоммерческие организации для достижения той или иной цели, которую они для себя выбрали, используя свои личные средства. У корпораций же нет такого естественного права. Им попросту нет места в политических отношениях людей.

Первым шагом по удалению корпораций из политической сферы должно быть устранение всех налоговых льгот по расходам корпораций, связанным с лоббированием, общественным «образованием», общественной благотворительностью или политическими организациями любого рода. Однако конечной целью должно быть полное запрещение участия коммерческих корпораций в любой деятельности, нацеленной на то, чтобы повлиять на политический процесс или на «образование» общественности по вопросам, касающимся политики и общественных интересов. Более того, служащим корпораций должно быть запрещено законом от имени своей корпорации собирать у сотрудников, поставщиков или клиентов средства на политическую деятельность или поддержку.

Все более агрессивное использование корпорациями некоммерческих организаций в качестве фиктивных фасадов общественности для корпоративного политического лоббирования показывает, насколько тонкая линия отделяет корпоративное участие в системе общественного образования и филантропическую помощь от прямого вмешательства в политику. Даже спонсорская помощь корпораций настоящим благотворительным и культурным организациям вызывает все больше

подозрений. Например, когда в 1994 году в Нью-Йорке было предложено повсеместно запретить курение во всех общественных местах, корпорация «Филип Моррис» намекнула многим общественным организациям города, которые она субсидировала, что она рассчитывает на их поддержку в противодействии этому запрещению.

Совершенно естественно, что коммерческие корпорации используют оказываемую ими благотворительность в своих интересах. В противном случае, они мало чем могут оправдать перед своими вкладчиками отвлечение доходов на благотворительные цели. Если корпорации действительно заботит состояние местности, где они располагаются, то пусть они позаботятся о том, чтобы обеспечить жителей хорошей, надежной работой и безопасными товарами, позаботятся о чистоте окружающей среды, о соблюдении законов и об уплате налогов. Пусть их менеджеры, акционеры и сотрудники вносят вклад на благотворительные и образовательные цели по собственному выбору из своей зарплаты и прибыли корпорации.

Точно так же любая некоммерческая организация, в совете которой 50 или более процентов попечителей являются старшими сотрудниками корпораций, имеющими активы, превышающие миллиард долларов, должна быть лишена некоммерческого статуса на основании того, что такая организация есть нечто иное, как ширма для продвижения корпоративных интересов. Когда некоммерческие организации с корпоративными советами директоров собирают общественные деньги, публикуют общественные заявления или проводят для общественности презентации, то они должны называть себя своим настоящим именем.

Удаление корпораций из политики — это существенный шаг к восстановлению нашего политического пространства. Однако этого недостаточно. Журналист газеты «Нью-Йорк тайме» Расселл Бейкер точно описал выборы 1994 года в Конгресс как аукцион, напоминающий скорее войну, в которой участники стремятся одержать победу, потратив больше денег на негативную рекламу, а не на состязание в лучшем видении будущего, знании проблем и компетентности . Это было частным проявлением тенденции, которая все больше разочаровывает американских избирателей в демократии и возмущает тем, что правительство контролируется владельцами крупных состояний.

Если мы хотим, чтобы демократия выжила, то нужно не только удалить корпорации из политики, но также ограничить власть больших денег влиять на избирательные предпочтения простых граждан. Возможность потратить миллионы долларов для насыщения эфира,

особенно телевидения, негативной информацией о политическом противнике стала ключом к победе на выборах. Пока победа на выборах будет оставаться чрезвычайно дорогостоящим делом, а единственными источниками адекватного финансирования будут влиятельные финансовые интересы, политика всегда будет предпочитать финансовые интересы интересам общества.

Ограничение срока правления или недопущение претендента до власти путем голосования ничего не дает. Необходимы три радикальных реформы избирательной кампании.

1. Политическая реклама на телевидении должна быть запрещена. Она чрезвычайна дорога, зачастую обманчива и редко бывает информативна. Ее устранение существенно сократило бы расходы на успешную избирательную кампанию и, следовательно, зависимость от финансирования групп с особыми интересами. Это также могло бы улучшить качество общественных дискуссий.

2. Общие расходы на избирательную кампанию должны быть ограничены. Пусть кандидаты состязаются в том, каким образом — в пределах ограниченного бюджета —они могут лучше всего довести свои мысли до сознания избирателей. Это будет лучшим мерилом их способности ответственно расходовать общественные средства.

3. Расходы на кампанию должны покрываться из комбинированных источников: путем государственного финансирования и небольших личных вкладов, не облагаемых налогами. Комитеты политического содействия должны быть ликвидированы, а корпорациям должно быть запрещено делать какой-либо политический вклад или использовать корпоративные ресурсы в пользу любого кандидата, участвующего в политической кампании.

В обмен на право пользоваться общественным эфиром телевизионные и радиостанции должны предоставить претендентам на государственные посты возможность давать интервью и проводить дебаты по вопросам, представляющим общественный интерес, на основе равного времени. Политическим кандидатам может быть предоставлена равная площадь в печатных средствах массовой информации, при этом печатные органы должны иметь стимул к публикации конструктивных статей на самые актуальные темы и политических комментариев. Информирование общественности о взглядах и квалификации кандидатов на государственные должности — это одна из самых основных обязанностей агентств новостей в демократическом обществе, и они должны нести ответственность за ее выполнение.

При своем доминирующем положении в средствах массовой информации и все большем проникновении в школы корпорации все больше контролируют и формируют наши первичные институты культурного воспроизводства, постоянно подпитывая ценности потребительства и основные доктрины корпоративного либертарианизма — тем самым связывая общественную культуру с корпоративными интересами. Для того чтобы отвоевать захваченное у нас политическое пространство, мы должны отвоевать захваченное у нас культурное пространство. Трем мерам следует уделить особое внимание.

1. *Антитрестовское законодательство.* Следует принять специальный антитрестовский закон о средствах массовой информации, запрещающий одной корпорации владеть более чем одним крупным средством массовой информации, будь то газета, радиостанция, телестанция или кабельный канал, как достаточным доказательством ее монополистических устремлений. Более того, управление этим средством массовой информации должно быть основным бизнесом корпорации, которая им владеет. Это является гарантией того, что данное средство не используется в первую очередь как инструмент продвижения других корпоративных интересов. Ни одному частному лицу не должно быть позволено являться основным вкладчиком более чем в одну подобную корпорацию. Это увеличит права граждан на свободу слова, ограничив возможность небольшого числа влиятельных частных лиц и корпораций контролировать доступ к средствам общественной информации.

2.*Реклама.* В классической рыночной экономике роль бизнеса состоит в том, чтобы реагировать на запросы рынка, а не создавать их. Налоговые льготы на рекламу есть общественная субсидия в размере многих миллиардов долларов в год на корпоративную рекламу, целью которой является убедить людей покупать те вещи, в которых они совершенно не нуждаются, и на создание потребительской культуры, чуждой потребностям здорового общества. Реклама, исключая чисто информативное объявление, основанное на проверенных фактах, не отвечает общественным интересам. В идеале она должна быть запрещена. Как минимум на нее не должны распространяться налоговые льготы, и она должна облагаться как минимум 50 процентным налогом. Часть доходов от этого налога должна направляться на обучение потребителей здоровому, удовлетворительному и экологически устойчивому образу жизни. «Размещение продуктов» или заставки с логотипами компаний в кинотеатрах и на видеокассетах должны быть запрещены. Радио и телевидение могут частично финансироваться за счет поступлений от

налогов в равной доле с абонентной платой пользователей или добровольными взносами. Информация о товарах может предоставляться на бесплатной основе через справочники товаров, включая справочные базы данных, доступные через компьютерную сеть и интерактивное телевидение.

3. *Школы.* Школы следует объявить зонами, свободными от рекламы, управление государственными школами должно оставаться функцией государственного сектора, а учебная литература, поставляемая корпорациями, должна быть запрещена для использования в классах в рамках запрета на рекламу в школе.

Отвоевывание нашего политического пространства идет одновременно с отвоевыванием нашего экономического пространства.

ОТВОЕВЫВАНИЕ НАШЕГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Как теория капитализма, так и теория коммунизма признают справедливость истины, выраженной известным афоризмом: «Кто платит, тот заказывает музыку». Коммунистическая теория прямо призывает к общественному владению средствами производства. Адам Смит косвенно делал то же самое допущение в своем представлении об идеальной рыночной экономике, состоящей из мелких фермеров и ремесленников, — положение вещей, при котором владелец, управляющий и рабочий обычно являются одним и тем же лицом. Но и коммунизм, и капитализм не смогли реализовать своих идеалов на практике. Коммунизм отдал права собственности далекому от рядовых граждан государству и лишил людей каких-либо средств воздействия на государство для осуществления этих прав. Капитализм упорно отдает права на собственность гигантским корпорациям и финансовым институтам, которые обычно неподотчетны даже своим владельцам.

Но этому имеется важная структурная альтернатива — рыночная экономика, состоящая преимущественно, хотя и не исключительно, из семейных предприятий, небольших кооперативов, фирм, которыми владеют рабочие, и небольших местных и муниципальных корпораций. Активист потребительского движения из Малайзии Бишан Сингх называет это экономикой местных предприятий, поскольку она соединяет рыночные силы денежной экономики с общественными силами социальной экономики . Историк и политэконом Гар Альперовиц утверждает, что

именно такая перестройка американской экономики уже происходит: [и проводится]

... социально ответственными предпринимателями, новыми творческими профсоюзами и эффективными местными администрациями... Количество фирм, в настоящее время экспериментирующих с формой организации, в которой предприятием владеют рабочие, приближается к 10 000, и в них работают приблизительно 12 млн рабочих — больше, чем количество охваченных профсоюзами рабочих в частном секторе. Кроме того, имеется более 30 000 кооперативов, включая 4000 потребительских кооперативов, 13 000 кредитных союзов, почти 100 кооперативных банков и более 100 кооперативных страховых компаний. Добавьте к этому 1200 местных компаний коммунального обслуживания и почти 5000 жилищных кооперативов, плюс еще 115 телекоммуникационных кабельных кооперативов .

Общим элементом этих нововведений является то, что они устанавливают местный контроль над средствами производства через институты, которые располагаются в данной местности . Это делает капитал терпеливым и подотчетным местным жителям — существенное условие для стабильных, здоровых общин. Таким образом, подобные инициативы жизненно важны для построения фундамента здорового общества, но им серьезно препятствует экономическая политика институтов, отдающих предпочтение всему крупному, глобальному и хищному. Для отвоевания нашего экономического пространства требуется радикальное изменение такой политики и таких институтов в пользу всего малого и подотчетного людям на местах. Для того чтобы добиться этого, нам нужно восстановить целостность и правильное функционирование наших финансовых институтов и систем, перенести общественные и экологические издержки производства на производителей и потребителей их продукции, прекратить субсидии большому бизнесу, локализовать рынки, децентрализовать владение капиталом, установить подотчетность корпораций и восстановить рыночную конкуренцию. Выражение «радикальное изменение» употреблено намеренно. Если кажется, что предложенные меры противоречат ныне существующей тенденции ко всему крупному и глобальному, то наше намерение именно в этом.

0,5%-ный налог на финансовые трансакции. Небольшой налог на покупку и продажу таких финансовых инструментов, как акции, облигации, иностранная валюта и деривативы, отобьет охоту к краткосрочным спекуляциям и арбитражу и устранит важный источник нетрудового

финансового дохода.

Ранжированный добавочный подоходный налог на краткосрочную прибыль на капитал. Добавочный подоходный налог на прибыль на капитал сделал бы многие формы спекуляции невыгодными, стабилизировал бы финансовые рынки и увеличил инвестиционные перспективы, не нанося при этом ущерба долгосрочному производственному инвестированию. Добавочный налог на продажу активов, размещенных менее чем на недельный срок, может достигать 80%, снижаться до 50% на доходы от активов, размещенных на срок более недели, но менее шести месяцев, 35% на те вклады, которые не изымаются от шести месяцев до трех лет, и 10% на активы, помещенные на срок свыше трех лет . Он может быть плавно введен в течение нескольких лет. Этот налог должен быть введен в дополнение ко всем остальным применимым подоходным налогам и должен применяться к доходам, получаемым финансовыми институтами и инвестиционными фондами, а также к доходам, передаваемым напрямую частным инвесторам. Этот дополнительный налог имел бы эффект оказания предпочтительного благоприятствования доходу, зарабатываемому посредством производственной деятельности, в сравнении с доходами от простого хранения денег в банке.

Требование 100-процентного резерва на депозитные счета. Давно, еще в 1948 году, Генри Симмон, основатель консервативной школы экономического монетаризма Чикагского университета, убеждал в необходимости ввести требование 100-процентного резерва на вклады до востребования, чтобы ограничить способность банков создавать деньги и дать правительству больший контроль над поступлением денег. С тех пор многие экономисты призывали к подобным мерам . В настоящее время требования к резерву в Соединенных Штатах в среднем составляют менее 10%. Введенная постепенно на протяжении нескольких лет, чтобы дать финансовой системе возможность адаптироваться, эта мера позволила бы дефлировать кредитную пирамиду и восстановить связь между созданием денег и созданием богатства.

Строгое регулирование финансовых деривативов. Многие формы деривативов в целом представляют собой высокорискованные игорные инструменты, которые служат преимущественно для того, чтобы генерировать плату для инвестиционных домов, которые упаковывают и продают их. Как и все остальные формы игорного бизнеса, их создание, продажа и покупка должны строго регулироваться и облагаться высоким налогом. Пенсионным фондам и прочим фондам, управляемым как

общественные тресты, должнобыть строжайше запрещено торговать инструментами, входящими в эту классификацию, и инвестировать в компании, которые этим занимаются. Все общественные корпорации, которые занимаются торговлей деривативами, должны поквартально отчитываться о своей деятельности по торговле деривативами, сообщать о своих потенциальных финансовых объемах этих инструментов и о том, какая часть их торговли состоит из деривативов, которые можно отнести к игорному бизнесу.

Режим наибольшего благоприятствования для местных общественных банков. Банковская система США некогда состояла из унитарных или местных общественных банков, которые хранили текущие счета местных жителей, выдавали займы местным предприятиям и закладные для увеличения местного домовладения. Последующие изменения в банковском законодательстве привели к тому, что местные общественные банки были колонизированы банками с гигантской концентрацией денег, которые откачали местные депозиты в глобальную денежную систему. Если мы хотим, чтобы банковская система служила местной экономике, следует восстановить систему местных общественных банков, потребовав, чтобы крупные банки ликвидировали свои отделения, и ужесточить законы о местном инвестировании, потребовав, чтобы значительная часть инвестиционного портфеля любого банка, имеющего федеральную депозитную страховку, размещалась в пределах зоны его обслуживания и чтобы все его инвестиции соответствовали федерально установленным стандартам. Крупные, глобальные банки, которые желают спекулировать деньгами своих вкладчиков, не должны пользоваться преимуществом федеральной страховой защиты .

Строгое соблюдение антитрестовских законов. Следует предпринять строгие законодательные действия, чтобы снизить концентрацию корпоративной власти. Предложения о покупке и слиянии компаний и банков должны подвергаться глубокому и критическому правительственному рассмотрению, причем именно предлагающая сторона обязана представить веские доказательства, что сделка осуществляется в интересах общества, а не корпорации.

Возможность выкупа активов трудовыми коллективами и местными жителями. В большинстве случаев общественный интерес лучше всего соблюдается терпеливым и укоренившимся капиталом. Поэтому покупка корпоративных активов трудовыми коллективами и местным населением должна поддерживаться общественной политикой. Например, прежде чем крупной корпорации будет разрешено закрыть завод или осуществить его

продажу или слияние, рабочие, которых это изменение затрагивает, должны иметь приоритетное юридическое право купить эти активы на выгодных для них условиях. Эти условия должны принимать во внимание трудовой стаж рабочих на предприятии и коллективный вклад местной администрации и жителей, создавших условия для работы данного предприятия. В большинстве компаний есть много других инвесторов, помимо формальных вкладчиков, и их вклад должен быт узаконен. Законы, регулирующие банкротство, также должны быть преобразованы, чтобы предоставить трудовым коллективам и местным жителям возможность приобрести активы корпорации, которые преобразуются процедурой банкротства, на льготных условиях. Подобным же образом, когда поступает требование, чтобы компания по антитрестовскому закону отделила часть своих предприятий, то сотрудники этого предприятия, или местные жители, или и те и другие должны иметь преимущественное право приобрести отделяющиеся предприятия. Законы, регулирующие пенсионные фонды компании, могли бы позволить использование фондов сотрудниками для приобретения контрольного пакета в активах компании. Правительственный надзор должен гарантировать, что приобретение предприятий рабочими и местными жителями проведено таким образом, чтобы рабочие и местные жители имели настоящий контроль над ними.

Изменение налогов. Один из основных, но часто нарушаемых принципов налоговой политики заключается в том, что налогами должны облагаться такие виды деятельности, которые содействуют общественной и экологической дисфункции. Следовательно, закон о налогообложении корпораций должен быть пересмотрен с целью перенести налоги с того, что выгодно обществу, например наем работников, — включая отчисления работодателя в социальное страхование, здравоохранение, фонд зарплаты, — на обложение налогами такой деятельности, которая ведет к социальной и экологической дисфункции, например добыча ископаемых, упаковка, загрязнение окружающей среды, импорт, корпоративное лоббирование и реклама. Подобные налоги складывались бы друг с другом и делали невыгодным использование социально и экологически вредных товаров. Например, налог на добычу угля, нефти, газа и атомной энергии привел бы к увеличению цены для конечного потребителя и побудил бы его к экономии и переходу на источники солнечной энергетики, такие как солнечное нагревание, ветроэнергетика, гидроэнергетика, солнечные батареи и биомасса. Последовавшее увеличение стоимости перевозок привело бы к недискриминационному естественному тарифу, способствующему локализации рынков. Возросшая стоимость поездок на

работу на машинах стимулировала бы инвестиции в развитие общественного транспорта и выбор места жительства ближе к работе. Налог на выбросы вредных веществ в окружающую среду содействовал бы контролю за загрязнениями. Налог на добычу первичных природных материалов содействовал бы переходу на менее загрязняющие, менее материалоемкие технологические схемы и способы производства и использование в большей степени вторичной переработки. Оценка стоимости уничтожения упаковки, используемой производителем, привела бы к сокращению объема ненужной упаковки. Импортные тарифы содействовали бы сильной и независимой местной экономике.

Ежегодная выплата дивидендов с доходов. Налог на доходы корпораций должен быть отменен одновременное введением требования о ежегодной выплате их прибыли вкладчикам. Таким образом, прибыль облагалась бы налогом в форме дохода вкладчиков в нормальном предельном объеме. Амортизация была бы пригнана к текущим замещающим ценам, чтобы способствовать достаточному удержанию заработков для покрытия замены капитала. Исследования могли бы записываться в счет подотчетных сумм текущего года. Двойное налогообложение корпоративной прибыли — первый раз корпорации и второй раз вкладчиков — ликвидировалось бы вместе с отсрочкой налогов вкладчиков и искажениями, которые налог на корпоративный доход вносит в корпоративное принятие решений. Если бы эти меры были введены повсеместно, у корпораций пропал бы стимул перемещать прибыль по всему миру в поиске мест с наименьшими налогами. Выплата процентов на долговое финансирование производилась бы прямо из прибыли, а не из налогов, что, таким образом, отбило бы охоту совершать покупки в долг и способствовало бы справедливому финансированию. Многие закулисные выкупы предприятий, которые зависят от налогонеоблагаемости процента для того, чтобы быть прибыльными, потеряли бы смысл. Корпорации облагались бы налогом на конкретные виды деятельности, которые общество желает свести к минимуму, — такие как использование углеродных видов топлива, добыча ископаемых и спекулятивные финансовые сделки. От этих налогов трудно было бы уклониться. Разрастание корпораций также было бы затруднено, — а это шаг к повышению конкурентоспособности рынков, — потому что компания не смогла бы расти просто в результате принятого руководством решения реинвестировать прибыль, вместо того чтобы выплачивать ее акционерам. Если бы корпорация пожелала увеличить свои фонды, то ей пришлось бы собирать новые деньги на финансовых рынках и действовать

соответственно. Акционерам можно было бы, конечно, предоставить право купить дополнительные акции на полученные дивиденды, что очень похоже на существующее в США налогообложение заработков из взаимных фондов.

Корпоративные субсидии. Реформа системы социального обеспечения должна уделить первостепенное внимание устранению корпораций из списка нуждающихся в помощи. Корпоративные субсидии бывают разнообразны, от субсидий на истощение ресурсов до снижения арендной платы за пастбища, экспортных субсидий и налоговых льгот. Такие субсидии следует систематически отслеживать и отменять, за исключением тех, которые нужны для открытия и развития небольших предприятий, находящихся в местном владении.

Интеллектуальная собственность. Информация — это наш единственный по-настоящему неисчерпаемый ресурс, и им может свободно пользоваться каждый. Каждое современное изобретение увеличивает общую сумму знаний человечества, накопленную за тысячи лет бесчисленными поколениями людей. Эта информация принадлежит всему человеческому роду. Справедливая цель защиты прав на интеллектуальную собственность заключается в том, чтобы дать стимул для исследований и творческого вклада, а не для создания защищенных информационных монополий. Законы, связанные с правами интеллектуальной собственности, должны быть пересмотрены в соответствии с этим принципом. Такие права следует определять и интерпретировать в узком смысле и выдавать лишь на ограниченное время, необходимое для того, чтобы позволить тем, кто вложил средства в коммерческие исследования, возместить свои затраты и получить разумную прибыль. Патентование жизненных форм или генетических процессов, открытия, сделанные на государственные средства, или процессы и технологии, дающие их владельцу эффективный монопольный контроль над каким-либо видом исследования или классом продуктов, должно быть запрещено законом. Как и в отношении ресурсов, являющихся общим достоянием, в случае конфликта между исключительно личным интересом и общественным главенствующим следует считать общественный.

По мере локализации бизнеса станет возможной и локализация правительства. Как отмечает Пол Хокен, именно нежелание большого бизнеса признать существенную роль государственного регулирования создает потребность в большом правительстве. Подобным же образом вмешательство большого бизнеса в управление делает правительство неэффективным. Хокен описывает эту динамику так:

Бизнес берет ни себя роль попечителя экосистемы и с треском проваливается в своей затее; правительство вмешивается и пытается уменьшить причиненный вред; бизнес пытается сопротивляться этому регуляторному процессу и ловко обходит те постановления, которые зафиксированы на бумаге; правительство «повышает первую ставку» и превращается в стоглавого бюрократического дракона, удушающего экономическое развитие и в то же время растрачивающего деньги; бизнес порицает «вмешательство в рынок» и пытается возместить потери, еще больше коррумпируя законодательный и регуляторный процессы в стремлении стать если не юридическим, то фактическим попечителем .

Чем крупнее корпорации, тем больше они имеют возможностей перекладывать расходы, и тем больше необходимость иметь большое правительство, которое бы защищало общественные интересы и ликвидировало последствия социального и экологического хаоса. Чем больше мы дробим корпорации, тем меньше необходимость в большом правительстве.

Чтобы устранить крайнее неравенство в распределении экономической власти, мы также должны отвоевать экономическое пространство. Как показывает наш современный опыт, в мире неравенства практически невозможно достичь справедливости и экологической устойчивости. Крайнее неравенство позволяет экономически сильным колонизировать природные ресурсы слабых и таким образом потреблять за пределами их природных возможностей. Это, как правило, лишает экономически слабых насущных средств к существованию и изолирует экономически сильных от экологических последствий своей деятельности. Отверженные бедняки реагируют на наступающую неуверенность в будущем повышением рождаемости — единственным, что они могут считать принадлежащим им и единственным источником надежды, что кто-то позаботится о них в черный день. Когда богатые увеличивают свое потребление, а бедные рожают больше детей, антропогенная нагрузка на планету возрастает.

Более равное и безопасное общество ограничивает возможность личного сверхпотребления и уменьшает стимулы поиска безопасности посредством увеличения размеров семьи. В число дополнительных мер по созданию более безопасного и равноправного общества входят следующие.

Гарантированный доход. Гарантированный доход, идея которого становится все более популярной как среди консервативных, так и прогрессивных экономистов, заслуживает серьезного внимания. Он подразумевает гарантию достаточного дохода для каждого человека, чтобы обеспечить удовлетворение основных потребностей. Для детей размер

этого дохода должен быть меньше, чем для взрослых, но выплачиваться он будет независимо от другого источника дохода, от материального состояния, работы, пола или семейного положения. Он должен заменить социальное страхование и существующие программы государственных пособий. Поскольку размер заработка никак не будет влиять на гарантированную выплату, то не возникнет препятствий для работы за деньги. И в самом деле, если бы кто-то предпочел; вообще не работать, это едва ли было бы серьезной проблемой в мире с избытком рабочей силы. И хотя в каких-то случаях зарплата упадет, работодателям, возможно, придется повысить ее другим, чтобы привлечь рабочих наболее тяжелую, неприятную работу . Это расширило бы возможности тех, кто предпочитает выполнять бесплатную работу в общественном секторе экономики. Такая программа, несомненно, будет дорогостоящей, но в большинстве богатых стран ее осуществление можно было бы обеспечить за счет резкого сокращения расходов на вооружения, корпоративных субсидий и существующих программ для имеющих право на пособие, а также увеличения налогов на высокие доходы, роскошь и на то, чего экологически устойчивое общество не поощряет. Вместе с адекватной программой всеобщего медицинского страхования, финансируемого за счет государства, и оплатой высшего образования в зависимости от успеваемости гарантированный доходов существенно увеличил бы личную финансовую безопасность, создаваемую более скромными доходами. В странах с низкими доходами аграрные реформы и другие усилия предоставить равный доступ к производственным природным ресурсам, которые бы обеспечили получение средств к существованию, может соответственно заменить гарантированный доход.

Прогрессивный налог на доход и потребление. Налоги на доходы до уровня, необходимого для удовлетворения основных потребностей удобным, удовлетворительным и ответственным способом, должны быть отменены, так же как и налоги на продажу и на добавленную стоимость на основные виды продовольствия, одежды, жилья, товаров здравоохранения, личной гигиены, образования и отдыха, необходимых д ля приличного уровня жизни. Точно так же должен быть установлен резко дифференцированный налог на доходы, превышающие гарантированный минимум, — вплоть до 90% на самые высокие доходы. Доход от наследства или доверительной собственности следует облагать налогом таким же образом, как и все остальные виды личного дохода. Это в значительной степени охладит стремление отдельных людей к чрезвычайно высокому доходу и в то же время не должно отбить охоту выполнять общественно

полезную работу. Любая работа, которая настолько неприятна, что на нее нельзя привлечь квалифицированных кандидатов за разумное вознаграждение, скажем не более пятнадцатикратной величины гарантированного минимального дохода, может быть реорганизована так, чтобы она стала приемлемой. Если проблема заключается в том, что корпорация слишком велика, то ее следует расчленить. Мы просто научимся обходиться без услуг тех, кто требует для себя большего поощрения за умелое и результативное выполнение общественно полезной работы. Следует ввести значительный налог на роскошь в отношении предметов потребления, которые не являются жизненно важными, или социально вредны, экологически расточительны или разрушительны. Личные благотворительные пожертвования, включая пожертвования в семейные фонды, должны быть полностью освобождены от налогообложения, что явится серьезным стимулом для людей с очень высокими доходами поддерживать сильный независимый сектор как противовес власти государства.

Равное распределение оплачиваемого трудоустройства. Доступ к возможности получить оплачиваемую работу также должен обеспечиваться возможно более справедливым образом независимо от пола, расы или иных посторонних соображений.

Все эти меры нужно вводить постепенно и вносить поправки по результатам внедрения. Мы не задаемся целью дать здесь рецепт, но хотим привести примеры политики, которая привела бы нас к более здоровому обществу. В разных условиях, безусловно, потребуются различные подходы, и внедрение и финансирование таких инициатив должно осуществляться на самом низовом уровне власти при минимальном аппарате управления. Например, в преимущественно сельскохозяйственных странах с равным распределением земли можно обойтись очень небольшим гарантированным минимумом дохода. То же самое может быть справедливым и в стабильных равноправных странах с большим выбором возможной работы для всех, кто хочет работать. Гарантированный доход, возможно, более всего необходим для исправления неравенства в таких странах, как Соединенные Штаты, где существует крайнее неравенство, а рынок труда предлагает все меньше рабочих мест, обеспечивающих достаточно хорошую зарплату, чтобы поддержать приличный уровень жизни.

Если мы хотим управлять нашим экономическим пространством в интересах людей, то нам будут нужны соответствующие бухгалтерские системы, пригодные для этой цели. Сиксто Роксас, экономист и бывший

сотрудник Международного банка из Филиппин, объясняет, что традиционные национальные системы бухгалтерского учета для этой цели не годятся, потому что они измеряют затраты и прибыль с точки зрения фирмы, а не местных жителей. Разница огромна. Например, фирма получает выгоду от найма как можно меньшего количества работников при минимальной возможной зарплате. Местная община получает выгоду, когда местные жители имеют полную занятость при максимально высокой зарплате. Фирма может получить выгоду за счет истощения местных лесных или минеральных ресурсов, в то время как местные жители при этом будут разорены.

Роксас и его коллеги разрабатывают систему бухгалтерского учета для местной общины, которая оценивает затраты и выгоды с точки зрения их последствий для здоровья семей, местных жителей в целом и экосистем . Они также учитывают, какая часть стоимости, произведенной в результате местной экономической деятельности, остается в данной местности и какая часть выходит за ее пределы. Таким образом, если местные леса подверглись сплошной вырубке, а древесина и выручка были экспортированы, в то время как данная местность осталась оголенной, это учитывается как чистый расход, а не чистая прибыль, как при обычных методиках бухгалтерского учета. Значительное внимание требуется при разработке и применении таких систем в качестве инструментов экономического управления.

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Работая на национальном и субнациональном уровне для того, чтобы отвоевать наше местное политическое и экономическое пространство, мы также должны преобразовать глобальную систему, создав уклон в пользу местного. Это не значит, что глобальные институты будут или могут быть устранены. Хотя мы можем уменьшить экологическую, технологическую и экономическую взаимозависимость, мы не сможем полностью устранить ее, да мы к этому и не стремимся. Такая взаимозависимость есть фундамент возникающего глобального сознания, которое существенно важно как для нашего общего выживания, так и для эволюционного потенциала нашего биологического вида. Нашей целью должно быть создание многоуровневой системы институтов, посредством которых мы можем уменьшить ненужную взаимозависимость и использовать

оставшуюся взаимозависимость таким образом, который благоприятствует постоянному предпочтению в пользу:

• усиления местных возможностей с целью контроля и управления местными ресурсами на благо местных жителей;

• создания препятствий к тому, чтобы какая-нибудь местность экстернализовала свои издержки производства или потребления за пределы своих границ;

• поощрения сотрудничества между местностями в поисках решения общих проблем.

Главной задачей глобальных и региональных институтов в этой многоуровневой системе должна быть поддержка и защита усилий различных местностей по выработке собственных правил экономических обязательств, чтобы оказывать предпочтение местным производителям, использующим местные ресурсы для удовлетворения местных потребностей, и противостоять внешней колонизации их рынков и ресурсов. В число предлагаемых мер на глобальном уровне по созданию этого предпочтения в пользу общественных интересов входят следующие.

Снижение международного долга для стран с низким доходом. Бедное население должно быть освобождено от кабалы международного долга, который делает их беззащитными против колонизации их экономики и ресурсов со стороны глобальной системы. Это следует начать с последовательного процесса отказа, по уже установленным в международном праве прецедентам, от «одиозных» долгов, приобретенных по контрактам ultra vires то есть неправомерным (заключенным лицом без надлежащих полномочий) или использованным с целями, далекими от интересов местного населения, от чьего имени эти обязательства были взяты. Большую часть просроченного международного долга бедных стран можно в соответствии с этими принципами классифицировать как «одиозные» — включая значительную часть долга международным банкам . Следует принять международную конвенцию, по которой правительства бедных стран могут объявить такие долги невозвратными при санкциях и поддержке соответствующих международных инстанций. Вдобавок следует учредить международный фонд, как мы изложим ниже, для списания остатков долгов в обмен на соглашения, которые препятствуют образованию новых долгов со стороны их правительств. Большинство частных банков, имеющих заемщиков-должников в южных странах, создали резервы заемных потерь для покрытия убытков, связанных с невозвратом долгов. Хотя они учитывают эти долги в своих бухгалтерских книгах и продолжают настаивать, чтобы южные страны вернули их, эти

банки не понесут значительных потерь и, возможно, получат хороший жизненный урок, если долги не будут возвращены. Отказ от возвращения займов Всемирному банку и других многосторонних банковских займов вынудил бы эти банки потребовать гарантийного возмещения у своих правительств для покрытия долгов и вызвало бы требование закрыть эти банки — действие, рекомендуемое ниже.

Налог на международные финансовые трансакции. Следует взимать 0,5- процентный налог на все обмены международных валют, включая поставки иностранной валюты в соответствии с фьючерсными контрактами и опционами, как это предложил Джеймс Тобин, лауреат Нобелевской премии по экономике 1981 года . Этот 0,5-процентный «тобиновский» налог на сделки по обмену международных валют мог бы содействовать некоторому охлаждению спекулятивной международной финансовой деятельности, но был бы слишком незначителен для того, чтобы воспрепятствовать торговле товарами или серьезным международным инвестиционным

обязательствам. Это увеличило бы значение, которое участники рынка придают долгосрочным соглашениям, и обеспечило большую автономию отдельным странам в проведении своей внутренней денежной политики. Поступления от этого налога должны быть в первую очередь направлены на учреждение фонда выплаты долга, с целью погашения тех международных долгов малообеспеченных стран, которые не могут быть аннулированы на основании правовых прецедентов, относящихся к «одиозному» долгу. Во вторую очередь этот налог следует использовать для финансирования деятельности ООН и ее специализированных органов.

Регулирование транснациональной торговли и инвестиций. Для того чтобы гарантировать соблюдение прав стран и отдельных местностей по управлению своими внешнеторговыми отношениями, а также для установления прав и стандартов для предприятий, действующих в их административных границах, нужны международные соглашения . Эти соглашения должны включать положения о координации антитрестовских действий среди стран-участниц с целью разделения крупных транснациональных корпораций и принятия других подобных мер, необходимых для обеспечения конкурентоспособности международных рынков. Эти соглашения также должны обеспечить право каждой страны и народа устанавливать свои собственные правила в отношении прав интеллектуальной собственности в пределах своей юрисдикции, ограничивая в то же время возможности любой корпорации или страны монополизировать или скрывать выгодную информацию или технологию

от других людей, которые могли бы получить выгоду от ее использования. Эти соглашения должны подчиняться основному принципу, что когда транснациональные корпорации участвуют в местной экономике, они приходят лишь в качестве приглашенных гостей, а не как оккупационные силы, и от них ожидают уважения местных правил и традиций.

Мониторинг природных ресурсов. Одна из самых трудных проблем приведения в равновесие экономических потребностей и экологических пределов состоит в том, чтобы затруднить колонизацию экологического пространства, принадлежащего другим, будь то посредством выброса за пределы своей территории загрязняющих веществ или посредством торговли. Есть насущная необходимость разработки природоохранных информационных систем, которые делают такое перемещение экологической нагрузки заметным и таким образом стимулируют экологическую самообеспеченность. При соответствующем повышении полномочий и технических возможностей Экологическая программа ООН могла бы координировать разработку и использование соответствующих статистических и расчетных методов и переговоры о международных соглашениях по стандартам, мониторингу и разрешению спорных вопросов, касающихся региональных и национальных издержек интернализации. Использование таких возможностей мониторинга должно быть в значительной степени децентрализовано, и в каждом местном населенном пункте, районе, стране и регионе должен вестись собственный учет. Когда споры в отношении перемещения экологической нагрузки не могут быть разрешены напрямую в двусторонних переговорах, их следует разрешать апелляцией в соответствующее правовое учреждение, включая Международный суд, для вынесения арбитражного решения.

Особого внимания потребует перестройка системы глобального управления экономикой, особенно бреттонвудских институтов. Разделение функций глобального управления между несколькими независимыми глобальными агентствами с пересекающимися географическими территориями и противоречащими друг другу полномочиями совершенно непригодно. При существующем разделении функций ответственность за управление глобальными финансами лежит на Международном валютном фонде (МВФ). Ответственность за выработку и исполнение правил международной торговли и инвестирования отдана Всемирной торговой организации (ВТО). Основной институт, занимающийся разработкой приоритетов развития в странах с низкими доходами, — Всемирный банк. Эти три бреттонвудских института отдают приоритет корпоративным интересам в ущерб человеческим. Ответственность за координацию

международных экономических, социальных, культурных, образовательных, здравоохранительных и связанных с ними вопросов лежит на Экономическом и социальном совете ООН, который находится все-таки ближе к интересам людей. Хотя бреттонвудские институты официально называются специализированными органами ООН, они гораздо более важны и влиятельны, чем остальные специализированные органы ООН, и отвергают любую попытку ООН координировать и контролировать их деятельность.

Настало время распустить бреттонвудские институты и консолидировать функции экономического управления в инстанциях, которые полностью подотчетны ООН. Если полномочия бреттонвудских институтов состояли в продвижении экономической глобализации, агентствам-преемникам должны быть даны полномочия продвигать экономическую локализацию, проводя политику, рекомендованную выше. Процессы внутреннего управления агентств-преемников должны быть прозрачны для общественности и открыты для участия как правительственных, так и гражданских контролирующих организаций.

Всемирный банк. Всемирный банк должен быть закрыт. Его основной функцией является выдача кредитов бедным странам, что естественным образом ведет к росту их международного долга. Пока Всемирный банк продолжает заниматься бизнесом, экономика стран Юга будет оставаться в долгу у международной системы. Создание задолженности нельзя считать полезной функцией, и пришло время признать, что идея создания Всемирного банка была ошибочной. Его закрытие есть важный шаг к тому, чтобы гарантировать, что после ликвидации международной задолженности долги не будут тут же образованы вновь. То же самое справедливо и в отношении многосторонних региональных банков развития, которые также следует закрыть. Как только страны с низкими доходами освободятся от разлагающего влияния долговой зависимости и диктата многосторонних банков, им будет гораздо легче предпринять гуманитарные структурные реформы, направленные на то, чтобы деколонизовать экономику и двигаться дальше по пути большей самообеспеченности, экологической устойчивости и экономической справедливости.

Международный валютный фонд (МВФ). МВФ можно было бы заменить Международной финансовой организацией ООН (МФООН), отвечающей за:

1) управление процессом аннулирования и списывания международной задолженности стран с низкими доходами;

2) регулирование международных финансовых рынков;

3) регулярные встречи, на которых правительства могли бы координировать политику, направленную на поддержание баланса своих международных счетов;

4) координацию мероприятий по установлению обязательных резервных требований по кредитам, предоставляемым в квазимеждународных валютах, таких как евродоллары, в случаях, когда они в настоящее время не регулируются национальными правительствами;

5) сбор и применение «тобиновского» налога на трансакции обмена международных валют.

Всемирная торговая организация (ВТО). ВТО следует заменить на регулирующее агентство по международной торговле и инвестициям при ООН (РАТИОН). Главной задачей РАТИОН должно стать оказание содействия в переговорах по соглашениям, связанным с правовыми аспектами деятельности транснациональных корпораций и торговли, и деятельность по координации правительственных действий, направленных на их обеспечение. Результаты деятельности РАТИОН следует оценивать с точки зрения прогресса на пути к увеличению местной экономической самообеспеченности и глобальному равенству. Транснациональным корпорациям следует запретить принимать участие в национальных делегациях в РАТИОН или создавать другие формы своего представительства в ней, кроме тех случаев, когда их специально приглашают предоставить информацию. По своим функциям и назначению РАТИОН должна быть почти полной противоположностью ГАТТ — ВТО.

Корпоративные либертарианцы, без сомнения, укажут на то, что предложенные меры значительно помешают деятельности транснациональных корпораций и финансовых рынков. А это, конечно же, как раз то, к чему они стремятся. Нашей целью должно быть создание такой системы, которая хорошо работает на благо людей. Корпорации — это лишь одно из средств удовлетворения человеческих потребностей. Если в процессе осуществления того, что, как мы полагаем, служит наилучшим образом удовлетворению наших потребностей, мы найдем полезную роль для корпораций, то, вне всякого сомнения, нам следует их использовать. Однако право принимать решения должно оставаться за людьми.

Могут также возразить, что для осуществления этих мероприятий, вероятно, понадобятся огромные глобальные правовые инстанции в такое время, когда политические настроения как раз направлены на уменьшение правительственного регулирования. Во всех случаях основное намерение состоит в том, чтобы создать структуру, в которой само управленческое

действие происходит на возможно более низком уровне управленческой структуры. Функцией институтов глобального и регионального уровня является в таких случаях поддержка местного уровня. Однако следует иметь в виду, что в первую очередь именно существование мощных глобальных корпораций создает необходимость в глобальных управленческих учреждениях с достаточной властью, чтобы держать их под контролем общественных интересов. Чем менее навязчивой становится глобальная корпоративная власть, тем меньше надобности в навязчивых глобальных управленческих органах. Уменьшая размеры и власть глобальных корпораций и преобразуя систему в направлении более терпеливого и закрепленного на месте капитала, мы ограничиваем потребность в международной бюрократии и структурах принуждения.

Предпринимая шаги, подобные изложенным выше, мы сможем вернуть власть, которую у нас взяла глобальная система, восстановить свою способность возродить местные общины и излечить землю в процессе работы по созданию здорового общества, которое дает нам возможность испытать жизнь во всей ее полноте и разнообразии. В противном случае мы будем продолжать жить при тираническом режиме глобальной финансовой системы, которая ведет нас к почти неизбежной социальной и экологической катастрофе. Мы должны четко помнить одно: у глобальных денежных институтов есть лишь та власть, которую мы им отдаем. Эта власть принадлежит нам. И мы можем ее вернуть.

Эпилог: Выбор в пользу жизни

Я задаюсь вопросом: не стала бы наша производственная
деятельность более благотворной, если бы
мы признали, что мы все — живые клетки в живых
организмах, таких как города, биорегионы, континенты
и сама Земля? Смогли бы мы уменьшить свой стресс,
стать более здоровыми и цельными, если бы мы
взглянули на свою работу просто как на помощь этим
организмам в реализации их жизненной целостности?

Дэниел Кеммис,
мэр г. Миссула, штат Монтана

Я постоянно задаю себе вопрос: «каковы творческие
побудительные связи, которые укрепляют городские
и сельские общины и дают возможность человеческой
общности осуществлять общественный и экологический
контроль над экономическим и технологическим
процессом?»

Вандана Шива,
глобальный координатор

Духовные и политические корни нашего кризиса уходят глубоко. Стоит ли удивляться, что политический диалог остается безрезультатным, если в нем доминирует экономика, не принимающая в расчет ни духовный,

ни политический аспекты. Более реалистичную перспективу мы находим именно в дискуссиях пробуждающегося гражданского общества. Похоже, будто мы выходим из глубокого культурного оцепенения и заново открываем для себя забытые политические измерения нашего общества и духовные измерения нашего бытия. Если наш кризис явился следствием крайне ограниченного взгляда на действительность (как считаю я), тогда это пробуждение, давая нам более целостное осознание того, кто мы есть на самом деле, может привести к уже давно назревшему пониманию нашей серьезной ответственности за то, как мы используем свои технические и организаторские способности.

Ученые-естествоведы считают, что в эволюции Вселенной сознание есть не более чем иллюзия, порожденная химическими реакциями. Это некая история, не имеющая смысла и цели, и она не дает нам большого основания ограничивать свои гедонистические порывы. Чтение «Мечты о Земле» . Томаса Берри пробудило и во мне веру в то, что выживание человеческого рода может в большой степени зависеть от открытия новой истории, которая дает нам основание жить — истории, которая поможет нам задать один из самых ключевых вопросов: зачем?

В последние несколько лет я много думал над этим вопросом. Общие очертания того, что надо сделать, чтобы избежать самоуничтожения как биологического вида, многим из нас уже давно казались ясными. Однако я начал ощущать, что если выживание не несет для нас более глубокого смысла, то стремление просто не допустить вымирания никак не побуждает нас готовиться к трудным переменам, которые необходимо осуществить. Чтобы сделать выбор в пользу жизни, мы должны видеть новые, захватывающие возможности, которые нам раскрывает ощущение смысла.

Мой собственный поиск такого смысла сыграл важную роль в решении порвать с привычной круговертью дел и сесть за эту книгу. Такой поиск неизбежно ведет из мира науки, основанного на фактах, в мир веры и субъективного личного опыта.

История, которую я искал, ускользала от меня вплоть до конца 1993 года, когда неожиданно я обнаружил среди своей почты книгу Дуэйна Элджина «Пробуждающаяся Земля». Мы с Элджином никогда не встречались и знали друг о друге лишь по нашим книгам. Его книга показалась даром небес. Эпическая история развития человеческого сознания, которая раскрылась передним в ходе продолжительного сеанса медитации, была созвучна моей душе и открыла мне за нынешней дилеммой человека и возможностями, которые сулило будущее, глубинное ощущение космической цели. Она также вселила в меня новые надежды на

то, что мы добьемся успеха. Она повлияла и на пафос этой книги, особенно ее заключительных глав.

Ключевая мысль Элджина заключена в двух следующих коротких предложениях:

По мере того как человечество развивает свою способность к рефлективному сознанию, оно дает Вселенной возможность достичь самоосознания. Через прозрение человечества Вселенная приобретает способность оглянуться и посмотреть на себя — с удивлением, благоговением и благодарностью .

В этой мысли высказывается догадка, что мы от рождения наследуем ответственность, выходящую за рамки выживания нашего вида. Наша удивительная способность воспринимать прекрасное и любить представляет существенно важный аспект нашего бытия, главный для нашей роли в огромном, непрерывно разворачивающемся космическом событии. Это гораздо более логичный тезис, чем альтернативная предпосылка, что наш опыт сознания есть всего лишь случайное и лишенное смысла событие в безжизненной во всех других отношениях Вселенной или что нам было дано чудо жизни лишь для того, чтобы мы могли уничтожить плоды миллионов лет эволюции на этой уникальной планете. Это мысль, призывающая нас признать свою ответственность за влияние нашей деятельности на ход эволюции и сознательно взять на себя ответственную роль в создании на этой планете условий, которые содействуют продолжению эволюционного процесса.

Эта мысль также говорит нам о том, что наше положение в более широком жизненном масштабе не есть положение ни властелина, ни слуги. Наше существование скорее является неотъемлемой частью целостного вселенского сознания, которое проявляется через человеческие индивидуальности. А это подсказывает мне, что мы лучше всего служим как целому, так и себе, когда с удивлением и радостью переживаем приводящую в трепет красоту живой Вселенной, и пытаемся прожить жизнь как можно полнее в отношении к себе, семье, соседям, планете и космосу.

Эта мысль говорит и о том, что, хотя мы не выше и не ниже, чем остальные формы жизни, у нас все же есть свои отличительные способности и функции в отношении целого. От нас самих зависит развить эти способности и раскрыть заложенные в нас функции.

Мы, бесспорно, обладаем большей силой и большей свободой, чем все остальные виды на планете. К нашему несчастью, мы восприняли эту силу и эту свободу как право подчинять себе других, вместо того, чтобы

признать, что это лишь накладывает на нас большую ответственность за целое. По словам Элджина, *наша Вселенная глубоко любящая, но она сосредоточена на том, чтобы давать нам драгоценную свободу, необходимую для развития нашей уникальной способности к рефлективному самоопределению... Вручив нам бесценный дар существования, метавселенная проявляет свое большое сострадание тем, что не вмешивается в наш выбор, будь то личный или планетарный* .

По-моему, такой взгляд придает захватывающий смысл трансформации, к которой нас призывает экологическая революция.

Наш биологический вид в гораздо большей степени, чем все остальные, вовлечен в непрерывный процесс интеллектуальной, социальной и технологической эволюции в направлении еще больших способностей нашего вида. Одно из великих и загадочных чудес космоса заключается в том, что как только каждая из наших фаз развития истощается в подготовке к следующей фазе, он побуждает нас освобождаться от привычного и совершать рискованный шаг в неизвестное.

Я принадлежу к числу тех, кто считает, что нас сейчас приглашают совершить такой шаг, перешагнуть порог в новую эру. Научная парадигма, которая в значительной мере отвергала сознание, направляла нашу жизненную энергию на задачу овладеть тайнами физического мира и развить технические способности, которые теперь открывают широкие горизонты построени здорового общества, стремящегося к ускорению социального, интеллектуального и духовного роста. Мы многократно злоупотребляли этой способностью и еще должны доказать, что у нашего биологического вида хватит зрелости, чтобы использовать вновь обретенную силу во благо. Однако те же самые технологии дают нам возможность избавить мир от физических лишений и невзгод, дать всем людям свободу посвятить большую часть своей жизненной энергии деятельности, приносящей большее удовлетворение, чем борьба за ежедневное физическое выживание, и привести себя в равновесие с природой.

Как неудачи, так и успехи западных стран в уходящую эру можно отнести за счет неустойчивости восприятия самих себя и космоса. Материалистический монизм сыграл решающую роль в достижении технического совершенства, но он привел к развитию материального аспекта нашего общества в ущерб духовному. Дуализм отделил сознание и тело друг от друга, и это отчуждение стало губительным для того и другого. Я полагаю, что будущее Востока и Запада, Юга и Севера может

определяться постепенным переходом к перспективе совместного эволюционирования, которое соединяет духовные и материальные аспекты нашего бытия в гармоничное единство, чтобы создать целостные личности, общины и общества.

Наше духовное пробуждение может быть неотъемлемой частью нашего политического пробуждения. Отчуждение от нашей духовной природы оставило нас беззащитными перед манипуляциями как рекламщиков, которые превращают наше стремление к духовной связи в ненасытную погоню за деньгами, так и политических демагогов, которые связывают эту погоню с корпоративными интересами. Точно так же, как культурные внушения науки оставляют нас духовно мертвыми, идеологические доктрины корпоративных либертарианцев делают нас политически инертными.

Революция Коперника отделила науку от религии и привела к пониманию потенциала материальной стороны нашего существования. Экологическая революция теперь призывает нас испытать себя как духовно живых и политически активных участников разворачивающегося исследования потенциала живой Вселенной.

Как рушатся устаревшие взгляды, так рухнут и старые политические союзы. Традиционное разделение на левых и правых, либералов и консерваторов потеряли свой смысл. Призывы к политическому центру — это бесполезное позерство тех, кто не понимает значения и размеров предстоящих трудностей. Политическое будущее принадлежит тем, кто обладает мужеством и прозорливостью сформировать новые союзы, основанные на образе мыслей, которые нельзя втиснуть в рамки старых определений.

Мы должны подойти к этому трудному периоду со взаимной заботливостью и терпимостью к разнообразию, составляющими важное условие здорового общества, которое мы надеемся создать. И даже стремясь сохранить верность нашим ключевым ценностям и построить альянсы с теми, кто разделяет наши ценности, мы должны постоянно помнить, что мы участвуем в творческом действии, для которого не существует готового плана. Мы все ученики в развертывающемся процессе, который требует, чтобы мы искали критическим взглядом и с открытым сознанием зерно истины в каждой идее и искру доброты в каждом человеке. Мы, возможно, движемся к самым глубоким переменам входе человеческой истории, и для этого требуется, чтобы мы реализовали весь потенциал нашего биологического вида.

Декларация «Земля людей»: инициативная повестка дня на будущее

Мы, участники международного форума общественных организаций «Глобальный форум-92», собрались в Рио-де-Жанейро как граждане планеты Земля для того, чтобы поделиться своими тревогами, мечтами и планами по созданию нового будущего для нашего мира. В результате наших обсуждений мы прониклись глубокой уверенностью, что при всем огромном разнообразии мы разделяем общее видение человеческого общества, основанное на ценностях простоты любви, мира и уважении к жизни. Теперь мы сплачиваем ряды, чтобы мобилизовать моральные и человеческие ресурсы гражданского общества всех стран в едином общественном движении по осуществлению этого видения.

Настоятельность нашей задачи подчеркивается тем фактом, что политические лидеры мира на официальных переговорах глобальной встречи на высшем уровне предпочли не заметить многих из наиболее фундаментальных причин ускоряющегося экологического и социального разрушения нашей планеты. Пока они заняты отлаживанием экономической системы, которая служит краткосрочным интересам немногих в ущерб интересам подавляющего большинства, руководство более фундаментальными изменениями по необходимости ложится на организации и движения гражданского общества. Мы принимаем этот вызов.

Принимая его, мы хотим напомнить политическим и корпоративным руководителям всего мира, что полномочия государства и права частной корпорации есть дар, переданный этим институтам суверенными людьми, гражданским обществом, д ля того, чтобы служить общечеловеческим интересам. Право людей требовать, чтобы правительства и корпорации были подотчетны общественной воле и интересам. Однако, вследствие процесса глобальной экономической интеграции, навязанного людям всего мира правительствами Большой семерки, бреттонвудскими институтами — Всемирным банком, Международным валютным фондом, и Генеральным соглашением о тарифах и торговле — и транснациональными корпорациями, суверенное право и способностьлюдей всего мира защитить свои экономические, социальные, культурные и экологические интересы

против растущей власти транснационального капитала серьезно и быстро разрушаются.

Это разрушение явилось лишь одним из многочисленных последствий модели развития, основанной на погоне за экономическим ростом и потреблением без учета интересов человека и природы. Среди других последствий — возрастающее духовное опустошение человеческого общества, экономическое обнищание примерно 1,2 млрд. людей, стремительно растущая пропасть между богатыми и бедными, экономический расизм, узаконенная эксплуатация женщин, выселение миллионов людей со своих земель и своей малой родины, притеснение инвалидов и возрастающее разрушение экосистем, от которых мы все зависим.

Путь увеличения международного долга, структурной перестройки, рыночной дерегуляции, свободной торговли и монополизации интеллектуальной собственности, который доминирует в политической мысли и действиях,— это путь к коллективному саморазрушению, а не к устойчивому развитию. Мы будем использовать наше избирательное право, наш моральный авторитет и нашу покупательную способность для отстранения от власти тех, кто настаивает на продолжении этой социально и экологически разрушительной политики, отвечающей краткосрочным интересам элиты.

Бреттонвудские институты служат главными инструментами навязывания миру этой разрушительной политики. Они представляют собой огромное препятствие на пути к справедливому и устойчивому развитию. Мы будем работать над их перестройкой или заменой на более подходящие институты. До тех пор, пока они не станут полностью прозрачными, подотчетными перед общественностью и действующими в интересах человечества, им нельзя позволить захватить контроль над повесткой дня экологической устойчивости.

Вооруженные силы мира существуют большей частью как орудия для защиты интересов элиты и подавления гражданских волнений, вызванных экономической несправедливостью. Они составляют непосильное бремя для скудных экологических ресурсов Земли. Мы будем работать над их упразднением и использованием высвободившихся ресурсов на более благоприятные цели. В качестве первого шага мы будем работать над тем, чтобы положить конец международной торговле оружием и военной помощи.

Вот те реальности, которые официальные участники Конференции по окружающей среде и развитию проигнорировали. Эти реальности стали

главными вопросами в наших дискуссиях.

Однако мы не ограничиваемся лишь критикой. Мы также стремились выработать наше видение иного будущего и нашу повестку дня для его достижения. Мы обладаем разнообразным опытом и владеем разными языками. Мы ищем альтернативы, для которых нет четко установленных моделей. Существующая ныне и преобладающая модель развития и поддерживающие ее институты развивались на протяжении пятисот лет. Те две недели, которые мы провели в Рио, есть лишь начало выработки альтернативного пути. Мы достигли согласия в том, что, продолжая наши общие усилия, мы будем руководствоваться следующими принципами.

• Главной целью экономической организации является удовлетворение основных потребностей общества, таких как пища, жилье, одежда, образование, охрана здоровья и культурное развитие. Эта цель должна стать приоритетной по отношению ко всем остальным формам потребления, особенно таким расточительным и разрушительным формам, как потребительство и военные расходы, которые необходимо безотлагательно устранить. В число других безотлагательных приоритетов входят энергосбережение, переход на солнечные источники энергоснабжения и переход к экологически устойчивому ведению сельского хозяйства, которое уменьшает зависимость от невозобновляемых и экологически вредных воздействий.

• Наряду с удовлетворением основных физических потребностей качеств человеческой жизни зависит в большей степени от возможности развития социальных отношений, творчества, культурного и художественного самовыражения, духовности и возможности быть полезным членом общества, чем от постоянного увеличения потребления товаров. Каждый человек, не исключая инвалидов, должен иметь все возможности участвовать во всех этих формах развития.

• Организация экономической жизни вокруг децентрализованных и относительно самообеспечивающихся местных экономик, которые контролируют и обеспечивают всех жителей справедливой долей в контроле за производственными ресурсами и получении благ и имеют право оберегать свои собственные экологические и социальные стандарты, составляет очень важное условие экологической устойчивости. Это усиливает привязанность к месту, содействует охране природы, увеличивает местную продовольственную безопасность и обеспечивает адаптацию к местным культурным особенностям. Торговля между такими местными экономиками, как и между странами, должна быть справедливой и сбалансированной. Там, где права и интересы корпораций входят в

противоречие с правами и интересами местных жителей, последние должны иметь приоритет.

• Все члены общества, независимо от пола, классовой или этнической принадлежности, имеют право и обязанность принимать полное участие в жизни и решениях той местной общины, где они проживают. Те, кто сейчас беден и лишен гражданских прав, в особенности должны стать ее полноправными участниками. Роль женщин, их потребности, нравственные ценности и мудрость особенно важны в принятии решений, от которых зависит судьба Земли. Безотлагательно необходимо привлечь женщин к участию — на всех уровнях — в выработке политики, в планировании и осуществлении решений на равных основаниях с мужчинами. Равновесие полов существенно необходимо для устойчивого развития. Коренные народности также берут на себя ведущую роль в решении задачи сохранения Земли и всех форм жизни и в создании новой, жизнеутверждающей глобальной реальности. Мудрость коренных народностей составляет один из важных и незаменимых ресурсов человеческого общества. Права и вклад коренных народностей должны быть признаны.

• Хотя общий рост населения Земли создает опасность для здоровья планеты, рост числа тех, кто потребляет сверх меры, представляет более непосредственную угрозу, чем рост населения среди бедных. Гарантировать всем людям средства удовлетворения насущных потребностей — это важная предпосылка стабилизации численности населения. Свобода воспроизводства и доступ ко всем средствам охраны репродуктивного здоровья и планирования семьи входят в основные права человека.

• Знание — это один из бесконечно растущих ресурсов человечества. Полезные знания в любой форме, включая технологии, составляют важную часть коллективного человеческого наследия, и ими надлежит свободно делиться со всеми, кому это может принести пользу.

• Долговая кабала, как частных лиц, так и страны, аморальна и не должна обеспечиваться правовыми санкциями ни по международному, ни по гражданскому праву.

• Подконтрольность должна быть основной предпосылкой для принятия решений во всех общественных институтах, включая институты международного уровня.

Воплощение этих принципов с целью коренных преобразований потребует огромных усилий в области образования. На всех уровнях и во всех слоях общества требуется новое понимание, ценности и умения. Мы

будем учиться сами, обучать своих ближних и свои страны.

Мы признаем, что находимся в долгу перед мудростью и ценностями коренных народностей. Они существенно обогатили наши дискуссии и будут источниками непрерывного познания. Мы будем почитать это наследие и будем стремиться защитить права коренных народностей.

Наше мышление также обогатилось учениями многих представленных среди нас религиозных традиций. Мы признаем центральное место духовных ценностей и духовного развития в том обществе, которое мы хотим создать. Мы обязуемся жить в согласии с идеалами простоты, любви, мира и благоговения перед жизнью, свойственными всем религиозным традициям.

Наша работа в Рио нашла отражение в ряде народных документов, отражающих более конкретные обязательства друг перед другом для действий на местном, национальном и международном уровнях. Эти договоры находятся на разных стадиях разработки. Все это — документы в процессе развития.

Мы и дальше будем совершенствовать их в бесчисленных диалогах и переговорах во всем мире, по мере того как все больше людей будет вливаться в наше растущее движение.

Мы приглашаем руководителей бизнеса и правительств присоединиться к нам в этом акте глобального гражданства. Однако они должны знать, что мы больше не ждем от них руководства в решении глобальных проблем, которые они пока предпочитали оставлять без внимания. Времени осталось слишком мало, а цена слишком велика.

Мы, люди всей Земли, мобилизуем все силы транснационального гражданского общества на достижение разделяемых всеми нами целей, которые связывают многие наши общественные движения в деле построения справедливого, экологически устойчивого и открытого для всех человеческого общества. В процессе этой работы мы разработаем собственные инструменты и процессы для нового определения природы и смысла человеческого прогресса и для преобразования тех институтов, которые больше не отвечают нашим потребностям. Мы приглашаем к сотрудничеству всех людей, кто разделяет нашу приверженность мирным и демократическим изменениям в интересах нашей живой планеты и человечества, которое она поддерживает.

Международный форум общественных организаций
Конференция по охране окружающей среды и развитию ООН
Рио-де-Жанейро, Бразилия
12 июня 1992 года

Об авторе

Доктор Дэвид Кортен имеет за плечами более чем тридцатипятилетний опыт работы в выдающихся академических учреждениях, институтах бизнеса и международного развития, а также в организациях гражданского действия. В настоящее время он учредитель и президент Форума развития во имя человека, глобального союза организаций и людей, посвятивших себя созданию справедливых, открытых и устойчивых обществ посредством добровольной деятельности граждан.

Кортен получил степени магистра гуманитарных наук и доктора философии в аспирантуре Школы бизнеса Стэндфордского университета. Получив высшее экономическое образование и специализируясь в теории организации и стратегии бизнеса, он начал свою карьеру с организации школ бизнеса в странах с низким жизненным уровнем, прежде всего в Эфиопии, в надежде, что создание нового класса профессиональных предпринимателей поможет решить проблему бедности. Он проходил военную службу в период войны во Вьетнаме в звании капитана ВВС США, неся службу в штабе ВВС и в штабе министра обороны.

Затем Кортен пять с половиной лет преподавал в аспирантуре Школы бизнеса Гарвардского университета и обучал студентов Гарварда по программам «менеджер среднего звена управления» и «магистр гуманитарных наук». Он также работал консультантом от Гарвардского университета в Центрально-Американском институте управления в Никарагуа. В дальнейшем он вошел в штат Гарвардского института международного развития, где возглавил финансируемый Фондом Форда проект организационного развития и управления национальными программами планирования семьи.

В конце 1970-х годов Кортен оставил преподавательскую деятельность в США и уехал в Юго Восточную Азию, где прожил почти пятнадцать лет. Сначала он работал как специалист по проекту Фонда Форда, а затем как советник по вопросам управления развитием для Азии в Агентстве США (USAID) по международному развитию. Эта работа принесла ему международное признание за его инновационный вклад в разработку эффективных стратегий преобразования государственного бюрократического аппарата в гибкую систему поддержки, ставящую своей задачей укреплять общественный контроль и управление земельными,

водными и лесными ресурсами.

Убедившись в очевидной неспособности USAID и других крупных официальных организаций, предоставляющих помощь, использовать методы, эффективность которых была доказана неправительственным Фондом Форда, Кортен порвал с официальной системой помощи. Последние пять лет пребывания в Азии он посвятил работе с лидерами азиатских неправительственных организаций с целью установить коренные причины неудач в развитии региона и укрепить организации гражданского общества, так чтобы они служили катализатором изменений на национальном и глобальном уровнях.

Кортен осознал, что тот кризис, который он наблюдает в Азии, — углубление нищеты, неравенства, разрушение окружающей среды, т. е. распад общественных связей — испытывают почти все страны мира, включая США и другие «развитые» страны. Кроме того, он пришел к выводу, что США активно содействуют той самой политике — и внутри страны, и за рубежом, — которая ведет к углублению всеобщего кризиса. Для того чтобы выжил мир, должны измениться Соединенные Штаты. В 1992 году он переехал в Нью-Йорк, чтобы способствовать процессу изменения.

Публикации Кортена включены в университетские курсы по всему миру. Он является автором или редактором многочисленных книг, в том числе: «На пороге XXI века: добровольные действия и глобальная повестка дня», «Общественное самоуправление», «Развитие во имя человека» (совместно с Руди Клаусом), «Бюрократия и беднота: закрытие пропасти» (отредактирована совместно с Филиппом Альфонсо). Все они опубликованы издательством «Кумариан пресс». В профессиональных журналах и многочисленных изданиях общественных организаций регулярно публикуются его книги и статьи .